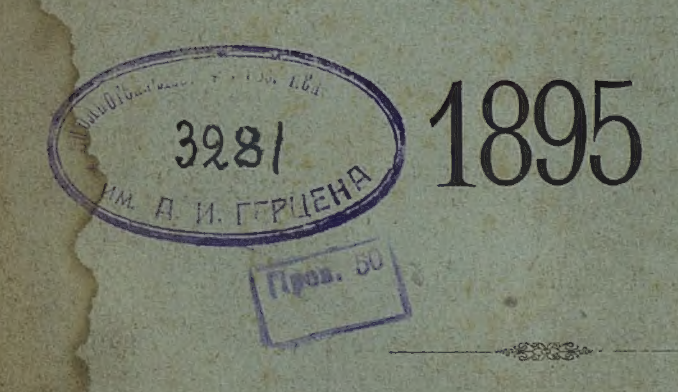
РУССКАЯ БЕСѢДА

АПРѢЛЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на 3-ей страницѣ обложки).

РУССКАЯ БЕСѢДА

АПРѢЛЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 мая 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Историческій документъ.

Книги и повременныя изданія.

Приложеніе **БЛАГОВѢСТЪ**. Мартъ и Апрѣль 1895 г.

Содержаніе: Древнехристіанскіе церковные писатели объ изученіи греческихъ классиковъ. (Окончаніе). Статья. *Е. К. Апостолиди*.

Народное хозяйство съ нравственной и правовой точекъ зрѣнія.

Опытъ первый.

(Окончаніе).

IV.

Картина существующихъ экономическихъ отношеній была бы неполна, если бы мы ограничились только отношеніями хозяевъ-предпринимателей къ рабочимъ и не коснулись другихъ дѣятелей въ общественно-хозяйственной жизни. Мы знаемъ, что не всегда капиталистъ и предприниматель соединяются въ одномъ лицѣ; иногда капиталистъ, желая пользоваться спокойною жизнью, отдаетъ другому лицу, ведущему предпріятіе, свои деньги въ заемъ изъ подъ процентовъ; тогда прибыль распадается: часть ея, называемая процентомъ, идетъ капиталисту-кредитору, а другая часть, прибыль въ тѣсномъ смыслѣ слова,—предпринимателю. Здѣсь надо различать два рода займа: заемъ производительный, т. е. отдачу капитала для такихъ затратъ, которыя увеличиваютъ богатство общества на сумму, во всякомъ случаѣ не меньшую взимаемаго процента; это главнымъ образомъ—затраты на увеличеніе основного капитала націи: на сооруженіе водопроводовъ, каналовъ, дорогъ, техническихъ улучшеній, орошеній, осушеній почвы и т. п. Вѣрный показатель подобныхъ производительныхъ займовъ, это—сохраненіе рабочей платы въ томъ предпріятіи, для котораго дѣлается заемъ, на прежнемъ уровнѣ, и пониженіе цѣнъ продуктовъ, получаемыхъ отъ предпріятія, напримѣръ, пониженіе стоимости воды въ городахъ послѣ сооруженія водопровода. Обыкновенно процентъ при подобныхъ производительныхъ займахъ—умѣренный и въ настоящее время стоитъ близко къ нормѣ *казеннаго* процента, т. е. процента по займамъ, дѣлаемымъ правительствомъ. Но есть другого рода процентъ—процентъ ростовщи-

ческій; онъ отличается не только размѣромъ взимаемаго, сколько источникомъ, изъ котораго почерпается; это—пользованіе нуждою, стѣсненными обстоятельствами, легкомысліемъ, отсутствіемъ опытности у заемщика. Ростовщикъ — тотъ же выжиматель соковъ изъ рабочей силы — непосредственно или чрэзъ посредство другого лица — предпринимателя. Ростовщикъ или отдаетъ въ заемъ мелкимъ хозяевамъ-рабочимъ жизненные припасы въ видѣ денегъ или натурою: хлѣбомъ, овсомъ; или матеріалы производства—пряжу для тканья, дерево для издѣлій и т. п., и взимаетъ отвратительный ростъ; таковъ нашъ деревенскій міроѣдъ. Есть и другой типъ процентщика, ходящаго не въ зипунѣ, а въ длинномъ или даже нѣмецкомъ сюртукѣ, кредитующій предпринимателя въ фабричномъ или заводскомъ дѣлѣ; этотъ послѣдній, на уплату первому высокаго процента, отдаетъ иногда въ его жесткія лапы всю прибавочную стоимость, выжимаемую имъ изъ рабочихъ, а самъ очень часто разоряется. Въ томъ или въ другомъ видѣ ростовщичество есть худшій видъ присвоенія прибавочной стоимости рабочаго труда. Нравственный обликъ ростовщика достаточно извѣстенъ; ростовщикъ не только глухъ къ человѣческой нуждѣ, но такъ какъ только людская нужда—источникъ его богатства, на которое онъ молится, то онъ стремится сѣять ее, гдѣ и елико возможно: „ростовщикъ хочетъ, чтобы весь міръ голодалъ и жаждалъ, погибалъ въ нищетѣ и печали, чтобы у него и только у него было все", говоритъ Лютеръ.

Другой видъ замаскированнаго присвоенія себѣ прибавочной стоимости рабочаго, это барышническая торговля. Конечно, обмѣнъ продуктовъ требуетъ особаго вида труда, и, какъ всякій трудящійся долженъ быть вознагражденъ, то и торговецъ имѣетъ право на оплату тѣхъ услугъ, которыя онъ приноситъ обществу, и подобный торговецъ-труженикъ, оплачиваемый сообразно своему труду и способности узнавать качество товара, потребность въ немъ въ той или другой мѣстности,—человѣкъ почтенный. Но не таковъ обыкновенно „Китъ Китычъ". Чтобы понять его роль въ обществѣ, надо еще разъ возвратиться къ общимъ положеніямъ экономической науки.

Выгоды раздѣленія труда въ какомъ-либо предпріятіи, напримѣръ, въ мануфактурной мастерской, блистательно были изображены еще Адамомъ Смитомъ. Но, помимо раздѣленія труда въ одномъ какомъ-либо занятіи, существуетъ общественное раздѣленіе труда: народъ въ одной области занимается земледѣліемъ, въ другой — горнымъ дѣломъ; одинъ классъ общества занятъ добывающею промышленностью: земледѣліемъ, скотоводствомъ, лѣсорубнымъ промысломъ, другой обрабатывающею: сахаровареніемъ, суконнымъ производствомъ, выдѣлкою кожъ, шитьемъ

обуви, столярнымъ ремесломъ и т. п. Гдѣ есть подобное общественное раздѣленіе труда, тамъ всегда качество труда производительнѣе вдвое, втрое, вдесятеро, и общество въ барышѣ.... впрочемъ, барышъ этотъ часто забираетъ торговецъ. Возможность обмѣнивать продукты одного рода труда на продукты другого рода—такое условіе, безъ котораго не можетъ быть этого общественнаго раздѣленія занятій и увеличенія богатства общества. Обмѣнъ обыкновенно—въ рукахъ торговцевъ; торговецъ покупаетъ вещь за 5 рублей, т. е. если предположимъ, что 1 рубль выражаетъ стоимость рабочаго дня,—покупаетъ вещь за ея дѣйствительную стоимость, но продаетъ за 10 рублей, т. е. отдаетъ стоимость пяти рабочихъ дней за стоимость десяти. Не ясно ли, что это—нѣсколько затемненное присвоеніе прибавочной стоимости рабочаго труда, присвоеніе достатка, происходящаго отъ сложнаго общественнаго сотрудничества. И главныя причины такого присвоенія ясны; хотя мы въ этомъ „опытѣ" все-таки до поры, до времени отказываемся изслѣдовать подробно вопросъ о значеніи денегъ, но въ данномъ случаѣ одна сторона ихъ значенія—очевидна. Для обмѣна, для торговли нужны деньги; потребность въ обмѣнѣ развивается все болѣе и болѣе; напрасно думаютъ, что, такъ какъ одно и тоже количество денежныхъ знаковъ можетъ совершать все большее и большее количество покупокъ и продажъ, смотря по скорости ихъ обращенія, — то съ опредѣленною суммою денегъ можно удовлетворить всѣмъ потребностямъ обмѣна въ обществѣ. Такой скорости обращенія денегъ есть предѣлъ; каждый долженъ имѣть запасъ денегъ, иначе получающій 3 тысячи въ годъ и не держащій у себя въ запасѣ постоянно около ста рублей, рискуетъ вмѣсто пятидесяти-рублеваго пальто, которому сносу нѣтъ, обходиться десятирублевыми и испытать на себѣ вѣрность поговорки: „дешево—гнило". Понятно, что торговцы, какъ обладатели денегъ по преимуществу, забираютъ излишекъ общественнаго производства не потому, чтобы деньги имѣли бы свойство сами по себѣ облегчать трудъ или родить продуктъ, а какъ монополисты, взимающіе налогъ съ общества за преимущественное обладаніе орудіями обмѣна. Кромѣ того, торговецъ-барышникъ пользуется невѣдѣніемъ членовъ общества—гдѣ и сколько труда стоитъ извѣстный продуктъ, а иногда и просто обманомъ. *Правильно организовать торговлю есть величайшая задача общества*, ибо, не говоря уже о вещественномъ убыткѣ для общества отъ неправильной организаціи ея, велико зло нравственное. Если господствующая черта въ душѣ ростовщика—черствость сердца, таковая у барышника—наклонность къ обману. Да и вообще высасываніе прибавочной стоимости труда тѣмъ или другимъ способомъ по своимъ послѣдствіямъ—нравственному паденію человѣка—ужасны. Соперничество,

при которомъ одному хорошо только тогда, когда другому дурно,—развиваетъ своекорыстіе; легкая нажива и безграничное поле для нея—алчность, корыстолюбіе; созерцаніе страданія ближняго на фабрикѣ ли,—гдѣ, напримѣръ, юныя дѣвушки, польстясь на лучшій заработокъ, усиленно заняты такою работою, что отравляются химическимъ составомъ красокъ, на заводѣ ли, гдѣ рабочій, стоя среди раскаленнаго жара и на сквозномъ вѣтру, скоро чахнетъ и умираетъ, оставляя безпомощныхъ сиротъ,—не требуетъ ли окамененія сердца хозяина? Но не всегда можно винить его одного: его сосѣдъ сбавляетъ цѣны на издѣлія того же рода, часто онъ самъ платитъ высокіе проценты—надо выѣхать на плоти и крови ближняго или погибнуть самому; „иль нѣтъ въ мірѣ виноватаго, иль мы виноваты всѣ!“ То осужденіе нашихъ имущественныхъ отношеній, которое произноситъ наша религія любви, ложится на всѣхъ насъ, имущихъ. Хотя древнехристіанская Церковь, громя, напримѣръ, взиманіе процентовъ, имѣла въ виду натуральное хозяйство, гдѣ почти не имѣли понятія о производительномъ займѣ (чего не надо забывать), но такъ какъ и въ нынѣшнемъ хозяйствѣ часто разграниченіе производительнаго кредита отъ ростовщичьяго очень трудно, то отъ осужденія Св. Церкви не вполнѣ свободны мы, всѣ, такъ или иначе участвующіе въ общемъ производствѣ своими капиталами, (чего тоже не надо забывать).

Познакомиться со взглядами Церкви на этотъ предметъ намъ необходимо и потому, что наше народное обычное право, знаніе котораго важно для дальнѣйшихъ выводовъ, сложилось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ религіознаго міровозрѣнія народа, на что до сихъ поръ мало обращалось вниманія изслѣдователями; но кромѣ того взглядъ этотъ важенъ самъ по себѣ.

Божественный Основатель нашей Церкви не имѣлъ нужды въ предшественникахъ для познанія и открытія намъ величайшихъ истинъ. Но слабое человѣчество, для посильнаго воспріятія ихъ, нуждалось въ предуготовленіи къ нимъ, и съ этой стороны можно и должно говорить о предшественникахъ Христіанства. Главнымъ предтечей Христіанства, пѣстуномъ въ предварительномъ назиданіи человѣчества, былъ Ветхій Завѣтъ (Моисей и пророки).

Взглядъ Ветхаго Завѣта на имущественныя отношенія есть предчувствіе позднѣйшаго взгляда Христіанства. Моисей, организуя хозяйсвенный бытъ своего народа, боролся съ двумя язвами натурально-хозяйственнаго быта—ростовщичествомъ и угнетеніемъ рабочаго хозяиномъ. Вотъ мѣста изъ его законодательства, относящіяся къ этому предмету: „если братъ твой обѣднѣетъ и прійдетъ въ упадокъ у тебя, то под-

держи его—пришлецъ ли онъ, или поселенецъ, чтобы онъ жилъ съ тобою; не бери отъ него роста и прибыли и бойся Бога твоего ....серебра твоего не отдавай въ ростъ ему, и хлѣба твоего не отдавай ему для прибыли“ (Левитъ гл. 25. ст. 35—37); „Не отдавай въ ростъ брату твоему ни серебра, ни хлѣба, ничего другаго, что можно отдать въ ростъ“ (Втораз. гл. 23, ст. 19). Для облегченія должниковъ установленъ былъ седьмой, юбилейный годъ, въ который заимодавецъ долженъ былъ простить долгъ ближнему своему. (Втораз. гл. 15).

Въ этотъ же юбилейный годъ рабы изъ евреевъ должны быть отпущены на волю, такъ что еврей никогда не могъ быть, если самъ не хотѣлъ, настоящимъ рабомъ, а только временнымъ наемникомъ, которому при отпускѣ должно дать: хлѣба, скота, вина, ибо „онъ въ шесть лѣтъ вдвое болѣе заработалъ противъ платы наемника“ (Тамъ же). Подобныхъ человѣчныхъ постановленій относительно ближняго много можно найти въ Моисеевомъ законодательствѣ; къ сожалѣнію яснаго понятія о томъ: „кто твой ближній“ не было до тѣхъ поръ, пока не появился отвѣтъ на этотъ вопросъ въ чудной по своей нравственной прелести притчѣ „о сострадательномъ Самарянинѣ“.

Болѣе возвышеннымъ и сердечнымъ тономъ, чѣмъ законодательство Моисея, говорятъ по этому предмету пророки. Боговдохновенный пророкъ Давидъ воспѣваетъ: „Господи! Кто обитати имать въ жилищѣ твоемъ? Кто вселится въ святую гору твою? Ходяй безъ порока и дѣлаяй правду.... иже не поноситъ языкомъ своимъ, не творитъ искреннему своему зла; *серебра своего не даетъ въ лихву* и дара на невиннаго не пріемлетъ!“ (Псаломъ 14).

Такъ глаголетъ Господь устами пророка Іезекіиля: „кто праведенъ, тотъ никого не притѣсняетъ, хищенія не производитъ, въ ростъ не даетъ и лихвы не требуетъ, отъ неправды удерживаетъ руку свою. Кто бѣднаго притѣсняетъ, въ ростъ даетъ и требуетъ лихвы, кто дѣлаетъ всѣ эти мерзости, да погибнетъ!“ (гл. 18). И устами пророка Амоса: „Слушайте вы, попирающіе бѣднаго! (превратившіе правду въ ядовитую отраву и сдѣлавшіе плоды ея горькими какъ полынь). Вы—которые говорите: вотъ скоро наступитъ жатва, чтобы намъ открыть для продажи хлѣба житницы, чтобы покупать неимущихъ за серебро и бѣдныхъ за пару обуви и продавать высѣвки изъ хлѣба“. (Гл. 8, ст. 4—6).

Если для евреевъ предшественницею Христіанства была ихъ ветхозавѣтная религія, то предшественницею его среди языческаго міра, подготовившею человѣчество къ воспринятію новаго ученія, была греческая философія—въ лицѣ Сократа, Платона и Аристотеля. Говоримъ

мы это не отъ себя, а согласно взглядамъ св. Отцевъ; они не затруднялись называть этихъ философовъ Боговдохновенными, говоря, что Божественное Слово диктовало Сократу и Платону ихъ великія истины. Послѣдній дѣйствительно доходитъ до пророческаго видѣнія въ своемъ безсмертномъ сочиненіи: „Республика". Въ ней, во 2-й книгѣ онъ, изображаетъ образъ Праведника, который „всю свою жизнь будетъ идти твердыми шагами по пути добродѣтели, несмотря на злословіе и гоненіе, которыя будутъ Его преслѣдовать всю жизнь"... затѣмъ предъ смертью „подвергнутъ Его пыткамъ, бичеванію, оковамъ и, наконецъ, распнутъ на крестѣ". Объ этихъ словахъ, писанныхъ около 350 лѣтъ до Р. Х.: можно сказать то, что Филаретъ сказалъ о 21-мъ псалмѣ Давида, „они изображаютъ событія съ такою точностью, какъ бы писаны были у самаго креста Господня". Платонъ въ 8-й книгѣ своей „Республики" рисуетъ государство, въ которомъ власть переходитъ въ руки богатыхъ плутократовъ, когда корыстолюбіе и алчность изгоняютъ болѣе благородныя страсти. Главнымъ средствомъ у этихъ „двуногихъ трутней", снабженныхъ жаломъ, для поддержанія своей власти,—ссуды подъ большой ростъ и переводъ къ себѣ имущества заемщиковъ; съ этой цѣлью они издаютъ законы, покровительствующіе свободѣ договоровъ, чтобы разорять бѣдныхъ (Oeuvres complètes de Platon. Tome septième. Traduction Dacier et Gron. Paris. 1885.). Болѣе спокойно, но также глубоко и продуманно говоритъ о всемъ злѣ барышническои торговли и ростовщичества Аристотель въ своей безсмертной „Политикѣ" (Аристотель — Политика, переводъ Скворцова. Москва. 1893 года. Книга 1 гл. IV).

Переходя къ изложенію взглядовъ Христіанской Церкви на существующія экономическія отношенія, мы не дерзаемъ передавать содержаніе словъ самого Господа; читающій Евангеліе, да разумѣетъ самъ. Но, говоря о взглядахъ древней Апостольской общины, мы замѣтимъ, что напрасно новѣйшіе коммунисты отождествляютъ ея ученіе съ своими собственными положеніями. Коммунисты признаютъ за обществомъ право взять отъ каждаго его члена продукты его труда: Христіанству чуждо это посягательство на свободу и права людей (Дѣянія св. Ап. гл. 5 ст. 4); христіанская первая община была—одна семья, а семья зиждется не на правовыхъ, а на нравственныхъ основахъ взаимной любви. Но, не отвергая ни права собственности, ни свободнаго распоряженія имъ, св. Апостолы вооружались противъ обогащенія сильнаго на счетъ слабаго: „послушайте вы, богатые", говоритъ Ап. Іаковъ; „плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ... Вотъ плата, удержанная вами у вашихъ работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіетъ,

и вопли жнецовъ дошли до слуха Господа Саваоѳа. Вы роскошествовали на землѣ и наслаждались; напитали сердца ваши, какъ бы на день закланія" (Посл. св. Іакова гл. 5). Апостолъ Павелъ для достиженія идеальной жизни выставляетъ начало, „чтобы дѣлать свое дѣло и работать собственными руками, чтобы не обременять никого" (І-е Ѳессалон. гл. 4; ІІ-е Ѳес. гл. 3). Апостолъ Іоаннъ, въ „Откровеніи"—въ сокровенныхъ образахъ предсказывая судьбы міра, рисуетъ высокопоэтическими чертами Вавилонскую блудницу, „отъ великой роскоши которой разбогатѣли купцы земные"; онъ грозитъ имъ страшнымъ часомъ, когда погибнетъ богатство ихъ, и не будетъ никто покупать у нихъ товаровъ ихъ: „товаровъ золотыхъ и серебряныхъ, и камней драгоцѣнныхъ, и жемчуга, и виссона, и всякихъ издѣлій изъ благовоннаго дерева, слоновой кости... мрамора, ѳиміана, корицы и мѵра, ладона и елея, и муки, и пшеницы, и скота, и овецъ, и *тѣлъ и душъ человѣческихъ*". (Откр. гл. 18).

На такихъ основахъ возникаетъ каноническое право; чтобы изобразить взгляды каноническаго права на экономическія отношенія надо было бы написать обширный томъ изслѣдованій. Какія высокія права и обязанности Епископа—по призрѣнію неимущихъ, нуждающихся въ работѣ, вообще въ защиту слабыхъ въ экономическомъ отношеніи! Ростовщичество, взиманіе процента вообще осуждено 44-мъ правиломъ св. Апостолъ, 17-мъ правиломъ 1-го Вселенскаго (IV в.), пятымъ правиломъ Карѳагенскаго (V ст.) и 10-мъ правиломъ Трульскаго (VII в.) соборовъ, хотя бы это ростовщичество прикрывалось участіемъ въ предпріятіяхъ (Коментаріи Зонары, Вальсамона). Св. Василій Великій даетъ совѣтъ, какъ возстановить свою добрую честь бывшему ростовщику: онъ долженъ „лихву, какъ неправильную корысть, истощить на нищихъ и впредь отъ недуга любостяжанія быть свободнымъ". Какъ Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, такъ и другіе св. Отцы, касались и другихъ темныхъ сторонъ существующихъ экономическихъ отношеній, говоря, что „предъ общимъ Отцемъ нашимъ бѣденъ только тотъ, въ комъ нѣтъ справедливости, и богатъ тотъ, кто добродѣтеленъ". (Св. Лактанцій). Почему богачи, вопреки волѣ Господа, одни присваиваютъ все богатство, не оставляя ничего бѣднымъ? спрашиваетъ св. Амвросій (De Officiis). Какъ и послѣдній, такъ и Блаженный Августинъ, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ: что—не по праву Божественному, а по праву, искусственно изобрѣтенному людьми, силу которому дали римскіе императоры. (Aug. Jn Evangelium Joannis tractatum). Эти черты каноническаго права оказали несомнѣнно вліяніе на обычное право всѣхъ христіанскихъ народовъ, особенно на обычное право Русскаго народа.

V.

Русскому народному (обычному) праву прежде всего чужды понятія личной обособленности въ хозяйственныхъ дѣлахъ; не только въ публичномъ правѣ, но и въ частномъ, личность выступаетъ не какъ единица, оторванная отъ общественнаго союза, но какъ членъ союза: семьи, общины, артели; имущественныя отношенія частныхъ лицъ опредѣляются не только въ виду ихъ личныхъ интересовъ, но въ связи съ общественною пользой; поэтому все гражданское право крестьянъ проникнуто элементомъ публичности, и частнаго права въ собственномъ смыслѣ нѣтъ. Эти характерныя черты обычнаго права ясны для всякаго, знакомаго съ изслѣдованіями въ этой области Оршанскаго, Ефименка, Пахмана и другихъ, и многочисленными изслѣдованіями о русской общинѣ. Поэтому, не прибѣгая къ подробнымъ ссылкамъ на то или другое сочиненіе, мы постараемся передать общія начала народнаго правовоззрѣнія на имущественныя отношенія.

Первый хозяйственный союзъ въ крестьянствѣ, если такъ можно выразиться—кровная артель, есть семья. Эта семья не только личный союзъ родства, но и рабочій союзъ; имущество крестьянина не есть личная его собственность, а общій хозяйственный инвентарь всей семьи, который остается въ общемъ владѣніи подъ распоряженіемъ старшаго въ родѣ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ имущество является нажитымъ не однимъ лицомъ, а плодомъ совмѣстнаго труда всего семейнаго сообщества, гдѣ даже дѣти трудятся совмѣстно съ родителями. Поэтому раздѣлъ имущества послѣ смерти хозяина не есть раздѣлъ наслѣдства, а раздѣлъ общаго заработка, при чемъ принимается во вниманіе кто участвовалъ въ наживѣ имущества, и поэтому на него имѣютъ такія-же права, какъ и родные дѣти умершаго, принятые въ домъ—зятья, пасынки, пріемыши, если они участвовали въ общемъ семейномъ трудѣ. Тотъ-же характеръ рабочаго союза, имѣетъ семья у Балканскихъ славянъ, напримѣръ: *задруга* у Сербовъ, въ которую допускаются и постороннія лица на правахъ домочадцевъ.

Болѣе обширная трудовая ассоціація есть конечно община. Мы не будемъ подробно останавливаться на общинѣ; не мало положено труда на ея изслѣдованіе, и мы съ своей стороны вложили посильную долю своего труда въ эти изслѣдованія („Русская крестьянская община въ связи съ народнымъ характеромъ".—„Русская мысль" 1881 г. №№ 2 и 3). Ограничимся теперь короткими замѣчаніями: право на землю русскіе крестьяне пріобрѣтали своимъ трудомъ. Въ Великороссіи, гдѣ, при

заселеніи этого края, крестьяне совокупными усиліями выжигали лѣса, высушивали болота, образовалось общинное владѣніе землею съ кореннымъ его признакомъ—передѣлами земли. Въ Малороссіи заимка земель происходила не съ помощью совокупныхъ, но единичныхъ усилій, поэтому образовалось подворное владѣніе. Но и на Югѣ Россіи народъ никогда не смотрѣлъ на права владѣнія отдѣльныхъ лицъ въ смыслѣ Римскаго jus utendi et abutendi (право пользоваться и злоупотреблять), въ смыслѣ безусловнаго и исключительнаго права собственности: право это должно стоять въ согласіи съ общественными интересами; на это указываетъ между прочимъ существованіе обычаевъ, по которымъ: общество пользуется запущеномъ лугомъ, необрабатываемымъ пахатнымъ участкомъ, можетъ пускать скотъ на скошенную ниву, имѣетъ свободные проѣзды, судитъ отдѣльнаго хозяина за худую изгородь усадебнаго участка, за нерадѣніе къ хлѣбопашеству. Основательные труды профессора Богишича установили, что такія-же правовыя воззрѣнія существуетъ у западныхъ, особенно югозападныхъ славянъ. Хотя въ русскомъ крестьянскомъ быту преобладаетъ натуральное хозяйство, и капиталовъ у нашихъ крестьянъ мало, но все-таки любопытно прослѣдить отношенія капитала къ труду въ общинахъ, въ которыхъ существуютъ передѣлы. Крестьянинъ можетъ вложить въ землю капиталъ въ видѣ удобренія, осушенія почвы и другихъ затратъ на улучшеніе ея; передѣлы, повидимому, имѣютъ склонность къ присвоенію обществомъ подобныхъ частныхъ капиталовъ. Но положительно доказано, что передѣлы совершаются не часто, а чрезъ нѣсколько сѣвооборотовъ, въ теченіе которыхъ трудъ и капиталъ общинника, вложенные въ землю, могутъ быть возвращены, что общины чаще передѣляютъ землю неудобряемую, нежели унавоживаемую, что передѣлы примѣняются съ особенною осторожностью къ пріусадебнымъ землямъ, на которыя положено наиболѣе труда, что наконецъ хозяева, интересы которыхъ страдаютъ вслѣдствіе передѣловъ, получаютъ вознагражденіе въ денежной или натуральной формѣ. Такимъ образомъ, по народному воззрѣнію, частный хозяинъ можетъ спокойно пользоваться доходами съ затраченнаго имъ капитала, въ видѣ естественной прибыли, даваемой, напримѣръ, затратою на улучшеніе почвы, и хотя его право на капиталъ и можетъ, въ видахъ общественной пользы, перейти къ обществу, но не иначе, какъ съ возмѣщеніемъ ему его стоимости. Тѣ же начала вѣроятно были-бы примѣнены, напримѣръ, къ заводскому зданію, построенному отдѣльнымъ хозяиномъ общинникомъ на общинной землѣ. Можно ясно видѣть разницу между воззрѣніемъ нашего народа и западноевропейскихъ соціалистовъ.

Если на развитіе общиннаго духа несомнѣнно имѣло вліяніе Христіанское ученіе съ своею проповѣдью братской любви, то еще нагляднѣе можно ощутить это вліяніе Христіанства на народныя понятія о договорныхъ отношеніяхъ. Отношенія эти обсуждаются народнымъ правомъ не съ точки зрѣнія внѣшней справедливости, т. е. незыблемости правъ, вытекающихъ изъ свободныхъ соглашеній сторонъ, а съ точки зрѣнія внутренней справедливости. На эту сторону обратилъ вниманіе еще И. В. Кирѣевскій. Крестьяне наши отвѣчали членамъ „Коммиссіи по изслѣдованію волостныхъ судовъ", что ихъ „судъ старается, чтобы никому не было обидно". Общность интересовъ, неизбѣжная при совмѣстномъ сожительствѣ въ селеніи, побуждаетъ обычное право допускать много ограниченій личной и имущественной свободы крестьянина въ интересахъ сосѣдей, всего „міра" и наконецъ въ интересахъ его самого и семьи его. Крестьяне справедливо признаютъ, что имущество у хозяина существуетъ для пропитанія и сохраненія жизни и здоровья его самого и семьи, т. е. для поддержанія необходимой для страны рабочей силы и затѣмъ для отбыванія обязанностей по отношенію къ обществу, напр. государственныхъ повинностей. Поэтому договорамъ отдѣльныхъ лицъ они придаютъ обязательную силу только въ той мѣрѣ, въ какой условія ихъ не противорѣчатъ первымъ требованіямъ; другими словами, по обычному праву, лицо можетъ свободно располагать своимъ трудомъ и имуществомъ только въ томъ случаѣ, если этимъ не нарушаются его обязанности по отношенію къ семьѣ (пропитанію ея) и къ обществу. На этомъ основаніи волостной судъ уничтожаетъ договоръ аренды въ томъ случаѣ, если договоръ этотъ невыгоденъ для отдающаго участокъ земли въ наемъ, такъ какъ онъ безъ него не можетъ пропитать семьи. Недѣйствительна далѣе продажа хлѣба, заимствованнаго продавцомъ изъ запаснаго магазина при неурожаѣ, такъ какъ заемъ этотъ дѣлается для своего употребленія, а не для перепродажи, хотя покупщикъ можетъ требовать возврата уплаченныхъ денегъ. „Нѣтъ закона, говорится въ одномъ рѣшеніи народнаго суда, по которому хозяинъ могъ бы продать послѣдній домъ.". Въ этихъ же видахъ народный судъ часто ослабляетъ послѣдствія договора: въ крестьянскомъ быту, даже при имѣніи наличныхъ средствъ у должника, взысканіе всего долга сразу можетъ повлечь за собою разореніе хозяйства его, поэтому народный судъ примѣняетъ очень широко разсрочку взысканій. Исходя изъ стремленія обсуждать имущественныя отношенія „по совѣсти", по „Божьей правдѣ", народный судъ проводитъ другое начало, неизвѣстное нашему офиціальному праву, —по которому всякій договоръ можетъ быть уничтоженъ или видоизмѣненъ въ своихъ послѣдствіяхъ судомъ по основательнымъ причинамъ,

оцѣнка коихъ принадлежитъ суду. При взысканіяхъ арендной платы, по обычаямъ крестьянъ Полтавской губерніи, наемщикъ обязанъ уплатить владѣльцу земли—крестьянину ту арендную цѣну, по которой арендуются земли въ ближайшемъ сосѣдствѣ. При обсужденіи договоровъ продажи движимаго имущества, напримѣръ скота, народный судъ обращаетъ вниманіе на то, не находился-ли покупщикъ въ заблужденіи относительно качествъ предмета,—болѣе, нежели то допускается общимъ гражданскимъ правомъ, въ разъясненіяхъ закона, преподанныхъ Правительствующимъ Сенатомъ; напримѣръ: лошадь, купленная и оказавшаяся больною, хотя-бы продавецъ не зналъ о ея болѣзни, возвращается прежнему хозяину, а покупщику возвращается цѣна, за которою онъ ее купилъ. Если купленная вещь имѣетъ не столь существенный недостатокъ, то судъ можетъ, по жалобѣ покупщика, уменьшить продажную цѣну, сообразно дѣйствительной стоимости вещи. Не любитъ нашъ русскій народъ формальнаго права, стремящагося подчинить общимъ правиламъ множество случаевъ, изъ которыхъ почти каждый представляетъ какую либо особенность; народный судъ „рѣшаетъ, глядя по человѣку и по дѣлу". Не любитъ онъ даже установленнаго закономъ Волостного Суда, гдѣ волостной писарь часто подсказываетъ положенія общаго гражданскаго права, а создалъ себѣ свой судъ, непризнаваемый закономъ, судъ сельскаго схода, которому добровольно и подчиняется. Стремленія этого суда къ естественной справедливости выражаются въ пренебреженіи его къ формальнымъ доказательствамъ; „когда дѣло извѣстно всему міру, на что доказательства?—міръ вступится за праваго". Въ дѣятельности сельскаго суда преобладаетъ стремленіе къ примиренію сторонъ; „мировая сдѣлка есть единственно нормальный исходъ процесса по понятіямъ народа", говоритъ Оршанскій. Знакомясь съ рѣшеніями народнаго суда, нельзя не удивляться количеству дѣлъ, въ которыхъ долгъ присуждается на основаніи собственныхъ сознаній отвѣтчиковъ при отсутствіи всякихъ другихъ доказательствъ. Такъ какъ приблизиться къ полной справедливости иногда нельзя, то народный судъ знаетъ своеобразное начало: „грѣхъ пополамъ", которое примѣняется, напримѣръ, къ случаямъ неумышленнаго причиненія имущественнаго вреда другому. Разграничить случайное дѣйствіе (casus), причинившее такой вредъ, отъ неосторожнаго (culpa) часто очень трудно и даже невозможно. Общіе гражданскіе суды при случайныхъ дѣйствіяхъ, причинившихъ убытки, отказываютъ во взысканіи ихъ, а присуждаютъ ихъ при неосторожныхъ дѣйствіяхъ; народный судъ примѣняетъ къ тѣмъ и другимъ начало: „грѣхъ пополамъ".

Такъ какъ допускаемая, по началамъ общаго гражданскаго права, свобода и независимость каждой отдѣльной личности въ ея имуществен-

ныхъ дѣлахъ выражается въ безграничной свободѣ соперничества (конкурренціи), убыточнаго для общаго блага и обращающагося часто въ монополію, то по понятіямъ народа, всякій промыселъ, имѣющій преобладающее значеніе въ данной мѣстности, долженъ составлять достояніе всѣхъ обывателей, занимающихся этимъ промысломъ, и при томъ въ такомъ видѣ, что они пользуются этимъ промысломъ сообща на артельныхъ началахъ. Эти начала примѣняются въ средѣ народа и къ такимъ промысламъ, которые допускаютъ не совмѣстный, а отдѣльный трудъ каждаго промышленника. Покойный Оршанскій передаетъ о существованіи слѣдующихъ обычаевъ: вольные ямщики г. Мурома и другихъ мѣстъ Владимірской губерніи составляютъ изъ себя артель; помимо общины или артели ни одинъ ямщикъ не можетъ порядиться съ пассажиромъ, иначе онъ будетъ исключенъ изъ состава артели; вступившій въ рядъ съ пассажиромъ ямщикъ долженъ предоставить предстоящую работу въ распоряженіе артели, которая вообще весь извозъ распредѣляетъ между своими членами, по небольшимъ артелямъ—по селеніямъ и мѣстностямъ. Подобная организація извозчичьяго промысла проникла въ Сибирь, гдѣ община также считала себя въ правѣ нарушать, иногда впрочемъ грубыми способами, начало свободы договоровъ ради интересовъ цѣлаго общества. Но общій гражданскій законъ относится рѣшительно враждебно къ подобнаго рода обычаямъ, что выразилось въ статьѣ 2288-й X т. 1 ч. св. зак. (изданія 1857 г.), говорящей, что „сіи злоупотребительныя очереди извоза ни подъ какимъ видомъ не должны быть допускаемы, и проѣзжающій всегда долженъ имѣть полную свободу нанимать того, кого онъ пожелаетъ.“ Вѣроятно подобные обычаи, подъ давленіемъ началъ общаго гражданскаго права, уже погибли, хотя они примѣнялись и не къ одному извозному промыслу. Еще во времена крѣпостнаго права въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Ярославской губерніи кустари столярныхъ и плотничьихъ работъ организовали трудъ слѣдующимъ образомъ: общая сходка всѣхъ селеній распредѣляетъ полученные заказы между отдѣльными общинами не по жребію, а сообразно нуждамъ въ заработкахъ; каждая потомъ община распредѣляетъ заказы и работу между своими членами. Хотя подобные обычаи существовали и не вездѣ, но въ нихъ ясно выражается свойственное нашему обычному праву живое сознаніе общности и взаимопомощи всѣхъ живущихъ въ одной мѣстности или занимающихся однимъ дѣломъ. Въ одномъ писанномъ уставѣ рыболовной артели читаемъ: „кому это (т. е. правила устава о взаимопомощи) покажется досаднымъ; но иногда можетъ случиться и самому тому отъ другихъ еще больше требовать помощи“. (Оршанскій. Изслѣдованія по русскому обычному праву. СПБ. 1879 г.).

Вообще артели существуютъ и до сихъ поръ, т. е. не только биржевыя артели, но и тѣ, которыя извѣстны еще съ древнѣйшихъ временъ и отличаются простотою строенія, патріархальностью отношеній между членами и руководствуются обычаемъ. Таковы артели: охотниковъ, рыболововъ, крючниковъ, землекоповъ и многія другія. Обыкновенно эти артели составляются на короткое время, обнимающее періодъ данныхъ работъ, и имѣютъ немного членовъ; члены обыкновенно—земляки, близко знакомы другъ съ другомъ; они выбираютъ въ старосты лицо, обладающее качествами, необходимыми для руководительства общимъ дѣломъ. Староста подчиненъ сходу артели, который можетъ его смѣнить; многія изъ этихъ артелей (охотничьихъ, бурлацкихъ, нѣкоторыхъ рыболовныхъ) дѣлятъ свой общій заработокъ поровну, такъ какъ участники дѣлаютъ на предпріятіе равные имущественные взносы, и, обладая равными силами и искусствомъ, работаютъ на артель одинаковое количество времени; но староста обыкновенно получаетъ большую часть. Есть такой способъ распредѣленія, что одна часть добычи разверстывается между членами соразмѣрно съ долею, внесенною каждымъ въ общій капиталъ, напримѣръ соразмѣрно съ частью невода, которую доставилъ каждый членъ; другая же часть добычи служитъ вознагражденіемъ членовъ за ихъ трудъ; такимъ образомъ права труда и капитала согласованы. Иныя артели ведутъ промыселъ самостоятельно, другія работаютъ на предпринимателей, которые и доставляютъ артелямъ нужный капиталъ. (А. Исаевъ. Начала Политической Экономіи. С.-Петербургъ 1894 г. стр. 162—166). Есть еще артели: биржевыя, желѣзнодорожныя, таможенныя; это выродившіеся типы русской артели; онѣ носятъ характеръ капиталистическихъ предпріятій. Онѣ по устройству своему походятъ на акціонерныя общества: имѣютъ уставы, утверждаемые нотаріальнымъ порядкомъ или административною властью, правильныя общія собранія, ревизіонныя коммиссіи. Но даже въ этихъ артеляхъ сохранились нѣкоторыя начала старыхъ товариществъ рабочихъ; такъ напримѣръ, прибыль распредѣляется не только сообразно суммѣ членскихъ взносовъ каждаго, но и соотвѣтственно съ числомъ дней, которые каждый провелъ на работѣ въ артели, т. е. признается участіе труда въ пользованіи прибылью. Вообще-же и здѣсь сказалась коренная склонность русскихъ рабочихъ—ведутъ-ли они самостоятельно промыселъ или работаютъ на предпринимателя—соединяться въ товарищества, между прочимъ для того, чтобы стоять въ отношеніи предпринимателя не разрозненными единицами, а цѣлыми группами.

Такъ—биржевыя артели, имѣющія капиталистическую окраску, пользуются наемнымъ трудомъ; но наемные рабочіе тоже соединяются въ артели. Вездѣ сказывается стремленіе Русскаго народа умѣрить, примѣне-

ніемъ началъ взаимопомощи и товарищества, суровыя послѣдствія борьбы за существованіе.

VI.

Связь между обычнымъ правомъ Русскаго народа и нѣкоторыми отдѣлами русскаго законодательства, особенно „Положеніемъ 19 февраля 1861 г.“ несомнѣнна для всякаго, знакомаго съ этимъ предметомъ. Положеніе 19 февраля вырабатывалось въ законодательныхъ сферахъ при участіи общественныхъ дѣятелей и при широкомъ обсужденіи относящихся къ этому предмету вопросовъ русскою литературою. Какъ призванные къ участію въ трудахъ Коммиссіи по составленію законовъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости общественные дѣятели, такъ и представители нѣкоторой части литературы („Русская Бесѣда“, „Современникъ“) разработали и внесли въ законодательныя работы нѣкоторыя начала обычнаго права—начала общиннаго владѣнія землею. Это всѣмъ извѣстно; но менѣе извѣстно то, что „Положеніе“, имѣя задачею—устроить бытъ не только сельскохозяйственнаго населенія, но также фабричнаго и заводскаго населенія крѣпостныхъ (на что мы обращаемъ главное вниманіе), между прочимъ, вызвало къ жизни или, правильнѣе сказать, своими законодательными опредѣленіями стремилось поддержать жизнь другого народнаго начала—начала артельнаго. Кромѣ того: чуть-ли не безпримѣрнымъ актомъ до того времени въ исторіи явились постановленія законодательства объ устройствѣ взаимныхъ отношеній между землевладѣльцами (т. е. капиталистами особаго рода) и свободными рабочими—не по началу свободнаго соглашенія сторонъ, а посредствомъ опредѣленія въ законодательномъ порядкѣ общихъ началъ таковыхъ соглашеній и проведенія ихъ въ жизнь, при участіи земскихъ силъ — „мировыхъ посредниковъ“. Въ самомъ дѣлѣ, Правительство имѣло въ виду: новый свободный рабочій классъ, получившій, сначала только въ пользованіе, земли, принадлежавшія въ собственность помѣщикамъ, и классъ помѣщиковъ; опредѣленіе ихъ взаимныхъ отношеній, т. е.: величины оброка или количества и качества издѣльныхъ работъ—Правительство никоимъ образомъ не рѣшилось оставить на произволъ свободныхъ соглашеній сильныхъ со слабыми, но въ огражденіе слабыхъ издаетъ общія законодательныя правила, а призванныя къ участію въ дѣлѣ земскія силы устанавливаютъ эти отношенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Не сказалось-ли здѣсь коренное воззрѣніе Русскаго народа на договорное начало, которое признается имъ настолько, насколько оно не идетъ въ разрѣзъ съ другимъ началомъ—началомъ общественнаго блага? Пусть говорятъ, что реформа проведена неудовлетворительно, но

все таки, совершена великая, безпримѣрная задача, и совершилъ ее Русскій Царь, опираясь на народъ, „осѣнившій себя крестнымъ знаменіемъ, призвавшій благословеніе Божіе“, и руководясь „здравымъ смысломъ“, устроившій свою жизнь на болѣе справедливыхъ отношеніяхъ, чѣмъ то было прежде. Ошибокъ въ проведеніи реформы мы не отвергаемъ; едва-ли не главною ошибкою было стремленіе законодательства и общества какъ можно скорѣе перевести крестьянъ на выкупъ и надѣлить ихъ почтеннымъ званіемъ — „крестьянъ собственниковъ“. Сначала, какъ извѣстно, крестьянамъ отводилась земля въ постоянное пользованіе, и величина арендной платы—въ видѣ оброка и издѣльной повинности, опредѣлялась соглашеніемъ сторонъ при участіи третьихъ лицъ.—мировыхъ посредниковъ, представителей земщины (хотя земскаго самоуправленія въ нынѣшнемъ видѣ не существовало еще), руководствовавшихся общими правилами, изданными на сей предметъ законодательствомъ. Сколько трудностей и препятствій побѣдили мировые посредники перваго призыва! Такъ какъ условія хозяйственной жизни съ теченіемъ времени измѣняются, то въ законѣ указанъ былъ также срокъ для нормированія снова этихъ отношеній, для „переоброчки“ (185, 186 ст. Мѣстн. Велик. Полож.). Мы думаемъ, что если бы въ законѣ, вмѣсто выкупной кредитной операціи, установлена была обязанность крестьянъ вносить ежегодно минимумъ, а въ хорошіе годы—максимумъ той суммы, которая должна была составить фондъ для выкупа земли впослѣдствіи, то дѣло поставлено было бы лучше; тогда не порвалась бы та „великая цѣпь“, связующая интересы барина и мужика, о которой говорилъ поэтъ,—уже потому, что помѣщикъ былъ бы кредиторомъ крестьянъ, а кредиторы всегда, еще по замѣчанію Ю. Цезаря, болѣе заботятся объ интересахъ должниковъ, чѣмъ сторонніе люди. Но явилась на сцену выкупная операція, сдѣлавшая крестьянъ сразу мнимыми собственниками и давшая возможность помѣщикамъ продавать свои выкупныя свидѣтельства за полцѣны (въ 60-хъ годахъ). Впрочемъ мы не настаиваемъ на безусловной вѣрности этого нашего замѣчанія.

Мѣры, принятые закономъ 19 февраля 1861 года для устройства быта сельско-хозяйственнаго населенія, т. е. крестьянъ-хлѣбопашцевъ,—достаточно извѣстны. Но этотъ законъ устраивалъ также бытъ заводскаго и фабричнаго населенія крѣпостныхъ, приписанныхъ: къ казеннымъ, къ такъ называемымъ поссессіоннымъ и частновладѣльческимъ фабрикамъ и заводамъ (поссессіонные заводы и фабрики суть тѣ, которые отдавались частнымъ лицамъ отъ казны въ постоянное пользованіе). Заводское и фабричное крѣпостное населеніе раздѣлялось на два разряда: мастеровыхъ и сельскихъ рабочихъ; тѣ и другіе имѣли тѣсную связь какъ съ

заводами или фабриками, такъ и между собою. Чтобы обрисовать себѣ картину этихъ отношеній, надо наблюдать ее въ существующихъ фабрикахъ и заводахъ, оставшихся отъ крѣпостныхъ временъ, напримѣръ Мальцовскіе заводы въ Калужской и Орловской губерніяхъ, гдѣ и мы въ настоящее время ихъ наблюдаемъ. Къ чугунно-литейному заводу, напримѣръ, принадлежатъ мастеровые; они живутъ въ избахъ деревни, близъ которой стоитъ заводъ, являются на работы и отправляютъ техническія части ея: растапливаютъ колоссальныя доменныя печи (домны), принимаютъ расплавленную массу, заливаютъ ее въ формы, эмальируютъ чугунную посуду и т. п. Сельскихъ рабочихъ, занимающихся тоже заводскою работою, на ряду съ хлѣбопашествомъ, въ $^3/_4$ раза болѣе, нежели мастеровыхъ: они копаютъ въ шахтахъ руду, возятъ ее на заводъ, рубятъ, колятъ и возятъ дрова (здѣсь чугунъ приготовляется на древесномъ углѣ), работаютъ бочки для укладки издѣлій, стружки для укупорки ихъ, перевозятъ ихъ на лошадяхъ и на баркахъ по водѣ, строятъ барки, работаютъ при ремонтѣ доменныхъ печей, приготовляютъ кирпичъ, возобновляютъ плотины и т. д. Такая же картина работъ и на другихъ заводахъ или фабрикахъ, напримѣръ на стеклянныхъ, хрустальныхъ, паровозныхъ и фаянсовыхъ.

„Положеніе 19 февраля 1861 года“ устраиваетъ бытъ этихъ рабочихъ и ихъ отношенія къ владѣльцамъ. Удачнѣе всего опредѣлены эти отношенія въ казенныхъ (гл. обр. Уральскихъ), поссессіонныхъ и частныхъ горныхъ заводахъ. Мастеровые на этихъ заводахъ, по закону, выдѣляются въ отдѣльныя общины и получаютъ, во-первыхъ, въ собственность—усадьбы на казенныхъ и поссессіонныхъ заводахъ безвозмездно, на частныхъ заводахъ за денежную повинность, съ правомъ выкупа; во-вторыхъ—покосную землю въ извѣстномъ размѣрѣ за денежную оброчную подать, съ правомъ выкупа; имъ отводятся также земли, состоящія подъ огородами, садами, коноплянниками и другими при усадьбахъ угодьями, съ правомъ общаго пользованія водопоемъ и необходимымъ выгономъ, и кромѣ того на тѣхъ казенныхъ, поссессіонныхъ и частныхъ заводахъ, гдѣ мастеровые вмѣстѣ съ заводскими работами занимались хлѣбопашествомъ и по мѣстнымъ обычаямъ въ 1861 г. пользовались участками пахатной земли, эти участки оставляются въ постоянное пользованіе ихъ за повинность. Хотя бывшимъ крѣпостнымъ рабочимъ на владѣльческихъ заводахъ, принадлежащихъ владѣльцамъ на правѣ собственности, а (отчасти и на поссессіонныхъ) усадебныя земли предоставлялись не безвозмездно, но законъ, заботясь объ участи мастеровыхъ, предоставляетъ заводчикамъ льготы и уменьшаетъ налогъ съ чугуна, оброчныя деньги съ доменныхъ и мѣдиплавильныхъ печей, если

они уступятъ эти усадьбы мастеровымъ безвозмездно. (Положенія о сельскомъ состояніи изд. 1876 г. (X). Дополнительныя правила о приписанныхъ къ част. зав. людяхъ ст. 1—16. Приложеніе къ статьѣ 1-й сихъ правилъ 1 — 2 и (XII) Положеніе о горнозаводскомъ населеніи казенныхъ заводовъ ст. 18—27).

Такимъ образомъ мастеровые обезпечиваются въ своихъ жизненныхъ потребностяхъ не только работою на заводахъ, но жильемъ, и имѣютъ возможность содержать скотъ, пользоваться своими огородными и садовыми продуктами, а на казенныхъ заводахъ даже лѣсомъ. Второй разрядъ рабочихъ—сельскихъ работниковъ—образуютъ особыя общины или общества, и имъ отводятся усадьбы, пахатныя и покосныя земли за оброчныя и издѣльныя повинности, на общемъ основаніи, съ правомъ выкупа оныхъ (Тамъ же: ст. 17—24 и 28—33).

Благодаря такому устройству быта горнозаводскихъ рабочихъ, онъ въ существенныхъ своихъ сторонахъ отличается отъ быта фабричныхъ на обыкновенныхъ нынѣшнихъ фабрикахъ, напримѣръ: на фабрикахъ Московскаго промышленнаго раіона. Горнозаводскіе рабочіе состоятъ не изъ пришлаго населенія, помѣщающагося въ казармахъ при смѣшеніи половъ и возрастовъ, а суть осѣдлое населеніе, живущее въ своихъ собственныхъ усадьбахъ, отдѣльными семьями, и такъ какъ подобные заводы возникали благодаря природнымъ условіямъ, а не были искусственно насаждаемы, какъ напримѣръ, хлопчатобумажная промышленность, для которой сырье привозится изъ-за границы, то сельскіе рабочіе на горныхъ заводахъ—естественные поставщики сырья и вспомогательныхъ для производства матеріаловъ, и находятъ въ этихъ промыслахъ подспорье къ хлѣбопашеству. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рабочіе получали земли за повинности, повинности эти, будь онѣ денежныя или натуральныя, опредѣлялись общимъ порядкомъ при участіи мировыхъ посредниковъ; даже мастеровой, если онъ не могъ вносить денежнаго оброка, могъ отбывать повинности работою на заводахъ; но эти урочные или поденные труды устанавливались по опредѣленнымъ цѣнамъ, и „жалобы работниковъ на обременительность уроковъ и дурныя условія работы разрѣшались мировымъ посредникомъ, приговоръ коего подлежалъ обжалованію на общемъ основаніи“. Хотя законодательство признавало отбываніе повинностей рабочими по отношенію къ хозяевамъ натуральнымъ трудомъ только мѣрою временною, тѣмъ не менѣе оно не затруднялось предоставить опредѣленіе цѣны рабочаго труда, на основаніи общихъ законодательныхъ началъ, мировымъ посредникамъ, т. е. какъ бы третейскимъ судьямъ между хозяевами и рабочими.

Законодательство не оставило безъ вниманія и безъ вмѣшательства общественной власти вообще договорныя отношенія рабочихъ на заводахъ къ хозяевамъ—предпринимателямъ, съ цѣлью огражденія труда отъ могущей быть несправедливости со стороны капиталистовъ; 43-я статья „Положенія о населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ“ (Пол. XII) и 39 статья „дополнительныхъ правилъ о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ людяхъ“ (Пол. X) говорятъ, что по каждому заводу должны быть составлены предварительно правила и *коренныя условія,* опредѣляющія: „порядокъ найма и увольненія рабочихъ; родъ, время и мѣсто работъ; уплату за оныя; отвѣтственность и подчиненность во время работъ; призрѣніе увѣчныхъ и прочія главныя обязательства (39-я ст.), даже число рабочихъ дней въ году и число рабочихъ часовъ въ день (ст. 43-я). Правила эти на казенныхъ горныхъ заводахъ составляются горнымъ начальствомъ, а на поссессіонныхъ и частновладѣльческихъ составленіе этихъ правилъ предоставлено самому заводоуправленію, а вводятся онѣ въ дѣйствіе по надлежащемъ разсмотрѣніи и утвержденіи Горнымъ Правленіемъ, при чемъ главныя основанія для сихъ правилъ должны быть опредѣлены въ установленномъ законодательномъ порядкѣ; возникающія же между заводовладѣльцемъ и заводскими людьми несогласія по симъ предметамъ разрѣшаются съѣздами мировыхъ посредниковъ.

Эти коренныя условія не опредѣляютъ однако цѣны рабочаго труда смотря по времени и обстоятельствамъ, какъ того можно было бы ожидать: „Правила для найма рабочихъ людей по частнымъ горнымъ заводамъ“ этого не предписываютъ, а говорятъ только: „что мастеровые и рабочіе могутъ наниматься въ заводскія работы по одиночкѣ, артелями и обществами“ (ст. 3 правилъ), т. е. допускаютъ организацію рабочихъ на общинныхъ и артельныхъ началахъ, свойственныхъ обычному праву нашего народа.

Въ отношеніи развитія этихъ началъ среди рабочихъ законъ 1861 года идетъ далѣе; онъ предписываетъ для казенныхъ заводовъ и поощряетъ для частныхъ—учрежденіе рабочихъ товариществъ: „въ видахъ упроченія связи между заводами и работающими на оныхъ людьми для поощренія сихъ послѣднихъ къ горному труду учреждаются на заводахъ *горнозаводскія товарищества,* куда вступаютъ постоянные, а не временные рабочіе, и кои имѣютъ цѣлью попеченіе о рабочихъ въ болѣзняхъ, въ старости и при домашнихъ несчастіяхъ, призрѣніе вдовъ и сиротъ, распространеніе нравственности между горнорабочимъ населеніемъ, успѣшный разборъ возникающихъ по работамъ несогласій и вообще мѣры для благосостоянія его полезныя (ст. 11 правилъ для

найма... и 55-я ст. Полож. о казен. заводахъ). Заводовладѣльцы должны оказывать членамъ этихъ товариществъ слѣдующія пособія: содержать школы, въ которыхъ дѣти рабочихъ обучаются безплатно: закону Божію, чтенію, письму и ариѳметикѣ; содержать больницы и врачей, участвовать въ составленіи вспомогательныхъ кассъ. Эти вспомогательныя кассы составляются гл. образомъ, изъ вычетовъ, отъ двухъ, не болѣе трехъ процентовъ изъ жалованья и задѣльной платы каждаго рабочаго, и взносовъ отъ завода суммы, равной итогу всѣхъ вычетовъ, поступившихъ съ рабочихъ въ теченіе года. Пособія изъ кассъ назначаются: а) самимъ членамъ товарищества—въ видѣ постоянныхъ пенсій имъ, и временныхъ пособій во время болѣзни, и другихъ случаяхъ б) вдовамъ тоже въ видѣ постоянныхъ и временныхъ пособій и в) ихъ дѣтямъ. Сдѣлавъ обязательнымъ учрежденіе такихъ товариществъ на казенныхъ заводахъ, законъ допускаетъ, что если по какимъ либо причинамъ (?) учрежденіе горнозаводскаго товарищества на частномъ заводѣ не состоится, то на заводовладѣльцѣ лежитъ лишь обязанность содержать больницы, больныхъ и увѣчныхъ.

Чрезвычайно важными мѣрами являются также мѣры по обезпеченію содержанія рабочихъ на случай закрытія заводовъ или уменьшенія ихъ дѣйствія. Заводовладѣлецъ, поставленный въ необходимость закрыть заводъ (безъ различія, принадлежитъ ли ему заводъ на правѣ полной собственности или на поссессіонномъ правѣ), о намѣреніи своемъ закрыть заводъ обязанъ предварить за годъ, какъ мирового посредника, такъ и рабочихъ мастеровыхъ, обезпечивъ сихъ послѣднихъ полнымъ на одинъ годъ запасомъ хлѣба, и обязанъ въ теченіе года или давать имъ работу или продовольствовать оказавшихся излишними мастеровыхъ безвозмездно. Затѣмъ мастеровымъ, оставшимся безъ работы, долженъ быть отведенъ надѣлъ въ высшемъ размѣрѣ безъ платежа на первые годы повинностей за него. Правительство также принимаетъ мѣры, чтобы заводъ продолжалъ свое дѣйствіе: если владѣлецъ поссессіоннаго завода не возобновитъ, по истеченіи трехъ лѣтъ по закрытіи завода, его дѣйствія, то заводъ берется въ казенное управленіе или назначается въ публичную продажу. На владѣльческихъ же заводахъ, состоящихъ на правѣ полной собственности, буде мастеровые, оставшіеся безъ работы, не могутъ получить надѣла съ вышеуказанными льготами, то принимаются мѣры къ постепенному переселенію ихъ. Всѣ изложенныя мѣры для обезпеченія работающихъ на заводахъ мастеровыхъ примѣняются и въ тѣхъ случаяхъ, когда заводчикъ предполагаетъ уменьшить заводское дѣйствіе, и отъ такого уменьшенія часть мастеровыхъ останется безъ работы (По-

ложеніе о сельск. сост. Правила объ обезпеченіи населенія на частныхъ горныхъ заводахъ ст. 3—8).

Менѣе подробны и обстоятельны правила относительно обезпеченія быта бывшихъ крѣпостныхъ фабричныхъ людей; ничего не говорится о товариществахъ рабочихъ, о коренныхъ условіяхъ найма на работы; хотя мастеровые на фабрикахъ получаютъ также надѣлъ усадебной и покосной земли—на поссессіонныхъ фабрикахъ безплатно, на частныхъ фабрикахъ, состоящихъ на правѣ полной собственности, за повинности, по соглашенію съ владѣльцами. Такъ же, какъ и относительно заводовъ, указаны мѣры къ обезпеченію мастеровыхъ, остающихся безъ работы, по случаю закрытія фабрики или уменьшенія ея дѣйствія—мѣры, сходныя съ предыдущими (Положеніе XIV. Правила объ устройствѣ фабричныхъ людей). На Мальцовскихъ заводахъ нѣкоторые заводы состояхъ на положеніи горныхъ заводовъ, другіе-же заводы и фабрики на фабричномъ положеніи. Но на тѣхъ и другихъ бытъ рабочаго населенія носитъ одинъ характеръ; покойный С. И. Мальцовъ отдалъ фабричнымъ и горнозаводскимъ мастеровымъ усадьбы и покосы безвозмездно; тѣ и другіе живутъ около заводовъ и фабрикъ въ своихъ собственныхъ избахъ, имѣютъ скотъ, огороды, составляютъ отдѣльныя общества, независимыя отъ обществъ крестьянъ (сельскихъ рабочихъ); нѣкоторые имѣютъ кассы взаимопомощи.

Нѣтъ сомнѣнія, что законодательство 19 февраля 1861 года проводило весьма важныя положенія, въ которыхъ высказывалось его стремленіе обосновать экономическія отношенія хозяевъ къ рабочимъ на началахъ возможной справедливости, обезпечить послѣднимъ ихъ жизненныя потребности, ихъ существованіе и возможность имѣть работу. Начала эти не выдержаны однако въ законодательствѣ съ строгою послѣдовательностью; мы видѣли, какъ оно недоразвило своихъ превосходныхъ положеній относительно рабочихъ товариществъ. Еще болѣе непослѣдовательность его выражается въ томъ, что опредѣляя отношенія рабочихъ-земледѣльцевъ къ хозяевамъ землевладѣльцамъ съ участіемъ законодательной и земской власти (мировыхъ посредниковъ), оно, говоря о наймѣ заводскихъ и фабричныхъ людей на фабрикахъ и заводахъ, только относительно послѣднихъ требуетъ „коренныхъ условій“ найма, не вводя однако въ оныя самаго главнаго условія—цѣны рабочей платы. Цѣну же эту легко можно было-бы нормировать: законодательство могло издать общія опредѣленія о томъ, что цѣна эта должна обезпечивать жизненныя потребности рабочихъ и сверхъ того послѣдніе получаютъ добавочное вознагражденіе соразмѣрно съ чистымъ доходомъ предпріятія; а опредѣленіе ея въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставить соглашенію сторонъ при участіи „посредниковъ“.

VII.

Надо опять начать съ того, на чемъ мы остановились послѣ 19 февраля 1861 года. Въ этотъ моментъ законодательство, между прочимъ, стремилось способствовать развитію сельскохозяйственной фабричной и заводской промышленности, установивъ отношенія труда къ капиталу на началахъ справедливости. Не та ли задача предстоитъ и настоящему времени? поднятіе народнаго благосостоянія вообще и улучшеніе быта рабочихъ въ частости возможно ли, если не будетъ обращено вниманіе на одновременное улучшеніе земледѣлія, фабричной и заводской промышленности въ томъ же духѣ и направленіи? Одно безъ другого—земледѣліе безъ обрабатывающей промышленности — поднять не мыслимо. Всякій знаетъ злобу настоящаго дня—хозяйственный кризисъ въ Россіи, вызванный перепроизводствомъ хлѣба и упадкомъ цѣнъ на него на всемірномъ рынкѣ. Министръ земледѣлія открыто высказалъ, что такъ какъ это не острое, а хроническое явленіе, то приходится уменьшить площадь запашки и часть земли обратить подъ пастбища для скота, подъ воздѣлываніе растеній для промышленныхъ цѣлей. Если такъ, то потребуется обработка этихъ растеній, напр. пеньки, льна, на мѣстѣ, въ Россіи, чтобы не быть опять въ полной зависимости отъ иностранныхъ рынковъ. Для поднятія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты вообще надо создать внутренній рынокъ, т. е. создать обезпеченный классъ не земледѣльцевъ, а лицъ, занимающихся другими промыслами. Далѣе площадь крестьянскихъ надѣловъ, приходящихся на каждую рабочую силу,—до крайности мала; это вызываетъ во первыхъ: невозможность для крестьянина обращать часть земли подъ кормовыя травы и пастбища, отсутствіе скота и удобренія, истощеніе почвы. Но если часть рабочей силы будетъ отвлечена къ другимъ промысламъ, то площадь надѣла сельскохозяйственнаго рабочаго расширится. Какъ единственную панацею противъ малоземелья у крестьянъ часто выдвигаютъ—необходимость переселенія; мы не раздѣляемъ взгляда на полную целѣсообразность переселеній, хотя не отвергаемъ этого средства въ частностяхъ: малая плотность населенія — вѣрный залогъ его отсталости въ культурномъ отношеніи, малопроизводительности труда; думаемъ, что нѣмцы рады были бы, если-бы половина русскаго населенія перебралась въ Азію. Нельзя ли помочь горю малоземелья болѣе обдуманными мѣрами, въ числѣ коихъ—развитіе обрабатывающей промышленности. Кто не знаетъ также, что крестьянинъ, работающій часто до изнеможенія силъ лѣтомъ, зимою остается безъ дѣла: скота, за которымъ, при достаточномъ его количествѣ, требуется не ма-

лый уходъ зимою, нѣтъ; фабрики — далеко, и на нихъ не всякому же даютъ заработокъ, а кустарные промыслы почти вымираютъ отъ соперничества фабрикъ. Но что же это за фабричные и заводскіе промыслы, которые не достигаютъ главной цѣли — дать рабочимъ средства жизни, да еще и убиваютъ существовавшіе до селѣ заработки рабочихъ — кустарные промыслы? отчего это происходитъ? Происходитъ это отъ того, что мы забыли начала 61-го года, стремившіяся опредѣлить отношенія капиталистовъ къ рабочимъ — на основахъ справедливости. Справедливость въ экономической жизни, между прочимъ, имѣетъ результатъ: согласіе или гармонію интересовъ, т. е. сочетаніе экономическихъ силъ согласное ихъ дѣйствіе, при которомъ силы увеличиваются въ поразительной мѣрѣ; экономическая неправда приводитъ въ столкновеніе эти силы, и ведетъ къ ихъ ослабленію и упадку. Поэтому въ народномъ хозяйствѣ: все справедливое — выгодно, а все неправое рождаетъ упадокъ общаго благосостоянія: поэтому-то и случилось, что когда послѣ 60-хъ годовъ было обращено усиленное вниманіе на развитіе крупной промышленности и не было принято соотвѣтствующихъ мѣръ къ огражденію интересовъ рабочихъ,—капиталистамъ достался огромный плюсъ, а рабочимъ минусъ. Вспомнимъ же завѣты великой эпохи нашей исторіи, воскресимъ ея начала и вызовемъ на свѣтъ ту промышленность, которая имѣлась тогда въ виду, которая приносила бы пользу также и меньшому брату, которая давала бы какъ земледѣльцу, такъ и мастеру въ обрабатывающей промышленности возможность трудиться лѣто и зиму, не изнуряя своего здоровья и добывая достатокъ! Здѣсь мы опять возвращаемся къ г-ну Струве: въ числѣ другихъ экономическихъ парадоксовъ онъ выражаетъ или правильнѣе сказать, повторяетъ чужую мысль, что государство „есть организація господства извѣстныхъ общественныхъ классовъ", т. е. капиталистовъ, и что тамъ, гдѣ существуетъ „товарное производство", государство безсильно идти противъ господствующихъ теченій этихъ классовъ, т. е. безсильно положить что либо на чашку вѣсовъ въ пользу низшихъ классовъ. (Критическія замѣтки стр. 71—72). Но мы видѣли, на сколько въ „Положеніи 19-го февраля 1861 г." правила объ обезпеченіи участи рабочихъ можно назвать „выраженіемъ господства имущественныхъ классовъ"? Остается отвѣчать на другой вопросъ: оказалось ли государство вполнѣ безсильно въ своемъ стремленіи обезпечить участь рабочихъ классовъ. По необходимости приходится прослѣдить кратко исторію хотя одного фабрично-заводскаго хозяйства, устроившагося не по обыкновенному образцу современныхъ купеческихъ фабрикъ, а по тѣмъ началамъ „Положенія", о которыхъ мы говорили. Мы имѣемъ въ виду тѣже „Мальцовскіе заводы".

Въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской, Жиздринскомъ и Мосальскомъ Калужкой и Рославльскомъ Смоленской губерніи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ существуетъ водораздѣлъ между Черноморскимъ и Каспійскимъ водными бассейнами, между притоками рѣкъ Десны и Оки, растутъ вѣковые хвойные и лиственные, такъ называемые Брянскіе или Брынскіе лѣса. Почва здѣсь скудная, часто песчаная или болотистая, на которой хлѣбъ совсѣмъ плохо родитъ, но за то природа вознаградила этотъ край другимъ; здѣсь богатые, и, кажется, неистощимые залежи чугунной или желѣзной руды, песку, годнаго для хорошаго хрусталя и стекла, глины и другихъ естественныхъ богатствъ; но главное—лѣса, которые еще и теперь сохранились въ ихъ красѣ и величіи, хотя и не во всѣхъ мѣстахъ. Природа назначила эту мѣстность для заводскаго производства, и еще давно, при крѣпостномъ правѣ, постенно возникали здѣсь чугунно-литейные заводы, а близость сплавныхъ рѣкъ, изъ которыхъ даже мелкіе притоки, протекая по лѣсной мѣстности, обильны водою,—давали возможность легче перевозить и сбывать издѣлія. „Положеніе 19 февраля“ застаетъ уже здѣсь заводское и фабричное населеніе, устраиваетъ ихъ быть, какъ выше сказано. Положеніе это имѣло цѣлью, какъ оно само выражалось „упрочить связь между населеніемъ и заводами“, обезпечить его бытъ, и дать тѣ формы, въ которыя могутъ вылиться добрыя отношенія между заводовладѣльцами и рабочими. Но, конечно, всякое благое дѣло законодательства погибнетъ, если въ него не будетъ вложенъ живой духъ, постигающій великія стремленія законодателя и проводящій ихъ въ жизнь. Таковой живой духъ воплотился въ лицѣ знаменитаго Сергѣя Ивановича Мальцова, который отдался весь дѣлу и отдалъ всѣ свои силы на служеніе меньшому брату, на предоставленіе ему возможности честно трудиться и имѣть средства къ жизни. Главный разгаръ дѣятельности С. И. Мальцова въ 60-хъ и 70-хъ годахъ послѣ освобожденія крестьянъ: онъ надѣлилъ *безмездно* мастеровыхъ усадебными и покосными землями, хотя законъ его къ этому не обязывалъ, а относительно фабричныхъ мастеровыхъ и не поощрялъ; онъ посылаетъ рабочихъ учиться заграницу и открываетъ у себя техническія школы; изыскиваетъ новыя источники производства; для этого, будучи старикомъ уже, отправляется въ Парижъ—пополнить свои знанія по химіи, слушая лекціи у профессоровъ;—и вотъ возникаютъ новые заводы, фабрики, мастерскія, и всѣ рабочія руки насыщены работою, дающею хорошій достатокъ. Между тѣмъ, какъ на обыкновенныхъ нынѣшнихъ заводахъ и фабрикахъ производство то расширяется, то съуживается, смотря по запросу на рынкѣ въ данный моментъ, и рабочіе распускаются, обреченные на безработицу и голодъ, у С. И. Мальцева этого не было; онъ держался правила, что товаръ всегда

современемъ найдетъ себѣ сбытъ, и поэтому рабочіе всегда были заняты, дѣйствіе производства никогда не сокращалось, и дѣйствительно залежалый товаръ всегда современемъ шелъ въ продажу. Всегда самъ съ своими дѣтьми—въ работѣ, спавшій иногда на шахтѣ, чуть ли не въ землянкѣ, уже старикомъ скачущій верхомъ на лошади отъ фабрики на заводъ, съ завода въ лѣсъ и т. д.—какой великій примѣръ, поощряющій населеніе къ труду! Населеніе было счастливо и сыто; праздности и тунеядства не было; во свидѣтельство призываемъ всѣхъ рабочихъ, помнящихъ дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка. Къ показаніямъ ихъ слѣдовало бы прислушаться защитникамъ теорій экономическаго матеріализма; быть можетъ они ясно бы увидѣли: насколько начала законодателя, вспомоществуемаго *нравственною силою* общественныхъ дѣятелей, могутъ измѣнить и возвысить экономическую жизнь общества. С. И. Мальцовъ—истинный сподвижникъ Александра II, благородный сынъ земли Русской. Миръ праху твоему, честный труженикъ!

Ошибки и даже личные недостатки (нѣкоторая суровость характера) не умаляютъ заслугъ покойнаго. Ошибки Мальцова сильно преувеличиваютъ и съ злорадствомъ указываютъ—какъ гуманность по отношенію къ народу приводитъ иногда къ банкротству. Но извѣстенъ ли всѣмъ тотъ фактъ, что у Мальцова было всего 4 милліона долгу въ то время, когда англичане давали ему за имѣніе 21 милліонъ рублей, и старикъ отказался отъ этой сдѣлки, боясь отдать судьбу населенія въ руки иностранцевъ?! Экономическія затрудненія Мальцова произошли отъ неумѣнія его правильно поставить финансовую сторону дѣла, отъ слабаго развитія въ то время въ Россіи текущаго оборотнаго кредита (текущихъ счетовъ, учета товарныхъ векселей) и отъ недостатка вслѣдствіе этого орудій обмѣна, о чемъ можно и должно будетъ сказать многое впослѣдствіи. Какъ бы то ни было, но Мальцовъ былъ отъ дѣла отстраненъ; дѣло попало въ руки казеннаго управленія, при которомъ долгъ возросъ до 14 милліоновъ, а потомъ въ руки конкурскаго управленія, при которомъ дѣла значительно поправились. Но и конкурское управленіе — калифъ на часъ—тоже плохой хозяинъ. Впрочемъ мы не имѣемъ цѣлью возводить обвиненія на бывшихъ хозяевъ, а поищемъ причинъ болѣе коренныхъ, которыя привели рабочее населеніе этой мѣстности въ упадокъ. Мы видѣли, что законъ 19 февраля 1861 г. принимаетъ мѣры на случай безработицы вслѣдствіе закрытія или сокращенія дѣйствія фабрикъ и заводовъ; но законъ упустилъ изъ виду возможность безработицы вслѣдствіе размноженія населенія. Если бы начала, подобныя началамъ „Положенія", развивались бы, то противъ этого *зла* были бы найдены мѣры; но умы потомъ были заняты другими вопросами. Населеніе стало

гуще, прежней работы не хватаетъ уже на всѣхъ, большая часть рабочихъ рукъ не занята, а вслѣдствіе соперничества рабочихъ цѣна за трудъ понижается: обыкновенный мастеровой получаетъ нынѣ въ среднемъ отъ 8 до 10 рублей въ мѣсяцъ, а сельскій рабочій отъ 50 до 60 копѣекъ въ день съ лошадью (!) Противъ расширенія размѣровъ производства на этихъ заводахъ приводятъ, какъ весьма вѣскій доводъ — недостатокъ даже для существующаго производства лѣсовъ; при правильной хозяйственной лѣсорубочной системѣ Мальцовскіе лѣса даютъ всего до 60-ти тысячъ кубическихъ саженей дровъ, чего не хватаетъ и для данной потребности въ топливѣ, а минеральнаго топлива вблизи нѣтъ. Но еслибы произвести техническія усовершенствованія въ печахъ, то можно было бы сократить расходъ топлива; разработывая залежи торфа, можно было бы замѣнять имъ лѣсъ, такъ что и съ существующими лѣсами, производство на всегда можно было бы сохранить въ его настоящемъ размѣрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы поискать другихъ отраслей, требующихъ менѣе топлива, и для которыхъ механическую силу можно добыть, употребляя существующія водяныя силы, обращая ихъ въ электрическую энергію, какъмы имѣли случай слышать это отъ спецалистовъ техниковъ. Для сельскихъ рабочихъ можно было бы найти многія занятія — корчеваніе пней и перегонка ихъ въ деготь, даже устройство маленькихъ химическихъ заводовъ для добыванія уксусно-кислыхъ солей, метиловаго спирта, имѣющихъ большое значеніе въ промышленности, напримѣръ, для приготовленія лаковъ; такіе заводы есть въ Костромской губ. Здѣсь, въ Мальцевскомъ имѣніи много фосфоритовъ, и при удобреніи ими почвы, она даетъ хорошіе урожаи; можно было бы развить культуру льна и пеньки (какъ это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дѣлается), и тутъ же ихъ обработывать, вмѣсто того, чтобы отправлять ихъ на Брянскую пристань и станцію. Но бывшимъ хозяевамъ до этого не было дѣла, и никакой законъ не обязывалъ ихъ заботиться о нуждахъ населенія. Не смотря однако на дѣйствительныя его нужды, все-таки отрадно видѣть это трудящееся населеніе мастеровыхъ, имѣющихъ свои усадьбы, свое небольшое хозяйство, особенно если сравнить его съ бытомъ на другихъ фабрикахъ рабочихъ, пришлыхъ издалека, скучивающихся въ казармахъ, а часто дожидающихся на открытомъ воздухѣ,—дни и ночи, пріема на работу. На фабрикахъ съ осѣдлымъ населеніемъ возможно и остается еще сдѣлать много хорошаго въ пользу рабочихъ.

Въ настоящее время Мальцовскіе заводы перешли къ „Акціонерному Обществу“. Много приходится задумываться надъ вопросомъ: пригодны-ли вообще акціонерныя общества для веденія предпріятій, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы говоримъ, т. е. имѣющихъ государственное

значеніе, какъ обезпечивающихъ нужды мѣстнаго населенія? Если въ настоящее время частный предприниматель вообще не имѣетъ прочной связи съ рабочими, причемъ уже невозможны такія явленія, какъ напримѣръ: Мальцовъ посылалъ рабочихъ учиться заграницу,—то акціонеръ не имѣетъ не только связи съ рабочими, но даже съ дѣломъ. У акціонера часто хозяйственная точка зрѣнія заслоняется другою — биржевою: лишь-бы акціи высоко стояли, лишь-бы временно поднять дивидентъ, а тамъ—и уйти по добру, по здорову. Инстинктъ населенія въ этомъ краѣ сразу отгадалъ эту природу акціонера и проявилъ опасенія, по счастью оказавшіяся мнимыми. Въ настоящее время, вслѣдствіе постройки Сибирской желѣзной дороги и подъѣздныхъ путей предъявленъ небывалый спросъ на издѣлія для желѣзныхъ дорогъ; нѣкоторыя изъ нихъ: части изъ мягкаго чугуна паровозовъ, вагоновъ. мостовъ—могутъ быть приготовляемы только на древесномъ углѣ (въ Россіи не приготовляютъ ихъ на минеральномъ топливѣ), а для вагоновъ потребенъ также товарный лѣсъ. Опасенія Мальцовскаго населенія, о которыхъ мы говорили, сводились къ тому, что новое акціонерное общество усилитъ производство этихъ издѣлій въ виду высокой цѣны на нихъ и начнетъ чрезмѣрную рубку лѣсовъ, грозящую въ будущемъ оставить населеніе безъ лѣсовъ и безъ работы, къ какому времени акціонеры успѣютъ перепродать акціи и уйти изъ дѣла. Ничего подобнаго не случилось: это шло-бы въ разрѣзъ съ лѣсоохранительными законами, хотя послѣдніе, по своей неопредѣленности, часто—обходимы. Но болѣе этого: такимъ хищническимъ пріемамъ совершенно чужды нѣкоторые акціонеры, по крови или по чувствамъ—наслѣдники дѣла С. И. Мальцева, для которыхъ близки интересы населенія. Какой, однако, составъ акціонеровъ окажется въ будущемъ, неизвѣстно; и если общество будетъ состоять только изъ людей наживы, то горе тогда краю! Для подобныхъ акціонеровъ—первое дѣло: поднять годовой дивидентъ и возвысить цѣну акцій; между тѣмъ есть производства, на которыя потребна бо́льшая затрата основнаго капитала, *соотвѣтствующая сокращенію числа рабочихъ*, но дающая огромный барышъ. Здѣсь можетъ происходить обыкновенное явленіе: переводъ оборотнаго капитала въ основной. Положимъ, что при прежнихъ способахъ и родахъ производства затрачено было въ дѣло сто тысячъ рублей; изъ нихъ 20 на основной капиталъ и 80 тысячъ на содержаніе рабочихъ (800 человѣкъ); давало это дѣло всего 10%. При новыхъ способахъ и родахъ производства въ дѣло пускается на основной капиталъ, т. е. положимъ на улучшенія машинъ, 70 тысячъ; на содержаніе рабочихъ — всего 30 тысячъ (300 человѣкъ); но такъ какъ это дѣло даетъ 50%, то пусть 500 человѣкъ остаются безъ ра-

боты! Можно спросить: отчего-же акціонеры не дадутъ работы и остальнымъ, т. е. оставивъ 300 человѣкъ работать въ предпріятіи, которое даетъ 50%, они не займутъ оставшихся безъ работы какимъ либо другимъ дѣломъ, хотя-бы дающимъ всего отъ 5 до 10%, капиталъ-бы все таки окупился. Но вѣдь это потребуетъ расширенія производства, такъ какъ надо пустить въ дѣло новые 50 тысячъ рублей, ибо прежній капиталъ занятъ: 70 тысячъ на машины, 30 тысячъ на содержаніе рабочихъ. Увеличить же размѣръ капитала можно или посредствомъ выпуска облигацій, которыя по закону подлежатъ преимущественному удовлетворенію, что будетъ понижать цѣну акцій, или обративъ на него часть дивидента, т. е. уменьшить годовой доходъ и опять таки понизить цѣну акцій; для биржевика и то и другое — невыгодно. Въ тѣхъ-же цѣляхъ для него невыгодно обращать часть чистаго дохода на капитальный ремонтъ сооруженій, а лучше все оставлять сшитымъ на живую нитку; а о такихъ пустякахъ, какъ развитіе сельскаго хозяйства и скотоводства, по малодоходности этихъ отраслей хозяйства, нечего и думать. Не ясно-ли, что при существующихъ отношеніяхъ между хозяевами (особенно акціонерами) и рабочимъ населеніемъ, цѣна за трудъ должна падать, (если только этого не сдержитъ доброе чувство акціонеровъ), работа сокращаться, населеніе разоряться. Есть о чемъ подумать, когда вопросъ идетъ о судьбѣ четверти-милліоннаго населенія, какъ на Мальцовскихъ заводахъ.

VIII.

Намъ предстоитъ сдѣлать окончательные выводы и отвѣчать на поставленный вопросъ: въ какихъ законодательныхъ мѣрахъ можетъ выразиться дѣятельность государственной власти въ Россіи относительно улучшенія быта рабочаго населенія, преимущественно фабричнаго и заводскаго, и устроенія отношеній его къ капиталистамъ на болѣе правильныхъ и справедливыхъ началахъ, чѣмъ какія существовали донынѣ? Само собою разумѣется, что вопросъ этотъ чрезвычайно трудный и отвѣтить на него во всѣхъ подробностяхъ можетъ только сама жизнь: только постепенно накопляющіеся опыты могутъ освѣтить со всѣхъ сторонъ пригодность или цѣлесообразность тѣхъ или другихъ мѣръ во всѣхъ ихъ практически осуществимыхъ чертахъ. Задача мысли, задача литературы, задача настоящей статьи: указать общее направленіе, которое можетъ принять законодательная дѣятельность по этому предмету. Съ другой стороны теоретическая мысль, несущая свою посильную помощь законодательной власти, уясняя общія черты подобнаго направленія, не должна, какъ

говорится, витать въ облакахъ: не должна предлагать мѣръ, выведенныхъ изъ однихъ теоретическихъ построеній и умозаключеній. Она должна быть реальна, она должна держаться историческаго метода и черпать свои выводы изъ жизненныхъ условій народнохозяйственнаго быта, изъ тѣхъ зародышныхъ формъ его, которыя, при надлежащемъ развитіи ихъ, обѣщаютъ стать широко-вѣтвистыми и плодоносными. Особенно, если эти зачаточные ростки вошли въ существующее законодательство и уже дали ему извѣстное направленіе; теоретической мысли, разъ она находитъ это направленіе жизненнымъ, остается развивать его и дѣлать изъ него дальнѣйшіе выводы. Краеугольный камень нашего нынѣшняго общественнаго и экономическаго быта—„Положеніе 19 февраля 1861 года“—проникнуто стремленіемъ создать осѣдлое фабричное и заводское населеніе съ усадьбами, самостоятельнымъ домашнимъ хозяйствомъ, съ прочными общинными и семейными связями. Мы совѣтуемъ продолжать идти въ этомъ направленіи и заботиться не о привитіи искуственной промышленности, подобно хлопчато-бумажной, для которой сырье привозится изъ дальнихъ странъ и на обработку котораго призывается сбродъ съ разныхъ концовъ Земли Русской, порывающій связь съ семьями, съ сельскимъ хозяйствомъ и другими почвенными условіями. Обработка естественныхъ произведеній самой Россіи должна быть основною чертою нашей фабричной и заводской промышленности, и таковой характеръ ея самъ собою предполагаетъ возможность осѣдлаго и постояннаго фабричнаго и заводскаго неселенія. Укажемъ для примѣра на суконое, полотнянное, пенькопрядильное и пенькоткацкое производства. Овцеводство особенно сильно развито на югѣ Россіи: въ Новороссіи, Донской землѣ, Бессарабіи, но обработки шерсти въ пряжу и сукно на мѣстѣ нѣтъ; большое количество ея вывозится за границу (въ 1891 г. 2,063,000 пудовъ, въ 1891 г. 1,450,000 пудовъ), часть обрабатывается на фабрикахъ Московскаго и Польскаго районовъ. Извѣстно, что успѣхъ обрабатывающей промышленности въ данной мѣстности обусловливается, во-первыхъ, близостью полученія сырья, во-вторыхъ, близостью топлива или другаго источника механической силы. На югѣ Россіи—масса каменнаго угля и подъ бокомъ—шерсть, между тѣмъ послѣдняя путешествуетъ въ Московскій округъ, гдѣ топливо стало такъ дорого, куда привозъ топлива и сырья ложатся бременемъ на издержки производства; мудрено-ли, что наши суконныя фабрики идутъ плохо? На международномъ рынкѣ льна и пеньки Россія занимаетъ первое мѣсто: за десятилѣтіе 1881—1890 г. изъ Россіи вывозилось въ среднемъ почти по 11 милліоновъ пудовъ льняного волокна въ годъ, по 3½ милліоновъ пудовъ пеньки. (А. Фортунатовъ. Сельско-

хозяйственная статистика Евр. Россіи. Москва 1893 г. стр. 233, 234). Этотъ сырой матеріалъ находятъ возможнымъ обрабатывать заграницею и сбывать намъ въ видѣ полотна; хотя обработка его происходитъ и въ Россіи, но въ небольшомъ размѣрѣ и первобытнымъ способомъ въ видѣ кустарнаго производства, не выдерживающаго состязанія съ заграничными фабриками, напримѣръ въ Ярославской губ. Между тѣмъ ленъ можетъ съ успѣхомъ воздѣлываться и въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ недорого топливо, и въ такихъ, которыя обильны водою, могущею служить источникамъ большой механической силы при устройствѣ плотинъ и водяныхъ колесъ, напримѣръ въ Псковской губерніи. По этому поводу не лишнимъ будетъ сдѣлать одно замѣчаніе: въ фабричной промышленности прокладываетъ себѣ дорогу новый техническій способъ — обращеніе въ электрическую энергію силы пара или водяной силы и передачи ея на разстояніе. При этомъ сила можетъ быть сообщаема каждому отдѣльному станку посредствомъ проволокъ, а не посредствомъ приводныхъ ремней: въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности располагать станки въ одномъ большомъ корпусѣ, а можно помѣщать ихъ въ отдѣльныхъ мастерскихъ, какъ это уже и теперь примѣняется съ выгодою на желѣзнодѣлательныхъ заводахъ, и даже—въ избахъ; кромѣ того при этомъ способѣ можно пользоваться въ громадныхъ размѣрахъ водяною силою, сохраняя топливо. Этотъ новый техническій способъ производства даетъ надежду, что современемъ можно будетъ соединить всѣ выгоды крупнаго фабричнаго производства съ выгодами кустарно-домашняго. Такимъ образомъ экономическія условія Россіи даютъ основы успѣшнаго и целесообразнаго развитія фабричной и заводской промышленности для обработки естественныхъ произведеній земли кореннымъ и осѣдлымъ ея населеніемъ, и законодательство можетъ принять мѣры въ этомъ направленіи.

Другой вопросъ: гдѣ тѣ учрежденія, которыя приводили бы эти мѣры въ дѣйствіе на мѣстѣ, проводили ихъ въ жизнь? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ само существующее законодательство и существующая жизнь: земскія учрежденія по закону призваны заботиться объ экономическомъ благосостояніи края, и въ этомъ направленіи уже потрудились не мало. Сначала Московское, а затѣмъ и другія земства сдѣлали много полезнаго для экономическаго благосостоянія населенія и съ этою цѣлью открывали при губернскихъ земскихъ управахъ экономическіе отдѣлы или экономическія бюро. Московское, напримѣръ, земство сдѣлало не мало для поощренія и развитія кустарныхъ промысловъ въ Московской губерніи: оно посылало мастеровъ учиться заграницу усовершенствованнымъ способамъ производства (плетеной мебели), снабжало кустарей кредитомъ, устроило складъ издѣлій и т. п. Однако, не стре-

милось до сихъ поръ ни одно земство къ поощренію и развитію фабричной и заводской промышленности; это весьма естественно и понятно: если вся выгода отъ подобной промышленности, въ существующемъ ея видѣ, достается въ руки немногихъ, если эта выгода немногихъ крупныхъ промышленниковъ сопряжена съ разореніемъ мелкихъ кустарей, съ образованіемъ жалкаго сброда пролетаріевъ, отрывающихся отъ домашнихъ очаговъ, отъ сельскаго хозяйства, отъ семей—кто изъ общественныхъ дѣятелей будетъ съ охотою служить подобному дѣлу? Охотно бы откликнулись земскія силы на призывъ къ подобному дѣлу, если бы оно влекло за собою не обезземеленіе и обѣдненіе низшихъ классовъ, а сохраненіе ихъ осѣдлости и улучшеніе ихъ благосостоянія; поэтому желательно предоставить земскимъ силамъ ту роль, которую онѣ уже выполнили одинъ разъ въ Русской исторіи, роль подобную функціямъ „мировыхъ посредниковъ" перваго призыва—посредниковъ между рабочимъ населеніемъ и капиталистами для устроенія экономическихъ отношеній между тѣми и другими на справедливыхъ и человѣческихъ началахъ; въ этихъ видахъ земскіе экономическіе отдѣлы должны быть вмѣстѣ и посредническими коммиссіями между работодателями и рабочими. Что проэктъ подобныхъ учрежденій—не утопія, вспомнимъ—обѣщаніе, возвѣщенное въ тронной рѣчи нынѣшняго года Англійской Королевы объ учрежденіи таковыхъ посредниковъ среди Англійскаго народа, не отличающагося, какъ извѣстно, пристрастіемъ къ утопіямъ. Экономическіе отдѣлы земствъ должны привести въ согласіе ко взаимной пользѣ, не только интересы рабочихъ и капиталистовъ, но всѣхъ трехъ основныхъ классовъ общества: землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ. Тяжело положеніе нашихъ землевладѣльцевъ: ихъ задолженность банкамъ, частнымъ лицамъ, низкія цѣны на хлѣбъ дѣлаютъ положеніе ихъ безысходнымъ; все указываетъ на необходимость перейти къ другимъ способамъ хозяйства, къ сокращенію запашекъ подъ хлѣба и къ культурѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, служащихъ сырьемъ обрабатывающей промышленности. Для поощренія послѣдней мы до сихъ поръ ничего не придумали, кромѣ покровительственной таможенной системы; между тѣмъ, помимо этой отрицательной мѣры, необходимы положительныя: развитіе духа предпріимчивости, правильнаго приложенія капиталовъ къ дѣлу и поднятіе техническихъ способностей рабочаго, которое обусловливается улучшеніемъ его благосостоянія. Что касается до развитія духа предпріимчивости, то мы когда-то въ упомянутой уже нашей статьѣ о русской общинѣ высказывали мысль, что русскій человѣкъ, дѣйствуя въ одиночку,—слабъ, вялъ и нерѣшителенъ; дѣйствуя въ союзѣ—могучъ и дѣятеленъ. Отъ этой мысли мы не отказы-

васмся и теперь: такія общественныя единицы, какъ земства, могутъ однѣ пробудить духъ инициативы, предпріимчивости и дѣятельности въ промышленности. Невѣрно говорятъ, что Россія страдаетъ отсутствіемъ капиталовъ: денежные капиталы накопляются все болѣе и болѣе: объ этомъ свидѣтельствуетъ обиліе вкладовъ въ банкахъ, ссудо-сберегательныхъ кассахъ, пониженіе ими процента на принимаемые вклады. Денежныхъ капиталовъ всегда и съ избыткомъ было бы достаточно для развитія промышленности въ данный моментъ, а развивающаяся промышленность создавала бы новые капиталы и новое ихъ примѣненіе. Бѣда въ томъ, что у насъ нѣтъ надлежащаго примѣненія капиталовъ: государственный и коммерческіе банки кредитуютъ крупныхъ капиталистовъ; кредитъ личный, основанный на довѣріи къ способностямъ и честности предпринимателя, отсутствуетъ: но какое широкое поле открылось бы для примѣненія подобнаго благотворнаго кредита если бы возникли предпріятія при участіи и подъ контролемъ общественной власти въ лицѣ земскихъ учрежденій! Существующее законодательство допускаетъ учрежденіе „обществъ взаимнаго кредита уѣздныхъ земствъ"; нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ съ большимъ успѣхомъ и даже ко благу мѣстнаго крестьянскаго населенія, напримѣръ банкъ Сумскаго уѣзднаго земства. Необходимо расширить операціи земскихъ банковъ въ видахъ поощренія и развитія фабричной и заводской промышленности на новыхъ началахъ и съ этою цѣлью надѣлить ихъ новыми правами. Такъ какъ для этой цѣли потребенъ кредитъ для пріобрѣтенія основного капитала: на сооруженіе зданій, машинъ, аппаратовъ, механизмовъ и т. п., то необходимо предоставить банкамъ право выпуска облигацій съ постепеннымъ ихъ погашеніемъ и съ ипотечнымъ обезпеченіемъ ихъ этими цѣнностями, т. е. вышеупомянутымъ основнымъ капиталомъ. Потребностямъ же новыхъ хозяйственныхъ единицъ въ оборотномъ капиталѣ земскіе банки могутъ удовлетворять обыкновенными операціями учета векселей, открытія специальныхъ текущихъ счетовъ. Эта область—организація народнаго кредита не входитъ собствено въ задачу настоящей статьи; она будетъ подробно изслѣдована въ послѣдующей нашей работѣ. Цѣль же настоящаго опыта —выясненіе тѣхъ началъ, на которыхъ правильно и разумно могутъ быть построены отношенія между предпринимателями и рабочими, безъ чего всякая забота о расширеніи промышленности, организаціи кредита, явилась бы безполезной для народнаго благосостоянія. Вотъ почему мы и упоминаемъ объ этой экономической силѣ, т. е. кредитѣ, на столько, на сколько она можетъ стать могущественнымъ орудіемъ для построенія подобныхъ отношеній; въ настоящее время государственный банкъ поддерживаетъ

коммерческіе банки, которые кредитуютъ крупныхъ капиталистовъ, предписывать которымъ условія пользованія капиталомъ невозможно; но земскіе банки, получая надлежащую поддержку отъ государственнаго, могли бы приглашать болѣе мелкихъ и дѣятельныхъ капиталистовъ къ образованію промышленно-торговыхъ товариществъ для веденія предпріятій и кредитовать ихъ подъ условіями наблюденія за предпріятіемъ со стороны государственныхъ и земскихъ властей и соблюденія извѣстныхъ правилъ, въ видахъ огражденія интересовъ рабочихъ классовъ. При недостаткѣ въ извѣстной мѣстности подобныхъ небольшихъ, но надежныхъ капиталистовъ, земства могли бы приглашать, въ качествѣ хозяевъ предпріятій,—образованныхъ технологовъ, механиковъ, инженеровъ, сельскихъ хозяевъ, снабжая ихъ капиталами, необходимыми для предпріятій; подобныхъ лицъ свободныхъ профессій, даже остающихся въ настоящее время безъ дѣла, въ Россіи много по причинѣ слабаго развитія промышленности, такъ-что и съ этой стороны приходится признать перепроизводство интеллигенціи, въ сущности, однако, мнимое. При организаціи экономическихъ отношеній на новыхъ началахъ можно итти двумя путями: во-первыхъ, обратиться къ существующимъ хозяйственнымъ единицамъ и издать для членовъ оныхъ обязательныя постановленія; но подобныя мѣропріятія, построенныя на однѣхъ теоретическихъ началахъ, не провѣренныя жизненнымъ опытомъ, рискуютъ оказаться непрактичными и даже несправедливыми. Разумнѣе другой путь: приступить къ организаціи новыхъ хозяйственныхъ единицъ, въ которыхъ хозяева предпріятій, становящіеся таковыми только благодаря поддержкѣ общественной власти, добровольно подчинятся новымъ началамъ экономической жизни; а потомъ уже, когда эти начала будутъ провѣрены и испытаны—примѣнить ихъ и къ старымъ хозяйственнымъ единицамъ, т. е. существующимъ уже фабрикамъ и заводамъ.

Приглашенныя „экономическими отдѣлами“ земствъ, въ качествѣ хозяевъ предпріятій, лица должны устраивать фабрики или заводы для обработки мѣстныхъ произведеній земли, напримѣръ льна, пеньки—въ пряжу, а затѣмъ въ полотна и пеньковыя матеріи. Для этого имъ нужно будетъ снимать въ аренду землю у мѣстныхъ землевладѣльцовъ и вступать въ соглашеніе съ однимъ или нѣсколькими крестьянскими обществами. Существующіе гражданскіе законы (1693 ст. X т. 1 ч. св. зак.) дозволяетъ отдавать земли, оставшіяся за надѣломъ крестьянъ, въ аренду на 36 лѣтъ, при чемъ, по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената, не запрещается включать въ арендные договоры условія о возобновленіи договора аренды, по окончаніи его срока, на тѣхъ же началахъ. Такимъ образомъ можетъ получиться прочное и продолжитель-

ное владѣніе, необходимое для успѣха предпріятія; но при этомъ желательно, чтобы въ условія объ арендѣ, помимо арендной платы, было включаемо право землевладѣльца на извѣстное участіе, опредѣленное въ процентахъ, въ чистой прибыли предпріятія. Подобное право землевладѣльцевъ должно имѣть важныя нравственныя послѣдствія: они становятся участниками предпріятій и заинтересованными въ ихъ успѣхѣ; а такъ какъ въ земскихъ учрежденіяхъ главный контингентъ представителей суть землевладѣльцы, то они въ „экономическихъ отдѣлахъ", должны будутъ дѣйствовать энергично относительно принятія общихъ мѣръ для успѣшнаго хода предпріятій (напр. для организаціи сбыта, кредита). Кромѣ того, такъ какъ ихъ участіе въ выгодахъ предпріятія будетъ опредѣлено на продолжительное время извѣстною нормою, то они могутъ исполнять роль безпристрастныхъ посредниковъ между хозяевами предпріятій, капиталистами, и рабочими. Въ договорныхъ отношеніяхъ хозяевъ-предпринимателей съ обществами крестьянъ необходимо сохранить общинныя и артельныя начала русской народной экономической жизни: хозяева предпріятій вступаютъ въ договоръ съ цѣлыми общинами (одной или нѣсколькими, смотря по размѣрамъ производства), которыя выдѣляютъ изъ себя опредѣленное число рабочихъ-мастеровыхъ для исполненія техническихъ работъ на фабрикѣ или заводѣ, а остальныя лица обязуются производить сельскія работы для культивированія, положимъ, льна или конопли на арендуемой землѣ, для унавоживанія ея, для сооруженія и ремонта плотинъ, возки матеріаловъ и издѣлій и проч. По этимъ договорамъ хозяева-предприниматели, частью съ помощью собственныхъ капиталовъ, частью посредствомъ открываемаго имъ кредита, обязуются соорудить фабричное или заводское зданіе, снабдить его механизмами и аппаратами, употреблять мѣстное сырье для обработки, а при недостаткѣ его, пріобрѣтать таковое покупкою, сбывать издѣлія, пріобрѣсти для сельскихъ рабочихъ живой и мертвый инвентарь; если по условіямъ производства мастеровые должны жить вблизи фабрики или завода въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, то предприниматель долженъ принять обязательство выстроить и предоставить мастеровымъ для этой цѣли помѣщенія съ усадьбами. Общія начала этихъ отношеній могутъ быть выражены въ особыхъ *уставныхъ договорахъ*, составляемыхъ при участіи земскихъ посредническихъ коммиссій, подобно тому, какъ были составляемы „уставныя грамоты" между помѣщиками и крестьянами.

Опредѣленіе болѣе подробныхъ взаимныхъ отношеній между предпринимателями и рабочими, съ одной стороны, нельзя предоставить на произволъ ихъ взаимныхъ соглашеній, но съ другой стороны, нельзя

изложить въ „уставныхъ договорахъ“, нормирующихъ права и обязанности сторонъ на довольно продолжительное время; такого рода постановленія, какъ, напримѣръ, опредѣленіе величины рабочей платы, должны быть составлены на болѣе короткій срокъ, напримѣръ, на одинъ или два года, такъ какъ величина эта должна находиться въ зависимости отъ измѣняющихся обстоятельствъ, какъ то: цѣнъ на жизненные продукты, на вырабатываемыя издѣлія. Поэтому всѣ подробности взаимныхъ отношеній могутъ быть опредѣлены въ особыхъ актахъ, составляемыхъ по указанію закона при участіи земскихъ посредниковъ, и которые удобно назвать *„коренными условіями“*. Хотя эти условія составляются на опредѣленное время, по истеченіи котораго онѣ должны быть возобновляемы съ дополненіями или измѣненіями, но при возобновленіи ихъ — буде не послѣдуетъ взаимныхъ соглашеній сторонъ — по всѣмъ вопросамъ рѣшающій голосъ долженъ принадлежать посредникамъ, которые также являются и третейскими судьями при разборѣ споровъ и жалобъ между предпринимателями и рабочими. Въ коренныхъ условіяхъ опредѣляются: обыкновенный нормальный процентъ на капиталъ, вносимый предпринимателемъ въ дѣло или взятый имъ въ ссуду для дѣла; вознагражденіе предпринимателей за трудъ, въ видѣ жалованья, и величина рабочей платы мастеровыхъ и сельскихъ рабочихъ въ видѣ поштучной или поденной платы, которая должна во всякомъ случаѣ обезпечивать жизненныя потребности рабочихъ, ибо если предпріятіе не можетъ давать обезпеченія этихъ потребностей и нормальнаго процента на капиталъ, то оно должно быть признано убыточнымъ и немогущимъ продолжать своего существованія. Но если предпріятіе даетъ сверхъ этого прибыль, то она распредѣляется между предпринимателемъ и рабочими; распредѣленіе это будетъ зависѣть отъ разныхъ условій мѣста и времени, но во всякомъ случаѣ принимается въ расчетъ жалованье предпринимателю и сумма процентовъ, подлежащая уплатѣ на его капиталъ, съ одной стороны, и итогъ всѣхъ платежей, производимыхъ рабочимъ, въ видѣ рабочей платы; съ другой; раздѣленіе прибыли соразмѣрно той и другой величинѣ представлялось бы наиболѣе справедливымъ. Такъ какъ рабочіе должны явиться въ этомъ видѣ участниками предпріятія, то это общее дѣло, хотя ведется предпринимателемъ, но—при извѣстномъ участіи представителей рабочихъ и подъ наблюденіемъ земскихъ экономическихъ отдѣловъ. Весьма необходимымъ кореннымъ условіемъ слѣдуетъ помѣстить обязательство предпринимателя: при усовершенствованіяхъ въ пріемахъ производства, если тотъ же размѣръ производства потребуетъ меньшаго противъ прежняго количества рабочихъ рукъ — остающимся рабочимъ дать дѣло въ той же отрасли производства или въ иной, такъ какъ,

если бы для этой цѣли потребовалось увеличеніе капитала, предпринимателю открывается новый кредитъ. Кромѣ того, въ „коренныхъ условіяхъ“ опредѣляются количество рабочихъ дней, рабочихъ часовъ, штрафы за нерадѣніе, организація рабочихъ товариществъ для цѣлей, указанныхъ въ „Положеніи 19 февраля 1861 г.“ для „горнозаводскихъ товариществъ“, и другія условія.

Итти далѣе въ очертаніи подробностей организаціи возможныхъ будущихъ экономическихъ отношеній нѣтъ надобности; тѣмъ болѣе, что и такая общая обрисовка ихъ вызоветъ возраженія и вопросы, на которые предварительно придется отвѣтить. Одно изъ такихъ возраженій мы предвидимъ, а именно, что рабочіе, обезпеченные работою и хорошею платою, не станутъ охотно трудиться; но мы думаемъ, что побужденіемъ къ усердію въ дѣлѣ будетъ несомнѣнно ихъ участіе въ прибыляхъ. Если при этомъ предпринимателю будетъ предоставлено право увеличивать рабочую плату лучшимъ мастерамъ, и лучшій мастеръ, разъ его дурно оплачиваютъ, можетъ увольняться изъ общества и найти работу на сторонѣ, то и у предпринимателя и у общества рабочихъ будутъ побужденія, для успѣшнаго хода предпріятія, соразмѣрить плату отдѣльнымъ личностямъ съ ихъ особеннымъ усердіемъ и способностями. Вообще на подобные вопросы: какъ сочетать начала справедливости и требованія практической пользы, — можетъ, какъ мы сказали, отвѣтить только сама жизнь. Провѣренныя жизненнымъ опытомъ начала новой организаціи хозяйственныхъ единицъ могутъ быть выработаны въ видѣ стройной системы практически осуществимыхъ, полезныхъ и справедливыхъ положеній, которыя государственная власть можетъ издать въ видѣ обязательныхъ постановленій и для существующихъ фабрикъ и заводовъ съ осѣдлымъ населеніемъ, подобнымъ Мальцовскимъ, и провести ихъ въ жизнь съ помощью тѣхъ же земскихъ силъ. Тогда будетъ видно, какія мѣры надо принять относительно фабрикъ и заводовъ съ пришлымъ населеніемъ; мы думаемъ, что если новыя формы экономической жизни привьются и окрѣпнутъ, этотъ послѣдній видъ промышленности будетъ осужденъ самою жизнью на вымираніе; рано или поздно правительство и общество убѣдятся въ нецѣлесообразности покровительства подобнаго рода искусственно созданной, благодаря таможенной пошлинѣ, промышленности; отнимется у нея эта броня, подъ прикрытіемъ которой она только и выросла, и ея не станетъ и никто о ней особенно не пожалѣетъ. Предлагаемыя нами мѣры вызовутъ, конечно, не у всѣхъ сочувствіе; многіе найдутъ ихъ палліативами, направленными къ тому же къ улучшенію быта немногочисленнаго фабричнаго и заводскаго населенія, тогда какъ въ Россіи главная суть въ улучшеніи быта сельско-хозяйственныхъ

рабочихъ. Но мы еще разъ обращаемъ вниманіе на то, что подобное развитіе и организація обрабатывающей промышленности будетъ имѣть прямымъ послѣдствіемъ улучшеніе быта всѣхъ сельскихъ рабочихъ; не только фабричные и заводскіе мастеровые могутъ имѣть обезпеченные заработки, но и для сельскихъ рабочихъ расширится площадь ихъ собственныхъ надѣловъ и они найдутъ подспорныя къ хлѣбопашеству занятія; вообще тѣсная связь между развитіемъ и улучшеніемъ сельскаго хозяйства и обрабатывающей промышленности довольно хорошо доказана и наукою и жизнью. Кромѣ того, какъ ни палліятивны съ перваго раза кажутся предлагаемыя нами мѣры, онѣ носятъ въ себѣ задатки для разрѣшенія въ будущемъ такъ называемаго „соціальнаго вопроса“ — въ корнѣ, безъ всякихъ потрясеній, несправедливостей и насилій. Если рабочая плата будетъ обезпечивать жизненныя потребности рабочихъ, а участіе ихъ въ прибыляхъ предпріятія дастъ имъ возможность дѣлать сбереженія; если въ „уставныхъ договорахъ“ будетъ помѣщено право рабочихъ вносить свои сбереженія въ то дѣло, участниками котораго они являются, и по мѣрѣ этихъ взносовъ участіе ихъ въ дѣлѣ будетъ расширяться, а капиталистовъ уменьшаться, то рабочіе въ будущемъ могутъ стать самостоятельными хозяевами предпріятій при полной оплатѣ ими ихъ стоимости, т. е. стоимости зданій, машинъ и даже земель. Это право — подобное праву выкупа бывшими крѣпостными ихъ надѣловъ. Рабочіе, сдѣлавшись такимъ образомъ собственниками основного капитала, при дальнѣйшемъ развитіи знаній, будутъ удовлетворять потребностямъ въ техническихъ улучшеніяхъ изъ своихъ собственныхъ сбереженій, не прибѣгая къ займамъ подъ проценты; процентъ на основной капиталъ не будетъ имѣть уже болѣе мѣста, такъ какъ онъ сольется съ платою за трудъ. Тѣмъ болѣе онъ сольется съ платою за трудъ въ операціяхъ съ оборотнымъ капиталомъ, если разовьются и покроютъ цѣлою сѣтью страну новыя хозяйственныя группы, которыя будутъ поддерживать другъ съ другомъ связь и взаимное довѣріе и снабжать другъ друга оборотными капиталами. Подъ именемъ оборотнаго капитала, какъ мы знаемъ, разумѣютъ: средства содержанія рабочаго, т. е. пищу, одежду, обувь; сырье и вспомогательныя средства производства — топливо, освѣщеніе и пр.; словомъ: *всякій продуктъ* для производителя есть продажный товаръ, а для покупателя *капиталъ*. При нынѣшнемъ строѣ всякій, для пріобрѣтенія этого оборотнаго капитала, нуждается въ деньгахъ, а при неимѣніи ихъ уступаетъ прибыль денежному капиталисту; при правильно организованномъ обмѣнѣ, съ помощью взаимнаго довѣрія, каждая хозяйственная единица доставляла бы свои продукты, какъ оборотный капиталъ, другимъ и получала бы на

такую же сумму оборотнаго капитала отъ другихъ; если бы она производила и отдавала другимъ своихъ продуктовъ, положимъ, на 3 т. рублей, а сама потребляла на 3 тысячи, то здѣсь бы происходилъ взаимный зачетъ процента или правильнѣе сказать: ему не было бы мѣста.

Если непозволительно предаваться несбыточнымъ мечтамъ о водвореніи въ экономической жизни безусловнаго равенства, въ которомъ между прочимъ нѣтъ никакой и надобности, то съ другой стороны никогда не нужно забывать того конечнаго идеала, къ которому должно стремиться человѣчество, направляемое мудрыми мѣропріятіями государственной и общественной властей, просвѣщенныхъ свѣтомъ христіанской истины. Идеалъ этотъ—тотъ, что каждый человѣкъ долженъ быть всесторонен, прилагать къ дѣлу свои тѣлесныя и духовныя силы, трудиться и имѣть необходимыя условія труда, въ видѣ потребнаго для его работы капитала: праздности и тунеядству не должно быть мѣста! Цѣль настоящей работы, въ числѣ другихъ—напомнить этотъ идеалъ, дать надежду на возможность его осуществленія, и такъ какъ надежда даетъ силу, то пробудить въ добрыхъ элементахъ общества желаніе, въ союзѣ и подъ руководствомъ государственной власти итти къ нему навстрѣчу. Идеалъ этотъ начертанъ Самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, Который не считалъ униженіемъ для Себя быть труженикомъ-плотникомъ (Марка гл. 6, ст. 3), будучи величайшимъ дѣятелемъ въ умственной и вообще духовной области. Послѣдуемъ же за Нимъ, согрѣтые Его теплымъ словомъ любви, призывающимъ всѣхъ трудящихся и обремененныхъ, дабы успокоить ихъ, и приглашающимъ насъ взять на себя Его иго, которое — благо, и бремя Его, которое легко! (Матѳ. гл. 11, ст. 28—29).

К. Ф. Одарченко.

Въ мартовской книжкѣ «Русской Бесѣды» въ статьѣ К. Ф. Одарченка, на стр. 24 напечатано: «паровыя машины давали до 1,500 лошадиныхъ силъ», а слѣдуетъ читать: «паровыя машины давали до 30,000 и водяныя колеса до 1,500 лошадиныхъ силъ».

ПАНФА.

(Разсказъ).

— Няня, смотри-ка, Панфа тоже вышелъ на улицу!

Мальчикъ лѣтъ семи, голубоглазый, въ крытомъ полушубчикѣ, опоясанномъ краснымъ шарфомъ, въ темныхъ валенкахъ и сѣрой смушковой шапкѣ, надѣтой поверхъ чепчика, дернулъ немолодую, чернавую женщину за руку и указалъ на подворотню, гдѣ, прижавшись къ высокой тумбѣ, стоялъ Панфа.

Это былъ мальчикъ годомъ моложе, бойкій и смышленный не по лѣтамъ, съ живыми, черными глазами, казавшимися больше оттого, что лицо его было худощаво и блѣдно. Одѣтъ онъ былъ совсѣмъ не по зимнему въ „пальто", перешитое изъ старой материной кофты и чуть подбитое ватой, которая высовывалась кое гдѣ изъ прорѣхъ, и тоненькіе тифтиковые штанишки, спускавшіеся на большіе, не по росту, рваные ботинки.

Но у него былъ новый картузъ съ кожанымъ, лакированнымъ козырькомъ. Панфа безпрестанно передвигалъ картузъ съ одного уха на другое, снималъ, любовался имъ гладя козырекъ и очень бы желалъ, чтобы кто нибудь спросилъ его про картузъ.

Однако никому не было дѣла ни до Панфы ни до его обновки. Люди шли по панели въ одну и другую сторону и никто ни разу не остановился, никто не спросилъ: „эге, мальчикъ, никакъ у тебя новый картузъ", и это огорчало Панфу.

Къ воротамъ подошелъ съ корзиной на головѣ мальчикъ изъ мясной, взглянулъ на Панфу, провелъ рукою по его головѣ и сбросилъ картузъ на землю.

— Ишь чортъ какой! обругался Панфа, поднимая картузъ и обтирая краешки рукавомъ.

Мясникъ захохоталъ и, обернувшись, погрозилъ ему кулакомъ.

— Право, дьяволъ! ругался Панфа, смотря во слѣдъ озорнику, — я тебѣ дамъ клочку! Узнаешь!

Но въ эту минуту къ своимъ холоднымъ, грязнымъ и заскорузлымъ рукамъ онъ ощутилъ прикосновеніе чьихъ то теплыхъ, мягкихъ рукъ, обернулся и увидѣлъ мальчика въ полушубчикѣ.

— А, Сережа! сказалъ онъ, относясь нѣсколько покровительственно къ слабенькому, какъ былинка, „барину“,—гулять вышелъ?

— Да! Пойдемъ съ нами?

Панфа лукаво улыбнулся про себя, потомъ искоса посмотрѣлъ на чернавую женщину, разговаривавшую съ швейцаромъ, старымъ, угрюмымъ человѣкомъ изъ отставныхъ солдатъ, и спросилъ:

— Куда?

— Въ садъ.

— Ну ужъ! недовольно протянулъ Панфа.

Онъ не любилъ садовъ. Такихъ, какъ онъ, лѣтомъ сторожа не пускали вовсе за то, что Панфа и его товарищи не гуляли чинно, взявшись за руки, не играли въ мячъ и лошадки, а затѣвали игру въ „казаки-разбойники“ кончавшуюся, обыкновенно, дракой или бѣгали по травѣ, лазали на деревья, на рѣшотку, кидались пескомъ,—словомъ нарушали порядокъ. Зимой, когда входъ разрѣшался всѣмъ — въ садахъ нечего было дѣлать.

— Ну, тогда такъ... по улицѣ? нерѣшительно предложилъ Сережа,—няня позволитъ... я попрошу.

— Не хочу! съ гордостью отвергъ его предложеніе Панфа, снялъ фуражку и принялся проводить рукою по козырьку.

— Няня позволитъ! повторилъ Сережа,—няня, Панфа можетъ итти съ нами?

Занятая разговоромъ, чернавая женщина не отвѣчала.

Сережа рѣшительно потянулъ за рукавъ Панфу и сказалъ:

— Пойдемъ! Можно!

— Н-е... не пойду! отвѣчалъ тотъ,—а мнѣ мама новый картузъ купила! Вонъ какой! Козырекъ то какой... настоящій!

Сережа отнесся къ обновкѣ равнодушно. Онъ тоже погладилъ козырекъ, но сдѣлалъ это не изъ собственнаго желанія, а какъ бы снисходя къ Панфѣ, и когда чернавая женщина, кончивъ разговоръ съ швейцаромъ, взяла его за руку,—безропотно позволилъ себя увести.

II.

Панфа долго и задумчиво смотрѣлъ имъ во слѣдъ, такъ долго, какъ позволялъ ему его ростъ и пока сновавшіе по панели прохожіе не скрыли изъ его глазъ Сережу съ нянькой.

Тогда онъ вдругъ оживился, что то громко засвисталъ, сталъ прыгать съ ноги на ногу, схватилъ приткнутый къ стѣнѣ дворниками счищавшими снѣгъ—скребокъ, и началъ усердно скрести панель.

— Балуй! Вотъ я тебя! крикнулъ на него дворникъ, ломомъ скалывавшій подъ воротами грязный, обтаявшій снѣгъ,—пропасти на васъ нѣтъ!

И такъ какъ Панфа, не обращая вниманія на окрикъ, продолжалъ возить скребкомъ по панели, дворникъ крикнулъ громче:

— Тебѣ говорятъ брось! Уши нарву!

Угроза подѣйствовала: Панфа не бросилъ скребка, а отнесъ его къ стѣнѣ и поставилъ какъ онъ стоялъ раньше, потомъ спряталъ обѣ нахолодѣвшія руки въ рукава, соединивъ ихъ такъ, чтобы не попалъ воздухъ и руки бы согрѣлись, и медленно побрелъ во дворъ.

Онъ еще не вышелъ изъ подъ воротъ, какъ услышалъ позади себя стукъ колесъ, оглянулся и увидѣлъ дядю Харлампія, сидѣвшаго на козлахъ своей крытой пролетки. Въ одно мгновеніе Панфа бросился навстрѣчу и ловко вскочилъ на подножку. Внутри уже сидѣли двое мальчиковъ съ этого же двора: Васька 10 лѣтъ и Петрушка восьми. Они сидѣли „какъ господа“, откинувшись на спинку и болтая ногами въ дырявыхъ сапожонкахъ.

— Куда ты, куда! крикнулъ Васька,—Безрукій, не пускай!

Петрушка, у котораго одна рука была высохши какъ палка, другою, здоровою хотѣлъ столкнуть съ подножки Панфу, но не осилилъ и Панфа преспокойно помѣстился рядомъ.

Въ пролетку заглянуло, суровое лицо Харлампія.

— Ну вы! сиплымъ басомъ промолвилъ, онъ,—смотрите, не драться!

Безрукій исподтишка поталкивалъ Панфу здоровой рукою, но когда дрожки стали въѣзжать во второй дворъ мальчики помирились и соединенными усиліями отбивались отъ цѣлой кучки ребятъ, наровившихъ попасть въ пролетку. Въ этой кучкѣ были дѣти разныхъ возрастовъ и обоихъ половъ; дѣвчонки, нѣкоторыя съ грудными дѣтьми на рукахъ, бѣжали съ боковъ и сзади, хватались за подножки и рессоры и кричали:

— Дядя Харлампій прокати! Дядя прокати насъ!

Харлампій, сидя на своемъ возвышеніи, покачивалъ головой, оглядывался на бѣгущихъ и ухмылялся. Онъ хотя и былъ женатъ, но дѣтьми Богъ его не благословилъ, и, какъ всѣ бездѣтные пожилые люди, любилъ ребятишекъ всѣхъ вообще, не отдавая преимущества никому, просто потому, что они ребятишки и должны считаться лучше взрослыхъ.

Лошадь въѣхала во второй дворъ и колеса дрожекъ мягко зашуршали по снѣгу, котораго здѣсь было еще много. Самый дворъ былъ больше перваго и,—такъ какъ снѣгъ былъ не изъѣзженъ, мѣстами лежалъ нетронутыми пластами,—казался чище. Прямо отъ воротъ тянулась высокая, длинная полѣнница хорошихъ березовыхъ дровъ, тутъ же стояли розвальни безъ оглобель и крѣпкая, хорошо сдѣланная телѣга съ ушедшими по ступицу въ снѣгъ колесами. Съ обоихъ боковъ шли жилые флигели.

Харлампій повернулъ направо и остановилъ лошадь у самыхъ оконъ подвала. Затѣмъ онъ не торопясь слѣзъ съ облучка, подтянулъ кафтанъ у живота, разнуздалъ лошадь и, доставши изъ подъ сидѣнья торбу съ овсомъ, сталъ навѣшивать торбу на голову лошади.

Гнѣдой, сытый меринъ, лѣвымъ глазомъ покосился на Харлампія и дернулъ мордой кверху. Харлампій промахнулся, не надѣлъ торбы.

— Играй! крикнулъ онъ такимъ-же тономъ, какимъ раньше говорилъ съ дѣтьми и, приподнявшись на цыпочки, накинулъ торбу. Гнѣдой перебросилъ торбу на конецъ оглобли, уткнулся въ нее по самые глаза и сталъ беззвучно жевать, пошевеливая то однимъ, то другимъ ухомъ.

Связавъ концы возжей и закинувъ ихъ на спину лошади, чтобы дѣти не баловались, Харлампій постоялъ немного, посмотрѣлъ на переднюю ось и медленно, переваливаясь, потому что былъ тяжелъ и неловокъ на ходу, пошелъ къ флигелю.

III.

Нѣкоторое время внутри дрожекъ подъ поднятымъ верхомъ было тихо. Тѣ, которые попали туда, боялись Харлампія и его короткой расправы, почему, не смотря на тѣсноту и неудобство не рѣшались поднимать свары,—болѣе робкіе, стоявшіе у дрожекъ, въ томъ числѣ дѣвочки, не смѣли просить Харлампія чтобы онъ ихъ пустилъ посидѣть.

Но какъ только широкая фигура извозчика скрылась за угломъ, въ самихъ дрожкахъ и около нихъ поднялась возня, послышались крики и даже слезы. Стоявшіе полѣзли на подножки, но изъ внутренности дрожекъ показались дѣтскіе кулачки и принялись отталкиваться.

— Пустите насъ! Мы тоже хотимъ! кричали нападавшіе,—ишь вы какіе! Насидѣлись!..

— Ладно, хороши и такъ! кричалъ Васька,—Панфа, не пускай!

— Ишь ты! Какой такой фонъ-баронъ! А вотъ влѣзу! рѣшительно заявила прачкина дочь Дунька,—дѣвочка лѣтъ восьми, и вскочила на подножку и, держась за облучокъ, старалась протискаться.

— Я тебѣ влѣзу! кричалъ Васька, изо всѣхъ силъ толкая ее кулакомъ въ грудь.

— Ой, братцы сжали! Моченьки нѣтъ! тоненькимъ голоскомъ взвизгнулъ безрукій.

— Вали, вали! хоромъ закричали съ другой стороны дрожекъ два мальчугана и дѣвчонка и всѣ бросились къ подножкѣ.

Но эту сторону защищалъ Панфа, пуская въ ходъ кулаки и даже ноги въ большихъ рваныхъ ботинкахъ.

— Панфа, вылѣзай! Ты и такъ отъ самыхъ воротъ ѣхалъ! Дай хоть чуточку посидѣть!

— Ладно! Харлампій то нашъ. Въ нашу квартиру ѣздитъ! отвѣчалъ Панфа.

Съ обѣихъ сторонъ дрожекъ нападеніе было отражено. Одна дѣвочка, самая маленькая, получивъ ударъ ногою въ грудь отошла къ сторонкѣ и плакала, закрывая лицо рукавомъ и все-таки съ вниманіемъ слѣдя за исходомъ борьбы.

И нападавшіе и защищавшіе устали. На минуту все стихло; дрожки перестали покачиваться. Гнѣдой невозмутимо жевалъ овесъ; отъ его горячаго дыханія на торбѣ образовалось большое, мокрое пятно.

Видя, что силой не возьмешь, дѣти перешли къ просьбѣ:

— Вася, голубчикъ, пусти посидѣть! Чуточку, одну минутку! первая взмолилась Дунька.

Сидѣвшіе въ дрожкахъ начали шептаться.

— И такъ тѣсно, отвѣчалъ Васька.

— Ну кто нибудь пусть выйдетъ? Я на минутку! Только Ваню потѣшить.

— Я выйду, неожиданно заявилъ Безрукій,—тѣсно! Вспотѣлъ! А потомъ опять сяду.

— Ну да, потомъ сядешь! обрадовалась Дунька, подхватила стоявшаго въ сторонкѣ закутаннаго въ платокъ трехлѣтняго братишку и съ нимъ бросилась къ дрожкамъ.

Безрукій вылѣзъ и сталъ разминаться.

Дунька вскочила на подножку и скрылась внутри дрожекъ.

Остальныя дѣти, видя, что имъ все равно не попасть,—стали расходиться.

— Я тебѣ припомню, погоди! угрожалъ Безрукому одинъ мальчуганъ,—будешь ужо санокъ просить!

— Ладно, ладно! отвѣчалъ Безрукій,—и безъ твоихъ санокъ обойдемся!

Опять настала тишина. Сидѣвшіе на дрожкахъ Васька, Панфа, Дунька съ братишкомъ и еще двое мальчиковъ, которымъ не было мѣста на сидѣньи и они примостились въ ногахъ,—начали разговаривать.

— Дрожки важнецкіе! сказалъ Васька,—гляди-ко,—все новое! Чисто!

— А сколько стоютъ? спросила Дунька.

— Сколько! Тысячу рублей стоютъ! замѣтилъ Панфа.

— Это Харлампьины?

— Ну, вотъ! Развѣ Харлампій хозяинъ? отвѣчалъ Васька,—онъ въ работникахъ.

— А кто евоный хозяинъ?

— Кто! Купецъ,—вотъ кто.

— И лошадь хозяйская?

— И лошадь! Лошадь то, можетъ сколько стоитъ!

— Гнѣдая! съ восхищеньемъ воскликнулъ одинъ изъ сидѣвшихъ въ ногахъ,—эхъ, на такой бы лошади прокатиться!

— Она тебя прокатитъ! Дастъ задомъ—прямо въ зубы!

— Какъ же, дастъ! Она смирная!

— Смирная, пока ѣстъ!

— Возжи синія, новыя! воскликнулъ тотъ, который восхищался лошадью.

— А зачѣмъ онъ на спину ей закинулъ, возжи то? спросилъ другой, сидѣвшій ниже въ ногахъ.

— Чтобы не баловались! съ убѣжденіемъ отвѣчалъ Васька, потому сидѣть,—сиди сколько хочешь, а не балуйся!

— А я бы что сдѣлалъ! сказалъ Панфа.

— А что? спросила Дунька.

— Дворникъ только не пуститъ...

— А что? допытывалась Дунька.

— Харлампій ежели увидитъ, не дастъ!

— Поѣхалъ бы? догадался Васька.

— Поѣхалъ! съ увлеченіемъ подтвердилъ Панфа,—я бы сейчасъ торбу снялъ, зануздалъ бы, сѣлъ на облучокъ да за ворота, а тамъ по улицѣ ши-и-бко, ши-и-бко бы покатилъ!

— А тебя городовой бы поймалъ!

— Да въ участокъ! прибавила Дунька.

— За то прокатился бы!

— Ну, валяй! съ восхищеньемъ воскликнулъ сидѣвшій въ ногахъ, вскочилъ и началъ дѣлать усилія покачнуть дрожки.

— Не трошь! строго прикрикнулъ Васька,—изъ-за тебя, паршиваго, всѣмъ попадетъ! Не трошь, говорятъ!

— Ишь ты... какой приказчикъ! смущенно пробормоталъ тотъ и сѣлъ на подножку, свѣсивъ ноги,—такъ и испугался тебя, какъ же! Пойду вотъ скажу Анисьѣ, кто логушку разбилъ! Твоихъ рукъ дѣло!

IV.

Дворъ стали затягивать сумерки. На полѣнницѣ, подъ свисшими пластами снѣга легли лиловыя тѣни. Во флигелѣ зажглись огоньки и ихъ красноватый отблескъ падалъ на снѣгъ. Освѣтились и подвальныя окна у самыхъ лошадиныхъ ногъ и тогда мальчику, сидѣвшему на подножкѣ дрожекъ стало видно все, что происходитъ въ подвалѣ. Тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ, горѣла лампочка, отъ которой видна была только верхняя, сколотая часть стекла. Около лампы стоялъ маленькій, грязный самоваришка и тутъ же торчали два лица: Харлампія и его жены,— блѣдной, пожилой женщины въ ситцевомъ, головномъ платкѣ. Харлампій пилъ чай, поднося его ко рту въ блюдечкѣ на растопыренныхъ пальцахъ правой руки, а лѣвой прикусывалъ сахаръ и расправлялъ усы безпрестанно попадавшіе въ чай,—жена его, Маланья, все раскрывала ротъ, должно быть говорила, покачивала головой, поднимала кверху сухую, черную руку и притрогивалась ею къ плечу мужа.

Вдругъ у самыхъ дрожекъ послышался тонкій голосъ Сережи. Онъ возвращался съ гулянья и завидя дрожки, подбѣжалъ.

— Сережа лѣзь къ намъ! пригласилъ Панфа, — у насъ тутъ хорошо!

Сережа нерѣшительно поднялся на подножку и оглянулся. Присутствіе чернавой женщины смущало его.

Въ первомъ этажѣ стукнула форточка, открылась, и голосъ Сережиной мамы крикнулъ:

— Прасковья, посади его!

Сережа оглянулся, увидѣлъ худощавое, доброе лицо мамы и улыбнулся.

— Да тутъ некуда, барыня! Вишь набились! отвѣчала нянька и стала гнать ребятишекъ.

Но тѣ не уходили.

— Развѣ на козлы? пробормотала про себя Прасковья и высоко поднявъ Сережу и посадивъ на облучекъ придержала его.

Сережа сидѣлъ и оглядывался, счастливо улыбаясь. Въ первый разъ въ жизни онъ сидѣлъ на настоящемъ облучкѣ и настоящихъ дрожкахъ.

Для полнаго удовольствія недоставало только вожжей и чтобы лошадь не стояла, а двигалась. Но онъ и этимъ былъ доволенъ. Онъ видѣлъ, какъ кивала ему мама сквозь запыленное окно кухни, и чувство гордости и хвастливаго молодечества спирало ему дыханіе. Онъ даже не ощущалъ какъ отъ подогнувшейся подъ него полы полушубчика становилось больно сидѣть.

Панфа порядкомъ прозябъ въ своемъ легкомъ пальто и разорванныхъ ботинкахъ. Сперва онъ пожималъ плечами, стучалъ ногой объ ногу, но эти движенія не согрѣвали его; онъ сползъ съ дрожекъ и заглянулъ въ окно подвала, гдѣ всё еще стоялъ самоваръ и торчали лица Харлампія и его жены.

Онъ хотѣлъ узнать не пьетъ ли извощикъ водку. Этого онъ боялся пуще всего.

Харлампій, когда начиналъ пить водку, то пилъ основательно; сороковки ему было мало, онъ пилъ двѣ, прихватывалъ иногда и изъ третьей, и, напившись, начиналъ войну съ Маланьей. Маланья и такъ ни въ чемъ ему не уступала, но когда Харлампій былъ трезвъ, онъ сносилъ женину журьбу и придирки, пьяный-же начиналъ драться, и тогда за одно, попадало всѣмъ, не исключая матери Панфы, Лукерьи, у которой Маланья снимала комнату. Въ квартирѣ не было мужчинъ, поэтому никто не могъ удержать такого какъ Харлампій здоровеннаго мужика, — Савелій Мироновичъ — маленькій, щупленькій старичокъ промышлявшій когда яблоками, когда папиросами которые продавалъ съ лотка,—въ счетъ не шелъ, считаясь хуже всякой бабы.

Сегодня, однако, Харлампій водки не пилъ, а пробавлялся чаемъ. Когда пришелъ Панфа, Маланья наливала мужу шестой стаканъ совершенно жидкаго чая.

Харлампій распарился, разоболокся, даже растегнулъ воротъ рубахи и въ треугольное отверстіе виднѣлась его могучая, голая грудь, поросшая черными волосами.

Маланья, по обыкновенію журила его разными пустыми, бабьими приговорами, но замѣтно было, сквозь весь этотъ бабій вздоръ, что она мужа любитъ, и гордится тѣмъ, что у нея есть мужъ, да не какой нибудь, а именно такой, какого еще поискать да и поискать.

— Валенки то отдалъ обсоюзить, аль нѣтъ? спрашивала Маланья.

Харлампій отгрызъ отъ куска сахара маленькую долю, отпилъ изъ блюдечка и посмотрѣлъ въ окно.

Свѣтъ отъ лампочки черезъ окно падалъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ гнѣдой, какъ разъ на его переднія ноги, Харлампій видѣлъ щетки и копыта коня и горсть просыпаннаго на затоптанный снѣгъ овса. „Ишь

шельмецъ, просыпалъ таки", подумалъ извощикъ про гнѣдого,—неладовая скотина".

— Валенки то, отдалъ, что-ль? повторила Маланья.

— Чего ихъ отдавать! Совсѣмъ худы! отвѣчалъ Харлампій, наливая въ блюдце изъ чашки съ синими букетами вокругъ.

— Нешто и починить нельзя? Возьми мои коли что, а мнѣ свои привези! Я въ худыхъ прохожу!

— Ладно!

— Чего ладно! Зазнобишь ноги то! Вонъ морозы какіе стоятъ!

— Недолго имъ стоять-то! Будетъ! отвѣчалъ Харлампій на движеніе Маланьи къ чайнику,—нагрѣлся!

— Пей еще! Чаю осталось!

— Не хочу!

Харлампій опрокинулъ чашку на блюдечко вверхъ дномъ, всталъ съ табуретки и принялся не спѣша оболокаться.

— Ты у хозяина то возьми безпремѣнно! Небось зажитое! говорила Маланья, подавая мужу сперва кафтанъ, потомъ поясъ.

— Что-жъ что зажитое! Попробуй, возьми! Выискалась какая!

— Не я у него въ работникахъ! Я бы свое добыла, небось!

— Языкомъ?

Застегивая поясъ, подтягивая его у живота и оправляясь, Харлампій насмѣшливо взглянулъ на жену.

— А хошь бы языкомъ! Ужь я бы ему зудила, зудила, небось всё бы отдалъ.

— Больно ловка! покачалъ головой Харлампій, тебѣ въ извощикахъ быть, а мнѣ на печи лежать.

— Когда я на печи лежу? Посмотри-ка руки! День-деньской маюсь по стиркамъ! У тебя не належишь на печи-то, небось!

Харлампій махнулъ рукой,—дескать не стоитъ съ бабой связываться, взялъ шапку и вышелъ за порогъ.

— Вонъ у меня какой извощикъ! сказалъ онъ увидя сидѣвшаго на козлахъ Сережу,—ай да, извощикъ! Что-же, поѣдемъ, что ли, баринъ?

Сережа крѣпко уцѣпился за рукавъ Прасковьи.

— Онъ боится! сказала она и, снявши мальчика съ облучка, поставила на снѣгъ.

— Чего меня бояться! сказалъ Харлампій, снимая съ гнѣдого на половину опорожненную торбу,—меня нечего бояться,—продолжалъ онъ пряча торбу подъ кожанную подушку козелъ и подходя къ лошади,—я дѣтей люблю,—своихъ нѣтъ, а люблю!

Онъ взнуздалъ лошадь, расправилъ вожжи и заглянувъ во внутрь дрожекъ и увидя ихъ полными ребятишекъ, влѣзъ на козлы.

— Что-жъ, баринъ, не ѣдешь, не хочешь? сказалъ онъ Сережѣ,— ну, прощай, счастливо оставаться!

Онъ притронулся рукою до шапки, чмокнулъ на лошадь и шагомъ поѣхалъ со двора.

Сережа долго смотрѣлъ ему въ слѣдъ.

V.

— Мама! сказалъ Панфа входя въ темную каморку, гдѣ на кровати неясной тѣнью обрисовалась сидѣвшая пригорюнившись Лукерья,— дай поѣсть.

— Чего я тебѣ дамъ? недовольнымъ тономъ отвѣчала мать.

— Что—нпчто!

— Вонъ, хлѣбай щи, отъ обѣда остались!

— А рыбки нѣтъ?

— Какой тебѣ еще рыбки! Давѣ всю съѣли.

— Ну, давай щей!

— Возьми самъ въ печкѣ, въ чугунчикѣ.

Панфа пошелъ на кухню, а Лукерья осталась на кровати.

Каждый разъ, когда въ квартирѣ появлялся Харлампій, Лукерья садилась куда нибудь въ уголокъ или забиралась на кровать и, черезъ тонкую переборку, прислушивалась къ разговорамъ мужа съ женою, стараясь не пропустить ни одного слова.

Лукерья была еще не старая женщина,—лѣтъ 35, но уже шесть лѣтъ какъ жила безъ мужа, т. е. со времени Панфы. Мужъ ея былъ человѣкъ неудачный, постоянно мотавшійся безъ мѣста, а если и попадалось какое мѣсто, то долго на немъ не уживался. Все было не по немъ, все ему не нравилось, всегда онъ испытывалъ обиды и притѣсненія. И чего, чего только онъ ни перепробовалъ! Былъ онъ кондукторомъ на желѣзной дорогѣ, разсыльнымъ при типографіи, посыльнымъ, газетчикомъ, пробовалъ и торговлей заниматься, но все у него какъ то не ладилось, и кончилъ онъ тѣмъ, что пропалъ безъ вѣсти.

Лукерья осталась одна съ двумя дѣтьми: дѣвочкой 12 лѣтъ и Панфой. Дѣвочку она отдала въ работницы на пуговичную фабрику и очень была довольна, что Сонька зарабатывала 25 коп. въ сутки, но все таки бабѣ приходилось туго. И въ томъ, что ей приходилось иногда трудно—она винила пропавшаго мужа.— „Все таки мужикъ, говорила она,—онъ всегда гдѣ ни гдѣ достанетъ, а гдѣ я достану? Какой бабій

заработокъ! Вонъ, Маланья, живетъ—не тужитъ! У ней мужъ добытчикъ!“

И, не смотря на то, что Маланья вмѣстѣ съ ней ходила въ поденщину стирать, она ей завидовала, будучи убѣждена, что у жилицы кое-что припрятано на черный день. Кромѣ того, Харлампій иногда подъ веселую руку дарилъ Маланьѣ платокъ, или дутыя серги новаго золота и Лукерья, сидя въ своей темной каморкѣ, и прислушиваясь къ разговорамъ за стѣнкой, припоминала, что былъ когда то и у ней мужъ, который тоже иной разъ одаривалъ ее.

„Было и быльемъ поросло! думала она, скорбно покачивая головой,—„живи какъ знаешь. День да ночь—сутки прочь! Все къ смерти ближе!“

Панфа досталъ изъ печки чугунчикъ съ остатками щей, добылъ ложку и принялся хлѣбать, но жирные щи ему что-то не понравились, и хлебнувъ двѣ-три ложки, онъ отставилъ отъ себя чугунчикъ.

— Я мама спать пойду! сказалъ онъ, появляясь въ каморкѣ.

— Ступай, сынокъ, ступай! Что больно рано? Али назябся на дворѣ-то?

Панфа ничего не отвѣтилъ, и, раздѣвшись, полѣзъ на свою койку съ сѣнничкомъ.

Койка была приткнута къ углу каморки къ самой печкѣ и когда, какъ сегодня, печка была натоплена, спать было очень жарко.

Панфа долго ворочался на койкѣ, припоминая новый картузъ, Сережу, Харлампія и его гнѣдого, думалъ о томъ, какъ завтра станетъ кататься съ Васькой на салазкахъ, и, разметавшись, сбивъ въ ноги ветошку, замѣнявшую одѣяло, успокоился наконецъ тяжелымъ сномъ.

Сонька пришла съ работы, похлебала тѣхъ же щей и легла на сундукъ, какъ была, въ грязномъ, ситцевомъ платьѣ и драныхъ полусапожкахъ на высокихъ каблукахъ.

Лукерья долго еще сидѣла при жестяной ламночкѣ, ковыряла иглой, починяя кое-какую рухлядь изъ бѣлья и, сжавъ губы, покачивая головой, думала о пропавшемъ мужѣ и о томъ, какая она безсчастная, безталанная, а все таки честная, соблюдающая себя женщина, о которой никто не смѣетъ ничего дурного сказать.

Маланья же, проводивъ Харлампія и запершись у себя въ комнатѣ, раскрыла сундукъ, что то долго въ немъ копошилась, что-то перекладывала и припрятывала все время шепча: „Господи Іисусе Христе, Матушка Царица Небесная!“ и кончивъ копошиться и звонко щелкнувъ замкомъ сундука легла спать и тотчасъ крѣпко заснула.

V.

Утромъ Панфа всталъ, чувствуя тяжесть во всемъ тѣлѣ и ломоту въ ногахъ, но онъ ничего не сказалъ и сѣлъ пить чай. Сонька уже ушла на работу, а мать собиралась въ поденщину.

День былъ хмурый, морозный. Окно подвала затянуло узорами, но въ одномъ углу ледъ растаялъ и черезъ этотъ уголокъ видно было, что за ночь на дворъ насыпало порядочно снѣгу.

Напившись чаю, Панфа надѣлъ пальто, новый картузъ, козырекъ котораго предварительно нѣсколько разъ погладилъ, и вышелъ на дворъ.

Завидѣвъ Панфу, вышелъ и Васька съ салазками, и они начали поочередно возить другъ друга по свѣжему, скрипѣвшему подъ полозьями, снѣгу.

Панфа чувствовалъ недомоганье и уставалъ. Бѣлизна снѣга рѣзала ему глаза, онъ безпрестанно теръ ихъ и этимъ еще болѣе усиливалъ боль. Ноги ломило тоже.

— Не хочу! Домой пойду! заявилъ онъ рѣшительно на предложеніе Васьки прокатиться еще.

— Не хочешь, не надо!

И Васька помчалъ подъ ворота пустые санки.

Панфа вернулся въ квартиру. Въ ней не было ни души. Старый, облинялый котъ забравшись въ кухню на табуретку и поставивъ переднія лапы на столъ, обнюхивалъ крошки и застывшія пятна жира, но, при видѣ Панфы, быстро соскочилъ и забрался въ уголъ. Панфа прошелъ въ каморку, снялъ пальто, прилегъ на материну кровать и закрылъ глаза, которые рѣзало. Ощущеніе рѣзи уменьшилось, но за то въ щекахъ и затѣмъ по всему тѣлу пошелъ жаръ, тогда какъ внутри знобило и зубы у Панфы стучали. Онъ опять всталъ, походилъ по каморкѣ, вышелъ на кухню, постоялъ у окна, потрогалъ жестянку съ варомъ, которую оставилъ Савелій Миронычъ, занимавшійся иногда починкой сапогъ, посмотрѣлъ на налѣпленную тутъ же въ простѣнкѣ и давно ему знакомую, лубочную, раскрашенную картину, изображавшую жизнь добраго христіанина, начиная съ колыбели и кончая моментомъ, когда убѣленный сѣдинами старецъ, одной рукой опираясь на палку, а другою держась за внука, подходитъ къ своей собственной могилѣ,—потомъ побрелъ въ каморку и снова легъ.

Стукъ въ оконце разбудилъ его. Стучалъ, должно быть, Васька, вызывая на улицу, но Панфа даже не пошевелился, такъ было ему тяжело.

И въ теченіе цѣлаго дня онъ лежалъ такъ, съ закрытыми глазами, корчась отъ озноба, не спалъ, потому-что все слышалъ и понималъ, но не могъ подняться даже тогда, когда пришла мать и стала звать его ѣсть.

— Что ты, Панфа, аль недужится? спрашивала мать, садясь на край кровати и кладя руку на горячую голову сына,—неможется тебѣ? Что у тебя болитъ? Скажи, что? Голова болитъ? А?

— Ничего не болитъ! отвѣчалъ Панфа, отворачиваясь къ стѣнкѣ.

Но не всталъ и ѣсть не пошелъ, а ночью сталъ бредить, пугаться, вскакивать, со слезами потребовалъ свой новый картузъ и когда мать ему подала, быстро-быстро скомкалъ его и спряталъ подъ подушку.

Вся ночь прошла въ бреду. Панфа просилъ пить, хотѣлъ одѣваться и идти на улицу, искалъ картузъ, несмотря на то, что держалъ его въ рукахъ и водилъ по комнатѣ большими, лихорадочно блестѣвшими глазами.

— Дядя Харлампій, прокати! Чуточку, хоть черезъ дворъ! просилъ онъ,—Ваську прокатилъ, а меня не хочешь?

И онъ, стоя, въ рубашонкѣ, на кровати, дѣлалъ движенія, какъ будто скребкомъ счищалъ съ панели снѣгъ.

VI.

Вѣсть о томъ, что Панфа захворалъ и болѣзнь у него прилипчивая, вскорѣ-же разнеслась по всему дому и не миновала, конечно, квартиры перваго этажа, гдѣ жилъ Сережа.

Отецъ Сережи былъ мелкій чиновникъ, получавшій очень небольшое жалованье. Это былъ человѣкъ не глупый, съ кое-какимъ образованіемъ, но рѣшительно ничѣмъ не выдѣлявшійся изъ массы подобныхъ ему чиновниковъ. Женился онъ 28 лѣтъ на барышнѣ, кончившей гимназію, но тоже ничѣмъ особенно не выдѣлявшейся изъ цѣлой массы барышень, окончившихъ гимназическій курсъ, затѣмъ къ 35 годамъ онъ совершенно вошелъ въ обычную колею чиновничеcкой жизни и былъ очень доволенъ. Проходятъ десятки лѣтъ, а колея этой жизни не мѣняется нисколько. И прежде были чиновники, любившіе читать, ходить въ театръ, интересовавшіеся общественной жизнью по газетамъ,—есть они и теперь, но нельзя сказать, чтобы такихъ было много. Прежде играли въ преферансъ по „маленькой“, теперь по той же „маленькой“ играютъ въ винтъ. Именины и дни рожденій справляются также, и

нынѣшній чиновникъ такой-же охотникъ поспать послѣ обѣда, каковымъ былъ чиновникъ прежнихъ временъ.

Таковымъ былъ и Василій Львовичъ. Его жена Лидія Павловна вполнѣ соотвѣтствовала представленію о настоящей чиновничьей женѣ. Кое какъ, перекраивая старое на новое и пуская въ ходъ весь запасъ своей женской фантазіи, она сооружала себѣ хотя скромные, но очень „миленькіе“ костюмчики, въ которыхъ не стыдно было въ люди показаться; въ этихъ костюмчикахъ она ходила на именины и свадьбы, и тоже играла въ винтъ по маленькой.

Въ воспитаніи сына она не придерживалась никакихъ правилъ потому, что никакимъ такимъ правиламъ въ гимназіи не учили. Она помнила отлично исторію крестовыхъ походовъ, знала кое-что о Людовикѣ XIV, кое-что о реформаціи, но когда у Сережи болѣлъ животъ—она не знала чѣмъ ему помочь, и посылала за докторомъ. Чувствуя немаловажный пробѣлъ въ своемъ образованіи она сдѣлала попытку какъ нибудь его заполнить, записалась въ библіотеку и стала читать книги по вопросамъ дѣтскаго воспитанія и гигіены. Но такъ какъ такихъ книгъ очень много и каждый авторъ толкуетъ о воспитаніи дѣтей на свой образецъ и предлагаетъ свои совѣты, то въ общемъ, въ головѣ Лидіи Павловны, получилась какая то каша изъ самыхъ разнорѣчивыхъ, другъ друга исключающихъ правилъ. Если ребенокъ проситъ что нибудь такого, чего нельзя ему дать, слѣдуетъ ли строго и безъ разсужденій отказать ему въ просьбѣ, или надо дѣйствовать путемъ убѣжденій? Нужно ли пріучать дѣтей къ прогулкамъ на улицѣ во всякую погоду, или только въ хорошую, т. е. другими словами: закаливать или оберегать? Кутать или не кутать? Позволять кушать сколько хочетъ, или ограничивать въ пищѣ? Молоко или супъ? Развивать ли путемъ бесѣдъ и чтенія или предоставить это дѣло природѣ? и т. д., и т. д.

У бѣдной Лидіи Павловны кружилась голова отъ этихъ вопросовъ. Пробовала она обращаться за указаніями къ знакомымъ, имѣвшимъ дѣтей, дамамъ; выходило тоже самое. Кто совѣтовалъ одно, кто другое, все равно какъ при леченіи зубной боли: одинъ предлагаетъ положить на зубъ соли, другой какого-нибудь спирту, третій навязываетъ вамъ какой-нибудь симпатичный корешокъ, четвертый посылаетъ къ прославленной ворожеѣ.

Когда Прасковья, вернувшись изъ лавки, сообщила, что подвальный Панфа захворалъ, былъ докторъ и сказалъ, что у него корь,— Лидія Павловна испугалась. Сережа игралъ иногда съ этимъ мальчикомъ,—въ какой то книгѣ было сказано, что не слѣдуетъ противиться совмѣстнымъ играмъ дѣтей, хотя бы и разныхъ общественныхъ положе-

ній,—игралъ у себя въ дѣтской и даже недавно. Что было дѣлать? Лидія Павловна съ нетерпѣніемъ дожидалась возвращенія мужа изъ департамента и сообщила ему свои опасенія. Василій Львовичъ тоже ничего въ этомъ не понималъ и, такъ какъ былъ разстроенъ какой-то непріятностью по службѣ, то даже ничего не сказалъ, а, пообѣдавъ, пошелъ въ свою комнату, легъ на диванъ и тотчасъ заснулъ. И это съ нимъ бывало послѣ всякой непріятности, точно онъ хотѣлъ ее заспать.

Лидія Павловна рѣшилась покуда ограничиться мѣрами предупредительными, т. е. нѣсколько дней, пока не выяснится, не заразился ли Сережа, не пускать его гулять.

Для Сережи это было большимъ лишеніемъ. Онъ привыкъ, въ извѣстный часъ, надѣвши полушубчикъ, идти на улицу, покататься съ Панфой на салазкахъ, или пройтись съ нянькой по Невскому, постоять у одного—другого магазина, въ игрушечномъ посмотрѣть игрушки, въ чайномъ полюбоваться на китайца, сидѣвшаго на корточкахъ, качавшаго головой и высовывавшаго языкъ. Все это были впечатлѣнія не лишенныя свѣжести, новизны, кромѣ того хотѣлось чистаго морознаго воздуха, хотѣлось движенія, а тутъ, изволь-ка, сиди дома и играй въ опостылѣвшіе игрушки или въ сотый разъ разсматривай однѣ и тѣже книжки съ картинками.

Никакія просьбы, даже мольбы Сережи отпустить его гулять, не помогали. Лидія Павловна рѣшилась быть твердой. Это такъ огорчило Сережу, что онъ заскучалъ. Послѣ трехдневнаго сидѣнья въ комнатѣ лицо его сдѣлалось блѣднымъ, движенія вялыми, мальчикъ даже сталъ ѣсть меньше.

Онъ побросалъ всѣ свои игрушки, не исключая слона, качавшаго хоботомъ и издававшаго звуки, похожіе на ревъ, въ уголъ, засунулъ книжки куда-то такъ, что никто не могъ ихъ найдти, и съ утра до вечера просиживалъ у окна, смотря какъ Васька съ Безрукимъ лихо мчались съ салазками по серединѣ улицы.

На утро четвертаго дня, когда онъ такъ сидѣлъ у окна и все смотрѣлъ, все смотрѣлъ, завидуя счастью подвальныхъ дѣтей, къ нему незамѣтно подошла мама. Сегодня она думала разрѣшить ему идти ненадолго погулять и, въ приливѣ материнской нѣжности, коснулась рукою его головы. Голова была горяча.

— Не болитъ головка, Сережа? спросила Лидія Павловна, дрогнувшимъ отъ испуга голосомъ.

— Нѣтъ! вяло отвѣчалъ онъ, не глядя на мать.

— Но у тебя голова горячая! Посмотри-ка на меня.

Сережа повернулся къ ней лицомъ. Глаза его блестѣли и онъ ими мигалъ, точно ему больно было смотрѣть на свѣтъ.

— Дай-ка руку!

Лидія Павловна взяла маленькую руку сына и почувствовала, что та тоже была горяча.

„У него жаръ! Начинается!“ подумала она и вдругъ ощутила какъ холодъ страха пробѣжалъ у ней по спинѣ, выше, выше и добрался подъ кожу затылка.

„Что нужно дѣлать“? думала она отходя отъ сына, садясь въ кресло и безсознательно потирая лобъ,— „если это корь,—нужно уложить въ постель, напоить потогоннымъ, малиной напр. и чтобъ въ комнатѣ было меньше свѣта. А если это не корь а что нибудь другое,—тотчасъ явилась страшная мысль, не послать ли лучше за докторомъ? И вотъ Иванъ Дементьичъ придетъ и скажетъ, что я трусиха, что это все пустяки, засореніе желудка, и что я всегда изъ мухи дѣлаю слона. И дастъ костороваго масла. Въ самомъ дѣлѣ, попробую я теперь касторововаго масла дать. Она такъ и сдѣлала. Сережа не сопротивлялся, хотя, какъ всякій ребенокъ, не любилъ никакихъ лекарствъ. Но его такъ часто пичкали всякой дрянью, что онъ уже привыкъ и покорно подставлялъ ротъ.

Немного успокоенная тѣмъ, что „приняла мѣры“, Лидія Павловна ушла на кухню—время приближалось къ обѣду, а Василій Львовичъ не любилъ, когда возвращался со службы, ждать обѣда.

Сережа, для котораго пріемъ касторового масла былъ подслащенъ конфектой, съ оттопыренной щекой, за которой и лежала эта конфекта, забрался на свое прежнее мѣсто,—къ окну и, по прежнему, сталъ смотрѣть на улицу. Но глаза его рѣзало и смотрѣть ему было все больнѣе и больнѣе, да и въ тѣлѣ онъ ощущалъ какую-то истому, которая тянула его прилечь.

Онъ поднялся, перешелъ на другой конецъ комнаты и легъ на кушетку, прижавшись лицомъ къ маленькой, изъ голубой тафты, подушкѣ.

И какъ только онъ легъ, у него стала кружиться голова и ему казалось, что Прасковья, которая вошла сейчасъ въ комнату, вошла какъ-то странно, не изъ двери, а съ другого какого-то конца, стала тоже кружиться, и, кружась, подошла къ нему. Онъ чихнулъ и въ ту же минуту ощутилъ какъ что-то теплое изъ носа пролилось на подушку, образовавъ на голубой тафтѣ черное пятно.

Тогда онъ провелъ рукою подъ носомъ, взглянулъ на руку и увидѣлъ кровь.

— Барыня,—сказала Прасковья, входя на кухню,—у Сереженьки кровь носомъ идетъ.

— Кровь!

Лидія Павловна бросилась въ дѣтскую. Сережа лежалъ по прежнему, на кушеткѣ; кровь больше не шла, но мальчикъ былъ напуганъ и поднялъ на мать жалобный, умоляющій взглядъ.

— У тебя кровь изъ носа пошла? спросила Лидія Павловна.

— Я не знаю! вяло отвѣчалъ Сережа.

— Какъ не знаешь? (Лидія Павловна была взволнована, испугана и говорила рѣзко, точно сердилась). Вонъ у тебя носъ въ крови! Вонъ вонъ!.. Или ты можетъ быть ушибся? Ударился объ кушетку? Ушибся, да?

Вмѣсто отвѣта Сережа заплакалъ. Такъ Лидія Павловна и не могла узнать точно ли ушибся Сережа, или кровь потекла сама собой.

Прасковья принесла тазъ съ холодной водой и губку и обѣ женщины начали обмывать Сережу.

— Но ты боленъ, ты совсѣмъ боленъ! съ отчаяніемъ въ голосѣ говорила Лидія Павловна, одною рукою держа Сережу за голову а другою обмывая ему лицо.

И она даже чувствовала, что-то вродѣ злости на Сережу за то, что онъ захворалъ, и вмѣстѣ негодовала на себя за эту злость.

VII.

Въ тотъ же день, какъ только пришелъ Василій Львовичъ, было послано за докторомъ.

Сережа, котораго уже раздѣли и уложили въ кровать, отнесся къ появленію Ивана Дементьича совершенно равнодушно. Онъ охотно позволилъ ему взять свою руку, потомъ выстукать и выслушать животъ, грудь и спину и, покуда докторъ сидѣлъ у его кровати, равнодушно смотрѣлъ на болтавшуюся по его жилету часовую цѣпочку съ брелоками, на его черную бороду, большой носъ и очки.

Докторъ что-то говорилъ, совѣтовалъ, Сережа не слушалъ, докторъ всталъ со стула и пошелъ къ письменному столу писать рецептъ,—Сережа закрылъ глаза и не открылъ даже тогда, когда докторъ, прощаясь, протянулъ ему свою большую руку, покрытую короткими черными волосами.

Затѣмъ Сережа забылся и не помнилъ, какъ ушелъ докторъ, за нимъ папа и мама и въ дѣтской осталась Прасковья,

Онъ чувствовалъ присутствіе няньки, но ему казалось, что она не здѣсь, не въ комнатѣ, да и онъ тоже не здѣсь, а оба они гуляютъ подъ

арками Гостинаго двора, останавливаются у оконъ игрушечныхъ магазиновъ и разсматриваютъ выставленныя игрушки.

И какъ это легко можно взять съ выставки любую игрушку! Стоитъ только протянуть руку, и взялъ! Няня достала ему паяца, но этотъ паяцъ такъ страшенъ въ своихъ пестрыхъ лоскутьяхъ, такъ громко стучитъ въ мѣдныя тарелочки и звукъ этихъ тарелочекъ такъ непріятенъ для слуха Сережи, что онъ отдаетъ паяца нянѣ и проситъ достать ему лошадь съ санями и съ кучеромъ. Онъ садится въ сани какъ они ни малы, кучеръ хлопаетъ возжами и вотъ Сережа быстро-быстро несется по Невскому, только снѣгъ взметывается изъ-подъ копытъ добраго коня. Съ Невскаго кучеръ поворачиваетъ въ одну, другую, третью улицы, проѣзжаетъ цѣлый рядъ незнакомыхъ улицъ и вотъ, наконецъ, въѣзжаетъ въ ворота ихъ дома. Но это уже не кучеръ, а Харлампій и Сережа сидитъ не въ саняхъ, а на дрожкахъ, рядомъ съ Панфой, который держитъ въ рукахъ и показываетъ большую, кучерскую шляпу.

— А гдѣ же кучеръ? въ страхѣ спрашиваетъ Сережа.

— А онъ тамъ... тамъ! отвѣчаетъ Панфа и при этомъ у него дѣлается такое странное лицо, такъ онъ кривляется и ехидно улыбается чему-то, что Сережѣ хочется отъ него уйдти.

Онъ дѣлаетъ неимовѣрныя усилія надъ собою, встаетъ, бѣжитъ, бѣжитъ... странно, онъ все на одномъ мѣстѣ, въ своей кроваткѣ и руки его ощущаютъ холодную, желѣзную перекладину рѣшетки.

Да вотъ и мама, и няня!.. Узкимъ лепесткомъ поднимается кверху пламя свѣчи, которую она держитъ надъ кроваткой, что-то блеститъ у мамы въ рукѣ,—это ложка. Ага, значитъ лекарство!

— Не хочу, не хочу! сопротивляется Сережа, но няня схватываетъ его за руки, ложка стучитъ по зубамъ и, желая вздохнуть, Сережа проглатываетъ какую-то кислую жидкость.

И опять Панфа, но уже не страшный, не улыбающійся, а такой добрый, услужливый. Онъ посадилъ Сережу въ салазки и катаетъ вокругъ двора, а въ окно смотритъ Сережинъ слонъ, качаетъ хоботомъ и говоритъ:

— Такъ, такъ! Хорошо, очень хорошо!

VIII.

Сережа пришелъ въ сознаніе. Онъ лежитъ на спинѣ и смотритъ впереди себя большими голубыми глазами, сдѣлавшимися еще больше отъ худобы. Въ комнатѣ все также; также стоитъ шкафчикъ съ одеждой, и дѣтскій столъ, на которомъ въ порядкѣ сложены книги съ картинками

и дѣтскіе стульчики, также подлѣ печки виситъ зеркальце, въ которое всегда смотрится няня, собираясь идти гулять съ Сережей, только самъ Сережа не тотъ. Все у него болитъ, все тѣло болитъ и встать онъ не можетъ, а когда его поднимутъ, то онъ валится то на одну, то на другую сторону. Вонъ мама что-то все плачетъ и папа ходитъ такой сумрачный, и Иванъ Дементьичъ каждый разъ, какъ придетъ, качаетъ головою и говоритъ:

— Экъ вѣдь какъ! Ишь, вѣдь, какая дрянь!..

И Сережа знаетъ, что „дрянью" докторъ бранитъ его болѣзнь, хотя сдѣлать никакъ не можетъ, чтобы не было этой болѣзни. И никто не можетъ.

— Мама! зоветъ Сережа,—мама, возьми меня на ручки.

И мама беретъ его на руки и все время, пока тихонько носитъ по комнатѣ, не смѣетъ взглянуть, изъ боязни залиться слезами, на этотъ остовъ ребенка, не смѣетъ, изъ боязни, голосомъ выдать свою тоску,—запѣть ему пѣсенку, побаюкать его.

Она только все носитъ и носитъ его взадъ и впередъ по комнатѣ, семь шаговъ впередъ, — семь назадъ; присядетъ, посидитъ и опять начнетъ носить, пока Сережа самъ не попросится въ кроватку.

— Мама, я въ кроватку хочу! скажетъ онъ и когда его положатъ онъ лежитъ молча, вдумчиво смотря своими большими голубыми глазами на какой нибудь одинъ предметъ.

Зачѣмъ только они плачутъ: и мама, и папа, и няня?

Сережа недоумѣваетъ, какъ недоумѣваетъ передъ той великой тайной, которая скоро будетъ ему ясна.

— Няня, говоритъ онъ однажды Прасковьѣ, — слончика, няня, ты возьми себѣ, а стадо отдай мамѣ.

— Зачѣмъ же, голубчикъ Сереженька? А ты во что станешь играть?

— Не надо! отвѣчаетъ Сережа.

— Какъ же „не надо"? Ты встанешь, будешь играть.

Сережа молчитъ. Онъ чувствуетъ, что не встанетъ и не нужны ему больше будутъ ни слончикъ, ни стадо, но онъ не можетъ сказать, неумѣетъ открыть никому другому того, что открыто ему одному.

Онъ постепенно, тихонько уходитъ изъ этого міра. Какъ лампада, въ которой нѣтъ масла, вспыхиваетъ все слабѣе и слабѣе и гаснетъ, наконецъ, такъ угасаетъ Сережа. И въ тихій часъ ночи, когда всѣ люди спятъ, когда они должны спать, чтобы не видѣть того таинственнаго и великаго, что свершается иногда въ тихій часъ ночи,—ни для кого незримой, свѣтлой тѣнью является передъ Сережиной кроватью Ан-

гелъ смерти. Съ радостной улыбкой на губахъ протягиваетъ Сережа къ избавителю своихъ страданій исхудалыя ручки и въ послѣднемъ облегченномъ вздохѣ отдается ему навсегда...

IX.

Пролежавъ въ темной каморкѣ около мѣсяца, поборовъ болѣзнь и оправившись, Панфа вылѣзъ изъ подвала на дворъ, какъ отощавшая собака.

Снѣгу уже не было. Сухіе камни мостовой нагрѣвались ласковыми лучами солнца. Съ улицы доносится неустанный грохотъ дрожекъ и ломовыхъ телѣгъ. Мальчикъ-продавецъ, закинувъ лотокъ за спину, ходилъ по двору и кричалъ веселымъ звонкимъ голосомъ:

— Бумаги, кон-вер-товъ!

Панфа постоялъ за угломъ флигеля, вдохнулъ свѣжаго, весенняго воздуха и пошелъ къ воротамъ. Онъ былъ все въ томъ же пальто и тѣхъ же изорванныхъ ботинкахъ, и тотъ же новый картузъ красовался на его головѣ. Ему было хорошо и весело. Всѣмъ своимъ существомъ онъ ощущалъ притокъ новыхъ живительныхъ силъ и, подъ вліяніемъ этого ощущенія, ему хотѣлось смѣяться, пѣть, рѣзвиться.

Молодая, худощавая дама въ черномъ, съ чернымъ крепомъ на шляпкѣ, вошла въ ворота, посмотрѣла на Панфу, и поманила его къ себѣ.

Панфа подошелъ. Не разъ случалось, что кто нибудь изъ прохожихъ, по большей части дамы, подзывали Панфу, и одаривали или яблокомъ, карамелькой или копѣечкой.

Панфа подошелъ въ разсчетѣ получить копѣечку.

— Ты знаешь, помнишь мальчика Сережу? спросила дама.

— Помню! отвѣчалъ Панфа,—помню Сережу.

— Онъ умеръ! сказала дама, глотая слезы.

Панфа ничего не отвѣчалъ и глядѣлъ на нее пристально.

— Завтра мы его хоронимъ. Хочешь посмотрѣть Сережу?

— Хочу! отвѣчалъ Панфа.

— Ну, пойдемъ!

— Куда?

— Пойдемъ къ намъ. Я Сережина мама.

Панфа пошелъ за дамой. Дама поднялась въ первый этажъ, и позвонилась. Панфа стоялъ поодаль.

Дверь отворила Прасковья. Она тоже была въ черномъ платьѣ, что сдѣлало ее еще чернѣй. Глаза у ней, какъ у Сережиной мамы, были заплаканы.

— А, Панфа пришелъ! Пріятеля своего посмотрѣть! сказала она, и обратившись къ Лидіи Павловнѣ, прибавила; — вотъ сударыня, Панфа-то поправился! Не лечили, а поправился!..

— Что будешь дѣлать! Божья воля, Прасковьюшка.

Лидія Павловна отворила дверь гостиной и впустила Панфу.

Въ комнатѣ сторы были опущены. Въ переднемъ углу, на столѣ, покрытомъ бѣлымъ, стоялъ небольшой гробъ, окруженный горшками цвѣтовъ и растеній. Двѣ высокія восковыя свѣчи горѣли въ головахъ и ихъ желтоватый свѣтъ отражался на парчевой обшивкѣ гроба и гладкой поверхности высеребрянныхъ скобокъ.

Держа картузъ въ рукахъ, Панфа подошелъ къ гробу, перекрестился, какъ учила дѣлать мать, когда имъ обоимъ случалось быть въ церкви во время отпѣванія, потомъ вытянулъ голову и приподнялся на цыпочкахъ, стараясь увидѣть лицо покойнаго, но увидѣть ему кромѣ фестоновъ бѣлаго коленкора, ничего не удалось.

— Прасковья, подними его. Ему не видно! раздался печальный голосъ Сережиной мамы.

Прасковья взяла Панфу подъ мышки и приподняла.

И Панфа увидѣлъ въ гробу мальчика, страшно исхудавшаго, съ крѣпко сомкнутыми глазами и заострившимся носомъ. На груди, въ сложенныхъ, худенькихъ рукахъ блеснула риза образка. А кругомъ были живые пахучіе цвѣты, много цвѣтовъ.

Затѣмъ Панфу опустили на полъ, и опять кромѣ фестоновъ бѣлаго коленкора ему ничего не стало видно.

— Видѣлъ Сережу? раздался подлѣ Панфы голосъ Сережиной мамы.

— Это Сережа? усомнился Панфа.

— Да, Сережа! Какъ онъ исхудалъ! Правда?

— Правда! согласился Панфа и прибавилъ: — онъ померъ?

— Да, умеръ, — отвѣчала Сережина мама.

— Его въ землю зароютъ?

— Да.

— Я хочу домой! рѣшительно заявилъ Панфа, теребя свой новый картузъ.

— Хорошо, ступай! Скажи своей мамѣ, чтобы она зашла ко мнѣ. Я ей кое-что дамъ.

— Скажу!

Панфа попятился къ двери. Прасковья вывела его въ переднюю, гдѣ стояла бѣлаго глазета крышка гроба, и проводила на лѣстницу.

— Скажи-же матери, чтобы зашла! подтвердила Прасковья.

— Хорошо, скажу! отвѣчалъ Панфа.

Онъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы во дворъ и юркнулъ въ подвалъ. Лукерья къ празднику мыла полъ въ своей каморкѣ.

— Мама! сказалъ Панфа, съ ногами садясь на сундукъ,—постой-ка, что я тебѣ скажу!

— Ну, чего еще! обернулась Лукерья.

Лицо у ней было раскраснѣвшееся, сердитое. Она держала мочалку, съ которой бѣжали въ ведро грязныя струи воды.

— Я покойника видѣлъ... Сережу!

— Ну, такъ что же? Царствіе ему небесное! спокойно отвѣчала мать, принимаясь за прерванную работу.

— А мама его сказала, чтобы ты пришла. Она что-то дастъ!

— Ладно, приду! коротко отвѣчала Лукерья.

Она думала: „барыня хорошая, простая, дастъ что ни на есть къ празднику изъ одёженки! Куда ей! Сынишка-то померъ, кому теперь носить! А моему-то какъ разъ подъ ростъ! Хорошо одѣвали мальчишку, не жалѣли, нельзя сказать! Полушубчикъ новенькій, поди рублей 12 плоченъ, сапоги хорошіе, со сборами, въ шелковыхъ рубашоночкахъ ходилъ, шаровары бархатные. Хорошо одѣвали, берегли, ребенка, потому — одинъ всего, какъ его не беречь! А вотъ берегли,—берегли и померъ! Божья воля, что подѣлаешь! Отъ такой жизни не надо бы помирать, а померъ! Полушубчикъ-то, поди, не отдастъ! Крытый, за него теперь красненькую дадутъ, кому не надо дадутъ! Не умѣю я просить-то, вотъ что? Маланья-бы эта-бы выпросила! Ужъ та бы такой лисой подъѣхала! А я не умѣю. Вотъ хоть что! Безталанная я, бесчастная!

— Мама, я пойду на дворъ! прервалъ ея размышленія Панфа.

— Ступай и то! весело согласилась Лукерья, — ступай, сынокъ! Ишь солнышко-то какъ грѣетъ! Слава-те Христосъ, зима прошла, Пасха на дворѣ!

Панфа снова очутился на улицѣ. Солнце грѣло по прежнему, и снова Панфа ощутилъ притокъ новыхъ, жизненныхъ силъ. Дворникъ намелъ кучки сора, и куда-то отлучился, оставивъ метлу и лопату. Панфа захотѣлъ работать, онъ взялъ метлу и, съ трудомъ дѣйствуя ею, принялся мести дворъ.

— Балуй, чертенокъ! крикнулъ внезапно появившійся въ подъѣздѣ дворникъ.

Панфа бросилъ лопату и шмыгнулъ за ворота.

— Пойдемъ въ садъ! предложилъ ему попавшійся навстрѣчу Васька.

— Зачѣмъ? спросилъ Панфа.

— Воробьевъ сшибать!

Предложеніе это понравилось Панфѣ, и онъ въ припрыжку побѣжалъ за Васькой.

Въ саду, на лужайкахъ снѣгъ стаялъ, и кое гдѣ, на припекѣ, изъ-за бурой прошлогодней травы, поднималась ярко-зеленая, новая. По сучьямъ голыхъ еще деревьевъ сидѣли нахохлившись воробьи, затѣмъ скучивались, слетались на дорожки и, громко чирикая, поднимали драки.

„Сшибать“ ихъ не пришлось, — не было камней; Васька ушелъ домой, а Панфа остался.

Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, откинувшись на спинку, болтая ногами и смотря на небо, по которому быстро бѣжали бѣлыя, легкія, какъ пухъ, весеннія облачка.

И все, все казалось ему и новымъ, и необыкновенно хорошимъ: и, солнце, которое грѣло ему спину и затылокъ и голыя грязныя колѣни, и деревья, тихо качавшія своими черными тонкими вѣтвями, и воробьи чирикавшіе и возившіеся на пескѣ дорожекъ, и далекое голубое небо съ бѣжавшими по немъ облачками.

К. Баранцевичъ.

Золотая нитка.

(Разсказъ Елизы Ожешко).

Переводъ съ разрѣшенья автора А. Г. Сахаровой.

Можно ли назвать такой день, какъ сегодняшній, хорошимъ, или дурнымъ? сама не знаю. Это конечно зависитъ отъ вкуса и настроенья; одни любятъ жгучее солнце и лазурь, усѣянную звѣздами, другіе, можетъ быть нѣсколько утомленные—кто же кромѣ ихъ въ состояніи сказать чѣмъ?—съ наслажденьемъ всматриваются въ пасмурный небосклонъ, въ туманъ, въ сумракъ.

Сегодня пополудни, я вышла прогуляться за усадьбу, на ту дорогу, по которой люди ѣздятъ и ходятъ далеко въ поле. Еще словно лѣто, но хлѣбъ уже сжатъ, землю покрываютъ колючіе остатки колосьевъ, среди которыхъ на межахъ, тамъ и сямъ торчатъ куколь, царскій скипетръ и полевой горохъ. Дикія груши, стерегущія пустыя борозды, еще зелены, но увяли и потемнѣли отъ зноя и пыли, березы же и ольхи, растущія около помѣщичьяго сада и у дороги, блестятъ издали, какъ бы бронзовой рѣзьбой пожелтѣвшими вѣтвями. Работы человѣческой, сопровождающихъ ее шума и движенья, ни слѣда. Даже деревня, сѣрѣющая длиннымъ рядомъ хатъ на фонѣ полукруглаго лѣса, не подаетъ признака жизни.

Откуда-то только, съ противоположной стороны дороги, въ воздухѣ слышатся печальные возгласы, которыми пахари понукаютъ своихъ лѣнивыхъ воловъ, изъ усадьбы доносится басистый стукъ молотилки, издалека похожій на подземный, непрерывный грохотъ; подъ чернымъ лѣсомъ извиваются синія ленты дыма, обозначающія пастбища, которыя также отъ времени до времени оглашаются пронзительнымъ, безконечно повторяющимъ нѣсколько мелодичныхъ звуковъ, напѣвомъ свирѣлей. Надъ всѣмъ этимъ небо, отъ краю до краю покрытое покровомъ изъ бѣлыхъ облаковъ, кое-гдѣ только сгустившихся въ темныя различныхъ очертаній тучи, а посрединѣ неба, изъ за бѣлаго покрова, въ этомъ мѣстѣ прозрачнаго, какъ кисея, солнечный щитъ, затуманенный, безъ лучей, похожій на круглый блѣднозолотой блинъ. Я ошибаюсь. Этотъ солнеч-

ный щитъ былъ не совсѣмъ лишенъ лучей, потому что, когда слѣдя глазами за ласточками, которыя длинной черной-черной вереницею тянулись къ западу, я взглянула на это блѣдное и печальное солнце, то увидѣла одинъ лучъ его, единственный, какъ бы золотую нитку, которая блѣстѣла и обрывалась высоко.

Кто мнѣ укажетъ тѣ, надъ-воздушные пути, которыми къ намъ прилетаютъ воспоминанья? Кто мнѣ скажетъ, почему сегодняшняя погода, такая печальная и такая тихая, вызвала въ моей памяти одну знакомую мнѣ когда-то женщину и одну минуту изъ ея жизни? Это было воспоминаніе такое внезапное и ясное, что въ ту самую минуту, когда я смотрѣла на тотъ солнечный лучъ, свѣтящій очень высоко, между нимъ и глазами моими промелькнуло, какъ живое, и даже улыбнулось мнѣ красивое, но еще болѣе чѣмъ красивое, интересное лицо Фелиціи Олинской.

Я увидѣла ее въ первый разъ тогда, когда пріѣхала изъ деревни въ Гродно, и посѣтила домъ Іосифа Олинскаго. Я посѣтила его по денежнымъ дѣламъ, слѣдовательно, я должна была имѣть о немъ какія нибудь свѣдѣнія. Я знала, что Іосифъ Олинскій былъ прежде землевладѣльцемъ, который продавъ свое имѣніе поселился въ городѣ отчасти по необходимости, отчасти по доброй волѣ, что онъ былъ человѣкомъ безукоризненной честности, что будучи зажиточнымъ, но вовсе не богатымъ, онъ пріютилъ у себя въ домѣ много близкихъ и дальнихъ родственниковъ, что наконецъ онъ былъ женатъ во второй разъ и что отъ перваго брака у него было трое дѣтей. Снабженная этими свѣдѣніями, я вошла въ залу, довольно просторную и наполненную людьми различнаго пола и возраста.

Навстрѣчу мнѣ изъ за карточнаго стола поднялся хозяинъ дома, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, наружности располагающей, но нѣсколько лѣнивый и сонный. Высокій и плечистый, онъ должно быть смолоду отличался красивой фигурой, которую теперь портила излишняя тучность. Свѣтлорусые и сѣдѣющіе волосы его рѣзко отдѣлялись отъ свѣжаго, румянаго лица, на которомъ свѣтились блѣдно-голубые, преисполненные доброты глаза. Именно эта-то доброта, очевидно проявляющаяся не только во взглядѣ, но и въ выраженіи губъ и улыбкѣ его, и располагала къ нему. Онъ поздоровался со мной не какъ съ личностью, приходящей по дѣлу, но какъ съ желанной гостьею, и сразу, слегка неуклюже, но очень сердечно ввелъ меня въ свой семейный кругъ. Это совершилось такъ, что сначала я совершенно неожиданно услышала мою фамилію, произнесенную вслухъ, а потомъ, въ теченіе пяти минутъ, у меня въ ушахъ звенѣли имена и титулы представляемыхъ мнѣ лицъ.

— Матушка моя, Франциска Олинская; тетка моя, Анна Линевская; дядя мой, Алоизій Хоимскій; сестра моя, Михалина Олинская; дочь моя Эмилія, сынъ мой Владиславъ, сынокъ мой Мечисъ; гости наши и друзья: панна Сусанна Скверская, панъ Людвигъ Окимскій.

Окончивъ, онъ спросилъ:

— А гдѣ Фелтя?

Вопросъ этотъ послужилъ поводомъ къ слѣдующему короткому, но живому разговору.

— Да вѣдь она же въ городъ пошла.

— Зачѣмъ? для чего?

— Да вѣдь за пирожнымъ.

— За какимъ пирожнымъ?

— Но вѣдь, Юзя мой, къ кофе...

— Такъ отчего же никто другой не пошелъ?

— Но вѣдь, папочка мой, вѣдь папочкѣ никто такъ не угодитъ...

— Это правда. Но сейчасъ вернется?

— Конечно сейчасъ, потому что мы и въ „Вѣтрогона“ играть не можемъ.

— А почему не можете?

— Потому-что ключъ отъ комода, въ которомъ карты, у нея.

— Извиняюсь, очень извиняюсь, пани—обратился ко мнѣ панъ Олинскій—но я хотѣлъ васъ представить и женѣ моей! Компанія у насъ, какъ Вы видите, порядочная, но какъ-то — денекъ за денькомъ проходитъ и... хорошо! признаюсь вамъ даже, сударыня моя милостивая... хоть это, можетъ быть и чуточку стыдно, что „Вѣтрогонъ“—наша игра въ фофаны.

— Съ того времени, какъ мы отбросили деревенскія хлопоты и скуку, и поселились въ городѣ, мы всѣ ожили. Всетаки тутъ, какъ-то, то тотъ, то другой навѣститъ, поболтаетъ и въ преферансикъ...

— Церковь близко,—прервала мать.

— Докторъ и аптека подъ рукой,—добавила тетка.

— Га... га... газеты ка... ка... ждый день—проговорилъ сильно заикающійся дядя.

— Если-бы только не гимназія,—и я былъ-бы большимъ поклонникомъ города,—засмѣялся восемнадцати-лѣтній юноша въ гимназическомъ мундирѣ.

— О, городъ! стыдись, Владзя, называть такую трущобу городомъ,—окрысилась дочка Эмилія, двадцатилѣтняя барышня, сидѣвшая на кушеткѣ, въ слегка небрежной позѣ, въ локонахъ, лентахъ и туфелькахъ, изъ которыхъ выглядывали розовые чулочки.

— Извините—опять радушно повторилъ хозяинъ. Вы вѣрно желаете поговорить со мной о дѣлѣ? пожалуйста, прошу васъ...

Онъ подвелъ меня къ диванчику, такъ отдаленному отъ болѣе людныхъ мѣстъ залы, гдѣ можно было спокойно вести интимный разговоръ.

Впрочемъ дѣло не было ни таинственнымъ, ни очень важнымъ. Разговаривая о немъ, я присматривалась къ лицамъ, собравшимся въ залѣ. Это были типы чрезвычайно разнообразные, но очень обыденные.

Старушка мать была очень милая старушка. Бѣлая рюшка ея чепчика красиво обрамляла ея сморщенное, но круглое лицо, черты котораго обыкновенныя, не бросавшіяся ничѣмъ особеннымъ въ глаза, поразительно повторялись въ лицѣ ея сына. Она вовсе не казалась ни болѣзненной, ни безпомощной, только чуточку недовольной. Она сидѣла у того самаго открытаго стола, изъ-за котораго всталъ панъ Іосифъ и у котораго сидѣли также друзья дома. Она, очевидно, была недовольна перерывомъ, происшедшимъ въ любимой забавѣ. При этомъ однако она продолжала бесѣдовать съ сидящими возлѣ нея пріятельницами, къ которымъ я уже не присматривалась, потому что знала ихъ хорошо. Я слышала только, что пани Скверская, сорокалѣтняя вдова чиновница, женщина безукоризненно добродѣтельная и чрезвычайно краснорѣчивая, съ тѣлодвиженьями и мимикой, которымъ бы позавидовали многіе изъ ораторовъ прежней школы, повторяла почти дословно проповѣдь, произнесенную ксендзомъ Гайдецкимъ въ прошлое воскресенье въ соборѣ.

Людвигъ же Окимскій, толстенькій, низенькій и выбритый горожанинъ, прославившійся на весь городъ своимъ неоцѣнимымъ остроуміемъ и веселымъ расположеніемъ духа, пользовался пустующими картами отъ преферанса для того, чтобы продѣлывать съ ихъ помощью различные фокусы, граничащіе съ чародѣйствомъ, пряча карты, которыя онъ держалъ въ обѣихъ рукахъ за спину, или же съ неслыханной ловкостью раскидывая и тасуя ихъ на столѣ. Онъ прежде всего обращался къ паннѣ Мехалинѣ Олинской, густые и пышно причесанные золотистые волосы которой украшали лицо дѣвушки лѣтъ за тридцать, когда то красивое, теперь значительно увядшее и носящее на себѣ отпечатокъ испытанныхъ разочарованій. Разочарованія эти, однако же, не мѣшали, свѣтло-голубымъ глазамъ ея съ необыкновеннымъ любопытствомъ всматриваться въ пухлое, выбритое и веселое лицо собесѣдника.

Двое гимназистовъ за то, изъ которыхъ одинъ былъ еще ребенкомъ, другой почти взрослымъ юношей, не испытывали, при видѣ карточныхъ фокусовъ, никакихъ другихъ чувствъ кромѣ желанья послѣдовать и овладѣть всѣми ихъ тайнами; изъ устъ ихъ сыпался градъ вопросовъ и просьбъ до того оглушительныхъ, что даже Алоизій Хоим-

скій, худой и лысый отставной профессоръ въ старомъ профессорскомъ вицмундирѣ съ золочеными пуговицами, сидѣвшій у окна и погруженный въ чтеніе газеты, гнѣвно шипѣлъ и ежеминутно помахивалъ съ рѣзкимъ шелестомъ своей газетой по направленію къ крикливой группѣ.

Шелестъ этотъ должно быть раздражалъ нервы немолодой блѣдной и очевидно очень доброй Анны Линевской, тетки, которая—погруженная въ вышиваніе филейной салфетки шерстями, отъ времени до времени тоже поднимала голову и въ свою очередь шикала пану Алоизію. Всякій же разъ, какъ она шикала, панъ Алоизій, съ почти трогательнымъ выраженіемъ лица склонялся къ ней и цѣловалъ извиняясь ея руку, вооруженную длинной иглой, что вполнѣ обезоруживало ее до новаго шелеста газеты. Видно, она больше была озабочена подборомъ цвѣтовъ шерстей, которыми вышивала свою салфетку, потому что она вдругъ подняла голову, украшенную еще слегка кокетливымъ чепчикомъ и, отчаянно ломая руки, воскликнула:

— Моя панна Сусанна, пожалуйста посовѣтуйте мнѣ! Ужъ я право не знаю, какую тутъ розу сдѣлать—розовую или желтую?

Въ одно мгновенье, послѣ этого вопроса, все общество, не исключая старушки и за исключеніемъ только бывшаго профессора, раздѣлилось на лагери розовой и желтой розы. Окимскій, гимназисты, даже молчавшая до сихъ поръ и задумчиво поглядывавшая на свои розовые чулки красивая панна Эмилія, давали совѣты и высказывали свои мнѣнія. Теперь даже панна Эмилія говорила громче всѣхъ и съ величайшимъ увлеченьемъ не потому конечно, чтобы она была пылкой любительницей рукодѣлья, но потому, что тамъ, гдѣ являлся вопросъ о вкусѣ, ея мнѣніе должно было безусловно имѣть перевѣсъ. Хорошій вкусъ былъ ея отличительнымъ свойствомъ, объ этомъ свидѣтельствовали живописныя складки платья и розовые чулки. Среди этого шума, вызваннаго вопросомъ панны Анны, зазвенѣлъ плаксивый, возвысившійся до звука печальной жалобы, голосъ старушки:

— Почему кофе не даютъ?

— Фелти нѣтъ—отвѣтили хоромъ почти всѣ голоса.

— Но почему она такъ долго не возвращается?

— Можетъ быть пошла прогуляться?

— Во время, очень во время!

— Можетъ быть она увидѣла какую нибудь прекрасную картину природы? она такъ любитъ природу!

— И забыла о насъ и о нашемъ кофе!

— Пани Фелиція сегодня плохо выглядитъ. Можетъ быть она не такъ здорова...

— А кто же въ этомъ виноватъ? читаетъ по ночамъ, за то потомъ и плохо выглядитъ. Я всегда говорю, что для женщины всѣ эти учености...

— До... до... донъ Карлосъ сра... сражается! вскакивая со стула, воскликнулъ вдругъ панъ Алоизій,—сно... снова сра.. ср... ср...

— Вдругъ отворились двери и въ залу вошелъ немного знакомый мнѣ молодой чиновникъ изъ губернаторской или какой-то другой канцеляріи. Это былъ юноша благообразный, хорошо сложенный, съ незначительнымъ умственнымъ развитіемъ, но большими сердечными потребностями, но главной отличительной чертой его было непрерывное увлеченье какой нибудь барыней или барышней. Еще слишкомъ бѣдный для того, чтобы имѣть возможность жениться, онъ приносилъ жертвы на алтаряхъ всѣхъ красавицъ Гродна. Притомъ, кромѣ барынь и барышень онъ любилъ еще поэзію и отличался какъ большой памятью, такъ и необыкновенной способностью къ декламаціи, а въ разговорѣ—цвѣтистостью слога. Всѣ эти свойства снискали ему среди барынь большое уваженье и сочувствіе. Это проявилось и теперь, когда появленіе Теофила Сѣкерскаго произвело большое впечатлѣніе въ залѣ Олинскихъ. Всего сильнѣе отразилось оно на паннѣ Эмиліи, что впрочемъ было вполнѣ справедливымъ, потому что первый взглядъ черныхъ глазъ Теофила былъ устремленъ на нее, но и панна Михалина казалась также слегка возбужденной и съ живостью, сдѣлавшей молодымъ ея увядшее лицо, воскликнула, что теперь, когда панъ Теофилъ пришелъ, надо сейчасъ начать играть въ „Вѣтрогона“, потому что уже заранѣе извѣстно, кто будетъ сидѣть въ чепчикѣ. Однако оказалось, что безъ Фелиціи нельзя ни играть въ карты, ни пить кофе, весь домъ со всѣми своими удобствами и удовольствіями былъ въ ея отсутствіи какъ бы парализованнымъ. Опять, слѣдовательно, послышались восклицанья и жалобы.

— Гдѣ Фелтя? почему она такъ замѣшкалась въ городѣ?

Я окончила мой разговоръ съ хозяиномъ дома, а если бы даже и не окончила его, притворилась бы, что мнѣ нечего уже больше сказать—такъ явно послѣобѣденная дремота застилала туманомъ его кроткіе глаза, такое выраженіе тяжелой борьбы съ нею овладѣло его добрымъ и честнымъ лицомъ. Ему ужасно хотѣлось спать, однако же онъ не переставалъ быть радушнымъ. Онъ приглашалъ меня на кофе и это приглашенье повторили также мать, тетка, сестра и дочь его. Когда же я рѣшительно собралась уйти, всѣ вмѣстѣ заставили меня обѣщать, что я покрайней мѣрѣ въ другой день, какъ можно скорѣе, приду къ нимъ. Потомъ панъ Іосифъ проводилъ меня вплоть до дверей передней, а пока старшій сынъ его съ вѣжливой поспѣшностью подавалъ.

мнѣ мантилью, онъ еще несмотря на дремоту, которая сильно затрудняла его рѣчь, надѣлялъ меня совѣтами и увѣреньями, касающимися моего дѣла и доказывающими одновременно честность его характера и доброту его сердца.

Квартира Олинскихъ помѣщалась во второмъ этажѣ одного изъ каменныхъ домовъ города. Спускаясь съ лѣстницы, я увидала стоящую у одного изъ поворотовъ ея ниже меня женщину, поза которой поразила и даже слегка удивила меня. Это была женщина высокая, очень стройная, въ темной накидкѣ и черной шляпѣ, изъ подъ которой виднѣлась густая каштановая коса, съ огненнымъ отливомъ. Она стояла совершенно неподвижно, облокотясь о перила лѣстницы, слегка подавшись впередъ станомъ и подперевъ лицо ладонью. Эта поза была краснорѣчива. Она выражала усталость и раздумье, она стояла и такъ опиралась на руки, что изъ лица ея я видѣла только часть бѣлаго лба и глаза— большіе, темноголубые, до половины прикрытые опущенными вѣками, и печально, ужасно печально засмотрѣвшіеся внизъ. Она сначала не слышала моихъ приближающихся къ ней шаговъ. Я тоже съ минуту присматривалась къ ней съ любопытствомъ и догадалась, кто она была, потому что въ другой рукѣ, безпомощно отпущенной, она держала большую закрытую корзину, заключавшую въ себѣ навѣрно пирожное къ кофе. Вотъ почему она не возращалась такъ долго и такъ не во время медлила внѣ дома. Но что овладѣло ею тутъ и задержало? Усталость, взывающая о минутѣ отдыха, или назойливая и неотвязная мечта, или превышающая силы минута сожалѣнья или борьбы? Все это вмѣстѣ выражалось въ ея позѣ и взглядѣ. Наконецъ она услышала мои шаги, встрепенулась, какъ бы пробужденная отъ сна, и взбѣжала на лѣстницу такъ быстро, что у меня передъ глазами только промелькнулъ бѣлый изящный, напоминающій камею профиль ея лица.

Отойдя на нѣсколько сотъ шаговъ отъ квартиры Олинскихъ, я уже издалека узнала идущаго мнѣ на встрѣчу Адама Тарницкаго. Даже издали нельзя было не узнать его, потому что преисполненная силы и спокойствія фигуза, мыслящій и нѣсколько гордый лобъ, и какъ въ походкѣ, такъ и въ движеньяхъ какое-то неуловимое достоинство, которымъ отличается наружность высокообразованнаго человѣка, заставляли его выдѣляться въ толпѣ не только уличной, но и во всякой другой.

Если понимать и природу по образу и подобію нашему, то можно предполагать, что и она, какъ мы, переживаетъ минуты хорошаго и дурнаго расположенія духа, минуты усиленнаго и энергичнаго, или утомленнаго и вялого творчества. Если бы я понимала природу вышеупомянутымъ способомъ, то я предположила бы, что Адама Тарницкаго она

создала въ приступѣ великой доброты и прекраснаго вдохновенія. Это былъ конечно одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе совершенно организованныхъ людей. Земледѣлецъ по призванію, онъ былъ настолько же почитателемъ, какъ и знатокомъ науки, а въ глубинѣ своей груди носилъ искру поэзіи и увлеченія, которая была причиной многихъ его достоинствъ и страданій. Какъ бы въ шутку, я говорила ему всегда, что онъ совершаетъ тяжкій грѣхъ, не обзаводясь такъ долго семейнымъ очагомъ, по просту не женясь. Ему вскорѣ стукнетъ сорокъ,—когда же потомъ ему удастся насладиться тепломъ этого очага? Когда онъ взроститъ для общества подобного себѣ сына? когда, наконецъ, осчастливитъ какую нибудь особу, принадлежащую къ несчастному полу? На все это онъ отвѣчалъ мнѣ иногда также шуткой, однако чаще серьезными и слегка печальными словами:

— Не нашелъ, не видѣлъ, не знаю.

Не нашелъ, не видѣлъ, не познакомился съ такой женщиной, которая соотвѣтствовала бы потребностямъ сердца и ума его. Увы! онъ жилъ не только сердцемъ, а самое большое счастье жить только сердцемъ, потому-что, если вдобавокъ и голова еще живетъ, то и у сердца тотчасъ являются многочисленныя и очень деспотическія требованія. Однако съ нѣкоторыхъ поръ я замѣтила, что этотъ предметъ разговора сталъ непріятенъ Тарницкому. Потому то я перестала затрогивать его въ разговорахъ и только въ одиночествѣ мысленно спрашивала себя: неужели-же, наконецъ, онъ нашелъ, увидѣлъ, познакомился?

Мы поздоровались по обыкновенію дружески и искренно. Я тотчасъ сказала ему, что иду отъ Олинскихъ.

— А я къ нимъ,— отвѣчалъ онъ.

Я никогда не слыхала о томъ, что онъ знакомъ съ этой семьей. Онъ сказалъ мнѣ, что знакомъ съ ней съ годъ, а посѣщалъ сначала очень часто, потомъ рѣже, все же, однако, всякій разъ, какъ бывалъ въ городѣ, слѣдовательно черезъ двѣ недѣли, иногда каждую недѣлю. Вдругъ у меня въ головѣ мелькнуло соображеніе, что съ нѣкоторыхъ поръ панъ Адамъ бывалъ въ Гроднѣ чаще прежняго. Однако я этого не высказала. За то я довольно пространно разсказала о томъ, какъ я мимоходомъ видѣла сегодня пани Фелицію Олинскую, что угадывала изъ позы ея и взгляда, какимъ дѣвственнымъ мнѣ показался ея станъ, и чистой, нѣжной и только слегка утомленной линія ея профиля.

Панъ Адамъ молчалъ. Онъ шелъ по троттуару подлѣ меня, а когда я повернула къ нему голову, я увидѣла, что лицо его было странно взволновано; нельзя иначе очертить перемѣны, происшедшей въ немъ, какъ словомъ волненіе: оно напоминало поверхность глубокой воды, ко-

торую шаловливая рука взволнуетъ брошеннымъ камнемъ, тогда на ней появляется порывистое движеніе, линіи углубляются, и брыжжутъ искры, въ которыхъ, когда день пасмуренъ и вода не лазурна и не прозрачна, есть нѣчто мрачное.

По разнымъ причинамъ я бывала потомъ у Олинскихъ очень часто. Съ Фелиціей я познакомилась, когда я посѣтила ихъ во второй разъ. Сколько лѣтъ ей было тогда, не знаю хорошенько; должно быть она была не особенно молода, потому-что была уже десять лѣтъ замужемъ, однако же я не ошиблась, говоря пану Адаму, что станъ ея и всѣ движенія отличались поразительнымъ отпечаткомъ дѣвственности. Видя ее издалека, какъ она въ скромномъ платьѣ и домашнемъ передничкѣ, съ волосами, гладко причесанными и свернутыми на затылкѣ въ одну лоснящуяся косу, расхаживала по комнатамъ, дѣятельная, услуживающая всѣмъ, живая и легкая, можно было ее принять за младшую дочь въ семьѣ, дѣвушку, не достигшую еще двадцатилѣтняго возраста. Эта моложавость—или точнѣе дѣвственность ея фигуры, обусловливалась, можетъ быть, какъ большой простотой и скромностью наряда и прически, такъ изяществомъ и полнѣйшей гармоніей формъ. Профиль ея лица, тонкій, чисто греческій, съ линіей носа, спускающейся прямо отъ лба, и кроткимъ очертаніемъ розовыхъ губъ, также придавалъ ей видъ первой молодости, и только тогда, когда взглянешь ей прямо въ лицо, въ ней можно было признать не дѣвушку уже, но женщину, прекрасный лобъ которой не обладалъ атласной гладкостью лепестка лиліи, а продолговатые темносиніе глаза лазурью весны; наоборотъ, кожа ея очень бѣлая отъ природы, была слегка увядшей и блѣдной, а взглядъ, пристальный, проницательный съ жгучимъ отблескомъ на днѣ, изобличалъ знойный полдень жизни, преисполненный какъ чувства, такъ и мысли. Она была всего красивѣе тогда, когда говорила или смѣялась, потому что голосъ у нея былъ звучный и гибкій, лицо быстро измѣнялось, а увлеченье или веселость разжигали настоящіе костры.

Она смѣялась въ ту самую минуту, когда я входила въ залу Олинскихъ, и я уже изъ другой комнаты слышала короткія, жемчужныя гаммы ея смѣха. Причиной ея веселости былъ двѣнадцатилѣтній Мечисъ, который поймалъ ее посреди залы и, несущую подносъ со стаканами, полными кофе, обнималъ и цѣловалъ съ большой опасностью для несомыхъ предметовъ. Видно старушка мать испугалась за свой кофе, потому-что она воскликнула привычнымъ голосомъ, повышеннымъ до звука печальной жалобы:

— Вѣдь ты, Фелиція, такъ избаловала этого мальчишку, что ни минуты покою...

— Потому—Фелиція, мама, хочетъ его воспитывать по какой-то мудреной методѣ,—прервала панна Михалина, бросивъ искоса сверкающій взглядъ на невѣстку.

Смѣхъ Фелиціи утихъ, какъ внезапно порванная нитка жемчуга. Она отстранила мальчугана отъ себя и, поставивъ подносъ на столъ, стала разносить стаканы кофе. Въ эту минуту замѣтили мой входъ и прямо оглушили меня привѣтствіями. Тамъ всегда такъ радовались приходу гостя, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ каждый разъ приводилъ съ собой Бога. Панъ Іосифъ, который всталъ изъ за карточнаго стола, представилъ мнѣ свою жену. Она пожала мнѣ руку тепло, искренно посмотрѣла на меня своимъ пристальнымъ блестящимъ взглядомъ и опять начала разносить кофе. Прислуги у семьи многочисленной и хотя зажиточной, но не богатой,—видно немного.

Географія и топографія залы были въ эту минуту слѣдующія: въ самой серединѣ царилъ карточный столикъ, за которымъ сидѣли хозяинъ дома, мать его и пани Скверская. Тутъ играли втроемъ, потому-что Людвигъ Окимскій перекочевалъ къ продолговатому столику, стоящему между диваномъ и креслами, на которыхъ сидѣли панны Михалина и Эмилія, двое гимназистовъ и панъ Теофилъ Сѣкерскій; каждый изъ нихъ держалъ карту въ рукѣ и вмѣстѣ съ прочими игралъ въ „Вѣтрогона“.

У окна, съ лицемъ, заслоненнымъ листомъ газеты, сидѣлъ дядя, отставной профессоръ, а шагахъ въ двухъ отъ него тетка Линевская вышивала на филейной салфеткѣ желтую или красную розу.

Приходъ опять прервалъ видно привычную послѣобѣденную забаву, а когда, усѣвшись подлѣ старушки, я слушала разсказъ ея о томъ, что лакрица необыкновенно полезна для кашля и доказательства пани Скверской, что овсяный сахаръ имѣетъ неоспоримое преимущество передъ ней—у продолговатаго стола Окимскій показывалъ паннѣ Михалинѣ фокусъ, который онъ дѣлалъ уже не съ картами, а съ ножами. Гимназисты, нагнувшись надъ столомъ, усердно и громко изучали фокусъ, а панъ Теофилъ вполголоса декламировалъ паннѣ Эмиліи, вычитанное въ одномъ изъ періодическихъ изданій, новѣйшее стихотвореніе о сердцѣ, которое разбилось. Притомъ всѣ усердно пили кофе или скорѣе ѣли. На каждый изъ столовъ Фелиція поставила корзины, наполненныя различнымъ печеньемъ, и горшечки со сливками, покрытыми желтыми пѣнками. Всѣ руки двигались около стакановъ, корзинъ и горшечковъ, всѣ челюсти двигались также, ничуть не мѣшая движенію языковъ, ѣли почти столько же, сколько говорили. За продолговатымъ столомъ смѣялись также надъ фокусами Окимскаго, и съ этимъ смѣхомъ сливалась только одна трогательная нота, пѣсня о сердцѣ, которое разбилось, слегка заглушаемая ѣдой, наполнявшей уста.

распѣвающаго ее барда. Послѣ долгихъ просьбъ моихъ и энергичныхъ протестовъ противной стороны общество согласилось на продолженіе своей забавы, т. е. опять принялось за карты. Въ туже минуту Фелиція встала подлѣ меня и жестомъ указала мнѣ на стоящій въ сторонѣ диванъ. Предметъ разговора подвертывался самъ собою. У насъ былъ общій знакомый. Садясь подлѣ меня, она начала.

— Я очень желала познакомиться съ вами, пани. Я слышала о васъ много отъ пана Тарницкаго... Онъ вашъ искренній другъ.

Она говорила это радушно, смѣло и спокойно глядя мнѣ въ лицо своими большими глубокими глазами. Я сказала ей, что панъ Адамъ одинъ изъ тѣхъ людей, дружба которыхъ не только пріятна, но и позволяетъ человѣку гордиться ею.

— Вы знаете это, пани, навѣрно лучше и основательнѣе меня— отвѣчала она. Обрадованная тѣмъ, что я могла говорить хорошее о своемъ другѣ, я начала ей разсказывать объ извѣстныхъ мнѣ близко цѣляхъ Тарницкаго поднять уровень какъ мѣстнаго земледѣлія, такъ и быта и нравственности деревенскаго населенія, объ устойчивости, съ которой онъ провозглашалъ и распространялъ свои научные и общественные принципы, несмотря на множество непріятностей и потерь, которымъ онъ подвергался изъ за этого, о домѣ его, который на довольно широкомъ пространствѣ и для значительнаго количества людей былъ единственнымъ очагомъ просвѣщенія, прогресса, поощренія.

Говоря обо всемъ этомъ, я замѣтила, что чѣмъ дальше я говорила, тѣмъ болѣе цвѣтъ лица, поза и взглядъ слушающей меня женщины оживлялись и принимали выраженіе, изобличающее испытываемыя ею чувства счастія и гордости. Разсказъ мой очевидно заставлялъ ее чувствовать себя счастливой и гордой. Щеки ей покрывались блѣднымъ румянцемъ, глаза заблестѣли яснымъ свѣтомъ, поднявъ невольнымъ движеніемъ голову и съ восторженной радостью складывая руки, она воскликнула:

— О, пани! какое это счастье, что существуютъ на свѣтѣ такіе люди...

Однако, быстро и съ очевиднымъ навыкомъ сдерживать свои волненія, она овладѣла своимъ увлеченіемъ и сказала снова спокойно:

— Я знала обо всемъ этомъ и прежде, только не такъ подробно. Я никогда ни съ кѣмъ ни о чемъ подобномъ не бесѣдую. Я также многимъ обязана пану Тарницкому. Мы видимся рѣдко и говоримъ другъ съ другомъ очень мало, однако, бесѣды съ нимъ и книжки, которыя онъ мнѣ даетъ, открыли мнѣ глаза на многія вещи, хотя...

Она задумалась и минуту спустя, устремивъ взглядъ въ землю, прибавила тише!

— Но хотя я не знаю, благодѣяніе-ли это открывать кому-нибудь глаза...

— Неужели же вы, пани, сторонница святого убожества духа? — спросила я.

— Нѣтъ, отвѣчала она быстро,—конечно, нѣтъ. Наоборотъ, я думаю, что богатые духомъ, тѣ, которые много чувствуютъ, знаютъ и думаютъ, являются свѣтомъ человѣчества, можетъ быть даже всѣмъ человѣчествомъ: только...

Она подняла голову и окончила съ улыбкой:

— Только мнѣ кажется также, что счастливѣйшими подъ солнцемъ являются—младенцы. Ни обязанности, ни совѣсти, ни борьбы,—полнѣйшее равнодушіе ко всему, что не они, полнѣйшее невѣдѣніе. При томъ всегда при нихъ какія-нибудь объятія, которыя ихъ охраняютъ, баюкаютъ и утѣшаютъ...

Голосъ ея слегка задрожалъ, но въ то же время она засмѣялась почти вслухъ.

— Вы навѣрное обвините меня, пани, въ томъ, что я противорѣчу себѣ самой; это правда. Въ людскихъ мнѣніяхъ и желаніяхъ всегда множество противорѣчій. На этотъ разъ, однако, можетъ быть я съумѣю примирить два, повидимому, противорѣчивыхъ мнѣнія. Личное достоинство человѣка и счастіе, вѣдь это вещи чрезвычайно различныя. И вотъ мнѣ кажется, что богатые духомъ самые достойные, а нищіе духомъ самые счастливые. Неправда-ли, пани?

Я хотѣла отвѣтить, но изъ-за преферансоваго столика послышался громкій и жалобный голосъ старушки:

— Фелтя! У пани Скверской кофе нѣтъ...

Она быстро встала и, кивкомъ головы, извиняясь передо мной за то, что она удалилась, выбѣжала изъ залы. Въ ту же минуту, за продолговатымъ столомъ передъ диваномъ поднялся шумъ и крикъ неописанный. Партія въ „Вѣтрогона“ была окончена, карта, оказавшаяся подъ пару той, которая была спрятана подъ ящикомъ съ сигарами, находилась въ пухлыхъ рукахъ Окимскаго. Ему надѣли на голову бѣлый чепчикъ съ широкой оборкой. Этимъ чепцомъ его украсила собственноручно панна Михалина, за что онъ запечатлѣлъ у нея мимоходомъ поцѣлуй на ладони, потомъ, какъ бы въ доказательство того, что онъ умѣлъ героически переносить несчастіе, онъ сложилъ руки и съ соотвѣтствующими движеніями тѣла и чертъ лица, началъ показывать, какъ нищенки на паперти читаютъ молитвы. Онъ подражалъ полупьяной бабѣ такъ пре-

восходно, что даже личности, играющія въ преферансъ, перестали играть и стали къ нему присматриваться, а панъ Іосифъ, обращаясь ко мнѣ съ искренней веселостью, воскликнулъ:

— Что это за неоцѣненный комикъ, нашъ панъ Людвигъ!

— Не...нео...о...ооцѣ...ненный!—выкрикнулъ у окна отставной профессоръ, котораго превосходное подражаніе молящейся нищенкѣ отвлекло отъ горизонта европейской политики къ семейнымъ забавамъ. Этотъ отзывъ его послужилъ поводомъ къ измышленію новой утѣхи. Окимскій вскочилъ со стула:

— Панъ профессоръ! пожалуйте сыграть въ „Вѣтрогона“.

— Пожалуйста, дядюшка, пожалуйста. Дядюшка навѣрное наслѣдуетъ чепчикъ по пану Людвигу!

— А ко...ко...нечно. Я вѣт...вѣтрогонъ такой...

Компаніей напали на профессора и тащили его къ столу за руки и за полы стараго вицмундира. Видя отчаянное положеніе своего стараго друга, тотка Линевская рѣшила его раздѣлить съ нимъ. Энергичнымъ движеніемъ сбросила она съ своихъ колѣнъ вязаніе и шерсть и встала.

— Подождите-же—сказала она,—если я съ молоду была немного вѣтрогонкой, можетъ быть также и подъ старость съумѣю быть ею... Дайте мнѣ стулъ...

Всѣ сильно обрадовались тому, что завлекли двухъ старыхъ друзей въ игру въ „Вѣтрогона“. Ихъ посадили рядомъ и сейчасъ же стали кричать, что дядюшка и тетушка теперь походятъ на г-на пастора и г-жу пасторшу.

— Будемъ играть въ пастора и пасторшу, я чрезвычайно люблю пасторовъ!—воскликнула панна Михалина съ огненнымъ взглядомъ на Окимскаго, который былъ, вѣроятно, послѣдователемъ реформатской религіи.

Задумано—сдѣлано. Въ одно мгновеніе „Вѣтрогонъ“ превратился въ пастора и пасторшу.

Фелиція принесла кофе для пани Скверской, за ней служанка внесла и поставила на столы корзины плодовъ, а также и кучи десертныхъ тарелокъ и ножей.

— О, какія прелестныя яблочки!—Я не думалъ, чтобы такіе прекрасные плоды можно было еще найти въ эту пору. Но чего же милая Фелиція не найдетъ!

И такъ какъ въ эту самую минуту именно она стояла подлѣ него, чистя апельсинъ для матери, онъ поцѣловалъ у ней руку.

— Ужъ правда,—проговорила пани Скверская,—рѣдкость имѣть такого добраго мужа, какъ панъ Іосифъ. Онъ благодаритъ за все жену, такъ ласково и мило...

— Фелтя!—скамейку подъ ноги!—пожаловалась старушка.

Она принесла матери скамеечку подъ ноги и вернулась ко мнѣ. Я также, выпивъ кофе, ѣла плоды. Отъ плодовъ разговоръ легко перешелъ на деревню. Я узнала, что Фелиція родилась и воспитывалась въ деревнѣ.

— Я знаю, говорила она,—что большіе города очень необходимы на свѣтѣ и могутъ быть также очень веселы. Зачѣмъ, однако, Богъ повелѣлъ исторіи создавать маленькіе городишки? не понимаю.

— Въ моей родимой деревнѣ,—разсказывала мнѣ она минуту спустя,—я помню одно мѣсто, которое я особенно любила. Это была лужайка, просто лужайка, слегка низкая, съ травой всегда очень зеленой и клочками розоваго клевера... Въ одномъ мѣстѣ тамъ росла...

— Фелтя! знаешь что? если бы чуточку наливочки... которая... ты знаешь? Можетъ быть и вы, сударыня моя милостивая, любительница... легонькая!

Незнаю почему, она довольно громко звякнула ключами, отягощавшими карманъ ея передника. Она встала и вышла. Минуту спустя она вернулась со служанкой, которая несла на подносѣ наливку и рюмки. Она налила наливку въ рюмки и раздала ихъ тѣмъ, которые играли въ преферансъ, и тѣмъ, которые играли въ пастора и пасторшу.

Старушка не пила наливки и велѣла подать себѣ коробочку съ лакрицей. Она принесла коробочку. Мужъ опять поцѣловалъ у ней руку. Она вернулась къ нашему дивану и усаживаясь тамъ, точно ничто вовсе не прерывало ея разсказа, или по крайней мѣрѣ ея размышленія о родной деревнѣ, заговорила:

— Тамъ росла группа очень старыхъ ольхъ, среди которыхъ въ лѣтніе полдни было такъ тихо, какъ подъ самымъ небомъ. Только желтые иволги свистали. И теперь еще, когда я закрою глаза, я вижу иногда подъ вѣками старую, кривую ольху, и мнѣ кажется, что я слышу свистъ иволги... Испытываете ли вы, пани, иногда подобныя галлюцинаціи? Я очень часто, чаще всего, когда бываю утомлена. Мнѣ достаточно сомкнуть вѣки, чтобы передо мной мелькали различныя картины и лица, быстро-быстро являются онѣ и исчезаютъ, но порой какое-нибудь лицо появится такъ ясно и стоитъ передо мной такъ долго...

Въ залѣ затихло и смерклось. За карточнымъ столикомъ хозяинъ дома и его мать уснули, или вѣрнѣе задремали на тѣхъ же самыхъ стульяхъ и почти въ тѣхъ же позахъ, въ какихъ играли въ префе-

рансъ. Старушка даже еще держала растопыренныя вѣеромъ карты, которыя, однако, постепенно выпадали у нея изъ рукъ. Карты пана Іосифа уже давно разсыпались на его колѣни и на полъ, онъ слегка похрапывалъ. Пани Скверская и гимназисты исчезли, а въ углахъ залы слышался сдержанный шопотъ. Тетка и дядя шептались между собой о славныхъ прежнихъ временахъ, панна Михалина и панъ Окимскій о томъ, что заставляетъ холостяка, которому перевалило за сорокъ, жениться: любовь, люди или чортъ? Панна Эмилія и панъ Теофилъ о томъ, убиваетъ ли любовь безъ взаимности или не убиваетъ? На эти четыре пары людей, точно также какъ и на столы, покрытые разбросанными картами, опустошенными стаканами, рюмками, горшечками, крошками отъ пирожнаго, шелухой отъ плодовъ и грязными ножами, опускался сѣрый покровъ, сотканный изъ дыма сигаръ и папиросъ и врывающагося въ три большія окна сумрака.

— Видѣли ли вы, пани, когда-нибудь деревню, въ которой живетъ панъ Тарницкій?—спросила меня тихо сидѣвшая подлѣ меня женщина.

Не ожидая моего отвѣта, она разспрашивала дальше.

— Не испытываете ли вы этого, пани, что мы желаемъ знать мѣста, въ которыхъ живутъ люди, являющіяся для насъ чѣмъ-то больше этихъ секундъ, которыя такъ монотонно, однообразно вызваниваютъ эти часы?

Я не тотчасъ отвѣчала, невольно вслушиваясь въ металлическій звукъ часовъ, стоящихъ въ углу залы. Она слушала его также.

— Поймете ли вы это, пани,—спросила она еще, — что можно чувствовать въ сердцѣ, какую-то печальную радость, которая въ сумерки, когда вокругъ насъ немного стихнетъ и намъ нечего дѣлать, вьется между этими секундами, какъ золотая нитка?

Одинъ изъ юмористовъ нашихъ выразился остроумно, что тому, кто вздумалъ бы перенести безупречную нравственность одного героя въ другую часть свѣта, то ему пришлось бы для этой цѣли нанять отдѣльный товарный вагонъ. Я думала также не разъ, что для перевоза безупречной нравственности семьи Олинскихъ понадобился бы отдѣльный и длинный поѣздъ—такъ ея было много. Я не ошиблась, заключивъ съ перваго взгляда, что пани Франциска Олинская была добрая и богобоязненная женщина. Я довѣдалась потомъ, что долгая жизнь ея представляла каплю росы, на которую едва осѣло чуточку повседневной пыли. Она была сначала дочерью, потомъ женой, потомъ матерью, потомъ бабкой; всѣ обязанности, соединенныя съ этими отношеніями, исполняла добросовѣстно, своихъ любила достаточно и всѣ свои ее любили доста-

точно; она не испытала никакого сильнаго несчастія ни нравственнаго ни матеріальнаго; и теперь также, живя при сынѣ, содержала себя на собственныя средства, не большія, но достаточныя.

Что же сказать о сынѣ ея, панѣ Іосифѣ? Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ похожъ на нее. Тѣ же черты обыденныя, но пріятныя, та же чистота жизни и полнѣйшая нормальность чувствъ. Онъ никогда никого не обидѣлъ и охотно оказывалъ всѣмъ мелкія услуги, каждую субботу раздавалъ нищимъ рубль, размѣненный на копѣйки, а полнѣйшее довольство образомъ жизни и положеніемъ, выпавшимъ ему на долю, дѣлали его кроткимъ и веселымъ. Правда, я видѣла раза два, что подъ вліяніемъ мелкой заботы или непріятности, онъ метался въ нетерпѣніи, какъ узникъ въ пронзительно звенящихъ цѣпяхъ, или иногда плакалъ чуточку. Но такъ какъ даже мелкія заботы и непріятности случались съ нимъ рѣдко, то нормальнымъ состояніемъ его была веселая доброта.

Около добродѣтелей и достоинствъ этихъ двухъ главныхъ личностей въ семьѣ группировались добродѣтели и достоинства другихъ членовъ семьи. Болѣе всего меня трогали дружба и уваженіе, оказываемыя отставнымъ профессоромъ Хоимскимъ кроткой, и, вѣроятно, очень бѣдной теткѣ Линевской. Въ этихъ изъявленіяхъ было много деликатности и доброты сердца, потому что онѣ обусловливались преимущественно собственной бѣдностью и самымъ труднымъ изъ всѣхъ положеніемъ Линевской въ домѣ Олинскихъ. Она была ему искренно благодарна за это, что также что-нибудь значитъ на свѣтѣ, и мнѣ даже кажется, что эта пара любила другъ друга чувствомъ немного болѣе нѣжнымъ, нежели дружба. Я не могла также никогда удержаться отъ мысли, что газетная манія пана Алоизія имѣла своимъ источникомъ благородное любопытство, возбуждаемое въ немъ судьбами міра, и что манія пани Линевской къ рукодѣлію обусловливалась благороднымъ желаніемъ чѣмъ-нибудь услужить семьѣ, которой она была обязана кускомъ хлѣба. Желанія услужить кому бы то ни было, чѣмъ бы то ни было двѣ барышни— Михалина и Эмилія, правда, не испытывали ни въ малѣйшей степени; однако же, за то онѣ не жаждали вредить никому и ничему, что также что-нибудь да значитъ на этомъ свѣтѣ; онѣ жаждали только понравиться и выйти замужъ, а пока имѣть возможность безпрепятственно сидѣть на диванахъ, кушеткахъ какъ и креслахъ, переходя съ одного на другія, соотвѣтственно той позѣ, какую онѣ хотѣли принять. Нельзя также оспаривать, что ежедневныя развлеченія и удовольствія этой семьи были совершенно невинными и развѣ только самый злой умыселъ могъ усмотрѣть въ нихъ что-либо преступное, или хоть бы вредное.

— Что же преступнаго, что вреднаго могло заключаться въ спаньѣ, одѣваньи, питьѣ и ѣдѣ до обѣденной поры? что въ преферансѣ, вѣтрогонѣ, фокусахъ съ картами и ножами, въ декламаціи о разбивающихся сердцахъ, въ спорахъ о желтой и красной розахъ, которые наполняли послѣобѣденную пору? Въ питьѣ, и ѣдѣ, и болтовнѣ, въ которыхъ проходили вечера? Друзья подлаживались подъ тонъ семьи, съ которой дружили. Между ними не существовало ни одной души, которая была бы запятнана какимъ-нибудь смертнымъ грѣхомъ. Они даже не приносили съ собой никакихъ сплетенъ и тамъ никогда никому не приходило въ голову осуждать кого-нибудь или что-нибудь, хотя бы только на томъ основаніи, что вообще никакія сужденія о чемъ-нибудь происходящемъ за стѣнами ихъ дома не приходили имъ на умъ.

Эти спокойные и почтенные люди, сами не высказывая никакого мнѣнія ни о комъ и ни о чемъ, однако, не были въ состояніи избѣжать различныхъ отзывовъ, высказываемыхъ о нихъ. Однажды молодой Теофилъ Сѣкерскій встрѣтясь со мной, сказалъ:

— Замѣчаете ли вы, пани, что у этихъ господъ Олинскихъ нѣтъ никакого одушевленія?

Это было опредѣленіе довольно мѣткое, однако, для того, чтобы испытать какой запасъ одушевленія таится въ самомъ Теофилѣ, я спросила:

— А панна Эмилія?

— О, пани, воскликнулъ онъ,—это единственная личность между ними съ высшими стремленіями.

— Какъ это?—повторила я,—а пани Фелиція? Вѣдь она очень красива?

— И не такъ красива и молода, какъ панна Эмилія, — отвѣтилъ искатель одушевленія и сторонникъ высшихъ стремленій.

Нѣсколько иначе опредѣлилъ ихъ Адамъ Тарницкій, когда мы, однажды вмѣстѣ съ нимъ вышли изъ квартиры Олинскихъ.

— Глядя на этихъ людей, —сказалъ онъ – не угадываете ли вы, пани, одну изъ главныхъ причинъ печальнаго экономическаго состоянія нашей страны?

— Достаточно, съ меня будетъ,—отвѣчала я, — если я угадаю экономическую тайну одного этого дома. Такая несоразмѣрность производства и потребленія... не понимаю.

— Увы!—вздохнулъ панъ Адамъ,—я понялъ; мнѣ ее объяснило одно изъ печальнѣйшихъ явленій нашей жизни...

— Какое же именно?

— Интеллигенціи, находящейся на службѣ у...

Онъ вдругъ остановился и протянулъ мнѣ руку на прощаніе. Мнѣ показалось, что глаза его гнѣвно сверкнули.

— Это правда, — воскликнула я, — пани Фелиція интеллигенція, которая...

— Не оканчивайте, пани, — прервалъ онъ меня почти запальчиво, — и не будемъ никогда говорить объ этомъ предметѣ. Бываютъ чувства и мысли, которыхъ не слѣдуетъ касаться снова, потому, что какъ задѣтыя струны, онѣ могутъ распѣться, а должны молчать.

— Молчаніе трудно, — сказала я.

— Не скорбите о немъ, пани, но лучше воспользуйтесь случаемъ присмотрѣться къ трудной жизни.

— Дѣйствительно, это была жизнь трудная во всѣ секунды, которыя непрерывно, однообразно вызванивали для нея часы, стоящіе въ углу залы. Сначала, когда я смотрѣла на нее, съ той минуты, какъ она вставала до той, когда ей ложиться, она считала, покупала, убирала, сберегала, прибѣгала, когда ее звали, подавала что требовали, играла въ Вѣтрогона, порой въ преферансъ, присматривалась къ фокусамъ съ ножами и картами, слушала декламацію, учила и останавливала двухъ мальчугановъ безплодно, потому-что трудъ ея портила вся атмосфера дома, — я съ удивленіемъ спрашивала себя, какимъ образомъ человѣческое существо можетъ такъ всецѣло, такъ безусловно отречься отъ собственной воли?.. Потомъ, однако, когда я близко узнала ее и научилась угадывать каждое измѣненіе чертъ и блескъ ея глазъ, я думала нерѣдко, что она обладаетъ сильной волей. Когда мы были уже добрыми друзьями, она мнѣ сказала:

— Я была одна на свѣтѣ, и у меня не было никого и ничего своего. Это моя семья и единственная цѣль моего существованія на свѣтѣ.

Иногда содраганіе бровей, или судорожно сжатыя губы изобличали внутреннее волненіе, но только разъ, въ одну изъ такихъ минутъ, усаживаясь подлѣ меня, она сказала вполголоса:

— Если бы я вѣрила въ рай, то я бы думала, что тамъ люди не пьютъ и не играютъ въ вѣтрогона.

— А взамѣнъ? спросила я шутливо.

Она задумалась, потомъ быстро и съ прерывающимся смѣхомъ отвѣчала:

— Развѣ же я знаю? Пусть о раѣ разсказываютъ тѣ, которые въ немъ были...

Что она имѣла своего и для себя? Она читала немного, иногда утромъ между заказываньемъ обѣда и разливаньемъ чаю, иногда вечеромъ между обѣдомъ и забавами и вечернимъ чаемъ, чаще всего ночью.

— Іосифъ, разсказывала она мнѣ, не очень-то любитъ, когда я читаю, а я ни за что не хочу ни спорить съ нимъ, ни огорчать его; къ счастью, онъ спитъ такъ крѣпко и непробудно, что навѣрно бы не слыхалъ, хоть бы я умерла подлѣ него въ припадкѣ истерическаго смѣха.

Однажды, входя въ домъ, изъ котораго въ видѣ рѣдкаго исключенія разбрелись всѣ его обитатели, я услышала ее играющей на фортепіано. Увидѣвъ, что я вхожу, она воскликнула:

— Всѣ пошли къ вечернѣ. Іосифъ сопровождаетъ въ костелъ мать, дядя тетку, панъ Окимскій Михалину, а панъ Теофилъ Эмильку. Пани Скверская хотѣла, чтобы я ее сопровождала, но я отказала рѣшительно и она пошла одна.. Играю.

Она не обладала большой техникой, потому что она никогда не имѣла ни времени, ни средствъ ее пріобрѣсти; но въ музыкѣ ея былъ отпечатокъ необыденнаго таланта и вдохновенье. Она была почти артистка.

Адама Тарницкаго, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, я встрѣтила у Олинскихъ только раза два. Онъ приходилъ рѣдко и ненадолго, едва на какой нибудь часокъ, и приносилъ съ собою какъ бы вѣянье, какъ бы отблескъ міровъ другихъ, очень отдаленныхъ отъ этого дома. Конечно, онъ говорилъ тутъ всегда о вещахъ обычныхъ, почти повседневныхъ, но я много разъ уже подмѣчала, что разговоръ человѣка интеллигентнаго и просвѣщеннаго о дождѣ и погодѣ можетъ болѣе занять и освѣжить умъ, нежели разсужденье дурака о философіи. Ни для кого же не тайна, что въ извѣстныхъ положеніяхъ людямъ интеллигентнымъ и просвѣщеннымъ приходится говорить о дождѣ и погодѣ, а извѣстнаго разряда дураки очень любятъ толковать о философіи.

Всякій разъ, какъ онъ входилъ въ залу, Фелиція стояла нѣсколько секундъ какъ прикованная къ тому мѣсту, гдѣ онъ заставалъ ее, входя. Потомъ однако же она шла къ нему быстро, а когда, здороваясь, она искреннимъ движеньемъ подавала ему обѣ руки, глаза ея, возведенные на его лицо, сіяли счастьемъ. Онъ также, входя сюда, казался такимъ веселымъ, какимъ я никогда не видѣла его нигдѣ. Однако, это продолжалось недолго. Всѣ считали себя обязанными занимать такого гостя, какимъ былъ панъ Адамъ, и занимали: голосъ Фелиціи рѣже всѣхъ слышался въ хорѣ бесѣдъ; зато громче всѣхъ раздавалась заикающаяся рѣчь Хоимскаго, который, расточая передъ паномъ Адамомъ свои политическія гипотезы, въ пылу доказательствъ уводилъ его все далѣе къ окну залы.

Цѣлый часъ нерѣдко протекалъ такимъ образомъ, что гостя отъ хозяйки раздѣляло цѣлое пространство залы, и ни онъ, ни она не пы-

тались, повидимому даже не хотѣли приблизиться другъ къ другу, только съ ея лица счастье, а съ его веселость исчезали. Потомъ, передъ самымъ уходомъ своимъ, онъ бесѣдовалъ съ ней пять или десять минутъ, громко, въ присутствіи всѣхъ, о какой-нибудь книжкѣ, о какомъ-нибудь музыкальномъ произведеніи, о чемъ-нибудь совершающемся гдѣ-то въ ясномъ мірѣ Божьемъ. Въ эту бесѣду никогда присутствующіе не вмѣшивались, не замѣчали, какъ съ минуту двѣ пары глазъ глядѣли другъ на друга прямо и глубоко и какъ они оба внезапно опоминались. Фелиція отворачивалась и начинала что-то говорить быстро и смѣяться, панъ Адамъ бралъ шляпу и уходилъ. Потомъ онъ являлся опять послѣ долгихъ недѣль.

Разъ, закончивъ ловкой остротою разговоръ съ панной Эмиліей, которая допрашивала его, какіе глаза онъ предпочитаетъ, черные или голубые, онъ попросилъ Фелицію сыграть. У меня было сильное подозрѣніе, что эта просьба вытекала изъ желанья поговорить съ ней съ глазу на глазъ при звукахъ музыки. Не ручаюсь, не промелькнула ли та же догадка въ головѣ Фелиціи, потому что она смутилась и съ минуту не вставала со стула.

Минуту спустя, однако, она встала и, спокойная, съ улыбкой на губахъ и блескомъ въ глазахъ, перешла къ фортепіано. Панъ Іосифъ, который по просьбѣ Тарницкаго кончилъ партію преферанса, улыбнулся блаженной улыбкой и сталъ крутить свои густые усы. Ему очевидно льстило, что его жена въ состояніи развлекать своей игрой такого взыскательнаго гостя. Она усѣлась за фортепіано и играла, онъ стоялъ близко отъ нея и взглядомъ окидывалъ ея голову, отливающую огненнымъ отблескомъ, который свѣтъ, падающій изъ окна, разжигалъ у ней въ волосахъ. Она играла долго и они не обмѣнялись между собою ни единымъ словомъ, только постепенно игра Фелиціи становилась все болѣе медленной, слабѣла, наконецъ, замерла совсѣмъ. Руки ея соскользнули съ клавишъ и быстро, склонивъ голову, вышла она изъ залы. Когда она вернулась черезъ нѣсколько минутъ, пана Адама уже не было. Говоря, что онъ торопится еще сегодня вернуться въ деревню, онъ, улыбаясь и кланяясь во всѣ стороны, простился съ обществомъ, а панну Михалину вѣжливо попросилъ поклониться отъ него невѣсткѣ.

Вы, часы, непрерывно вызванивающіе тамъ въ сумракѣ протекающія секунды, вашъ металлическій бой одинъ изъ тѣхъ невидимыхъ путей, которыми къ намъ прилетаютъ сюда воспоминанья!

Я помню, что когда я однажды пришла къ Олинскимъ, Фелиція показалась мнѣ сильно измѣнившейся. По блѣдному лицу ея пробѣгалъ

ежеминутно отблескъ тайныхъ волненій, глаза смотрѣли глубже и свѣтились ярче обыкновеннаго.

Здороваясь со мной, Іосифъ воскликнулъ:

— Странное дѣло, что вы, господа, всегда сходитесь съ паномъ Тарницкимъ! Михалинка ходила сегодня въ лавки за покупками и встрѣтила его въ городѣ. Онъ сказалъ, что придетъ къ намъ послѣ обѣда.

— Это первый разъ, что онъ предупредилъ насъ, замѣтила панна Михалина,—онъ всегда приходитъ неожиданно.

— Почтенный человѣкъ и умный, о! очень умный! воскликнулъ панъ Іосифъ.

— Состоятельный и достойный помѣщикъ, прибавила старушка.

— Очень красивый, дополнила панна Эмилія и тотчасъ, взглянувъ на пана Теофила, который былъ брюнетомъ, прибавила:—хоть блондинъ, а я вообще блондиновъ не люблю!

Фелиція усѣлась за продолговатый столъ съ работой въ рукѣ, но работа вскорѣ упала у нея на колѣни.

— Ахъ, какъ у меня сегодня голова болитъ! шепнула она паннѣ Эмиліи такъ тихо, точно стыдилась своей жалобы.

— И у меня сейчасъ болѣть будетъ, потому что я уже чувствую легкое сжиманье въ вискахъ, отвѣчала молодая, румяная и крѣпко сложенная дѣвушка.

Это была минута, когда всѣ пили кофе. Кому-то что-то понадобилось для этого важнаго дѣянія. Фелиція слегка, нетерпѣливымъ движеніемъ, подняла голову и обратилась съ сестрѣ мужа:

— Пожалуйста, Михася, выручи меня сегодня.

Сидящая подлѣ своего жениха или только вздыхателя барышня поднялась съ дивана такъ лѣниво и неохотно, что Фелиція, удержавъ ее легкимъ прикосновеньемъ руки и кивкомъ головы, сама выбѣжала изъ комнаты.

— Пани Фелиція право неутомима, сказала я старушкѣ, подлѣ которой усѣлась.

— А недурная бабенка, очень недурная! отвѣчала она съ разсѣянностью, вызванной вѣроятно тасованіемъ картъ преферанса.

Панъ Іосифъ живо заспорилъ съ матерью.

— Какъ это недурная, мамочка! Это ангелъ, не женщина! Ужь правда нужно мое счастье, чтобы два раза такъ удачно напасть. Первая жена моя была также ангелъ. Я потерялъ ее. Домъ безъ хозяйки, малыя дѣти безъ матери... А вотъ теперь у меня опять бабеночка славная, добрая, трудолюбивая—и слава Богу!

Я невольно припомнила то, что она когда-то говорила мнѣ о счастіи младенцевъ, имѣющихъ подлѣ себя чьи-нибудь объятія, которыя ихъ охраняютъ, баюкаютъ.

Минуту спустя, я спросила ее въ сторонѣ:

— Что съ тобою сегодня?

— Сама не знаю,—отшепнула она,—у меня бываютъ порой такіе дни, что я чувствую себя утомленной, какъ наплакавшійся ребенокъ, и тотчасъ прибавила съ улыбкой: но это пройдетъ.

Я въ первый разъ отважилась коснуться ея личной жизни и чувствъ.

— Не чувствуешь ли ты въ себѣ горести... вражды? спросила я нерѣшительно.

Она взглянула на меня изумленнымъ взглядомъ.

— Вражды? спросила она—къ кому? Развѣ кто нибудь по отношенію ко мнѣ провинился? или люди виноваты въ томъ, что я такова? Если бы они создавали меня, они навѣрно сжалились бы и не снабдили меня на жизненный путь ненужными для него вещами. Но они не создавали меня...

Въ эту минуту ее позвали играть въ „Вѣтрогона“. Она встала. Я удержала ее и спросила:

— Зачѣмъ ты такъ непроизводительно стѣсняешь себя?

— Все равно! отвѣчала она быстро и брови ея дрогнули.—Все равно!...

Едва начался Вѣтрогонъ, какъ вошелъ панъ Адамъ. Я замѣтила, что и онъ также въ этотъ день выглядѣлъ не совсѣмъ такъ, какъ всегда.

Бываютъ же такіе дни, когда человѣку, неизвѣстно почему, все труднѣе, печальнѣе, тяжелѣе обыкновеннаго.

Онъ и Фелиція поздоровались съ поразительнымъ холодомъ и необычайной церемонностью. Я подумала, что когда пламя раздувается и разгорается, то мы ставимъ между нимъ и собою преграды. Однако, черезъ нѣсколько минутъ бесѣды со старушкой и паномъ Іосифомъ, Тарницкій упросилъ ихъ, чтобы они вмѣстѣ съ пани Скверской продолжали преферансъ, а самъ, искусно лавируя между отставнымъ профессоромъ, подстерегавшимъ его съ политической удочкой, и панной Эмиліей, старавшейся уловить его въ сѣть своихъ взглядовъ и шутливыхъ загадокъ, всталъ за Фелиціей. Она въ эту самую минуту держала въ рукѣ карты, развернутыя широкимъ вѣеромъ, и очень тщательно подбирала пары.

— Занимательная игра!—очень серьезно сказалъ Траницкій.

— Занимательная игра! отвѣчала Фелиція съ улыбкой, и на глаза ея навернулись слезы.

— Пожалуйте, пожалуйте играть въ Вѣтрогона, панъ! зазвучало около стола хоромъ.

Онъ вѣжливо поклонился.

— Извините, но я сегодня именно принесъ пани Фелиціи книжку, которую она желала имѣть, и хотѣлъ предложить просмотрѣть вмѣстѣ украшающія ее иллюстраціи. Чистѣйшій и великолѣпнѣйшій Доре.

Я замѣтила, что она вздрогнула.

— Тотчасъ подождите! воскликнула она своимъ серебристымъ голосомъ.—Если бы я теперь ушла, то я бы совсѣмъ испортила партію. Окончу ее, а потомъ...

Онъ скрестилъ руки на груди и, продолжая стоять за ея стуломъ, весело предсказывалъ паннѣ Эмиліи, что она сейчасъ же останется Вѣтрогонкой и украситъ свою голову мужской шляпой. Случилось то, что онъ предсказывалъ. Вокругъ стола поднялся сильный шумъ и громкій смѣхъ. Непарная карта очутилась въ рукѣ молодой дѣвушки, а на головѣ ея очутилась шляпа пана Теофила, которая была ей очень къ лицу.

Фелиція встала, Тарницкій взялъ со стола книжку, которую онъ принесъ съ собою.

Съ мѣста, на которомъ я сидѣла, я могла видѣть, какъ въ сосѣдней комнатѣ, носящей названіе кабинета, они стояли у окна и какъ Фелиція, держа большую и красивую книгу, медленно перелистывала ея страницы.

На этотъ разъ они разговаривали между собою. Они говорили о Божественной Комедіи, о Данте, о геніальномъ рисовальщикѣ, въ произведенія котораго, полныя мрачной фантазіи, они всматривались оба, опустивъ глаза на книжку. По временамъ онъ объяснялъ что-то, или о чемъ-то разсказывалъ и вдругъ умолкалъ; она его спрашивала или отвѣчала, или читала вслухъ строфу поэмы и въ половинѣ періода, въ половинѣ строфы умолкала также. Лучъ заходящаго солнца падалъ на нее изъ окна, такъ что въ сіяніи его она стояла вся какъ въ огнѣ. Онъ, нѣсколько въ тѣни, съ очень блѣднымъ лбомъ и бровями, сдвинутыми на глаза, всматривался уже не въ книжку, но въ пылающее отъ солнца и какъ мраморъ неподвижное лицо ея. Но вотъ разомъ подали они другъ другу руки на прощанье. Съ улыбкой обмѣнялись они еще нѣсколькими словами между собой. Мнѣ кажется, что упоминая о комъ-то изъ своихъ общихъ знакомыхъ, они засмѣялись. Потомъ Тарницкій радушно, даже весело простился съ собравшимся въ залѣ обществомъ и

разъ только, уже въ дверяхъ, кинулъ взглядъ въ глубину кабинета, гдѣ онъ за минуту разговаривалъ съ Фелицiей. Онъ стоялъ со шляпой въ рукѣ, какъ бы еще чего-то ожидая. Я смотрѣла на него пристально; та струна, о которой онъ мнѣ упоминалъ когда-то, должно быть въ этотъ день распѣвала въ немъ какiя-то странныя, безумныя пѣсни. Но кромѣ него никто не слышалъ ихъ.

Полчаса спустя, за карточнымъ столикомъ, панъ Іосифъ и его мать дремали, даже уже спали; изъ его руки карты высыпались на полъ, изъ ея выпадали еще постепенно и медленно. У одного изъ оконъ, пани Скверская и пани Липевская, держа за всѣ четыре угла широко развернутую филейную салфетку, вполголоса, но горячо спорили о цвѣтахъ и формахъ розъ или арабесокъ. У другого окна двое гимназистовъ, стараясь выглянуть на улицу изъ открытой форточки, шептались и хихикали втихомолку. По обѣимъ сторонамъ продолговатаго стола двѣ пары, молодая и немолодая, также шептались. А столы и окна были переполнены стаканами, горшечками, рюмками, крошками отъ пирожнаго и кучками шелухи отъ плодовъ.

Я пошла искать Фелицiю.

Она сидѣла въ глубинѣ кабинета, на диванчикѣ, съ лицомъ въ огнѣ и слезахъ. Я видѣла ее въ первый и въ послѣднiй разъ плачущей. Это былъ плачъ тихiй, горькiй и глубокiй. Я хотѣла удалиться, но она замѣтила меня и подозвала кивкомъ головы. Она взяла меня за руку, склонилась ко мнѣ на плечо и съ лихорадочными лицомъ и голосомъ заговорила:

— Не знаю, назовешь ли ты это преступленiемъ или несчастьемъ, но я не могу отъ этого отречься. Не знаю, назовешь ли ты это благоразумiемъ или безумiемъ, но между нами не будетъ никогда ничего... ничего... ничего... даже и слова.

Она прижала къ груди обѣ ладони, чтобы подавить рыданье, и быстрымъ движенiемъ отерла съ лица слезы, которыя омочили его снова. Она заговорила все быстрѣе и все тише:

— Не могу, чтобы слово его или мое прибавилось къ воспоминанiямъ, которыя чисты, однако вѣчно, какъ заколдованныя, стоятъ передъ глазами! Минуты какъ молнiи... Я жду ихъ, жду, жду! Черезъ недѣлю, черезъ двѣ... послѣзавтра... завтра! и пролетаютъ безмолвно, а потомъ опять... и всегда... и вѣчно будетъ такъ!

Она провела обѣими ладонями по лицу. Она овладѣла собой и о чемъ-то думала съ минуту. Потомъ, опять взявъ меня за руку, она говорила уже медленно и въ раздумьи.

— Слушай, вѣдь немного такихъ людей на свѣтѣ, которые сами избрали себѣ свою долю. Почти всѣмъ намъ, нѣчто, что не является нашей долей и выборомъ, подастъ въ руки прялку и волокна, изъ которыхъ мы должны выпрясть длинную нить жизни. Пряжи бываютъ различны, моя—сѣра. Въ ней вовсе нѣтъ розовыхъ нитокъ, всѣ онѣ пепельнаго цвѣта...

Она улыбнулась дрожащими губами и въ то же время выпрямилась движеньемъ полнымъ рѣшимости.

— Это не бѣда! Я буду прясть молча, съ сердцемъ и челомъ чистымъ... до конца!...

— А та золотая нитка, о которой ты говорила мнѣ когда-то?

Крѣпко, очень крѣпко сжала она мою руку и отвѣтила:

— Эта золотая нитка блеснула мнѣ неожиданная, непрошенная. Надъ сѣрой пряжей моей блеснула высоко и высоко останется... Она свѣтитъ мнѣ съ высоты... какъ лучъ солнца, и, когда я уже очень утомлена и печальна, я обращаю къ ней свой взоръ стремлюсь къ ней сердцемъ и почерпаю въ этомъ нѣсколько силъ и успокоенія...

Говоря это, она глядѣла вверхъ и возводила вверхъ сложенныя руки. Уже только двѣ тихія слезы катились по ея щекамъ. Минуту спустя, закрывая глаза руками, она говорила тихо:

— Потому что знать, что нѣкто хорошій, добрый, великій думаетъ порой о насъ сердечно и съ тоской, и мечтать иногда о великомъ и невозможномъ счастьи... развѣ же это не великая, хоть и печальная радость? Минуту спустя она прибавила—это моя единственная радость на землѣ!...

Я протянула руки, чтобы обнять ее; мнѣ хотѣлось сказать ей многое-многое, но на порогѣ кабинета показался отставной профессоръ съ газетой въ обѣихъ рукахъ. Онъ подошелъ къ намъ очень оживленной походкой и усѣвшись рядомъ съ нами, началъ:

В... важное из... из...извѣстіе.. изъ хо...хода е...европейскихъ, ос... осложненій з...заключить можно, что.., что пос...пос... послы въ Кон... стан...т..т...полѣ ожидаютъ отъ п...п...порты ус...уступокъ въ...въ...въ пользу Гре...Греціи...

Вскорѣ потомъ различныя и независѣвшія отъ меня обстоятельства перенесли меня въ далекія страны. Олинскихъ и Тарницкаго я совершенно потеряла изъ виду и долго не знала, что съ ними творится. Только года черезъ два послѣ того, какъ я уѣхала изъ окрестностей Гродна, я получила отъ пана Адама письмо, которымъ онъ извѣщалъ меня, что, наконецъ, выполняетъ то, что я ему совѣтовала такъ усердно. т. е.—женится. Онъ женился на особѣ, совершенно неизвѣстной мнѣ.

Я на нѣсколько минутъ задумалась надъ этимъ письмомъ. Неужели же оно доказывало, что, наконецъ, панъ Адамъ встрѣтилъ, увидѣлъ, нашелъ? Сомнѣваюсь. Никогда нельзя быть увѣреннымъ, чтобы кто-нибудь доказывалъ дѣломъ именно то, что онъ, повидимому, доказываетъ. По-просту, пришла такая какая-нибудь пора, или минута, или обстоятельство... Обыденно и естественно.

И опять протекло порядочно времени—можетъ быть два или три года—когда я случайно встрѣтилась съ Теофиломъ Сѣкерскимъ, когда-то повседневнымъ гостемъ Олинскихъ. Прежде всего и поспѣшно я спросила его о пани Фелиціи, и, невольно вспомнивъ стихотвореніе, которое панъ Теофилъ декламировалъ о сердцѣ, которое разбилось, я высказала свой вопросъ въ двухъ словахъ:

— Жива-ли?

— А какъ же?—живетъ себѣ по прежнему, отвѣчалъ панъ Теофилъ.

Вполнѣ естественно...

Топеліусъ, какъ поэтъ и публицистъ.

«Ленротъ и Рунебергъ», «Калевала» и «Фенрикъ Столь»—вотъ весь финскій народъ, какимъ онъ былъ и какимъ онъ теперь», писалъ Топеліусъ въ 1875 г. въ своемъ «Путешествіи по Финляндіи». Несомнѣнно, что въ финляндской литературѣ Рунебергъ и Ленротъ являются величинами перваго разряда, такъ какъ они не только положили прочное основаніе ей, но и до сихъ поръ знаменуютъ собою ту степень развитія, какой она достигла; вмѣстѣ съ тѣмъ, для каждаго ясно, что характеризовать литературу всего финскаго народа двумя названными именами можно только для краткости и образности. По свойственной Топеліусу скромности, онъ не вписалъ своего имени рядомъ съ Рунебергомъ, тогда какъ, несомнѣнно, что онъ является прямымъ и общепризнаннымъ преемникомъ сего «короля финской пѣсни» и гордостью финляндцевъ нашихъ дней. Если «Калевала» и «Фенрикъ Столь» не могутъ быть обойдены тѣми, которые пожелаютъ изучить бытъ и характеръ финна, то также неоспоримо, что будущему историку Финляндіи нельзя пройти молчаніемъ многочисленныхъ трудовъ Топеліуса.

Русскимъ читателямъ Захаріи Топеліусъ (род. 1818 г.) почти неизвѣстенъ такъ какъ, до сихъ поръ, кромѣ его сказокъ [1]), ничего не переведено на нашъ языкъ, а со шведскимъ языкомъ, на которомъ онъ пишетъ, мало кто знакомъ въ Россіи. Съ Рунебергомъ и Ленротомъ русскій читатель имѣетъ возможность хоть нѣсколько ознакомиться, такъ какъ о Ленротѣ,—какъ основателѣ національной литературы въ Финляндіи, а особенно о собранной имъ древне-финской народной эпопеѣ «Калевала»,— существуетъ цѣлая литература [1]); что же касается Рунеберга, то о немъ въ сороковыхъ годахъ довольно часто писалъ Я. К. Гротъ, преимущественно въ «Современникѣ», переводя его при этомъ и въ прозѣ и въ стихахъ. Въ 60 и 70-хъ годахъ В. П. Головинъ дѣлалъ попытки передать произведенія Рунеберга въ стихахъ и распространить нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ при посредствѣ «Русскаго Инвалида» и «Петербургскихъ Вѣдомостей»; но, къ сожалѣнію, переводы Головина крайне неудачны, тяжелы и немногочисленны, а

---

[1]) Сказки З. Топеліуса, перев. Гранстрема и Гурьевой. Спб., 1886 г., 2 изд. Рецензіи: Воспит. и Обуч. 1884, 1886, 1887; Женск. Образ. 1882, 1885; Педагогич. Сборн. 1884 и др.

[2]) Лучшій и полный переводъ «Калевалы»—Л. П. Бѣльскаго, 1889 г.; отрывки переводились Гротомъ, Гранстремомъ, Гельгреномъ; о Ленротѣ см. К. Якубова въ Вѣстн. Евр. 1882, авг.; о Калевалѣ—В. Майкова въ Ж. М. Н. Пр.; Всев. Миллера тамъ-же 1879, 1 т., ч. CCVI и др.

по сему не даютъ надлежащаго представленія о лучшемъ финляндскомъ поэтѣ. Кстати замѣтимъ, что сами финляндцы и друзья ихъ «по ту сторону Балтійскаго моря» не въ мѣру превознесли Рунеберга и поставили его на недосягаемый пьедесталъ. «Рунебергъ *высшее выраженіе цивилизаціи*, цвѣтшей въ теченіи столѣтій у подножія восточной державы», говорилъ на одномъ юбилейномъ торжествѣ критикъ Швеціи. Стихотворенія Рунеберга «*всегда будутъ считаться первѣйшими въ литературѣ XIX вѣка*», писалъ горячій поклонникъ поэта Топеліусъ. Все это, конечно, увлеченіе и избытокъ снисходительности въ критикѣ и въ любви къ «своему». Рунебергъ, безспорно, чрезвычайно даровитый писатель; въ легкихъ и звучныхъ, «сочныхъ и бодрыхъ» стихахъ воспѣлъ онъ жизнь финна, природу его страны, подвиги его въ исторіи. Его характеристики надо признать удачными и мѣткими; онъ обладалъ мощнымъ и благозвучнымъ стихомъ, а также искуствомъ «попадать въ тонъ народныхъ пѣсенъ»; онъ всегда вѣренъ природѣ и пр.; но содержаніе его произведеній ограничено тѣснымъ кругомъ интересовъ его родины. Пульсъ всемірной жизни, широкія общечеловѣческія чувства и мысли, глубокіе психологическіе анализы и т. п. никогда не трогали его и не вызвали откликовъ его лиры. Дальше изображенія картинъ изъ жизни финскаго народа онъ почти никогда не шелъ; сербская пѣсня, эпизодъ изъ царствованія Екатерины II (въ поэмѣ «Надежда») и т. п. являются рѣдкими исключеніями среди описанія родныхъ ему видовъ и типовъ. А потому мы смѣемъ предположить, что права его на всемірную извѣстность и на славу внѣ Скандинавскихъ странъ очень шатки. «Мы, поэты, говорилъ Рунебергъ, не болѣе, какъ плохія деревенскія скрипки; но когда Господу Богу угодно играть на насъ, мы становимся чистѣйшими кремонскими скрипками». Пусть Рунебергъ являлся отличнѣйшей кремонской скрипкой, все-же онъ былъ въ состояніи мастерски воспроизводить только нѣкоторые «мѣстные» мотивы, схватывать и отражать очень ограниченный кругъ явленій.

Тоже самое можно сказать о Захаріи Топеліусѣ, какъ поэтѣ. Онъ также замкнулся въ предѣлахъ своего отечества; изрѣдка онъ вдавался въ область исторіи, но при этомъ ограничивался «Сѣверными странами». Если иногда онъ и рѣшался переступать указанныя границы, то дѣлалъ это для того, чтобы прослѣдить подвиги финновъ на поляхъ Люцена, и другихъ мѣстахъ сраженій, слѣдуя за войсками Густава Адольфа и Карла XII. По силѣ своего таланта Топеліусъ уступаетъ Рунебергу и во многомъ существенно разнится отъ него. Рунебергъ представитель силы, энергіи и мужественнаго патріотизма въ финской поэзіи, а Топеліусъ—красоты и женственности. Стихотворенія Топеліуса выходили разновременно отдѣльными сборниками, съ общими заглавіями: «Цвѣты вереска» (1845 г.), «Пѣсни Сильвіи» (1853 г.), «Сентябрьскія ночи» (1867 г.). Эти названія уже достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что было близко его сердцу и что было облюбовано его музой. Поэтическое творчество Топеліуса финны называютъ «чарующимъ». И дѣйствительно, его муза обладаетъ многими привлекательными качествами. Въ поэзіи Топеліуса прежде всего замѣчается много нѣжнаго чувства, много женственности, много разнообразныхъ ласкающихъ красокъ. Стихъ его

въ большинствѣ случаевъ благозвученъ, иногда даже музыкаленъ, граціозенъ. Мягкость и благозвучіе формы стихотвореній находятся въ соотвѣтствіи съ ихъ содержаніемъ. Поэтическая натура Топеліуса искала главнымъ образомъ тихой жизни сердца и спокойной природы; всего бурнаго, клокочущаго, грознаго и борющагося она по возможности избѣгала. Неудачная любовь кончается у него томленіемъ, безъ иныхъ сильныхъ проявленій; природу онъ умѣетъ олицетворять, онъ любитъ ее, восхищается ею.

Въ поэтической дѣятельности «любимца» финскаго общества легко различить нѣсколько періодовъ. Въ молодости его влекло къ вѣчному, безбрежному, безпредметному, а съ переходомъ къ болѣе зрѣлому возрасту безграничный горизонтъ замѣтно суживался и въ стихотвореніяхъ все чаще и чаще стало показываться эпическое содержаніе. Затѣмъ послѣдовательно онъ увлекался романтизмомъ и мистицизмомъ и осмѣивалъ ихъ. «Странствующій студентъ», неизвѣстно откуда идущій и куда направляющійся, «Осина», спасающая своей любовью Эмму отъ молніи, волкъ, чувствующій голосъ Бога въ своемъ сердцѣ, гроза, карающая богохульника, морозъ, ниспосланный въ наказаніе за людскіе грѣхи и невѣріе и т. п., все наглядно показываетъ въ какой мѣрѣ Топеліусъ былъ охваченъ романтизмомъ и мистицизмомъ, создавая стихотворенія съ указаннымъ содержаніемъ. Время и обстоятельства мѣняли воззрѣнія и сочувствія поэта, модныя вѣянія колебали его то въ ту, то въ другую сторону, но религіозность и богобоязливость остаются у него неизмѣнными во всю его жизнь и опредѣленно сквозятъ во всей его литературной дѣятельности. Рука Провидѣнія въ произведеніяхъ Топеліуса чувствуется надо всѣмъ, онъ крѣпко вѣритъ въ руководящее значеніе высшихъ идей, ему доставляетъ наслажденіе писать о всепримиряющей силѣ любви. И, наконецъ, онъ, какъ всѣ финны вообще, горячо и искренно любитъ свой отчій домъ, свой «край родной», свои голыя скалы, тысячи озеръ, болота и лѣса. Для него и финновъ въ мірѣ

«... нѣтъ нигдѣ земли другой
Имъ столь-же милой, дорогой».

Любовь къ родинѣ сильно сказалась не только въ поэтической, но и въ публицистической дѣятельности Топеліуса. Эта публицистическая дѣятельность его была въ свое время довольно замѣтной въ Финляндіи и на нее-то, главнымъ образомъ, желательно обратить вниманіе нашихъ читателей, такъ какъ она представляетъ собой богатый матеріалъ для выясненія истиннаго отношенія финляндцевъ къ Россіи и русскимъ.— Надо сказать, что, начиная съ 40-хъ годовъ, въ Финляндіи замѣтно закипѣла національная работа. Всѣ мало-мальски способные и энергичные ея сыны приняли посильное участіе въ дѣлѣ развитія народнаго самосознанія финскаго племени: одни, съ посохомъ въ рукѣ и съ котомкой за плечами, исходили Финляндію вдоль и поперекъ, собирая остатки древненароднаго ея творчества, другіе отправились на Уралъ и въ Сибирь розыскивать «колыбель финскаго племени», третьи учреждали литературныя и ученыя общества, четвертые распространяли національную идею путемъ періодической печати и т. п.— Поэты, современники той

рабочей поры, не остались безучастными зрителями: отъ пѣсенъ для услажденія слуха соотечественниковъ, отъ «звуковъ чистыхъ и молитвъ», они перешли къ національнымъ и патріотическимъ мотивамъ, посвятивъ лиры «народу своему».—Рунебергъ, по его собственнымъ словамъ, воспѣлъ «послѣднюю борьбу отечества (т. е. войну 1808—9 гг.), золотое время финскихъ побѣдъ (?) время, печалей и славы».—Онъ искусственно создалъ изъ нѣкоторыхъ участниковъ этой борьбы національныхъ героевъ и написалъ національный гимнъ (?). Въ его тенденціозныхъ произведеніяхъ постоянно слышится заявленіе о какомъ-то насиліи, почему онъ неустанно возбуждаетъ согражданъ къ мужеству и пророчески утѣшаетъ надеждой, что настанетъ время, когда цвѣтъ Финляндіи, заключенный теперь въ почкѣ, созрѣетъ и освободится изъ неволи.

«Любовь сыновъ хранитъ
Твой ростъ, твой цвѣтъ, твой блескъ, твой свѣтъ,
Твоихъ надеждъ и благъ расцвѣтъ!
И громче гимнъ нашъ зазвучитъ,
Родной нашъ загремитъ».

Топеліусъ, какъ болѣе робкій отъ природы, шелъ къ той-же общепатріотической цѣли путемъ аллегорій и символизма въ «Гельсингфорской Газетѣ», которую онъ редактировалъ съ 1842 по 1860 г., помѣщая въ ней свои стихотворенія и историческія новеллы. Оправданіе такихъ пріемовъ находятъ въ цензурѣ того времени, которая была особенно «чувствительна», обидчива, подозрительна и ретива. При подобныхъ «давящихъ» обстоятельствахъ, говорятъ критики Топеліуса, иносказаніе и эзоповскій языкъ являлись единственными средствами «избѣгнуть полной нѣмоты». Аллегорія примѣнялась поэтомъ-публицистомъ весьма широко; онъ прибѣгалъ къ ней не только въ разсужденіяхъ по вопросамъ дня, имѣвшимъ непосредственное отношеніе къ Финляндіи, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда писалъ на общія темы, высказывая избитыя истины. Особенно богатый матеріалъ для всякихъ сопоставленій и иносказанія давала Топеліусу, какъ поэту, природа. Какого рода были тѣ аллегоріи, которыми ему удавалось въ одно и то же время затемнить истину въ глазахъ аргуса-цензора и освѣтить ее въ глазахъ соотечественниковъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Въ 1846 году появилось его стихотвореніе «Австрійцы и Дунай», въ которомъ описывалось желаніе одного жителя г. Вѣны позабавить своихъ пріятелей тѣмъ, что—отправившись къ истоку Дуная, онъ выдумалъ запрудить эту рѣку своимъ собственнымъ тѣломъ. Изъ эксцентричнаго поступка вѣнца дѣлалось такое нравоученіе: нѣкоторые умные мужи охотно вяжутъ божественную силу мысли; они бываютъ очень довольны, когда имъ иногда удается запрудить маленькій источникъ; но пусть не забываютъ при этомъ, что они безсильны заградить теченіе гордыхъ рѣкъ въ виду того, что русла ихъ будутъ немедленно пополнены притоками, стекающими съ тысячей вершинъ. Въ ряду другихъ стихотвореній, Топеліусъ высказалъ, что «День надежды» (1844 г.) взойдетъ для страны и народа. Тутъ-же онъ предлагаетъ просить, что-бы, взошедшая уже заря, не погасла для Суоми (Финляндіи), что-бы солнце свѣтило также и въ ея мрачномъ лѣсѣ!

Просите *мая* для земли, просите *мая* для духа». Въ 1849 г. Топеліусъ посвятилъ одно изъ своихъ иносказательныхъ произведеній «Могилѣ Наполеона». Сдѣлано это было потому, что по мановенію руки Наполеона, Финляндія въ 1808 году должна была пойти на встрѣчу ея «новымъ судьбамъ». Теперь Финляндія послала гранитную глыбу для его памятника; глыба эта молча и съ *благодарностью* была положена Финляндіей на бездушный прахъ почившаго императора. Какимъ образомъ надлежало тогда понять «благодарность» Финляндіи, видно изъ слѣдующихъ словъ того-же стихотворенія: «Глыба лежитъ *тяжело, какъ смерть*, давя тысячами центнеровъ; хотите-ли вы выслушать *необычайно-печальную* пѣснь глыбы?» Въ 1860 году Топеліусъ, вѣроятно, желая смягчить свой суровый приговоръ, замѣнилъ въ стихѣ слово «благодарность» словомъ «задумчивость». Для коментированія стиховъ «Могилы Наполеона», какъ и другихъ разбираемыхъ здѣсь стихотвореній, мы пользовались главнымъ образомъ указаніями Вальфрида Васеніуса, которыя нашли въ его статьѣ, написанной ко дню 70-лѣтія рожденія Топеліуса. Отъ себя-же по поводу словъ Топеліуса о Наполеонѣ I, считаемъ необходимымъ добавить, что взглядъ поэта на присоединеніе Финляндіи къ Россіи впослѣдствіи совершенно измѣнился и въ событіяхъ 1808 и 1809 гг. онъ видѣлъ руку Провидѣнія, направлявшую его родину къ свѣтлому будущему. Въ «Разсказѣ фельдшера» Топеліусъ писалъ о героѣ новеллы: «онъ понялъ, что у него есть отечество и поэтому сталъ справлять день своего рожденія 17 авг. 1808 г. [1]), вмѣсто 15 авг.,—*дня Наполеона*. Еще опредѣленнѣе Топеліусъ высказался въ 1877 г. въ юбилейной рѣчи, посвященной памяти имп. Александра I. «*Финны не вѣрили своему счастью*», говорилъ онъ: «они смотрѣли на свои права (полученныя отъ имп. Александра I) съ искосу, примѣняли ихъ съ оглядкой; новаго положенія своего они не понимали»...

Въ 1848 г., какъ извѣстно, на Западѣ сильно проявилось либеральное движеніе. Сочувственный откликъ себѣ оно встрѣтило также и въ Финляндіи, особенно въ сердцѣ ея—въ университетѣ. Топеліусъ поспѣшилъ воспѣть «Весну въ 1848 г.» и «синія теченія на океанѣ» подъ едва прикрытой символикой. Появленіе «Весны 1848 г.» въ «Гельсингфорской Газетѣ» совпало съ замѣтнымъ подъемомъ національнаго чувства, съ возобновленіемъ студенческихъ майскихъ празднествъ и т. п. На майскомъ торжествѣ впервые развѣвалось финское знамя (?), впервые пропѣли финскій національный гимнъ, а первый витія того времени, проф. Сигнеусъ, произнесъ свою лучшую патріотическую рѣчь, вызвавшую общій восторгъ; въ томъ же году, наконецъ, появился первый выпускъ «Разсказовъ Фенрика Стола» Рунеберга, составившихъ собою цѣлую эпоху въ мѣстной литературѣ.[2]) Въ общемъ патріотическомъ увлеченіи Топеліусъ тепло и возвышенно воспѣлъ еще «Имя Финляндіи». Все свидѣтельствовало, говорили финскіе писатели, что новыя идеи съ силой ворвались въ страну, вопреки цензурнымъ запорамъ и админи-

---

[1]) При мѣстечкѣ Алаво 17 авг. 1808 г. русскіе дѣйствовали неудачно во время финляндской войны 1808—9 г.

[2]) См. Aug. Schauman. Från sex årtionden i Finland.

стративнымъ заставамъ. Университетъ шелъ во главѣ, нарождавшагося національнаго движенія. Гельсингфорсъ давалъ тонъ странѣ: лѣсъ рубили «въ столицѣ», а щепки, конечно, разлетались по провинціи.

Въ пятидесятыхъ годахъ началась реакція. Новымъ университетскимъ уставомъ 1852 г. философія была вычеркнута изъ его программы, студенческія корпораціи закрыты и т. д.—Соотвѣтственно требованіямъ времени настраивалась лира политическаго поэта-публициста. Топеліусъ не замедлилъ выступить съ протестомъ, написаннымъ въ стихотворной формѣ—«Наше единственное наслѣдство». Впослѣдствіи это стихотвореніе было внесено въ собраніе сочиненій автора подъ настоящимъ его заглавіемъ «Въ темное время», указывающимъ, конечно, на его главное содержаніе. Помня призваніе всякаго поэта, Топеліусъ, принялся ободрять согражданъ. «Погибаетъ только тотъ, писалъ онъ, кто самъ себя губитъ». —«И мѣрный звукъ» его призывныхъ словъ не пропадалъ даромъ.—«Мы свободный народъ, проповѣдники свѣта, вѣчные стражи его правъ»—такъ говорилъ онъ финскому народу, утѣшая его. Потомъ изъ подъ пера его вышла «Пѣсня Студента», положенная на музыку Шанцемъ: звуки ея, по свидѣтельству В. Васеніуса[1]), «въ тяжелыя времена» не разъ будили надежды финляндской молодежи на свѣтлое будущее.

«Наша страна, которую мы посвящаемъ свѣту, будетъ велика и славна. Пусть мы сами умремъ, забытые, какъ волны на морѣ; тѣни исчезнутъ, духъ только вѣченъ и вѣчна наша молодая стража, какъ самая мощь свѣта». Эти, какъ и другія раньше приведенныя, слова показываютъ, что Топеліусъ былъ необыкновенно высокаго мнѣнія о своей родинѣ. Надо еще добавить, что такой взглядъ его нельзя приписать минутной вспышкѣ лирическаго восторга, или поэтической фантазіи. Нѣтъ; Топеліусъ упорно повторяетъ его даже въ холодной обдуманной прозѣ. Раскройте, для примѣра, его «Путешествіе по Финляндіи»; на 8 стр. найдете: Финляндія представляетъ собою родъ моста между западомъ и востокомъ сѣверной Европы. Природа, народъ, культура и исторія,—все указываетъ на примиряющее положеніе Финляндіи между землями, обитаемыми господствующими въ Европѣ Германскимъ и Славянскимъ племенами». Однако такая примиряющая роль Финляндіи, между господствующими европейскими племенами, показалась недостаточной Топеліусу и онъ, со словъ «геніальнаго (?) шведа И. Вассера», повторяетъ, что «со временемъ Финляндія будетъ мостомъ, черезъ который образованіе западной Европы будетъ переходить въ необъятную Россію, чтобы оттуда дальше распространиться между варварскими народами Азіи». На 23 стр. читаемъ: «Изъ финскихъ лѣсовъ стали появляться великіе полководцы, а въ послѣднее время и знаменитые государственные люди». На V стр. Топеліусъ заявляетъ, что «вводить культуру на границахъ полярнаго круга, такая работа (финновъ), въ сравненіи съ которой работа колониста въ Американскихъ дѣвственныхъ лѣсахъ не болѣе какъ игра». И т. д. Сѣмена этого высокаго мнѣнія о Финляндіи,—посѣянныя столь уважаемымъ въ странѣ поэтомъ, какимъ является въ настоящее время Топеліусъ (а раньше его — Рунебергомъ), разрослись особенно

[1]) «Ur ett lif i sång och saga» 1888 г., H—fors.

пышнымъ цвѣтомъ. Достаточно только вспомнить Іоганн Ахо, который недавно (въ 1891 г.) увѣрялъ, что «финскій народъ есть второй эллинскій, народъ», имѣющій свои Ѳермопилы и Саламинъ, своего Гомера и своихъ героевъ; «мы создадимъ финскую цивилизацію, новую свѣжую культуру; мы понесемъ свои идеи далеко на западъ:» «кто знаетъ можетъ быть, явится основатель великой финской всемірной державы»; «наша страна сдѣлается мѣстомъ встрѣчи между востокомъ и западомъ» и т. п.[1]) Взлядъ Топеліуса на свою родину, конечно, гиперболически приподнятъ; излишнюю щедрость поэта въ оцѣнкѣ значенія Финляндіи, очевидно, замѣтилъ даже его критикъ и коментаторъ В. Васеніусъ, почему счелъ необходимымъ смягчить его заявленіемъ о томъ, что если мнѣніе Топеліуса о его незначительной родинѣ приходится признать высокимъ, то съ другой стороны также необходимо призвать, что патріотизмъ его былъ благороденъ и безъ примѣси національнаго эгоизма.

Топеліуса, конечно, необходимо выдѣлить изъ рядовъ тѣхъ необузданныхъ энтузіастовъ финляндцевъ, которые, во время Восточной войны 1855—56 гг., увлеклись безсмысленными воззваніями стокгольмской либеральной печати. Видя затруднительное положеніе Россіи, многіе шведы возмечтали тогда, что настало удобное время возвратить Финляндію. Другіе же, какъ напр. финляндскій выходецъ Эмиль фонъ-Квантенъ,[2]) начали пропогандировать отдѣленіе Финляндіи отъ Россіи съ тѣмъ, чтобы изъ сѣверныхъ странъ, т. е. Швеціи, Норвегіи, Даніи и Финляндіи, образовать «Сѣверо-европейскіе штаты». Финляндскіе молодые политиканы остались крайне недовольны европейскими державами за то, что онѣ въ Парижскомъ трактатѣ вовсе не приняли во вниманіе интересовъ Финляндіи и разбили лучшія чаянія нѣкоторыхъ ея сыновъ.[3]) Недоволенъ былъ положеніемъ финляндскихъ дѣлъ въ 1856 г. также и Топеліусъ; но недовольство его было другого рода и оно вызывалось главнымъ образомъ правленіемъ гр. Ѳ. Ѳ. Берга и цензурнымъ гнетомъ. Негодованіе свое онъ излилъ въ стихотвореніи «Ледоходъ на р. Умео». Благодаря тому, что подъ заглавіемъ было приписано «картина природы», стихотвореніе это «проскользнуло» черезъ цензуру, не смотря на то, что въ «картинѣ ледохода поэтъ символически выразилъ страстное стремленіи Финляндіи къ болѣе свободному и самобытному развитію». «Устами рѣки» финскій народъ говорилъ здѣсь: «я воздуху хочу. Я жажду свѣта. Мою судьбу я самъ желаю созидать своимъ теченіемъ. И горе той цѣпи, которая въ весенній день отягощаетъ мои богатырскія плечи».

Но кульминаціоннаго пункта «политическая поэзія» Топеліуса достигла въ стихотвореніи, написанномъ по поводу открытія «Сайменскаго канала». (1858 г.) «Великій національный трудъ» надъ этимъ большимъ сооруженіемъ продолжался 10 лѣтъ. Въ прорытіи канала сказалась «упорная сила народа бороться съ природой и судьбой» съ юношеской дерзостью Финляндія прорвалась, наконецъ, къ морю

---

[1]) Самомнѣнія у финляндцевъ много; «такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, у насъ десятки, а какъ Тургеневъ—и подавно», говорили они (Вѣст. Евр. 1888. II, 558 стр.)

[2]) См. двѣ его брошюры о Финоманіи и Скандинавизмѣ», 1855 года (на швед. яз.)

[3]) Finska förhållanden, I, 1857.

Все это дало обильную пищу входновенію поэта, который постоянно «искалъ въ природѣ свободы и отдыха отъ гнетущаго насилія, тяготѣвшаго надъ родиной». Какъ могло случиться, спрашиваетъ авторъ, что та Сайма, которая бурною волною Иматры проложила себѣ выходъ къ свободѣ, поддалась людской лести и позволила запереть свои воды въ тѣсныхъ отдѣленіяхъ шлюзовъ? Въ томъ-то и заключается ея радость и слава, отвѣчаетъ онъ, что насиліе, которое она легко можетъ сокрушить, она желаетъ терпѣливо и съ любовью перенести ради Финляндіи, ради своей матери. Нѣтъ большей почести на землѣ, какъ пожертвовать собой и работать для родины. Въ прорытіи канала Топеліусъ оцѣниваетъ не только экономическую пользу, но усматриваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ путь къ свѣту, связь съ Европой и съ новымъ временемъ. «Плотина снесена; стѣна разрушена и скоро и бодро шествуетъ мощный духъ новаго времени, а не прежнимъ черепашьимъ шагомъ. И новыя силы сокрытыя, безсознательныя, неизвѣстныя, придушенныя, заснувшія и забытыя, какъ источники пробиваются вверхъ «при финляндской веснѣ».

Къ сказанному прибавимъ еще одно слово для характеристики «политической поэзіи» Топеліуса. Описаніе Иматры въ «Путешествіи по Финляндіи даетъ ему поводъ сказать: Иматра «низвергаетъ первобытныя силы, заброшенныя въ полузамершую страну, посреди спокойнаго народа, *чтобы пробудить ихъ обоихъ изъ забытья.* Эти воды, пробившіе себѣ пути черезъ горы, часто *уподобляются покореннымъ націямъ,* пробивающимъ себѣ дорогу къ свободѣ!» (стр. 54).

Все таже любовь къ родинѣ руководила перомъ Топеліуса и согрѣвала его грудь, когда онъ писалъ свои новеллы—«Разсказы фельдшера», «Герцогиня Финляндская» и др.—на темы исключительно изъ шведско-финской исторіи. Во всѣхъ повѣстяхъ и разсказахъ онъ пользовался удобнымъ случаемъ, чтобы отмѣтить доблести финновъ и глубже укрѣпить въ нихъ привязанность къ своему прошлому и охоту слѣдовать примѣру отцовъ и прадѣдовъ. «Ваше Величество», говоритъ напр. одинъ изъ топеліусовскихъ героевъ Леннардтъ Кронельдъ Густаву III:» никогда не сомнѣвайтесь въ чести Финляндіи; вѣрность финновъ не поколеблется ни ихъ страданіями, ни приманками». Въ другомъ мѣстѣ король Швеціи, обращаясь къ финнамъ, произноситъ: «Дѣти мои! та страна, которая перенесла такія невзгоды и не пала въ изнеможеніи, не можетъ быть въ конецъ уничтожена человѣческой рукой». У Топеліуса же финляндская женщина смѣло ставитъ вопросъ Карлу XII: Ваше Величество, что Вами сдѣлано для Финляндіи»?

Топеліусъ всегда замѣтно вліялъ на своихъ читателей; успѣхъ его основанъ, помимо поэтическихъ достоинствъ и патріотическаго содержанія его произведеній, на легкомъ, плавномъ и своеобразномъ способѣ изложенія. У него постоянно одна картина смѣняется другой, причемъ слова, сравненія, краски и т. п. подобраны весьма удачно. Кромѣ того, все, что выходило изъ подъ его «граціознаго пера», согрѣто сердечной теплотой. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ и привлекательному стилю, его съ охотой и удовольствіемъ читаютъ и молодые и старые. Много художественнаго наслажденія онъ доставилъ своимъ соотечественникамъ.

Каждое новое его произведеніе финляндцы принимали, какъ желаннаго гостя; въ каждомъ домѣ семья весело группировалась около него, что-бы прослушать его и побесѣдовать о немъ. Измѣняя нѣсколько мысль E. Nervander'а можно сказать, что книга Топеліуса напоминаетъ финляндцу хорошаго друга, который въ сумеркахъ, присѣвъ къ фортепіано, искустной игрой будитъ въ немъ пріятныя воспоминанія о быломъ и радостныя надежды на будущее. Пользуясь, затѣмъ мѣткимъ словомъ Лермонтова добавимъ, что Топеліусъ нуженъ былъ финляндцамъ не какъ «колоколъ на башнѣ вѣчевой»,[1]) а скорѣе «какъ чаша для пировъ, какъ ѳиміамъ въ часы молитвы».

Наиболѣе бодрая и замѣтная публицистическая дѣятельность Топеліуса окончилась въ 1860 г., съ выходомъ его изъ редакціи «Гельсингфорской Газеты». Онъ продолжалъ работать послѣ того въ другихъ мѣстныхъ изданіяхъ, но роль его, какъ публициста и «политическаго поэта» была выполнена. Объясняется это просто. Топеліусъ былъ популяризаторомъ любви къ родинѣ; все, что было въ странѣ и въ народѣ хорошаго, добраго, красиваго и благороднаго онъ старательно собиралъ и распространялъ въ общедоступной формѣ. Прощаясь, какъ редакторъ, со своими читателями, онъ писалъ между прочимъ, что за его время «публицистика въ Финляндіи была еще ребенкомъ, который въ состояніи былъ утѣшать себя невинными сказками». И Топеліусъ былъ искусный сказочникъ того періода.—Но теперь обстоятельства измѣнились: ребенокъ выросъ и не нуждается болѣе ни въ политическихъ сказкахъ ни въ популяризаціи патріотизма Въ 1856 г. въ Финляндіи впервые послѣ 1808 г. было произнесено слово «сеймъ», а семь лѣтъ спустя въ Гельсингфорсѣ собрались уже сословные представители; слѣдов., говорятъ критики разбираемаго нами поэта, настала болѣе зрѣлая политическая пора въ жизни финскаго народа и Топеліусъ нашелъ своевременнымъ передать «бумажный скипетръ» публициста въ другія руки.

«Другія времена, другія пѣсни». Когда на очередь выдвинуты были *государственные* интересы Великаго Княжества, то для удовлетворенія новыхъ «запросовъ потребовались другія, нетопеліусовскія силы. Съ шестидесятыхъ годовъ тонъ финляндской публицистикѣ начали давать Ф. І. Шауманъ,[2]) Ф. Кастренъ,[3]) Ирье Коскиненъ,[4]) Р. Лагерборнъ, А. Чиденіусъ,[5]) Авг. Шауманъ и др.[6]) до Л. Михелина, А. Мермана и Ак. Лилле включительно. По ихъ камертону мѣстные историки и юристы принялись обосновывать и теорію государственнаго права Финляндіи и ея конституціонные порядки. Въ политическихъ воззрѣніяхъ Топеліусъ примкнулъ къ главному теченію и въ унисонъ господствовавшему мнѣнію высказывалъ въ бѣглыхъ замѣткахъ свои взгляды на отношенія Финляндіи къ Россіи. Топеліусъ самъ отлично подмѣтилъ общую слабость своихъ соотечественниковъ, заключающуюся въ «желаніи казаться европейцами»

---

[1]) Эту роль исполнилъ Л. Рунебергъ своими «Fänrik Ståls sägner».
[2]) См. его Tal och Uppsatser.
[3]) См. его Skildringar.
[4]) См. его Finlands historia.
[5]) Лагерборнъ и Чиденіусъ редактировали газету Helsingfors Dagblad.
[6]) См. его воспоминанія (на швед. яз.).

и большими. Главный городъ финновъ, писалъ онъ—«хорошенькая дача на берегу моря, гдѣ маленькій народъ, со своей неопытностью и молодыми жизненными силами, воображаетъ себя большимъ», Гельсингфорсъ это «массы бѣлой пѣны, загнанныя на скалы морскими вѣтрами и кажущіяся издали большимъ городомъ». (См. Путеш. по Финл., стр. 31, 40, 41). Однако, этой общей финской слабости, очевидно, не избѣжалъ и Топеліусъ, когда заявляетъ, что «государственное положеніе Финляндіи покоится на договорѣ, который не можетъ быть нарушенъ безъ обоюднаго согласія «тѣхъ равноправныхъ сторонъ, кои заключили его», т. е. безъ согласія русскаго, монарха и финскаго народа (см. тамъ же стр. 24 и 57). Чѣмъ же, какъ не указанной выше слабостью финской націи, наилучшимъ образомъ объясняется желаніе мѣстныхъ политикановъ возвести въ рангъ самостоятельнаго государства незначительную страну съ маленькимъ (2-хъ милл.) населеніемъ, крошечнымъ (8 милл. рубл.) бюджетикомъ, безъ историческаго прошлаго и безъ культурнаго значенія въ настоящемъ? Прибавимъ кстати, что та же самая слабость привела въ движеніе маленькій литературно-ученый муравейникъ Гельсингфорса, когда Топеліусъ, будучи профессоромъ исторіи въ Александровскомъ университетѣ, заявилъ, что до 1809 г. Финляндія не имѣла исторіи (въ смыслѣ національнаго самосознанія). Заявленіе Топеліуса показалось парадоксальнымъ и на него посыпался градъ упрековъ, отъ которыхъ его впослѣдствіи едва отстояли такіе авторитеты финляндской исторіи, какимъ является напр. Ирье Коскинэнъ.

Сокративъ съ 1860 г. свою публицистическую дѣятельность, Топеліусъ по прежнему продолжалъ писать стихи и сказки и дѣятельно работалъ надъ составленіемъ педагогическихъ книгъ и статей. Драматическому творчеству, послѣ 1860 г., онъ почти неудѣлялъ болѣе своего времени. Хорошо изучивъ дѣтскую природу и горячо любя дѣтей, онъ легко и удачно справлялся въ области сказокъ. Сказкѣ онъ обязанъ весьма почетной извѣстностью не только на своей родинѣ, но и внѣ ея предѣловъ. Драмы Топеліуса не обладаютъ никакими выдающимися достоинствами, «Рождество ветерана», «Регина фонъ-Эммерицъ», «Охота короля Карла», «Приключенія въ шхерахъ» и др. могутъ имѣть только временное и мѣстное значеніе, но не болѣе того. Какъ историкъ Топеліусъ также не проявилъ себя никакими выдающимися работами. Ему удались только характеристики болѣе цѣльныхъ и крупныхъ историческихъ личностей, какъ напр. Густава II, Адольфа и Пэра Браге, да еще очерки изъ народныхъ обычаевъ и нравовъ. Что-же касается его популярно-историческихъ и географическихъ очерковъ, какъ-то: «Живописная Финляндія», «Путешествіе по Финляндіи», «Страна и Народъ» въ сборникѣ «Финляндія XIX ст.» и «Книги о нашей странѣ», то всѣ они написаны талантливо, легко, картинно и увлекательно, т. е. со свойственными его перу особенностями. Благодаря этимъ качествамъ и тому изобилію патріотическаго чувства, которымъ проникнуты напр. всѣ статьи «Книги о нашей странѣ»—этотъ учебникъ необыкновенно обаятельно дѣйствуетъ на дѣтскій умъ. Поэтому вдвое приходится пожалѣть, что подобное руководство, широко распространенное въ финляндскихъ народныхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ, составлено тенденціозно «съ слѣпымъ

пристрастіемъ ко всему финскому» и всегда въ ущербъ «хорошему понятію о Россіи и русскихъ» [1]). Неужели, въ дѣйствительности, финляндскіе педагоги не находятъ ничего достойнаго, хорошаго и поучительнаго для своего подрастающаго поколѣнія въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа, его характерѣ, его обширной литературѣ? Почему они упорствуютъ сказать правдивое слово своимъ дѣтямъ о той имперіи, съ которою «рука Провидѣнія» связала судьбу ихъ родины? Для чего они предвзято закрываютъ глаза на общіе интересы и замалчиваютъ ту огромную выгоду, которую даетъ Финляндіи ея принадлежность Россіи?

Г. Абовъ.

---

[1]) Финл. окраина Россіи, т. I, стр. 323 и др.

ЗАРУБЕЖНОЕ СЛАВЯНСТВО.

Борьба съ мадьярами угнетенныхъ народностей Венгріи.

Въ Венгріи, или такъ-называемыхъ земляхъ короны св. Стефана, подъ бокомъ у Россіи, кипитъ жаркая, возрождающая національная борьба и разыгрываются такія событія, которыя не могутъ остаться безъ мощнаго воздѣйствія на существующіе тамъ въ настоящую пору національно-политическіе порядки, а черезъ это впослѣдствіи даже на судьбу всей Австро-Венгріи. А цѣлую почти половину ея населенія составляютъ славяне, будущее коихъ не можетъ и не должно быть безразлично не только для «сердца» или, такъ сказать, народно-племенного чувства Россіи, но также и съ точки зрѣнія ея государственныхъ историческихъ интересовъ.

Наше русское образованное, читающее общество, однакоже, имѣя объ этой *исторической* борьбѣ до сихъ поръ, въ большинствѣ своемъ, лишь отрывочное, случайное и смутное представленіе, какъ это по всему видно, весьма мало думаетъ о славяно-румыно-мадьярскихъ дѣлахъ, или даже вовсе не интересуется ими. Возьмите, напримѣръ, въ руки любую изъ здѣшнихъ «самыхъ большихъ и распространенныхъ» газетъ: за цѣлые мѣсяцы, если не годы, вы не найдете въ ней буквально ни одной статьи объ этихъ дѣлахъ, написанной толково и съ знаніемъ предмета, а много-много что отыщете кое-какія случайныя телеграммы, сообщающія притомъ большею частью фактически невѣрныя или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ вѣрныя свѣдѣнія изъ нѣмецкихъ источниковъ.

Нужно-ли объяснять *практическую* важность этого нашего нерадѣнія, невѣжества и равнодушія? Мадьярамъ и всѣмъ вообще врагамъ славянъ они въ этой борьбѣ съ нашей стороны какъ бы прямая игра въ руку, ибо очевидно, что, наоборотъ, сознательное, ясное, твердое и крѣпкое, для всѣхъ несомнѣнное, хотя бы даже пассивное только, платоническое, сочувствіе русскаго общества къ своимъ соплеменникамъ и единовѣрцамъ составило бы для нихъ въ этой борьбѣ великую нравственную подмогу и по международно-политическимъ послѣдствіямъ, можно надѣяться, само по себѣ оказалось бы и на практикѣ какъ разъ тою содѣйствующею силой, которой теперь недостаетъ имъ для торжества ихъ законнѣйшихъ по человѣчеству стремленій къ національной свободѣ и политической равноправности... Велика будетъ заслуга тѣхъ русскихъ людей, которымъ удастся яснымъ и сильнымъ словомъ разогнать угнетающія наше общество въ этомъ отношеніи темноту, беззаботность и спячку.

Къ чему можетъ приводить подобный недостатокъ чувства долга и бдительности во время по международнымъ, политическо-племеннымъ нашимъ дѣламъ, а затѣмъ неизбѣжныя при такихъ условіяхъ отсутствіе надежныхъ свѣдѣній о нихъ, вѣрныхъ и твердыхъ сужденій, колебанія самой политической программы дѣйствій — это достаточно показали печальные плоды нашихъ отношеній къ народностямъ Балканскаго полуострова, начиная съ Берлинскаго трактата, сербская милановщина, болгарская стамбуловщина, которымъ не видать конца до сихъ поръ, не говоря про непомѣрное расширеніе и усиленіе славянскихъ притязаній нѣмецкой Австріи. О Босніи и Герцеговинѣ мы, кажется, совсѣмъ забыли,— забыли о томъ, что Австрія присоединила ихъ къ своимъ владѣніямъ, подъ лживымъ предлогомъ временной «оккупаціи», по Берлинскому договору, т. е. въ *вознагражденіе себѣ* отъ Бисмарка и «Европы» за *наши* побѣды надъ мусульманскимъ варварствомъ въ Сербіи и Болгаріи, иначе сказать, разбогатѣла сама, благодаря пролитой на ихъ поляхъ русской крови и сложеннымъ тамъ русскимъ костямъ,—тѣмъ самымъ, которыя созданное нашими ошибками нынѣшнее болгарское правительство, «благодарное освободительницѣ Болгаріи», продавало, а можетъ быть и теперь продастъ, партіями на вывозъ, для удобренія хлѣбныхъ полей тучнаго Альбіона, и съ тѣхъ поръ по настоящую минуту постоянно, неутомимо, неудержимо, безконтрольно и весьма успѣшно старается утвердить въ такой же мѣрѣ «свое вліяніе» въ Сербіи и Болгаріи.... Вѣнскія телеграммы то и дѣло сообщаютъ, какъ нынѣшній благополучный австро-венгерскій ставленникъ на болгарскомъ престолѣ и его министры ѣздятъ въ Вѣну запасаться тамъ тайно и явно нужными имъ инструкціями. Въ августѣ минувшаго года, помнится, тѣ же телеграммы не усомнились извѣстить всѣхъ, въ круговую, «по международной проволокѣ», что въ свою очередь графъ Кальноки ѣздилъ «совѣщаться по болгарскимъ дѣламъ» въ Берлинъ, къ графу Каприви. Кто поручится, что паденіе Степана Стамбулова и все это дѣланное «руссофильство» его достойныхъ преемниковъ, со Стоиловымъ и Петровымъ во главѣ, не окажется, даже въ скоромъ времени, яснымъ для всѣхъ фарсомъ въ той же весьма сложной политической комедіи, которую разыгрываетъ на Балканскомъ полуостровѣ Австро-Венгрія, второй членъ тройного союза, вотъ уже 17-й годъ?

Казалось бы, при такихъ обстоятельствахъ какъ не вспомнить намъ теперь, по крайней мѣрѣ, объ *угнетенныхъ народностяхъ Венгріи*, родственныхъ и дорогихъ намъ по вѣрѣ и племени, не подумать объ нихъ и не позаботиться сдѣлать для нихъ все, что только можно? Вѣдь сама судьба, по всѣмъ видимостямъ, направляетъ ходъ дѣлъ къ тому, что за Боснію, Герцеговину, Сербію, Болгарію и проч. намъ придется когда-нибудь непремѣнно развѣдаться съ Австріей въ Семиградіи, Буковинѣ, Словачинѣ, Хорватіи, а по сю сторону Лейты въ Галичинѣ, Чехіи. Мы спимъ, однако, тяжелымъ и постыднымъ сномъ, ничего этого не видимъ и не соображаемъ.... Главная причина грустнаго и даже прямо опаснаго явленія, повторяемъ,—жалкая мелкотравчатость нашей ежедневной печати, убаюкивающей не только себя, но и общество неподобающимъ титломъ «большой», «серьезной», которая почти сплошь дѣлаетъ свое дѣло въ этомъ отношеніи лишь кое-какъ, на случай и удачу, безъ нужныхъ силъ,

не отдавая себѣ мало-мальски яснаго отчета въ его задачахъ, средствахъ и значеніи, а стало быть безъ надежды на улучшеніе этого дѣланія и даже безъ малѣйшей заботы объ этомъ.

* * *

Теперь покуда ведутъ настоящую уже борьбу съ мадьярами-угнетателями, открытую и дѣятельную, хотя еще безкровную, одни только румыны въ Семиградіи. Мадьяры устраиваютъ надъ ними свои беззаконныя судилища, томятъ уже лучшихъ людей ихъ, заслуженнѣйшихъ патріотовъ, какъ Лукачіо, Корояну, Ратіу и другіе, по тюрьмамъ, наводнили ихъ страну своими жандармами и шпіонами, но румыны все-таки не отступаются ни на шагъ отъ своихъ требованій и не ослабляютъ своей оппозиціи. Эта оппозиція, впрочемъ, длится уже 26 лѣтъ, съ самаго начала примѣненія пресловутаго закона о равноправности всѣхъ народностей Венгріи, подписаннаго императоромъ Австро-Венгріи въ 1868 году,—только въ послѣднее время изъ пассивной она превратилась въ дѣятельную и совершенно открытую.

Чего же добивались и добиваются мадьяры въ Семиградіи, вопреки сказанному «конституціонному» закону, всякаго рода насиліемъ, обманомъ, словомъ—не разбирая средствъ, *per fas et nefas*?—Полнѣйшей мадьяризаціи всѣхъ безъ исключенія школъ, всѣхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій, а также безусловной покорности такимъ даже распоряженіямъ, какъ обращенное лѣтомъ прошлаго года къ румынскому высшему духовенству (въ большинствѣ православному) требованіе, чтобъ оно, употребляя во зло свой нравственный авторитетъ и власть, страхомъ церковныхъ наказаній сдерживало и ослабляло патріотическую ревность въ низшемъ городскомъ и сельскомъ клирѣ, вѣрномъ національнымъ стремленіямъ своего народа. О сказанной неразборчивости въ средствахъ можно судить, напримѣръ, по тому, что румыны, составляющіе въ краѣ самое многочисленное и сильное населеніе, при выборахъ въ сеймѣ изъ 76 избирательныхъ округовъ, на которые раздѣлена Семиградія, не могутъ провести своихъ кандидатовъ даже въ пяти. Сколько для этого должно быть беззаконія въ самомъ законѣ, а затѣмъ въ примѣненіи его, сколько всякаго обмана, подкупа, насилій!

Въ половинѣ іюня минувшаго года бывшій мадьярскій министръ просвѣщенія Гіеронимы совершилъ поѣздку въ Семиградію съ цѣлью войти съ вожаками румынъ въ переговоры о примиреніи отъ имени бывшаго венгерскаго правительства Веккерле. Поѣздка эта, конечно, оказалась напрасной. Его рѣчи на тему примиренія, произнесенныя по этому случаю въ собраніяхъ злѣйшихъ мадьярскихъ шовинистовъ изъ семиградскаго чиновничества, вызывали съ ихъ стороны только патріотическіе восторги и бѣшеные крики: «eljen!» Да и помимо этого, по прежнимъ опытамъ длиннаго ряда лѣтъ, румынамъ очень хорошо было извѣстно, что мадьяры всегда предлагали и могутъ предлагать какъ имъ, такъ и славянамъ, подобныя мировыя сдѣлки не иначе, какъ на такихъ условіяхъ, которыя бы еще болѣе обезпечивали ихъ успѣхи по части мадьяризаціи и экономической эксплуатаціи другихъ племенъ. Поэтому румынскіе политики и патріоты не только не вдались съ мадьярскимъ министромъ ни въ какіе переговоры, но даже старательнѣйшимъ обра-

зомъ избѣгали всякой встрѣчи съ нимъ и малѣйшаго соприкосновенія. Ни съ кѣмъ изъ вліятельныхъ румынъ онъ не видѣлся и воротился въ Пештъ ни съ чѣмъ. «Не нашлось между румынами ни одного дурака, ни одного Іуды-предателя!» замѣтили по этому случаю одобрительно чешскіе «Narodni Listy».

Румынъ въ Венгріи 3.000,000, мадьяръ 6.500,000 душъ. Въ рукахъ мадьяръ войско, чиновничество, вся государственная сила; румыны— народность фактически безправная, угнетенная. Въ настоящей тяжелой борьбѣ поддерживаетъ ихъ духъ и окрыляетъ надежды на успѣхъ и побѣду сочувствіе единоплеменниковъ въ Румынскомъ королевствѣ, гдѣ число румынъ почти равняется числу мадьяръ Венгріи. До сихъ поръ, однакоже, это сочувствіе не шло далѣе газетныхъ статей, брошюръ да кое-какихъ общественныхъ и уличныхъ манифестацій въ Бухарестѣ. Отъ всего этого еще очень далеко даже до какихъ-либо «дипломатическихъ демонстрацій», а о болѣе существенномъ вмѣшательствѣ Румыніи въ дѣла семиградцевъ въ скоромъ будущемъ навѣрное невозможно и думать. Во-первыхъ, Румынія слишкомъ мала и во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ незначительна для того, чтобы тягаться съ Австро-Венгріей, а во-вторыхъ, на ея престолѣ сидитъ вѣдь Гогенцоллернъ, правда, пока только полуоффиціальный членъ тройного союза, да зато издавна усердный агентъ на европейскомъ юго-востокѣ Берлина и Вѣны и вообще помянутаго союза. А для нихъ всякая эманципація «восточныхъ народностей», къ числу коихъ по вѣрѣ, исторіи и мѣсту обитанія принадлежатъ также православные латиницы-румыны, — дѣло самое неподходящее и непріятное. Покуда они еще молчатъ, но втайнѣ, подъ рукой, навѣрное принимаютъ сообща свои мѣры къ тому, чтобы спутать, усложнить, сбить съ прямого пути то восточное освободительное движеніе, дѣятелями коего являются въ настоящую минуту семиградскіе румыны.

Весной минувшаго года румынская академія наукъ въ Бухарестѣ, по предложенію князя Стурдзы, хотѣла выразить свои родственныя чувства семиградцамъ, но тутъ вмѣшался въ дѣло нѣкій академикъ Гамсденъ, какъ показываетъ его фамилія, по всей вѣроятности, нѣмецъ, и сказалъ, что надобно-де сначала заявить таковыя симпатіи румынамъ, претерпѣвающимъ будто бы угнетеніе въ Бессарабіи, подъ русскимъ владычествомъ. Это угнетеніе, какъ мы всѣ знаемъ, только поклепъ на русское владычество, не болѣе, а г. Гамсдена славянская печать Венгріи называетъ агентомъ Берлина, но постановленіе академіи все-таки на этотъ разъ не могло состояться. Эта неожиданная, довольно ловкая диверсія псевдо-румынскаго академика въ пользу Пешта показываетъ, что агенты тройного союза въ Бухарестѣ усердно и толково исполняютъ свою службу.

Во всѣхъ отношеніяхъ гораздо важнѣе для дѣла семиградскихъ румынъ, по крайности теперь, на первыхъ порахъ, то впечатлѣніе, которое производитъ ихъ смѣлость и стойкость въ борьбѣ съ мадьярами на всѣхъ славянъ, исключая однихъ поляковъ, не только въ Венгріи, но также за Дунаемъ и по сю сторону Лейты. Русскіе галичане и чехи въ Цислейтаніи, многострадальные словаки, сербы, даже хорваты, сравнительно менѣе угнетаемые мадьярами и избѣгающіе раздражать ихъ въ

настоящую пору изъ-за своихъ не совсѣмъ похвальныхъ разсчетовъ на Боснію и Герцеговину, въ самой Венгріи—отъ души сочувствуютъ имъ въ этой борьбѣ съ общимъ угнетателемъ, находя въ ней невольно и для себя примѣръ, урокъ и такъ сказать громкое патріотическое напоминаніе. Читая теперь такія, напримѣръ, славянскія изданія, какъ чешскіе «Narodni Listy», словацкія—«Narodnie Noviny», даже хорватскій—«Obzor», нельзя сомнѣваться въ этомъ.

Полное единомысліе всѣхъ венгерскихъ славянъ съ румынами въ теперешней борьбѣ ихъ съ мадьярами сообщаетъ этой борьбѣ далеко неблагопріятные для сихъ послѣднихъ размѣры. Славянъ въ Транслейтаніи болѣе 7 милліоновъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что въ рѣшительный часъ мадьяры-угнетатели будутъ имѣть дѣло не съ 3, а съ 10 милліонами противниковъ, не говоря о славянахъ цислейтанскихъ. Вообще, всѣ угнетенныя народности Венгріи нынѣ ясно видятъ и сознаютъ то, что скинуть съ себя мадьярское иго онѣ могутъ не иначе, какъ только общими дружными усиліями. Это водворяетъ между ними въ наши дни такой миръ, такое согласіе и дружбу, какихъ прежде, кажется, никогда не бывало.

* *
*

Самое тяжелое иго и гоненіе претерпѣваютъ отъ мадьяръ несчастные словаки. Этотъ трехмилліонный народъ, сыны котораго, по бѣдности, десятками, если не сотнями тысячъ вынуждены добывать себѣ пропитаніе отхожими промыслами на чужбинѣ, разсыпавшись для этого чуть не по всему земному шару, одинъ изъ виднѣйшихъ въ настоящее время его патріотовъ, Гурбанъ-Ваянскій, называетъ «самымъ послѣднимъ сиротой» «между всѣми славянскими народами Венгріи. «Кромѣ однихъ только венгерскихъ (угорскихъ) русскихъ, говоритъ онъ,—которые сами себя уже называютъ народомъ вымирающимъ, какъ это я самъ слышалъ отъ нихъ, бывши въ Унгварѣ,—кромѣ этихъ несчастнѣйшихъ людей, благодаря измѣнѣ своихъ собственныхъ епископовъ и священниковъ, ставшихъ общимъ посмѣшищемъ въ Венгріи, нѣтъ въ Европѣ ни одной народности, которая бы въ послѣдніе 50 лѣтъ такъ мало преуспѣла во всѣхъ отношеніяхъ, какъ словаки».

Мадьяры закрыли словацкія гимназіи, устроенныя словаками на свой счетъ, уничтожили ихъ національно-просвѣтительное общество «Матицу», захватили его библіотеку, собранія, и 100,000 гульденовъ наличными деньгами, преслѣдуютъ теперь столь же беззаконно и своевольно всякія малѣйшія попытки ихъ къ поддержанію своей народности. Въ настоящее время нѣтъ у словаковъ ни одной своей школы, ни одной учительской семинаріи, ни одного избирательнаго округа, ни одного депутата,—словомъ: они лишены всѣхъ національныхъ и политическихъ правъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они пытались открыть хотя какое-нибудь гимнастическое или пѣвческое общество, но мадьярскія власти отказали въ разрѣшеніи, сославшись на то, что въ этихъ обществахъ они «могли бы» заниматься «анти-патріотическими происками», развиватъ «панславистическій духъ», «ораторствовать» и т. д. 31 декабря, собравшись для встрѣчи новаго года, словаки въ двухъ или трехъ мѣстахъ дерзнули пѣть пѣсни, читать стихи, — такъ мадьяры подняли на ноги

противъ смѣльчаковъ полицію, жандармовъ, наконецъ, предали ихъ суду. Главный пунктъ обвиненія составляетъ то, что они будто бы читали «панславистическое стихотвореніе», или пѣли такую же пѣсню, въ которой повторяется припѣвъ: «Slovak bratri ma» (буквально: «у словака есть братья»). У мадьяръ не полагается словакамъ имѣть братьевъ, конечно, больше всего потому, что къ числу сихъ послѣднихъ принадлежатъ, какъ извѣстно, по всѣмъ правамъ, страшные «московы», которые показали себя мадьярамъ съ несовсѣмъ пріятной стороны въ 1849 году и которыхъ чуть не 100 милліоновъ. Стремясь совсѣмъ задавить словаковъ, уничтожить ихъ, стереть съ лица земли, мадьяры не брезгаютъ для этого даже такими дѣлами, какъ «продовскій захватъ словацкихъ дѣтей и увозъ ихъ на грязныя мадьярскія ярмарки, гдѣ ихъ продаютъ ростовщикамъ крови, какъ поросятъ и телятъ, или отдаютъ безнравственнымъ бабамъ».

Подъ игомъ дикихъ, деспотическихъ мадьяръ, точно обезумѣвшихъ отъ политическаго своеволія и полной возможности душить, тиранить почти всѣ прочія народности Венгріи, положеніе словаковъ въ настоящее время столь ужасно, что описанія его нельзя читать безъ душевнаго возмущенія. «Продолжается у насъ»,—пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ словацкихъ патріотовъ,—«варварство самыхъ темныхъ прошлыхъ временъ, дикость, порождаемая не кипучестью крови и суровостью ничѣмъ не укрощенной и не смягченной натуры, но дикость обдуманная и прочувствованная. Ее растятъ-лелѣютъ повсюду, поддерживаютъ особаго рода утонченною логикой, историческими лживыми выдумками, сумазбродною модой, насиліемъ правительственной власти, отданной въ грязныя руки, готовыя творить всякое беззаконіе. У насъ ведется побѣдоносный бой съ *добромъ*. Нигдѣ въ мірѣ добро такъ не осуждено прятаться предъ побѣдоноснымъ зломъ, какъ у насъ. Самое понятіе добра, справедливости, права уже потеряно. Оно утратило свой реальный видъ, перестало существовать въ дѣйствительности. Право стало посмѣшищемъ, а справедливость—излишнею, никому не нужною ветошью»....

Въ началѣ этого года, когда въ Венгріи пало министерство Векерле и власть перешла въ руки Банффи, словаки нѣкоторое время какъ будто надѣялись на перемѣну къ лучшему въ своей судьбѣ. Теперь ни малѣйшей подобной перемѣны они уже не ждутъ. Однимъ только нѣмцамъ Семиградіи (по мѣстному «саксамъ» или «сасамъ») Банффи обѣщалъ свои милости, да и то, конечно, скрѣпя сердце, противъ воли, потому что они нѣмцы, имѣютъ хорошую защиту въ Вѣнѣ, а еще лучшую, пожалуй, въ Берлинѣ, и мадьяры ихъ боятся. Впрочемъ, такъ какъ семиградскіе нѣмцы, бывшіе до сихъ поръ въ оппозиціи, обѣщали съ своей стороны присоединиться къ правительственной партіи и усердно поддерживать Банффи, то мадьяры вполнѣ основательно могутъ разсчитывать наверстать съ избыткомъ свои уступки нѣмцамъ на другихъ не мадьярскихъ народностяхъ, усиливъ надъ ними свой гнетъ и эксплуатацію, елико возможно, при помощи новыхъ союзниковъ...

Что думаютъ теперь словаки о новомъ положеніи вещей и какого образа дѣйствій намѣрены держаться? Они этого нисколько не таятъ и не скрываютъ. «Съ паденіемъ правительства Веккерле, пишутъ «Narodnie Noviny»,—окончилась лишь первая книга кроваваго романа,—во второй книгѣ выступятъ тѣ же лица, только замаскированныя... Что

Веккерле, что Банффи—въ сущности все равно. Мы, словаки, не можемъ ожидать отъ Банффи и Пергеля ничего добраго и справедливаго; точно также не могутъ ожидать отъ нихъ ничего для себя сербы и румыны»... Словаки горько жалуются на измѣну своего богатаго и вліятельнаго класса, духовенства, на то, что мадьярское насиліе подрываетъ вѣру въ ихъ простомъ народѣ; сознаютъ свою безпомощность и слабость, но не думаютъ все-таки слагать оружіе предъ «побѣдоноснымъ зломъ»—мадьярами, напротивъ, хотятъ и зовутъ бороться съ ними до смерти ... Въ тѣхъ же «Новинахъ» читаемъ: «Такъ какъ за насъ вступиться некому, то дѣлаютъ съ нами что хотятъ.... Намъ, «рабамъ», которые теряютъ уже почву подъ собой и въ церкви Христовой (ибо архіереи и священники предаютъ насъ, какъ нѣкогда Христа), будетъ трудно поднимать руки, закованныя въ желѣзо мадьярскимъ шовинизмомъ. Нѣтъ никого съ нами, кромѣ Бога, но даже Божескіе законы, за которые наши отцы проливали кровь, топчутъ въ грязь и вводятъ такіе, которые могла подсказать только франмасонская ложа или сыны Люцифера.... Они знаютъ, что словаку нужна вѣра какъ хлѣбъ, а слѣдовательно—деморализовать его, уничтожить въ немъ всякое чувство красоты и добра; тогда ужь онъ поддастся имъ, сдѣлается тѣмъ, чего они желаютъ.... Намъ не остается ничего другого, какъ бой противъ этой обанкротившейся, отказавшейся отъ своего роду-племени, омадьярившейся челяди, не смотря на то, кто какое занимаетъ мѣсто. Чѣмъ выше сидитъ врагъ, тѣмъ тяжелѣе падаетъ палка его на рабовъ. Въ былыя времена, когда варваръ дралъ девять шкуръ съ раба, не было такъ больно, какъ теперь, когда бьютъ душу; но и въ тѣлесномъ смыслѣ мы не можемъ похвастать обезпеченностью. Пусть только потребуютъ того интересы господствующей клики,—жандармы и войско могутъ безнаказанно стрѣлять въ словенскій народъ.... Или останемся словаками съ человѣческими правами, или—ничѣмъ! Помадьяриться—это для насъ тоже все равно смерть. Нѣтъ выбора!»....

Къ этой картинѣ прибавлять нечего. Положеніе словаковъ, какъ и остальныхъ не-мадьярскихъ народностей Венгріи, кромѣ нѣмцевъ, бѣдственное во всѣхъ отношеніяхъ. Но никогда еще навѣрное не была такъ сильна, какъ нынѣ, рѣшимость всѣхъ словацкихъ и румынскихъ патріотовъ дѣйствовать въ свою очередь, не устрашаясь никакихъ возможныхъ жертвъ и не останавливаясь ни передъ чѣмъ, въ сознаніи того, что спасаться отъ гибели наступаетъ послѣдній часъ. Борьба эта, стало быть, дѣло не малое и по *общему* своему значенію не такое, чтобы русское общество было патріотически въ правѣ ею не интересоваться. А у насъ въ Россіи о ней даже почти ничего и не слышно. Нормально ли это? Вспомнимъ, что настоящимъ зародышемъ нашей послѣдней турецкой войны въ Европѣ и Азіи, къ которой мы тоже оказались весьма плохо подготовленными въ общественно-умственномъ отношеніи, что и теперь сказывается на дѣлахъ Сербіи и Болгаріи, было какое-то ничтожное, теперь уже всѣми забытое герцеговинское возстаніе въ 1875 году подъ предводительствомъ Михаила Любибратича и Павла (Пеко) Павловича, «ein Bisschen Herzegowina», какъ любилъ шутить потомъ Бисмаркъ. Кто поручится въ томъ, что какая-нибудь «ein Bisschen Slovakei» не сыграетъ, можетъ быть, еще въ наши дни, такой же роли въ исторіи Австро-Венгріи?

А. Д—чъ.

Зачатки раскатоличенія западнаго славянства.

I.

Хотя въ настоящее время русско-славянскія отношенія и приняли болѣе или менѣе опредѣленный характеръ, вступивъ на путь взаимнаго сближенія, однако—какъ это ни прискорбно—и до сихъ поръ еще среди насъ замѣчается нѣкоторое равнодушіе къ славянству, о которомъ мы не только мало знаемъ, но которымъ даже мало интересуемся. Печать наша за единичными исключеніями, совсѣмъ, почти, не занимается славянскими дѣлами (для извѣстной части ея они даже совсѣмъ чужды) и общество наше не только не знакомо съ ихъ общимъ, такъ сказать, положеніемъ и ходомъ, но не имѣетъ представленія даже о такихъ явленіяхъ и событіяхъ въ жизни славянства, которыя имѣютъ общеславянское значеніе и потому заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія съ нашей стороны.

Во всемъ славянскомъ мірѣ замѣчается въ послѣднее время значительный, давно небывалый приливъ народнаго сознанія, и всѣ славяне воодушевлены нынѣ одной идеей—идеей славянскаго единенія, славянской самобытности, самодѣятельности и независимости. Во всѣхъ славянскихъ земляхъ въ послѣднее десятилѣтіе идетъ ожесточенная, хотя, къ сожалѣнію, и не дружная, борьба съ германизмомъ, мадьяризмомъ и всякими иными „измами“, стоящими поперекъ пути самостоятельнаго развитія и единенія славянства. Руководящая роль въ этомъ культурно-историческомъ движеніи принадлежитъ чехамъ, которые по праву заняли передовое мѣсто среди, подневольныхъ Австріи, западныхъ славянъ и высоко подняли знамя славянской независимости.

Они-же, чехи, являются нынѣ носителями и другой, еще болѣе высокой идеи—идеи *раскатоличенія западнаго славянства,* т. е. религіознаго единенія его съ остальнымъ славянствомъ на почвѣ православія. Піонерами такого единенія явились наши чешскіе колонисты и нынѣ движеніе это, распространившись даже за рубежъ, начинаетъ увлекать уже и другія западно-славянскія отрасли.

Движеніе это имѣетъ, конечно, глубокій историческій смыслъ для всего славянства. Насъ оно, понятно, ближе всѣхъ касается и потому

болѣе всѣхъ должно интересовать. А между тѣмъ, многимъ-ли у насъ извѣстно что-нибудь объ этомъ глубокоотрадномъ и многознаменательномъ явленіи въ жизни нашихъ родичей?..

Говорю *глубокоотрадное* и *многознаменательное* явленіе,—глубокоотрадное потому, что прозрѣніе свѣта братьями нашими и возвращеніе ихъ къ общей нашей матери—православной церкви не можетъ, конечно, не вызывать въ насъ глубокоотрадныхъ чувствъ,—а многозначительное потому, что прозрѣніе это свидѣтельствуетъ намъ, что западные родичи наши, совращенные въ латинство, не принадлежатъ къ числу ревностныхъ и убѣжденныхъ римско-католиковъ, что, напротивъ, среди нихъ существуетъ даже наклонность къ возвращенію въ православіе, завѣщанное имъ св. первоучителями славянскими Кирилломъ и Меѳодіемъ, и стоитъ имъ только, освободившись отъ австрійской неволи, очутиться въ иныхъ условіяхъ государственности, какъ благодатная наклонность эта обращается у нихъ въ стремленіе и принимаетъ характеръ рѣшительнаго народнаго движенія. Развѣ это не глубокоотрадное и не многознаменательное явленіе?

А если такъ, то не грѣшно-ли намъ такъ мало интересоваться имъ и такъ мало знать о немъ?..

Конечно, русское общество не можетъ считать это явленіе чуждымъ ему и если до сего времени оно не проявляло достаточно интереса къ нему, то объясняется это исключительно незнакомствомъ его съ нимъ. Это вотъ обстоятельсто и побуждаетъ особенно меня подѣлиться съ русской читающей публикой тѣми впечатлѣніями, которыя вынесены мною изъ личнаго близкаго знакомства какъ вообще съ бытомъ нашего чешскаго населенія, такъ и особенно съ тѣмъ движеніемъ среди него, въ которомъ нельзя не усмотрѣть зачатковъ раскатоличенія западнаго славянства.

II.

Чешская эмиграція въ Россію, можно сказать, всецѣло родилась на экономической почвѣ. Вслѣдствіе густоты населенія въ Богеміи, тамъ еще съ начала истекающаго столѣтія сталъ ощущаться недостатокъ въ землѣ. Значительный спросъ на нее высоко поднялъ цѣнность земельнаго владѣнія и это обстоятельство исключало возможность для земледѣльцевъ увеличивать площадь своего владѣнія. А между тѣмъ, вслѣдствіе постояннаго прироста населенія, земли становилось все болѣе недостаточно, возникла тѣснота,—и вотъ безземельные богемцы, не находя себѣ пріюта и осѣдлости на родинѣ, начали подыскивать свободныя земли въ чужихъ краяхъ. События 1849 года (чешскій бунтъ, усмиренный кн. Виндиш-

грецомъ) способствовали еще большему ухудшенію экономическихъ условій, къ которымъ присоединились еще и политическія невзгоды,—и съ этого времени чешская эмиграція стала принимать все большіе и большіе размѣры.

Часть эмигрантовъ еще въ началѣ этого столѣтія поселилась въ нашихъ южныхъ (новороссійскихъ) губерніяхъ, но главная масса ихъ направлялась въ Америку, до послѣдняго времени служившую какою-то обѣтованною землею для всѣхъ вообще европейцевъ. Въ короткій промежутокъ времени чехи образовали въ заокеанской республикѣ до двухсотъ колоній, главнымъ образомъ въ штатахъ: Нью-Іоркѣ, Массачузетѣ, Огіо, Иллинойсѣ и Небраскѣ, а также въ Скайлерзѣ, Вагао, Вильбернѣ и др. Первое время положеніе эмигрантовъ было тамъ довольно сносное, но съ усиленіемъ эмиграціи изъ Европы возникла тѣснота и конкуренція, земля вздорожала, средства къ жизни уменьшились.

Эти обстоятельства заставили многихъ чеховъ, удержавшись отъ эмиграціи въ Америку, сопряженную къ тому-же и съ слишкомъ большими расходами, подъискать для переселенія что нибудь лучшее. На этотъ разъ взоры ихъ обратились на Востокъ, гдѣ живетъ братскій имъ народъ, и, обрадовавшись возможности переселяться въ столь близкую къ нимъ и имъ Россію, они начали селиться на свободныхъ поляхъ нашей Волыни, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ юго-западныхъ и южныхъ губерніяхъ (Кіевской, Подольской, Бессарабской, Таврической, на Кавказѣ и др.). Здѣсь они нашли много свободныхъ земель и получили настолько удобный и выгодный пріютъ, что скоро стали зажиточными селянами.

Начало поселенія чеховъ въ Юго-Западномъ краѣ относится къ 1863 г., когда они основали первые свои поселки: Людгардовку—въ Дубенскомъ уѣздѣ (на Волыни) и Чеховку—въ Балтскомъ уѣздѣ (на Подоліи). Въ первые годы, впрочемъ, эмиграція чеховъ въ юго-западныя губерніи ограничилась малозначительными размѣрами (нѣсколько десятковъ семействъ ежегодно); массовое переселеніе ихъ къ намъ началось только послѣ того, какъ нашимъ правительствомъ были предоставлены чешскимъ эмигрантамъ различныя льготы [1]) а за устройство ихъ на новыхъ мѣстахъ взялась высшая администрація края. Это было въ 1867 году и въ слѣдующемъ году на Волыни поселилось уже 130 семействъ богемскихъ чеховъ, въ 1869 году—337 семействъ, въ 1870 году—449 семействъ и т. д. Въ короткій сравнительно промежутокъ времени въ

---

[1]) Они освобождены были отъ всѣхъ повинностей, какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ. Льготы эти, впрочемъ, скоро были отмѣнены.

юго-западный край переселилось свыше 5,000 семействъ чеховъ (до 16 тысячъ человѣкъ), главная масса которыхъ (свыше 4,500 семействъ) основалась на Волыни.

Въ настоящее время въ юго-западномъ краѣ существуетъ 78 чешскихъ поселеній съ 23 тысячами жителей въ нихъ, изъ числа которыхъ 63 поселенія съ 20 тысячами жителей находится въ Волынской губерніи, гдѣ чехами пріобрѣтено въ собственность свыше 40 тысячъ десятинъ земли и столько же состоитъ въ ихъ арендномъ пользованіи.

Узнавъ отъ волынскихъ своихъ собратьевъ о дешевизнѣ земель на Волыни и въ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, и о различныхъ благопріятныхъ условіяхъ жизни въ Россіи,—у американскихъ чеховъ также явилась мысль о переселеніи въ родственную страну,—и съ половины восьмидесятыхъ годовъ въ числѣ новыхъ чешскихъ переселенцевъ въ Россію все чаще и чаще стали встрѣчаться американскіе эмигранты.

Съ 1887 года чешская эмиграція въ юго-западный край значительно сократилась, вслѣдствіе изданія у насъ закона (14 марта), воспрещающаго иностраннымъ подданнымъ пріобрѣтать въ западныхъ губерніяхъ земли. Нынѣ, съ изданіемъ закона 14 марта 1892 года, воспрещающаго всѣмъ вообще „иностраннымъ выходцамъ“ (какъ иностраннымъ такъ и русскимъ подданнымъ) не только пріобрѣтать въ собственность, но также и арендовать земли и даже селиться внѣ городскихъ поселеній—въ Волынской губерніи—главномъ средоточіи чешскихъ колоній въ Россіи,—переселеніе чеховъ на Волынь прекратилось совершенно [1]). Впрочемъ, съ этого времени замѣтно усилилась чешская эмиграція въ Кіевской, Подольской, Бессарабской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, гдѣ, какъ равно и въ Таврической губерніи и Черноморскомъ округѣ, также существуютъ чешскія колоніи, образовавшіяся еще ранѣе (частью), чѣмъ въ Юго-Западномъ краѣ. Хотя, къ сожалѣнію, и не имѣется точныхъ статистическихъ данныхъ относительно общей численности чешскихъ поселенцевъ въ Россіи (я встрѣчалъ единичные чешскіе поселки также въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской, Ковенской и Минской), но, по приблизительному нашему разсчету, численность ихъ во всѣхъ перечисленныхъ губерніяхъ можетъ быть опредѣлена въ 40 тысячъ человѣкъ (около 14 тысячъ семействъ).

---

[1]) Интересно, что законъ этотъ направленъ противъ нѣмцевъ, заполонившихъ Волынь, а между тѣмъ неясная редакція его—законодатель почему-то постѣснился назвать своимъ именемъ ту враждебную намъ націю, противъ которой издавался законъ, замѣнивъ его общимъ опредѣленіемъ «иностранные выходцы»—сдѣлала то, что онъ всею тяжестью своей обрушился на ни въ чемъ неповинныхъ и родныхъ намъ чеховъ и русскихъ галичанъ, ранѣе также селившихся на Волыни.

Близость къ православію, политическая и гражданская свобода, а также полная свобода вѣроисповѣданія, которыя они нашли у насъ (и которыхъ были лишены въ конституціонной Австріи), благотворно повліяли на чеховъ. Мало по малу они стали проникаться завѣтами родной старины, подъ вліяніемъ новыхъ условій общественности и государственности, въ нихъ пробудилась исконная ихъ преданность православію и слѣдствіемъ этого пробужденія явилось неудержимое движеніе сначала волынскихъ, а вслѣдъ за ними и всѣхъ прочихъ русскихъ чеховъ въ лоно православной каѳолической церкви.

III.

Чехи, какъ извѣстно, получили св. крещеніе по восточному обряду отъ св. Меѳодія (Страхота), который крестилъ въ іюнѣ 894 года въ Велеградѣ чешскаго князя Боривоя и его супругу Людмилу [1]). Съ этого времени, какъ говоритъ чешскій исторіографъ Странскій, „среди великихъ и непрестанныхъ гоненій со стороны многочисленныхъ приверженцевъ язычества, новая вѣра, установленная у чеховъ по образцу грековъ, возрастала постепенно все болѣе и болѣе и подъ вліяніемъ ея улучшалось понемногу состояніе народа. Въ разныхъ мѣстахъ страны строились священные храмы и училища тѣмъ ревностнѣе оглашались ученіемъ чистой вѣры, что явственнѣе обнаруживалась тщета прежнихъ идоловъ и безсмысленность старыхъ суевѣрій. Языческія божницы и капища опустѣли [2]). Въ 898 году мы видимъ уже въ Чехіи многочисленный сонмъ православныхъ духовныхъ лицъ и велеградскаго архіепископа Меѳодія, приглашеннаго „дабы народу, пребывавшему подъ обаяніемъ вымысловъ язычества, проповѣдать Христа и, наставивъ его въ поклоненіи единому истинному Богу, установить богослуженіе и учредить священство и училища“.

Православіе въ Чехіи утвердилось очень скоро и въ X вѣкѣ язычество среди чешскаго народа было уже почти искоренено.

Но въ концѣ этого (X-го) вѣка, въ княженіи Болеслава Кроткаго (967—999), случилось событіе, которое, къ несчастью для чеховъ, круто измѣнило столь благопріятно слагавшійся строй ихъ религіозной жизни и, остановивъ ростъ греческой вѣры въ Чехіи, повлекло за собою массу недоразумѣній и породило безконечныя распри, пагубно отозвавшіяся на дальнѣйшихъ судьбахъ чешскаго народа, загнавъ его въ цѣпкія сѣти

---

[1]) Въ минувшемъ году, такимъ образомъ, исполнилось тысячелѣтіе крещенія чешскаго народа. Прискорбно, что знаменательный юбилей этотъ прошелъ совершенно незамѣченнымъ въ Чехіи.

[2]) Странскій. *Respublica Bojema*, стр. 268.

католицизма, а впослѣдствіи и въ политическую кабалу исконныхъ враговъ славянства. Я говорю о путешествіи сестры Болеслава Кроткаго Млады въ Римъ, о принятіи ею тамъ латинства и о привезенной ею въ Чехію брату буллы папы Іоанна XIII, которою повелѣвалось ему отринуть обряды восточной церкви и ввести въ государствѣ латинство. Болеславъ соблазнился сладкими разсказами сестры о Римѣ, папѣ и величіи латинскаго богослуженія; поддавшись женскому вліянію онъ, не взирая на общее недовольство и даже протесты, учредилъ въ Прагѣ латинскую епископскую каѳедру (973). „Съ этого времени—говоритъ Странскій—чешскій народъ раздѣлился въ вѣрѣ на три части: одни, число коихъ постепенно уменьшалось, были язычники, другіе—слѣдовали обрядамъ римской, а третьи—греческой церквамъ. Наконецъ, съ теченіемъ времени язычество совершенно исчезло и знатнѣйшее дворянство, такъ-же какъ и всѣ тѣ, которые соприкасались съ сосѣдними нѣмцами и имѣли съ ними сношенія, отступили отъ греческихъ обрядовъ. Только люди менѣе значительные и простонародье, довольствующееся своимъ домашнимъ обиходомъ, упорно хранили священные обряды греческой церкви“.

Сначала православные, какъ и католики, пользовались полною свободой богослуженія и латинство, хотя и стало господствующей религіей въ Чехіи, преобладало только въ верхнихъ слояхъ населенія. Но въ XIV вѣкѣ Римъ предпринялъ рѣшительную и ожесточенную борьбу съ чешскимъ православіемъ; въ рядахъ противниковъ его находилась вся почти аристократія, весь высшій классъ и правящія сферы,—и, понятно, чешскому народу, хотя численная сила и была на его сторонѣ, трудно, даже невозможно было противостоять этой нравственной силѣ. Началось дѣло съ назойливыхъ проповѣдей и лживыхъ заманиваній, а кончилось тѣмъ, что въ княженіи Карла (1346—1378) особымъ закономъ, подъ страхомъ тяжелой отвѣтственности, была запрещена „всякая уклоняющаяся отъ установленій римской церкви вѣра“.

Съ этого времени православіе начало уже открыто преслѣдоваться въ Чехіи, подвергаясь жестокимъ гоненіямъ со стороны какъ латинскаго духовенства, такъ и окатоличеннаго дворянства и даже правительства. Богослуженіе славянское было изгнано и замѣнено латинскимъ не только въ королевскомъ замкѣ и городскихъ храмахъ, но и во всѣхъ церквахъ государства, причемъ упорствовавшіе были предаваемы анаѳемѣ и истребляемы оружіемъ. „Когда—говоритъ Странскій—стали замѣчать, что ненавистное (т. е. православное) богослуженіе, продолжаемое то въ замкахъ нѣкоторыхъ дворянъ, приверженцевъ истины, то въ глуши лѣсовъ, посѣщается громадными толпами народа и никакія анаѳемы противъ этого не помогаютъ, то взялись за оружіе; на возвращавшихся съ священныхъ

сходбищъ стали устремлять военную силу, бить ихъ, грабить, уводить, подвергать пенямъ, пытать, казнить мечомъ или огнемъ, бросать въ рудники" [1]).

Въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, среди страшныхъ смутъ, гибельныхъ распрей и разбоевъ, вызванныхъ тайными и явными кознями Рима и терзавшихъ Чешскую замлю, Богъ послалъ чехамъ великаго защитника ихъ воли и правды—Іоанна Гуса. Горячая проповѣдь его воодушевила борцовъ за православіе, еще болѣе укрѣпивъ въ нихъ спасительную увѣренность въ чистотѣ и истинности восточнаго ученія. „Черезъ его (Гуса) посредство—говоритъ Странскій—Богъ открылъ глаза многимъ людямъ всякаго состоянія, но вполнѣ закоснѣвшимъ въ злобѣ, такъ что они отступились отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій невинныхъ людей и, уразумѣвъ обманы латинствующихъ монаховъ, сами переходили къ болѣе чистому исповѣданью, котораго нѣкогда держались ихъ предки".

Католическое духовенство, раздраженное смѣлостью Гуса и негодуя на то, что всѣ трехвѣковыя усилія его къ искорененію въ Чехіи православія, благодаря ему, оказываются безплодными и тщетными,—конечно страшно ожесточилось противъ него. Видя, какое могучее дѣйствіе оказываетъ проповѣдь Гуса и понимая, какую опасность представляетъ онъ для папства вообще, оно воздвигло цѣлое гоненіе на него и преслѣдовало его до тѣхъ поръ, пока, привлеченный въ Констанцъ подъ ручательствомъ охранной императорской грамоты, онъ былъ осужденъ соборомъ за ересь и сожженъ на кострѣ (1415).

Гусъ погибъ, но посѣянное имъ доброе сѣмя осталось и привившись на чешской нивѣ, стало быстро разростаться. Во всей Чехіи *вновь* утверждалось православіе...

Правда, ученіе Гуса отличалось нѣсколько, какъ это признавалъ и самъ Гусъ, отъ греческой религіи, но отличія эти, касаясь только обрядовой стороны, не были существенны. Выступая протестантомъ противъ злоупотребленій римской церкви, Гусъ проповѣдывалъ ученіе въ сущности своей вполнѣ сходное съ православіемъ. Тождественность гуситскаго ученія съ греческимъ была признана даже особымъ посланіемъ Константинопольской церкви къ чехамъ въ 1452 году (за два года до взятія Царьграда турками). Въ посланіи этомъ, подписанномъ всѣмъ сонмомъ восточныхъ митрополитовъ и епископовъ, прямо говорится: „...мы удостовѣрились, что вы, такъ сказать, возрождаетесь и приступаете къ общему христіанскому ученію и истинному благочестію, что вы

---

[1]) *Respublica Bojema*, стр. 271.

не только не покидаете матери (т. е. церкви), но томитесь, сжигаемые вожделеніемъ истинной матери, которой вы еще ищите“.

„Этотъ документъ—говоритъ А. Гильфердингъ,—относящійся къ тому времени, когда гусситство, послѣ отраженія пяти крестовыхъ походовъ Западной Европы [1]), находилось въ своемъ полномъ цвѣтѣ и успѣло совершенно выяснить и установить свое ученіе,—этотъ документъ не представляетъ собою только частнаго мнѣнія отдѣльныхъ лицъ, а есть соборное дѣяніе константинопольскаго патріархата. Мы знаемъ, какъ мало склонна была вообще православная церковь къ сдѣлкамъ съ иновѣрными исповѣданіями и какъ твердо она отстаивала неприкосновенность своего ученія, не допуская никакихъ уступокъ по политическимъ расчетамъ. Что и соборное дѣяніе 18 января 1452 года не составляло уступки какимъ либо политичекимъ видамъ, а выражало дѣйствительно убѣжденіе патріаршаго синода въ православіи гусситскаго исповѣданія, за то ручается какъ общій историческій характеръ восточной церкви, такъ и то, что скрѣпленъ этотъ актъ подписью извѣстнаго Геннадія, бывшаго главою той строго православной партіи, которая отвергла флорентійскую унію, именно какъ недостойную церкви политическую уступку“ [2]).

Такимъ образомъ, чехи *вторично*, послѣ пятивѣковаго невольнаго заблужденія, становились православными и тѣмъ обезпечивали себѣ сохраненіе своей народности, своего языка и самобытности. Къ несчастью, однако, и этотъ разъ торжество православія въ Чехіи было не вѣковѣчно. Разъ намѣтивъ ее себѣ въ жертвы, Римъ не могъ уже оставить Чехію въ покоѣ; первый натискъ (крестовые походы 1420—1431 г.) чехи выдержали и Западная Европа вынуждена была признать гусситское вѣроисповѣданіе. Но черезъ два столѣтія чехамъ пришлось уступить страшной силѣ: Бѣлогорская битва (1620) рѣшила дальнѣйшую участь чешскаго народа и его православнаго гусситства; ближайшимъ результатомъ ея было—возстановленіе католицизма въ Чехіи и полное подавленіе гусситства.

Съ тѣхъ поръ, вотъ уже безъ малаго три столѣтія, животворящій лучъ восточнаго христіанства не озаряетъ Чешской земли, но преданность православію и проповѣднику его Гусу и нынѣ таится въ сердцахъ нашихъ западныхъ родичей,—и достаточно было одного только внѣшняго соприкосновенія чеховъ съ православіемъ въ Россіи, чтобы у нихъ

---

[1]) Эти походы предпринимались съ цѣлью уничтоженія гусситства и всѣ пять были въ періодъ 1420—1431 гг.

[2]) А. Гильфердингъ. *Гусъ. Его отношеніе къ православной церкви.* Спб. 1871 г., стр. 2.

явилось страстное стремленіе опять—и, конечно, уже навсегда — соединиться съ нимъ...

IV.

Еще въ 1871 году П. П. Чубинскій, одинъ изъ участниковъ этнографическо-статистической экспедиціи, снаряженной императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ въ Югозападный край, замѣтилъ, что поселившіеся здѣсь чехи „проникнуты стремленіемъ сдѣлаться русскими гражданами и даже объединиться съ мѣстнымъ населеніемъ въ религіозномъ отношеніи“ [1]). Но въ семидесятыхъ годахъ произошли крупныя пертурбаціи въ религіозномъ быту волынскихъ чеховъ; имъ пришлось выдержать въ этотъ промежутокъ времени отчаянные натиски съ одной стороны римскаго католицизма, а съ другой — нѣмецкаго лютеранизма. Правда, врагамъ не удалось подавить въ чехахъ пробудившіяся въ нихъ чувства славянскаго самосознанія, но ростъ ихъ тѣмъ не менѣе на время былъ остановленъ и то ихъ стремленіе къ объединенію съ нами на почвѣ религіозной, которое примѣтилъ въ нихъ Чубинскій еще въ 1871 году, было таки заглушено на цѣлое десятилѣтіе. Но лишь только были отстранены недобрыя вліянія, оно вновь и съ еще большею силой обуяло чеховъ и на этотъ разъ уже ничто не могло помѣшать имъ броситься въ объятія своей, насильственно оторванной отъ нихъ, матери—Православной Церкви.

Первыя возсоединенія чеховъ съ православіемъ произошли въ 1884 году, сначала въ Дубенскомъ, а вслѣдъ же за тѣмъ въ Острожскомъ, Ровенскомъ, Луцкомъ и во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ Волыни, въ которыхъ пріютились чехи. Началось съ возсоединенія отдѣльныхъ семействъ, но вскорѣ эти единичныя возсоединенія обратились въ массовое движеніе чеховъ подъ покровъ православной Церкви, во главѣ съ ихъ священниками и учителями.

Особенно сильно стало проявляться это движеніе съ того времени, когда на Волыни былъ открытъ первый чешскій православный храмъ, въ поселкѣ Квасиловѣ (Ровенскаго уѣзда). Лишь только чехи услышали богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ—они стали возсоединяться цѣлыми селеніями, буквально съ ненавистью бросая чуждое и непонятное славянамъ латинство. Имъ внушали сначала, что—для всякаго, конечно, понятно,—что принимая православіе, они должны отрекаться и отъ своей

---

[1]) *Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край.* Т. VII, стр. 309.

народности, своего языка. Многихъ и долгое время это удерживало отъ возсоединенія. Но лишь только чехи увидѣли, что принимая православіе, имъ не только не приходится отрекаться отъ своей народности и своего языка, но, напротивъ, это имъ обезпечиваетъ еще сохраненіе своей національности, давая имъ возможность и молиться на своемъ родномъ языкѣ,—лишь только увидѣли и узнали это чехи, стремленіе ихъ къ возвращенію къ родному имъ восточному обряду сразу же приняло характеръ рѣшительнаго народнаго движенія, во главѣ котораго, въ качествѣ миссіонеровъ, стали чешскіе же возсоединившіеся священники Иванъ Саско, Мануилъ Нѣмечекъ и Кашпаръ.

Въ настоящее время на Волыни существуетъ уже три чешскихъ православныхъ храма—два въ Ровенскомъ уѣздѣ, въ сс. Квасиловѣ и Глинскѣ, и одинъ—въ Острожскомъ, въ селѣ Гульчѣ. Всѣ эти храмы устроены по иниціативѣ самихъ возсоединившихся чеховъ и при ихъ матеріальномъ участіи; только Глинская церковь перестроена за ново при щедромъ пособіи отъ правительства. Что касается внутренней обстановки храмовъ, то и она частью пріобрѣтена мѣстными чешскими обществами, частью же пожертвована русскими благотворителями. Богослуженіе въ храмахъ совершается на чешскомъ и славянскомъ языкахъ, причемъ во всѣхъ есть очень хорошіе хоры, составленные преимущественно изъ дѣтей.

Не малую услугу дѣлу возсоединенія чеховъ оказалъ и оказываетъ шесть лѣтъ уже издающійся въ Кіевѣ, на чешскомъ языкѣ, *Чешскій народный календарь* (православный). Издаваемый чехомъ Ф. Л. Ярешомъ (состоящимъ преподавателемъ въ коллегіи Павла Галагана), календарь этотъ въ массѣ распространенъ между чешскимъ населеніемъ Югозападнаго края и даже южныхъ губерній; въ немъ подробно описывается движеніе волынскихъ чеховъ и помѣщаются статьи въ духѣ необходимости возсоединенія, не малымъ толчкомъ которому служатъ также и событія въ Чехіи, гдѣ такъ сильно развивается въ послѣдніе годы національное движеніе въ кирилло-меѳодіевскомъ духѣ.

Года три четыре тому назадъ нѣсколько чеховъ хлопотали даже объ изданіи въ Житомірѣ чешской газеты, на чешскомъ и русскомъ языкахъ. Одно время вопросъ былъ уже совсѣмъ какъ будто рѣшенъ и чехи съ нетерпѣніемъ ожидали появленія первой своей газеты въ Россіи (теперь ими выписываются изъ Праги *Narodni Listy*, а также и русскія газеты). Къ сожалѣнію, однако, дѣло это почему-то разстроилось.

V.

Глубокопоучительна и интересна исторія возсоединенія многихъ чешскихъ обществъ, какъ на Волыни, такъ и во всей остальной Россіи.

Она ярко иллюстрируетъ, какъ глубоко коренятся въ чехахъ, не смотря на ихъ латинство, завѣты св. славянскихъ первоучителей и какъ потому искусственна и, слѣдовательно, непрочна связь западнаго славянства съ Римомъ. Чехи—католики, но достаточно оказывается малѣйшаго солнечнаго проблеска, довольно одного только какого-нибудь напоминанія имъ о былой ихъ жизни, чтобы этотъ наружный, искуственно навязанный имъ, католицизмъ совершенно потерялъ для нихъ всякій смыслъ и значеніе,—и, хладнокровно порывая связи съ нимъ, они съ радостію и раскаяніемъ вступаютъ подъ лучезарную сѣнь праматери своей—православной Церкви.

Не могу не привести наиболѣе характерные эпизоды изъ исторіи возсоединенія чеховъ, иллюстрирующіе только что сказанное.

Часть чеховъ села Ульбарова (Острожскаго уѣзда), въ числѣ 65 домохозяевъ, будучи католиками и не желая посѣщать мѣстную православную церковь подала губернскому начальству прошеніе о припискѣ ихъ къ Ровенскому католическому костелу (ближайшему къ Ульбарову). Узнавъ это, чешскій священникъ И. О. Саско (изъ возсоединившихся) прибылъ въ Ульбаровъ и здѣсь, 19 октября 1888 года, вступилъ въ собесѣдованіе съ своими упорными соплеменниками. Надо замѣтить, что незадолго передъ этимъ часть ульбаровскихъ чеховъ, въ числѣ 89 человѣкъ, во главѣ съ старостою своимъ В. Іонашемъ, присоединилась къ православію, остальные же, въ числѣ свыше 200 человѣкъ, упорно оставались въ заблужденіи. Но достаточно было одного собесѣдованія о. Саско—и 169 человѣкъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и 65, подавшихъ прошеніе о припискѣ ихъ къ костелу, 30 октября 1888 года возсоединились съ православною церковью.

Сколь вообще сильно и энергично, особенно было на первыхъ порахъ, стремленіе волынскихъ чеховъ къ возвращенію въ православіе, наглядно характеризуетъ слѣдующее сообщеніе издающейся въ Житомірѣ газеты *Волынь* (1888 года, № 119) изъ села Семидубы (Дубенскаго уѣзда), гдѣ, по замѣчанію газеты, „замѣчается особенное расположеніе чеховъ къ православной церкви". Здѣсь „пять дней сряду, а именно: 13, 14, 18, 24 и 29 іюня (1888 года) мѣстный священникъ совершалъ присоединеніе чеховъ къ православію. Въ эти дни чехи буквально осаждали приходскую церковь и, съ твердымъ и истиннымъ расположеніемъ духа принимали православіе, отрекаясь отъ всѣхъ древнихъ и новыхъ ересей и неправыхъ ученій. Они всѣмъ сердцемъ и всею душою соединялись со св. православною Церковью и стараются быть истинными и покорными чадами ея. Чехи аккуратно посѣщаютъ въ праздничные дни церковь, усердно молятся и вообще проводятъ ихъ въ высшей сте-

ненія благочестиво". Въ одинъ день, 14 іюня, въ с. Семидубахъ возсоединилось 200 человѣкъ чеховъ. „Во время богослуженія новообращаемые сохраняли порядокъ, тишину и молитвенное настроеніе, а по окончаніи литургіи, по ихъ просьбѣ, была освящена чешская школа и кладбище, гдѣ, по ихъ же просьбѣ, совершена панихида. Проникнутые чувствомъ христіанскаго умиленія, всѣ чехи, отъ мала до велика, стояли на колѣняхъ во все время совершенія панихиды". Подойдя затѣмъ съ крестнымъ ходомъ къ церкви, всѣ новообращенные „единодушно заявили, что для нихъ теперь нѣтъ ничего священнѣе, кромѣ обрядовъ св. православной Церкви и ея богослуженій, которыя своей торжественностью располагаютъ къ молитвенному настроенію. По выходѣ изъ церкви, на церковномъ погостѣ, всѣ чехи пали на колѣни и поднявъ руки къ небу, благодарили Бога за то, что Онъ сподобилъ ихъ возсоединиться съ св. православной Церковью". Затѣмъ чехи просили священника посѣтить ихъ колонію и окропить св. водой ихъ жилища.

Особенною многочисленностью чешскаго населенія отличается на Волыни село Гульча (Острожскаго уѣзда), гдѣ живетъ свыше 500 душъ чеховъ. Будучи утраквистами и имѣя свою церковь и священника (Кашпара), гульчинскіе чехи до 1888 года совершенно игнорировали всякую попытку мѣстнаго православнаго священника о. Глинскаго расположить ихъ къ принятію православія, и въ то время, когда чехи сосѣднихъ поселковъ массами уже присоединялись къ православію, въ Гульчѣ православные среди многочисленнаго чешскаго населенія считались единицами. Такое упорство гульчинскихъ чеховъ, во главѣ со священникомъ ихъ Кашпаромъ, пользовавшимся огромнымъ вліяніемъ не только на своихъ прихожанъ, но и на все окрестное чешское населеніе, — такое упорство ихъ и его вызывало общее недоумѣніе, которое, однако, очень скоро разъяснилось. Оказалось, что Кашпаръ, давно уже въ душѣ склонившійся къ православію и приготовлявшійся, вмѣстѣ со своими прихожанами, къ возврату къ исконному обряду, хотѣлъ, чтобы это массовое возсоединеніе чеховъ совершилось во время всероссійскаго торжества 900-лѣтія крещенія Руси, 15 іюля 1888 года. Готовясь соединить такимъ образомъ свое мѣстное торжество со всероссійскимъ и всеславянскимъ торжествомъ, Кашпаръ запретилъ своимъ прихожанамъ присоединяться къ православію ранѣе, къ чему многіе изъ нихъ уже давно стремились. Но вотъ насталъ, наконецъ, давно ожидаемый день; въ самый день торжества 900-лѣтія крещенія Руси, 15 іюля, въ гульчинской православной церкви вошелъ чрезъ св. миропомазаніе въ лоно ея самъ о. Кашпаръ, а въ слѣдующіе два дня, 17 и 18 іюля, присоединилось къ православію свыше 200 его прихожанъ. Спустя нѣкоторое время возсоединилось

еще нѣсколько партій гульчинскихъ чеховъ и въ настоящее время въ Гульчѣ уже почти всѣ чехи православные.

Весной 1892 года присоединилось къ православію 40 душъ чеховъ въ селѣ Купичево, Владиміръ-Волынскаго уѣзда. Присоединеніе происходило въ мѣстной приходской церкви, совершилъ его чешскій священникъ (миссіонеръ волынской епархіи, усердіемъ котораго возсоединена не одна сотня чеховъ) Мануилъ Нѣмечекъ и всѣ новоприсоединенные вошли въ составъ прихожанъ села Купичева. Обрядъ присоединенія и воодушевленная проповѣдь о. Нѣмечека произвели сильное впечатлѣніе на мѣстное чешское населеніе и всѣ остальные, проживающіе въ Купичево и не принявшіе еще православія чехи, въ числѣ до 70 человѣкъ, тотчасъ-же изъявили желаніе также возсоединиться съ православною церковью, что и совершилось во время празднованія 900-лѣтія православія на Волыни, въ маѣ 1892 года.

Заслуживаетъ вниманія также чешскій поселокъ Дорогостаи (Дубенскаго уѣзда). Въ поселкѣ этомъ—70 дворовъ, образующихъ широкія и правильныя улицы; переселились сюда чехи изъ Чеславскаго и Хрудимскаго округовъ въ 1870 году. Въ настоящее время въ Дорогостаяхъ живетъ 430 душъ чеховъ, владѣющихъ, на правѣ собственности, 755 десятинами хорошей земли и 350 десятинами лѣса. Переселившись на Волынь всѣ они тотчасъ-же приняли русское подданство, а вскорѣ затѣмъ, безъ всякихъ стороннихъ побужденій къ тому, начали принимать и православіе; нынѣ уже болѣе половины ихъ (около 250 человѣкъ) возсоединились съ православною церковью.

Всего на Волыни въ настоящее время насчитывается уже до 15 тысячъ православныхъ чеховъ, т. е. болѣе двухъ третей всего чешскаго населенія въ губерніи; всѣ они строго слѣдуютъ правиламъ нашей религіи и настолько внимательно относятся къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ ней, что нерѣдко измѣняютъ даже, сообразно ея требованіямъ, характеръ своей жизни. О томъ же, насколько глубока и искренняя преданность чеховъ къ православной церкви и ея русскимъ пастырямъ, достаточной иллюстраціей можетъ служить слѣдующій фактъ.

Когда въ іюлѣ 1888 года покойный волынскій архіепископъ Палладій, объѣзжая свою епархію, пріѣхалъ въ гор. Луцкъ, мѣстные и окрестные чехи, не только православные, но и католики, приняли горячее участіе во встрѣчѣ православнаго архипастыря; всѣ, расположенныя въ окрестностяхъ Луцка, чешскія колоніи прислали для привѣтствованія его депутаціи, состоявшія изъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья и державшихъ въ рукахъ небольшіе флаги изъ національныхъ русскихъ цвѣтовъ. На другой день по прибытіи своемъ въ Луцкъ, 17

іюля, архіепископъ Палладій служилъ въ мѣстномъ соборѣ литургію, во время которой возсоединилось съ православіемъ свыше ста человѣкъ чеховъ; архіепископъ самъ пріобщилъ всѣхъ возсоединившихся св. Таинъ и затѣмъ роздалъ имъ, а также и всѣмъ прочимъ присутствовавшимъ на богослуженіи чехамъ, въ числѣ которыхъ много было и католиковъ, брошюрки духовнаго содержанія, сказавъ имъ при этомъ нѣсколько теплыхъ словъ. По выходѣ архіепископа изъ собора его окружила толпа чеховъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, восторженно привѣтствуя его и подходя подъ благословеніе; впереди всѣхъ находились депутаціи чешскихъ дѣвочекъ, одна изъ которыхъ выступила и произнесла слѣдующее привѣтствіе отъ имени всѣхъ чеховъ:

„Милостивый архипастырь и отецъ! Позвольте выразить передъ вами тѣ неподдѣльныя чувства радости и дѣтской привязанности, какими исполнены сердца вашихъ чадъ. Мы, чехи, знаемъ свое единство съ русскими по племени, но многіе изъ насъ, слава Богу, уже познали и истину, возсіявшую на Востокѣ и вступили въ лоно единой истинной восточной православной Церкви, и знаемъ также, что только единство племени и вѣры составляетъ ту несокрушимую скалу, которой никакая сила преодолѣть не можетъ. Мы, чехи, въ первый разъ видимъ своего архипастыря, видѣли его архіерейское служеніе и съ благоговѣніемъ восхищались его торжественностью. А потому кратковременное пребываніе ваше въ Луцкѣ не столько для коренныхъ русскихъ, сколько для насъ, чеховъ,—такое событіе, которое долго, долго будетъ сохраняться въ памяти нашей и, какъ преданіе, перейдетъ изъ рода въ родъ. Не отъ себя говорю, какъ дитя, а отъ имени чеховъ передаю то, что они мнѣ внушили и чему меня научили; значитъ, все сказанное моими устами—сущая правда. Примите же ваше высокопреосвященство, отъ насъ, новыхъ вашихъ чадъ, и всѣхъ присутствующихъ здѣсь чеховъ нашу искреннюю благодарность вамъ за то, что вы посѣтили Луцкъ и удостоили насъ присутствовать на этомъ чудномъ архіерейскомъ богослуженіи; примите увѣреніе въ истинной привязанности къ вамъ, какъ архіерею и отцу. Просимъ васъ и впредь не оставлять насъ въ святыхъ молитвахъ и отеческихъ заботахъ, чтобы Богомъ врученное вамъ стадо благоденствовало и возрастало въ славу Божію. Молимъ Бога, чтобы Онъ, милосердный, укрѣплялъ васъ и сохранилъ вашу жизнь на многія лѣта“.

На это трогательное привѣтствіе архіепископъ Палладій отвѣтилъ краткимъ словомъ, въ которомъ выразилъ свою радость по поводу духовнаго единенія чеховъ съ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ русскимъ народомъ, и пожеланія, чтобы чешскій народъ, поселившійся въ Россіи, съ принятіемъ православія хранилъ православную вѣру какъ дра-

гоцѣнный завѣтъ славянамъ отъ св. первоучителей ихъ Кирилла и Меѳодія. Чинно выслушали чехи слово архипастыря и когда онъ сталъ садиться въ экипажъ, они осыпали путь его вѣнкими и цвѣтами.

VI.

Тоже происходитъ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ пріютились чехи. Движеніе среди волынскихъ чеховъ нашло себѣ откликъ прежде всего въ сосѣдней Кіевской губерніи, гдѣ чешскіе поселенцы довольно многочисленны въ Бердичевскомъ уѣздѣ, а также въ Васильковскомъ и Кіевскомъ. Началось, какъ и на Волыни, съ единичныхъ присоединеній, но вскорѣ же стремленіе возвратиться къ вѣрѣ своихъ предковъ объяло всѣхъ кіевскихъ, а также и подольскихъ чеховъ,— и стали возсоединяться цѣлые чешскіе приходы Бердичевскаго, Кіевскаго и Балтскаго уѣздовъ. Одними изъ первыхъ присоединились къ православію чехи селъ Чеховки (Балтскаго уѣзда) и Колонщины (кіевскаго уѣзда) послѣдніе поголовно, въ составѣ 15 дворовъ и 63 человѣкъ.

Въ Бессарабской губерніи первыя присоединенія чеховъ къ православію произошли въ концѣ 1889 года; присоедились почти поголовно всѣ чехи села Новограда, Измаильскаго уѣзда. Вскорѣ послѣ нихъ, 6 января 1890 года, возвратились къ вѣрѣ своихъ предковъ чехи города Бендеры, въ числѣ 27 человѣкъ, во главѣ съ священникомъ своимъ Севастіаномъ Дорукомъ. Воспріемникомъ былъ бендерскій священникъ А. Балцатеско, которымъ по окончаніи торжества была отправлена съ извѣщеніемъ о немъ телеграмма высокопреосвященному Сергію, архіепископу кишиневскому (нынѣ московскому митрополиту), на которую послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ: „новоприсоединившимся желаю твердости въ православіи и благополучія въ жизни“.

Довольно многочисленны также чешскія поселенія въ Таврической губерніи, особенно въ сѣверныхъ уѣздахъ ея и главнымъ образомъ въ Мелитопольскомъ, гдѣ чехи поселились еще въ началѣ текущаго столѣтія и образовали даже цѣлый (заштатный) чешскій городъ — Чехоградъ. Тутъ такъ же, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, среди чеховъ явилось въ послѣднее время, какъ сообщаетъ мѣстный корреспондентъ, „рельефное сознаніе своего племенного славянскаго единства съ Россіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ зародилось и стремленіе тѣснѣе слиться со своими старшими братьями—русскими. Въ послѣднее время то и дѣло слышно объ обращеніи въ православіе отдѣльныхъ лицъ чешской національности, изученіемъ же русскаго языка чехи въ Таврической губерніи стали заниматься почти поголовно“. Когда въ 1889 году преосвященный Мартиніанъ,

епископъ таврическій и симферопольскій, объѣзжая сѣверные уѣзды своей епархіи, посѣтилъ проѣздомъ Чехоградъ, „чехи встрѣтили православнаго архипастыря съ подобающимъ его сану почетомъ, пригласили въ свой молитвенный домъ и школу, гдѣ владыка экзаменовалъ по закону Божію и остался доволенъ занятіями учениковъ. Результатомъ этого посѣщенія было то, что чехи рѣшили основать здѣсь у себя русскую школу“ [1]).

Къ прискорбію, приходится засвидѣтельствовать, что и здѣсь, какъ въ Югозападномъ краѣ, въ осуществленіи этихъ благодатныхъ порывовъ чеховъ поперекъ дороги становятся нѣмцы, весьма многочисленные въ Таврической и сосѣднихъ южныхъ губерніяхъ. Начиненные своимъ, противнымъ славянству, германизмомъ, они злобно относятся къ стремленію чеховъ, къ единенію съ православною Русью, всячески препятствуя имъ въ этомъ и затрудняя благое дѣло слiянія ихъ — культурнаго и духовнаго — съ братскимъ независимымъ народомъ. Вся бѣда въ томъ, что чешское населеніе въ южныхъ губерніяхъ перемѣшано съ нѣмецкимъ, составляя общія сельскія общины и общіе чешско-нѣмецкіе католическіе приходы [2]), патерами которыхъ, несмотря даже на численное преобладаніе чешскаго элемента, состоятъ поляки или нѣмцы, которые и являются главарями тлетворнаго нѣмецкаго давленія на чеховъ. По сообщенію мѣстнаго корреспондента, „учителей, рѣшающихся преподавать чехамъ русскій языкъ, нѣмцы тѣснятъ или выживаютъ съ мѣста всевозможнѣйшими средствами: противъ нихъ даже раздается проповѣдь съ церковной каѳедры“.

Но лучшей иллюстраціей злобныхъ козней нѣмцевъ противъ чеховъ и ихъ открытаго противодѣйствія чешскому религіозному движенію, служитъ прошеніе, поданное недавно чехами села Александровки, Мелитопольскаго уѣзда, своему (таврическому) губернатору. „Проживая въ селеніи Александровкѣ совмѣстно съ поселенцами-нѣмцами, мы — говорится въ этомъ прошеніи—терпимъ большія притѣсненія со стороны поселянъ-нѣмцевъ, которые, опираясь на свое большинство [3]), вредятъ нашимъ интересамъ“. Указавъ затѣмъ на то, что непріязненныя отношенія со стороны нѣмцевъ возникли съ 1884 года, когда чехи противъ желанія нѣмцевъ, открыли для своихъ дѣтей, вмѣсто нѣмецкой, онѣмечивавшей ихъ, русскую школу, и что нѣмцы, озлобленные этимъ несогласіемъ чеховъ нѣмечить своихъ дѣтей, не допускаютъ чеховъ въ представители

---

[1]) *Новороссійскій Телеграфъ.* 1894 года, № 6016.
[2]) Часть нѣмцевъ на нашемъ югѣ—католики.
[3]) Въ с. Александровкѣ всего 120 домохозяевъ, изъ нихъ 99 нѣмцевъ и 21 чехъ.

на волостномъ сходѣ, совершенно обезличивая такимъ образомъ ихъ, а также, дабы уменьшить число чешскихъ домохозяевъ и тѣмъ усилить нѣмецкое преобладаніе, не разрѣшаютъ отводить усадебныя мѣста для населенія отдѣленныхъ членовъ многосемейныхъ чешскихъ дворовъ—указавъ на всѣ эти нѣмецкіе подкопы, чехи пишутъ въ своемъ прошеніи: „терпя насиліе со стороны нѣмцевъ, мы не имѣемъ должной поддержки со стороны нашего римско-католическаго духовенства, въ лицѣ администратора Семфиропольской римско-католической церкви Іосифа Кеслера, который, не сочувствуя чехамъ открыто, поощряетъ и покровительствуетъ нѣмцамъ. Священникъ Кеслеръ, прибывъ въ село Александровку, произнесъ поджигательную рѣчь на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ, называя въ проповѣди сумасшедшимъ того, кто посовѣтовалъ чехамъ строить отдѣльное помѣщеніе для молитвы и для школы; при этомъ онъ объявилъ, что никогда не будетъ молиться тамъ, гдѣ молятся чехи, т. е. въ устроенной чехами школѣ, хотя прежніе священники, Криницкій и Козловскій, совершали тамъ богослуженія; затѣмъ онъ приказывалъ расширить и передѣлать нѣмецкую школу, разломавъ простѣнки, ведущія въ квартиру русскаго учителя, грозя въ противномъ случаѣ проклятіемъ, воспрещеніемъ звонить въ колокола, хоронить умершихъ, а равно прекращеніемъ священниками исполненія духовныхъ требъ: крещенія, исповѣданія, таинства брака и пр.“ Въ виду такого безысходнаго положенія своего, александровскіе чехи, въ силу состоявшагося общественнаго приговора, просятъ начальника губерніи разрѣшить имъ выдѣлиться въ особое отъ нѣмцевъ общество, присовокупляя: „долго мы не рѣшались на такой рѣшительный шагъ, полагая, что непріязненныя отношенія нѣмцевъ къ намъ прекратятся, но опытъ долгихъ лѣтъ показалъ противное, а уменьшающееся изъ года въ годъ число домохозяевъ-чеховъ въ с. Александровкѣ приводитъ насъ къ неутѣшительной мысли, что вскорѣ намъ грозитъ полное подавленіе нѣмцами, а потому мы, чехи, собравшись вмѣстѣ для обсужденія нашей горькой участи, рѣшили обратиться съ покорнѣйшей просьбой освободить насъ отъ нѣмецкаго ига“.

Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно чѣмъ разрѣшилась вся эта исторія, служащая слабымъ отголоскомъ той чешско-нѣмецкой распри, которая издавна уже, а особенно въ послѣднее время разыгрывается въ подвластныхъ Австріи чешскихъ земляхъ,—но, полагаю, она весьма краснорѣчиво указываетъ на тѣ трудности, съ какими дается у насъ чехамъ единеніе съ нами, а также и на то непростительное равнодушіе и безъучастіе, съ какими мы относимся къ этому благодатному стремленію ихъ. А въ австрійскихъ „цейтунгахъ“ и „блатахъ“ еще кричатъ, что мы насильно (?) обращаемъ чеховъ въ православіе!..

Возсоединеніе таврическихъ чеховъ, впрочемъ, продолжается, не смотря ни на какія козни враговъ православія и славянства. Недавно возсоединился чешскій народный учитель г. Кельмъ съ женою и дѣтьми; г. Кельмъ пользуется широкою популярностью среди крымскихъ чеховъ и возсоединеніе его произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. Въ настоящее время г. Кельмъ состоитъ учителемъ въ Петропавловской церковно-приходской школѣ (Ѳеодосійскаго уѣзда) и, по извѣстіямъ оттуда, „ведетъ дѣятельную пропаганду православія среди своихъ недавнихъ единовѣрцевъ“.

Вообще чешское религіозное движеніе въ Крыму начинаетъ принимать въ послѣднее время тѣ-же размѣры, что и на Волыни,—и возсоединенія слѣдуютъ одно за другимъ. Такъ, 15 января текущаго года въ Симферополѣ, въ каѳедральномъ Александро-Невскомъ соборѣ состоялось торжественное возсоединеніе съ православіемъ цѣлой группы чеховъ, преимущественно молодежи. По сообщенію мѣстнаго корреспондента, „обрядъ возсоединенія совершался во время литургіи, отслуженной преосвященнымъ Мартиніаномъ, епископомъ Таврическимъ и Симферопольскимъ, самое-же таинство мѵропомазанія совершено ректоромъ Таврической духовной семинаріи архимандритомъ Порфиріемъ и епархіальнымъ миссіонеромъ Михаиломъ Сердобольскимъ. Во время литургіи преосвященный Мартиніанъ преподалъ новообращеннымъ св. Евхаристію подъ обоими видами, миссіонеромъ-же Сердобольскимъ произнесена проповѣдь о значеніи православія, какъ всеславянской религіи. „Не думайте—заключилъ онъ свою рѣчь,— что вы приняли сегодня „новую“ вѣру, —нѣтъ: вы возвратились къ вѣрѣ своихъ доблестныхъ предковъ, не боявшихся пожертвовать своею жизнью, лишь-бы получить право молиться на родномъ языкѣ и принимать чашу Христову подъ обоими видами“ [1]).

Примѣръ волынскихъ и южныхъ чеховъ находитъ себѣ откликъ и въ болѣе отдаленныхъ уголкахъ Русской земли. Чехи, поселившіеся на Кавказѣ, въ Черноморскомъ округѣ (деревни: Владиміровка, Кирилловка, Глѣбовка и др.) также высказываютъ желаніе изучать русскій языкъ и возсоединиться съ православіемъ, ходатайствуя только, чтобы православное богослуженіе и у нихъ, какъ на Волыни, происходило на чешскомъ и славянскомъ языкахъ. Въ послѣдніе годы въ Новороссійскѣ и другихъ мѣстахъ Черноморскаго округа возсоединились съ православіемъ уже десятки семействъ чеховъ; въ деревнѣ Владиміровкѣ, стараніями мѣстныхъ чеховъ, устроена уже православная часовня и церковно-приходская школа, а въ гор. Новороссійскѣ въ настоящее время

---

[1]) *Русское Слово* 1895 г., № 24.

чехи хлопочутъ объ устройствѣ православной церкви, дѣятельное участіе въ чемъ принимаетъ мѣстный православный священникъ ихъ—о. Владиміръ Гофманъ (чехъ); онъ перевелъ уже на чешскій языкъ требникъ и выписалъ другія православныя богослужебныя книги, переведенныя на чешскій языкъ. Желая восполнить недостатокъ храмовъ въ Новороссійскѣ, городъ изъявилъ готовность содѣйствовать устройству чешской церкви; онъ отведетъ для нея мѣсто и поможетъ деньгами, но съ условіемъ, чтобы богослуженіе на чешскомъ языкѣ происходило въ немъ только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, во всѣ-же остальные дни—на славянскомъ языкѣ. Конечно, чехи не станутъ противиться этому вполнѣ справедливому требованію и такимъ образомъ можно надѣяться, что скоро Новороссійскъ украсится новымъ храмомъ, который явится какъ-бы синонимомъ единенія двухъ братскихъ народовъ—русскаго и чешскаго.

VII.

Столь рельефно выразившееся движеніе русскихъ чеховъ въ пользу православія не мало встревожило, конечно, латинское духовенство какъ у насъ, въ Россіи, такъ и за рубежомъ, особенно въ Чехіи. Одному изъ представителей послѣдняго, ксендзу Францу Жаку (редактору католическаго журнала *Obrana*) было поручено даже лично ознакомиться съ бытомъ чеховъ въ Россіи и размѣрами проявившагося среди нихъ религіознаго движенія. Францъ Жакъ посѣтилъ въ прошломъ году Россію, побывалъ на Волыни и, присмотрѣвшись къ жизни и быту нашихъ чешскихъ поселенцевъ, чистосердечно (правда, послѣ цѣлаго ряда злостныхъ клеветъ и инсинуацій) сознался въ своемъ журналѣ, что возникшее и принявшее столь внушительные размѣры религіозное движеніе среди нихъ „заключаетъ въ себѣ великую опасность, такъ какъ эти православные чехи могутъ когда-нибудь вернуться въ свою родную землю, проповѣдуя здѣсь *столь любимую населеніемъ схизму* (т. е. православіе) и давая поводъ къ религіознымъ спорамъ, ужасный исходъ которыхъ трудно (!) и предвидѣть“.

Эти опасенія латинскаго духовенства за то, что движеніе, охватившее русскихъ чеховъ, можетъ, распространившись и на Чехію, увлечь весь чешскій народъ, мало того—всѣ славянскіе народы Запада, остающіеся еще въ порабощеніи у Рима,—опасенія эти вполнѣ, конечно, основательны и вызваны они, несомнѣнно, тѣмъ обстоятельствомъ, что оно, это движеніе, *уже* находитъ себѣ, хотя еще, правда, слабый, откликъ

среди зарубежныхъ чеховъ, которые, по признанію самого патера Жака, столь „любятъ“ православіе.

Что движеніе, охватившее нашихъ чеховъ, не чуждо и всему остальному чешскому народу, живущему у себя дома, т. е. что преданность православію, выростившая это движеніе, одинаково таится въ сердцахъ *всѣхъ* чеховъ, — яркимъ свидѣтельствомъ этого можетъ служить та, всѣмъ еще памятная, агитація, начатая младочехами и сейчасъ-же подхваченная всѣмъ чешскимъ народомъ, въ пользу постановки въ Прагѣ памятника *проповѣднику православія въ Чехіи*—Іоанну Гусу, которая возгорѣлась въ концѣ 1889 года во всѣхъ чешскихъ земляхъ. Памятенъ, конечно, также еще и тотъ взрывъ негодованія всего чешскаго народа, который вызвало поведеніе феодаловъ и старочешскихъ депутатовъ, оскорбившихъ въ сеймѣ (въ засѣданіи его 13-го (25) ноября 1889 года) память Гуса и подавшихъ голоса противъ помѣщенія на фасадѣ зданія чешскаго народнаго музея доски въ память великаго констанцскаго мученика, положившаго жизнь свою за чешскую народность и чешскую народную церковь св. первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія.

Теперь въ чешскихъ земляхъ идетъ пламенная агитація въ пользу введенія въ Чехіи славянскаго богослуженія. На осеннемъ (минувшаго года) съѣздѣ представителей чешскихъ партій обсуждался даже вопросъ о посылкѣ къ папѣ, съ цѣлью предъявленія ходатайства объ этомъ, особой депутаціи изъ членовъ ландтага и рейхсрата. Конечно, трудно ожидать благополучнаго исхода этого ходатайства, но уже самый фактъ возбужденія вопроса о введеніи славянскаго богослуженія представляетъ весьма отрадное и знаменательное явленіе въ жизни чешскаго народа, указывая, сколь сильно пробудился въ немъ животворящій духъ славянскаго самосознанія.

Сколь вообще замѣтно и выразительно начинаетъ въ послѣднее время проявляться у зарубежныхъ чеховъ стремленіе къ объединенію съ нами, по примѣру своихъ собратьевъ въ Россіи, на церковномъ полѣ, можетъ служить между прочимъ слѣдующее свидѣтельство пражскаго корреспондента *Варшавскаго Дневника* (февраль 1892 г.), чеха: „если въ воскресенье вы войдете въ здѣшнюю (т. е. пражскую) православную церковь [1]) во время богослуженія, то найдете тамъ весьма много мо-

---

[1]) Церковь эта во имя св. Николая устроена въ 1870 году по мысли тогдашнихъ чешскихъ вожаковъ Браунера, Ригера, Палацкаго, Скрейшовскаго и др., мысли, взлелѣянной нашими славянофилами и осуществленной благодаря энергіи и предпріимчивости А. Ѳ. Гильфердинга, при дѣятельномъ участіи графа П. А. Кутузова и Браунера. (*Примѣч. мое*).

лящихся. Вы удивитесь, откуда взялось столь много православныхъ въ Прагѣ. Далѣе вы замѣтите, что это не равнодушные зрители, которыхъ любопытство привлекло въ храмъ, а благочестивые христіане, внимательно слѣдящіе за всѣмъ ходомъ богослуженія. По виду это простые люди изъ низшихъ слоевъ. Это пражскіе жители, чаще всего съ окрестныхъ улицъ, приходящіе сюда на молитву по воскресеньямъ. Имъ понравилось славянское богослуженіе, его языкъ, его простая и глубокая торжественность; и вотъ эти простые люди, *чехи и католики*, не имѣющіе никакихъ представленій о догматическомъ спорѣ относительно filioque, ведутъ себя въ церкви такъ, какъ-бы они молились въ храмѣ своего исповѣданія".

То-же свидѣтельствуетъ и одинъ изъ главнѣйшихъ нашихъ дѣятелей по устройству православной церкви въ Прагѣ, графъ П. А. Кутузовъ. По его словамъ, „храмъ св. Николая въ Прагѣ стоитъ нынѣ благоустроенный, богато снабженный и, главное, наполняющійся не только православными, но и самими *чехами-католиками*, стекающимися въ него, чтобы услышать незамѣнимое славянскому сердцу слово Божіе на родномъ славянскомъ нарѣчіи". [1]).

И дѣло не ограничивается однимъ этимъ, такъ сказать, внѣшнимъ влеченіемъ къ родному обряду: и въ Чехіи, и въ Вѣнѣ въ послѣдніе годы весьма нерѣдки случаи присоединенія чеховъ къ православію. Правда, случаи эти пока единичные, но вѣдь и на Волыни дѣло началось съ единичныхъ возсоединеній...

То-же наблюдается въ послѣднее время и среди другихъ западныхъ отраслей славянства. Въ Хорватіи во главѣ движенія въ пользу восточнаго обряда и славянскаго богослужебнаго языка стоитъ епископъ Штросмайеръ и оно принимаетъ все бóльшіе и бóльшіе размѣры. Въ Словеніи движеніе это отмѣчено уже обращеніемъ въ православіе цѣлой общины Подрага (въ 1890 году). По сообщенію корреспондента *Варшавскаго Дневника* (1892 г., 24 іюля), въ послѣднее время „Словенская земля покрылась цѣлою сѣтью, такъ называемыхъ, Кирилло-Меѳодіевскихъ обществъ или братствъ, которыхъ программа состоитъ въ томъ, чтобы собирать средства на воспитаніе подростающаго поколѣнія въ народномъ Кирилло-Меѳодіевскомъ духѣ. Предсѣдатель сихъ обществъ—каноникъ Марный, секретарь—Слогарь, который общее засѣданіе этихъ обществъ открылъ слѣдующими замѣчательными для католическаго священника словами: *„Только въ вѣрѣ Кирилло-Меѳодіевской наше земное и вѣчное спасеніе"*.

---

[1]) *Наблюдатель* 1894 г., октябрь, стр. 219.

Кромѣ этихъ Кирилло-Меѳодіевскихъ школьныхъ обществъ, въ Словеніи организовался нынѣ союзъ всѣхъ словенскихъ студентовъ, число которыхъ простирается до тысячи человѣкъ. Союзъ этотъ, представляющій весьма внушительную силу, поставилъ себѣ главною цѣлью — *возстановленіе Кирилло-Меѳодіевской, т. е. православной церкви въ Словеніи*. Эту-же цѣль преслѣдуетъ и издающійся въ Тріестѣ журналъ *Словенскій Свѣтъ*. И въ Словеніи, такъ-же какъ въ Хорватіи, во главѣ этого истинно-народнаго движенія, обѣщающаго благіе результаты въ будущемъ, стоитъ епископъ—Главина.

Но этого мало: Кирилло-Меѳодіевское движеніе охватило даже словенцевъ, живущихъ въ Италіи, въ провинціяхъ Удинъ (Видимъ) и Чивидале. По свидѣтельству мѣстнаго корреспондента, „при поддержкѣ *Кирилло-Меѳодіевскихъ братствъ* и словенскаго общества для распространенія нравственныхъ и общественныхъ книгъ, подъ названіемъ *Дружество св. Гермагора*, съ 40,000 членами, пробудился къ новой народной и духовной жизни даже этотъ заброшенный и всѣмъ міромъ забытый отломокъ славянскаго народа“.

VIII.

Быстрые шаги впередъ дѣлаетъ также и культурное объединеніе западнаго славянства съ Россіей. Не говоря уже о нашихъ чехахъ, которые всѣ безъ исключенія изучаютъ и знаютъ русскій языкъ, проявляя въ болѣе образованныхъ слояхъ, большой интересъ и къ русской литературѣ и печати,—даже въ славянскихъ земляхъ Австріи, несмотря на строгіе запреты и преслѣдованія австрійскихъ властей, русскій языкъ все болѣе и болѣе получаетъ право гражданства. По словамъ пражскаго корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей* (1895 г., № 29), „нѣтъ ни одной западно-славянской газеты, которая не помѣщала-бы на своихъ столбцахъ переводовъ произведеній извѣстныхъ русскихъ писателей. Хорваты и словаки имѣютъ уже переводы лучшихъ произведеній графа Л. Толстого, Достоевскаго, Тургенева и др. Въ послѣднее время славянскими газетами переводятся уже и мелкіе разсказы, путевыя впечатлѣнія и сценки изъ русскаго быта. Въ воскресныхъ прибавленіяхъ къ большимъ чешскимъ газетамъ вы всякій разъ встрѣтите какой-либо переводъ „съ руштины“, т. е. съ русскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ среди западныхъ славянъ съ каждымъ днемъ все болѣе развивается стремленіе къ изученію русскаго языка, какъ единственнаго средства къ объединенію разрозненныхъ въ настоящее время славянскихъ племенъ, а также къ культурному сближенію ихъ съ русскою

цивилизаціей въ нравственномъ отношеніи и вообще съ Россіей, какъ „страной великаго будущаго".

Въ Чехіи вопросъ объ изученіи русскаго языка въ настоящее время дозрѣлъ уже до сознанія *необходимости* ввести его въ чешскія школы, какъ предметъ *обязательнаго* обученія,—каковое предложеніе и было внесено извѣстнымъ Dr. Вашатымъ на обсужденіе чешскаго сейма, въ послѣднюю его сессію (въ январѣ этого года). „Мы желаемъ— сказалъ въ своей рѣчи сейму Dr. Вашатый,— чтобы русскій языкъ сдѣлался дипломатическимъ языкомъ всѣхъ славянъ,—и въ этомъ мы видимъ залогъ лучшей будущности для угнетеннаго чешскаго народа". Предложеніе это не могло, конечно, получить санкцію сейма, большинство членовъ котораго состоитъ изъ нѣмцевъ и, идущихъ съ ними рука объ руку, чешскихъ феодаловъ, однако, оно вызвало горячее сочувствіе всего чешкаго народа, яркимъ отголоскомъ котораго служитъ обращеніе пражской газеты *Narodni Listy*, къ учащейся молодежи: „Чешскіе студенты! хватайтесь за русскія грамматики и не ожидайте, когда въ изученіи русскаго языка васъ опередятъ нѣмцы и придетъ пора, когда вы будете вынуждены обучаться этому языку, какъ обязательному".

Русскій языкъ и нынѣ далеко не чуждъ чехамъ; въ Прагѣ уже пятнадцать лѣтъ существуетъ *Русскій Кружокъ*, устраивающій чтенія на русскомъ языкѣ и вообще имѣющій цѣлью — распространять среди чеховъ знаніе русскаго языка. Затѣмъ, въ Прагѣ-же съ 1891 года существуетъ школа русскаго языка, которую постоянно посѣщаетъ свыше 200 учениковъ-чеховъ. Насколько распространено уже и теперь знаніе русскаго языка среди чеховъ, можно судить изъ того, что выходящая въ Галиціи, на русскомъ языкѣ, *Русская Библіотека*, какъ равно и тѣ русскія газеты, а также журналы и книги, доступъ которыхъ не запрещенъ въ Австрію, идутъ въ Чехію въ большомъ числѣ экземпляровъ. Знакомятся также чехи и съ русскою литературою; всѣ лучшія произведенія русской беллетристики уже переведены на чешскій языкъ. [1]). А въ Прагѣ съ 1889 года выходитъ *Ruskà Knihovna* (*Русская Книговня)*, въ которой помѣщаются произведенія русской беллетристики и которая распространена въ значительномъ числѣ экземпляровъ по всѣмъ чешскимъ землямъ.

Все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о высокомъ подъемѣ національнаго самосознанія у чеховъ и о ростѣ среди нихъ идеи славянскаго

---

[1]) Между прочимъ имѣются уже переводы: *Войны и Мира*, *Анны Карениной*, *Дѣтства и Отрочества*, *Смерти Ивана Ильича*, *Плодовъ Просвѣщенія* и др. произведеній гр. Л. Н. Толстого; *Мертвыхъ Душъ* и *Ревизора*—Гоголя; *Записокъ изъ Мертваго Дома*—Достоевскаго; *Записокъ охотника*—Тургенева и мн. др.

единенія. Послѣ недолгаго періода, ознаменовавшагося печальнымъ забвеніемъ завѣтовъ родной исторіи и заблужденіемъ старочешскихъ политиковъ, въ Чехіи вновь настаютъ времена Юнгмана, Шафарика, Челяковскаго и Ганка, вновь она стремится зажить своею славянскою жизнью.

И разъ въ чехахъ пробудилась такая преданность завѣтамъ родной исторіи, разъ они прониклись сознаніемъ необходимости не только культурнаго, но и духовнаго объединенія съ тѣмъ великимъ единоплеменнымъ имъ народомъ, которому исторіей завѣщано быть оплотомъ славянства и его православной вѣры,—разъ чехи пришли къ такому сознанію, они должны, конечно, отречься отъ Рима и возвратиться къ вѣрѣ своихъ предковъ, къ той вѣрѣ, которую проповѣдывалъ и насадилъ въ чешской землѣ св. Меѳодій, за которую пострадалъ Іоаннъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій и за которую пролили свою кровь Иванъ Жижка и гусситы. Они, какъ и всѣ остальные наши западные родичи, должны, конечно, понять наконецъ, что, оставаясь въ латинствѣ, они тѣмъ самымъ уже измѣняютъ своей народности, обрекая себя на служеніе чуждымъ славянскому міру цѣлямъ и идеаламъ. *Папство и Римъ не могутъ быть истинными друзьями славянства,* — и, только рѣшительно порвавъ всякія связи съ ними, они въ состояніи будутъ зажить дѣйствительно славянскою жизнью.

Повидимому—и мы съ особенно отраднымъ чувствомъ отмѣчаемъ это, —сознаніе этого начинаетъ глубоко западать въ сердца нашихъ западныхъ родичей (за исключеніемъ однихъ только поляковъ, которые какъ-бы и позабыли совсѣмъ о своемъ славянскомъ происхожденіи), яркимъ отголоскомъ чего и служитъ столь рельефно пробивающееся въ послѣднее время наружу движеніе среди нихъ въ сторону возвращенія къ православію. Движеніе это, успѣвшее уже сдѣлать замѣтные шаги впередъ, несомнѣнно, имѣетъ свѣтлую будущность. Отрѣшившись отъ Рима, возвратившись къ вѣрѣ своихъ предковъ и вступивъ чрезъ то въ тѣсное общеніе съ преобладающимъ большинствомъ великаго славянскаго племени, западные славяне тѣмъ самымъ обезпечатъ себѣ сохраненіе своей національности и своей самобытности, т. е. именно достигнутъ того, къ чему они — увы! тщетно — такъ горячо стремятся въ послѣднее время.

Наши русскіе чехи поняли это и массами переходятъ въ ряды членовъ Восточной Церкви. Примѣру ихъ начинаютъ слѣдовать и отдѣльные собратья ихъ въ Чехіи, Хорватіи и Словеніи.

И такъ, путь проторенъ. Пусть-же и далѣе слѣдуютъ по немъ *всѣ* славянскія племена Запада, остающіяся еще подъ главенствомъ Рима...

А. П. Липранди (Волынецъ).

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

По поводу народной проказы.

Въ 1893 году, въ «Новомъ Времени» № 6403 напечатана была статья г. Чарноцкаго подъ названіемъ: «Наша домашняя проказа», въ которой, между прочимъ, заявлялось слѣдующее:

«Императрица Екатерина II, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ вступленія на престолъ, лично присутствовала въ Сенатѣ при докладѣ: о необходимости принятія энергическихъ мѣръ противъ дальнѣйшаго распространенія дурной болѣзни въ городахъ и селеніяхъ».

«Въ прошломъ столѣтіи страдающихъ дурною болѣзнью было около сотни тысячъ, а въ данное время милліоны. Если тогда этотъ вопросъ разсматривался какъ чрезвычайно важный, то въ настоящее время, когда онъ назрѣлъ для всего нашего отечества, обсужденіе его—срочное и безотлагательное».

«По статистическимъ данымъ 1891 года губерніи: Орловская, Рязанская, Тульская, Нижегородская, Псковская, Смоленская, Воронежская, Пензенская, Симбирская, Курская и Харьковская превосходятъ по заразности даже Полтавскую губернію, а Саратовская, Самарская, Костромская и въ особенности Тамбовская занимаютъ первое мѣсто по оффиціальнымъ даннымъ о нашей тяжелой домашней проказѣ въ ряду всѣхъ центральныхъ губерній».

«Больныхъ въ Россіи насчитывается по послѣднимъ статистическимъ даннымъ до двухъ милліоновъ. Какъ быстро распространяется эта болѣзнь, видно изъ оффиціальныхъ же данныхъ 1891 г., по которымъ за послѣдніе 12 лѣтъ, съ 1878 по 1890 г. число больныхъ возрасло болѣе чѣмъ *въ пять разъ*».

«На основаніи приведенныхъ данныхъ ясно, что наша домашняя проказа угрожаетъ *вырожденіемъ преимущественно населенію великорусскихъ губерній*, а по продолжительности числа болѣзненныхъ дней—*разворяетъ народъ*».

«Учрежденіе станціонныхъ лечебницъ для зараженныхъ безусловно необходимо—это вопросъ нашей народной и даже государственной жизни, ибо болѣзнь распространяется страшно, она разноситъ заразу одинаково между бѣдными и между богатыми»....

«Врачи-мужчины и въ особенности врачи-женщины, студенты и студентки, фельдшера и фельдшерицы, акушерки, сестры милосердія, и многія другія лица должны быть привлечены къ борьбѣ съ этою страшною

болѣзнью. Вѣдь даже грудныя дѣти являются распространителями этой болѣзни».

«Мы увѣряемъ, замѣчаетъ авторъ, что *лица, преданныя общегосударственнымъ дѣламъ, поднимутъ этотъ вопросъ и поставятъ его безотлагательно на очередь* для пользы нашего отечества».

Страшная статья эта навела меня на мысль о давно забытомъ: забытое это есть одно изъ средствъ борьбы съ величайшимъ зломъ для нашего народа; средство это было уже испытано на самомъ дѣлѣ и имѣло блестящія послѣдствія, какъ это будетъ показано ниже. Мы тогда же отозвались на эту статью и указали наше средство, но, видно, личности даже это общее зло не могло пересилить. Но, видно, также судьбѣ не угодно было, что бы средство это осталось безгласнымъ. На-дняхъ мнѣ пришлось встрѣтиться случайно у извѣстнаго нашего историка Д. И. И. съ авторомъ указанной выше статьи. Естественно вопросъ этотъ обратилъ на себя общее вниманіе присутствующихъ и, по совѣту почтеннаго хозяина, я рѣшился снова поднять вопросъ о средствахъ борьбы съ этимъ народнымъ зломъ.

Я долженъ однакоже возвратиться далеко назадъ къ 60-мъ годамъ, и начать свой разсказъ такъ, какъ происходило дѣло, чтобы достовѣрность моего разсказа не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію — съ одной стороны, а съ другой — чтобы показать легкость практическаго примѣненія данныхъ средствъ къ дѣлу, и притомъ человѣкомъ совершенно не подготовленнымъ къ спеціальному лѣченію, во всякомъ случаѣ, — не обладающимъ знаніями по медицинской спеціальности.

Въ то время я жилъ въ моемъ Задонскомъ имѣніи. Медицинская помощь была отъ меня верстъ за 40 — бывшій Егорлицкій карантинъ Войска Донскаго. Надо было сдѣлать прежде 160 верстъ, чтобы воспользоваться помощью доктора и получить соотвѣтствующее лѣкарство. О помощи дворовымъ и вообще крестьянамъ и думать было нечего.

Въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Новочеркаскъ я горько жаловался своему пріятелю на безпомощность свою въ этомъ отношеніи. Онъ ни минуты не колеблясь всталъ и досталъ изъ книжнаго шкафа небольшую книжку и, подавая ее мнѣ, назвалъ ее «календаремъ здоровья», и прибавилъ: примѣни ее къ дѣлу такъ, какъ примѣнялъ ее переводчикъ этой книжки, а я тебѣ желаю такого же успѣха, какой онъ получилъ. Я принялъ эту книжку скорѣе изъ вѣжливости, нежели изъ увѣренности въ ея полезности. Отъ пріятеля я прямо отправился въ аптеку, чтобы узнать, какую пользу можно получить отъ полученнаго «Календаря здоровья»? Оказалось, что аптекарь былъ хорошо знакомъ съ «упрощенною теоріею медицины» извѣстнаго доктора Распайля. Совѣтъ далъ короткій: польза можетъ быть, но вреда никакого, такъ какъ всѣ средства, предлагаемыя имъ, совершенно безвредны, и онъ взялся охотно собрать мнѣ, на первый разъ, небольшую аптечку.

По возвращеніи домой, я не вдругъ сталъ лѣчить другихъ, а сначала сталъ самъ заболѣвать и самъ лѣчилъ себя и выздоравливалъ. Мало-по-малу молва о моемъ лѣченіи самого себя стала распространяться между дворовыми и переходила въ деревню. Не принуждая никого, я сталъ предлагать мою помощь дворовымъ, и въ такихъ только болѣзняхъ,

которыя были ясны и по которымъ лѣкарства обозначались точно. Дѣло пошло удачно. Черезъ мѣсяцъ или полтора пошла ко мнѣ и деревня. Тамъ, гдѣ я совершенно не понималъ болѣзни, и потому не могъ подъискать прямыхъ указаній и соотвѣтствующихъ средствъ, тамъ я или уклонялся или давалъ лѣкарства, оговаривая, что за удачу я не отвѣчаю. Во всякомъ же случаѣ успѣховъ было столько, что авторитетъ мой росъ и укрѣплялся. Наконецъ, когда я уѣзжалъ изъ имѣнія, то люди больше всего сожалѣли о томъ, что, кто ихъ теперь будетъ лѣчить!...

Но моя практика была пустяковая въ сравненіи съ практикою переводчика книжки, она, моя практика, показываетъ только одно, что люди спеціально неподготовленные могутъ успѣшно оказывать посильную помощь тамъ, гдѣ никакой другой помощи нѣтъ.

Я сказалъ все, что считалъ нужнымъ сказать, чтобы лично засвидѣтельствовать о томъ, что всѣ тѣ лица, которыя поименованы въ статьѣ г. Чарноцкаго, какъ акушеры, фельдшера и проч., гораздо лучше и успѣшнѣе меня могутъ пользоваться «Календаремъ здоровья» и приносить бóльшую пользу, нежели я. А теперь дадимъ слово переводчику и затѣмъ доктору Распайлю.—Между прочимъ, переводчикъ въ предисловіи своемъ говоритъ: «Весною 1852 года командированъ былъ отъ ... уѣзднаго комитета, для пресѣченія сифилитической болѣзни въ мое имѣніе уѣздный врачъ, которому я показалъ извѣстныхъ тогда мнѣ сифилитическихъ больныхъ 25 человѣкъ, и онъ, осмотрѣвъ ихъ, донесъ по начальству, а по моей просьбѣ, онъ принялъ на себя постоянное ихъ пользованіе и пріѣзжалъ для того ко мнѣ черезъ каждыя двѣ недѣли. Лѣто прошло въ такомъ лѣченіи, но мои больные не выздоравливали, а напротивъ, заболѣвали и другіе, такъ что, когда болѣзнь оказалась наконецъ, между дворовыми людьми, то я не могъ уже считать въ безопасности собственнаго своего семейства и не видѣлъ выхода изъ такого бѣдственнаго положенія».

При такихъ обстоятельствахъ, случайно (какъ и мнѣ) попала мнѣ Manuel annuaire de la santé par C. V. Raspail, и я рѣшился съ 1-го октября лѣчить своихъ сифилитическихъ больныхъ по этому руководству, помѣстивъ для этого очень больныхъ 25 человѣкъ въ больницу и не предупредивъ о томъ уѣзднаго врача. Черезъ 10 дней онъ пріѣхалъ ко мнѣ и нашелъ всѣхъ этихъ больныхъ очень поправившимися. На четвертой и пятой недѣлѣ лѣченія нѣкоторые больные выздоравливали совершенно; тогда начали являться и проситься въ больницу другіе, которые до того времени скрывали свою болѣзнь. На пятой и шестой недѣлѣ выздоровѣли и остальные изъ первыхъ 25 больныхъ, а мѣста ихъ заняли новые. Послѣ этого пріѣхалъ г. уѣздный врачъ, осмотрѣлъ выздоровѣвшихъ и и вновь поступившихъ въ больницу, нашелъ лѣченіе послѣднихъ успѣшнымъ и донесъ 1 декабря по командѣ, что сифилитическая болѣзнь въ моемъ имѣніи прекращена. «Но по мѣрѣ выздоровленія однихъ, являлись другіе сифилитическіе больные, и лѣченіе ихъ въ большихъ размѣрахъ продолжалось у меня болѣе двухъ лѣтъ. Теперь же, благодаря Бога, таковые случаи болѣзни бываютъ у меня очень рѣдко. Съ 1 октября 1852 по 1855 г. вылѣчено у меня болѣе 200 человѣкъ отъ одной

сифилитической болѣзни, и которые теперь пользуются добрымъ здоровьемъ».

«Полное, на моихъ опытахъ основанное, убѣжденіе, что переводъ книги Распайля можетъ принести величайшую пользу многимъ, и преимущественно живущимъ въ отдаленіи отъ городовъ и врачебныхъ пособій, заставило меня, не посвященнаго во врачебную науку, приняться за этотъ трудъ и издать его, съ примѣчаніями о моихъ опытахъ, съ приложеніемъ русскаго алфавита болѣзней. *Простота и дешевизна лѣкарствъ* даютъ возможность *каждому образованному человѣку* употреблять ихъ съ пользою для себя и другихъ».

Относительно діеты докторъ Распайль говоритъ: болѣе всего я отвергаю діету, потому что человѣкъ больной также, какъ и здоровый, имѣетъ потребность въ пищѣ, соразмѣрной силамъ и аппетиту, и что голодъ усложняетъ всѣ болѣзни.

Лѣченіе происходило и по всѣмъ другимъ болѣзнямъ въ больницѣ, устроенной сначала на 12, а затѣмъ на 25 кроватей, но мы здѣсь не станемъ касаться лѣченія другихъ болѣзней кромѣ сифилитической, хотя оно производилось такъ же успѣшно, какъ и послѣднее.

Календарь богатъ массою примѣчаній переводчика, добытыхъ имъ путемъ опыта, которыя дополняютъ и поясняютъ самый текстъ книги.

Теперь слово за докторомъ Распайлемъ:

«§ 9. Отчего я боленъ?—Отвѣчаетъ одинъ: это отъ крови, другой—отъ желчи, третій—отъ нервовъ. Какъ будто можно быть больнымъ безъ того, чтобы кровь, желчь, нервы и проч. не принимали въ томъ участія. Но почему именно причиною болѣзни или кровь, или желчь, или нервы?—Я не полагаю, чтобы современная медицина могла дать на это отвѣтъ, не говорю уже неопровержимый, но вразумительный. Разрѣшеніе этого сокрыто въ глубинѣ таинствъ жизненной силы. Будемъ требовать отъ теоріи удобоисполнимаго и возможнаго, и эта область науки довольно велика для образованія. Вотъ почему медицина, какъ искусство помогать больнымъ, не есть наука, а собраніе отвѣтовъ, производимыхъ на-угадъ».

«§ 11. Изданіе этой небольшой книги имѣетъ цѣлію доставить возможность особамъ, совсѣмъ незнакомымъ съ врачебною наукою, сохранять не только свое здоровье, но и пользовать во многихъ случаяхъ себя и другихъ простыми и легкими средствами, не имѣя необходимости прибѣгать къ врачу».

«§ 12. Послѣ продолжительныхъ теоретическихъ соображеній, я успѣлъ составить правила практическаго лѣченія, которыя, въ теченіи 12 лѣтъ, *во множествѣ болѣзней оказывали полезные успѣхи.* Самые честные и безкорыстные врачи и практики приняли эту методу и не боятся благоговѣть передъ истиною. Я вознамѣрился составить этотъ всеобщій лѣчебникъ, чтобы каждый былъ въ состояніи обсуждать всякую болѣзнь и избирать противъ нея такія средства, которыя бы и самъ могъ назначить, и чтобы богатый имѣлъ бы возможность съ малыми издержками помогать бѣдному также успѣшно, какъ бы сдѣлалъ это врачъ. Но если при началѣ лѣченія больной не получитъ облегченія, то благоразуміе требуетъ отъ пользующаго пригласить врача, чтобы подвергнуть свое мнѣніе и свои дѣйствія разсмотрѣнію свѣдущаго чело-

вѣка. *Мы приняли въ свою медицину матеріалы для составленія лѣкарствъ съ полнымъ знаніемъ ихъ свойствъ и увѣренностью,* что, если употребленіе ихъ не во всѣхъ случаяхъ можетъ возстановить здоровье, потому что есть болѣзни неизлѣчимыя, то, по крайней мѣрѣ, они никогда не могутъ увеличить страданія больного, или ускорить его кончину и всегда окажутъ облегченіе».

Вотъ главныя основныя положенія доктора Распайля. Изъ нихъ достаточно ясно видна цѣль и средства къ достиженію поставленной имъ задачи. Русскій переводчикъ «Календаря здоровья» свидѣтельствуетъ о цѣлесообразности средствъ для достиженія этой задачи, доказанной путемъ личнаго опыта и блестящими результатами, полученными имъ, между прочимъ, и въ такой страшной болѣзни, какъ сифилитическая, съ которою онъ и многіе другіе боролись безуспѣшно, при бытовыхъ условіяхъ русскаго народа, по разнымъ другимъ системамъ лѣченія.

Переводъ сдѣланъ съ шестого французскаго изданія, но я, не помню, гдѣ то читалъ, что календарь этотъ выдержалъ восемнадцать французскихъ изданій.

Я не могу умолчать о томъ, что докторъ Распайль не находитъ словъ, чтобы выразить свое негодованіе на систему лѣченія въ сифилитическихъ болѣзняхъ, въ которой щедрою рукою практикуются меркуріальныя лѣкарства. Меркурій и сифилисъ—два зла, разрушающія одинаково организмъ и переходящія къ потомству: тутъ одно зло искореняется, а другое водворяется, и которое изъ нихъ хуже, въ особенности въ нашемъ климатѣ, это еще вопросъ. Но одно зло мы получаемъ противъ нашей воли, а другое—добровольно по нашему невѣдѣнію и невѣжеству. Одно уже это даетъ лѣченію Распайля несравненное преимущество передъ практикующимся у насъ лѣченіемъ съ строго опредѣленною діетой и меркуріемъ.

Въ заключеніе намъ остается сказать, что съ того далекаго времени, когда мы принуждены были обращаться къ самопомощи, до настоящаго времени—дистанція огромнаго размѣра: то была крѣпостная Россія, а теперь она свободная; теперь есть у насъ земство, есть у насъ земскія больницы; есть у насъ и акушерки и проч. и проч. Все это такъ. Но упомянутая выше оффиціальная статистика неотразимо указываетъ что зло растетъ, что народъ заражается, что послѣдствія этого зараженія, развиваются на полной свободѣ и угрожаютъ въ будущемъ цѣлымъ поколѣніямъ, что медицина наша требуетъ спеціальности и такой организаціи и содержанія, которыхъ мы, даже и въ настоящее время дать не можемъ; что и старая и современная медицина употребляютъ такія же средства, которыя требуютъ діеты и спеціальнаго помѣщенія; требуютъ аптеки на мѣстѣ, подъ руками, требуютъ доктора, а безъ этихъ условій, лѣченія наѣздомъ немыслимы, какъ свидѣтельствуетъ между прочимъ, и переводчикъ, и народъ отъ такого лѣченія сторонится и не довѣряетъ ему.

И тогда и теперь не представляется возможности не только въ каждомъ селѣ, чего требуетъ болѣзнь, но хотя бы въ каждой волости организовать больницы со всею ихъ обстановкою; значитъ, и теперь и тогда вопросъ о лѣченіи сифилиса на мѣстахъ остается открытымъ.

Статистика показываетъ намъ, что мы безсильны и не можемъ бороться со зломъ, не можемъ остановить ростъ его тѣми средствами, которыя у насъ теперь находятся, но и такія средства никакъ не можемъ развить до полнаго удовлетворенія—что же теперь дѣлать?

Прежде всего намъ нужно отказаться отъ бывшей и настоящей увѣренности, что мы сдѣлали все, что могли сдѣлать, возложивъ лѣченіе народа на земство; наоборотъ, мы должны признать, на основаніи минувшаго, что существующая у насъ медицина, съ ея организаціею и условіями не можетъ дать намъ того, чего требуетъ въ широкихъ размѣрахъ народное здоровье, съ его бытовымя условіями, и что, затѣмъ, намъ нужно отыскать и другія, дополнительныя средства къ тому, что дастъ намъ нынѣ наша медицина, разбить новыя средства на отдѣльныя единицы и разбросать ихъ вездѣ: и въ волостяхъ, и въ селахъ, и въ деревняхъ, и начать лѣчить народъ приходящимъ, а не укладывать его въ больницѣ, морить діетою и давать ему меркуріальныя средства; однимъ словомъ,—принять и широко примѣнить систему лѣченія доктора Распайля, съ его безвредными и дѣйствительно полезными лѣкарствами; тутъ нужны относительно гроши и не нужны аптеки на мѣстахъ. Основныя лѣкарства въ готовомъ видѣ можно получать и посылать издалека, они не портятся отъ времени; и сочетанія лѣкарствъ не сложны—мѣра и вѣсъ, а при опытности и на глазъ.

Руководство обогащено многочисленными примѣчаніями и разъясненіями, полученными путемъ опыта переводчика. Фельдшера и акушерки—люди совершенно подготовленные для этого простого и несложнаго дѣла. Для наблюденія и провѣрки за дѣйствіями ихъ совершенно достаточно одного доктора на уѣздъ. А сколько людей образованныхъ, состоятельныхъ и добрыхъ, которые могли-бы принять участіе въ этомъ всеобщемъ лѣченіи страдающаго народа, лишь бы отнеслись къ этому доброжелательно люди вліятельные и стоящіе въ рядахъ правительственныхъ лицъ.

А печать наша должна бы не замалчивать этотъ многострадальный народный вопросъ, а поддерживать и не спускать его съ своихъ страницъ до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ полнаго удовлетворенія. Въ разработкѣ и надлежащемъ освѣщеніи такихъ жизненныхъ народныхъ и государственныхъ вопросовъ и заключается обязательная и честная ея служба отечеству.

Ив. Дукмасовъ.

Московское городское кредитное общество въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ.

(Продолженіе [1]).

Чтобы не утруждать читателя подробнымъ обзоромъ всей исторіи нашего общества, мы ограничимся тѣмъ, что позволимъ себѣ привести здѣсь статью М. П. Щепкина, *въ Русскихъ Вѣдомостяхъ*, которая носитъ названіе: *«Не все то золото, что блеститъ»*. «Передо мною, говоритъ авторъ—«Отчетъ» Московскаго Городского Кредитнаго Общества за послѣдній 1892—1893 [2]) финансовый годъ, утвержденный во всѣхъ своихъ частяхъ общимъ собраніемъ членовъ 30-го ноября, какъ всегда, самодовольнымъ и радостнымъ въ виду достигнутыхъ результатовъ. Этотъ отчетъ имѣетъ особенно важное значеніе по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что передъ самымъ общимъ собраніемъ только-что была закончена правительственная ревизія дѣлъ этого крупнаго общественнаго учрежденія въ Москвѣ. Чѣмъ была вызвана ревизія и къ какимъ пришла заключеніямъ—пока неизвѣстно. (См. выше заключеніе г. Шванебаха.) Правленіе же, по весьма понятнымъ побужденіямъ, нашло нужнымъ только успокоить собравшихся членовъ сообщеніемъ, что касса общества и счетоводство найдены ревизіей въ полномъ порядкѣ. Во-вторыхъ, потому, что Кредитное Общество вступило уже въ тридцать первый годъ своего возраста,—періодъ во всякомъ случаѣ достаточно продолжительный, чтобы нѣсколько разобраться во множествѣ сообщенныхъ 30 отчетами цифръ и уловить хоть общее направленіе дѣятельности этого учрежденія, ибо вполнѣ яснаго и опредѣлительнаго постановленія о положеніи дѣла по послѣднему отчету все-таки не составишь.

Сначала объ общей части отчета.

Самовосхваленіе всегда составляло отличительное свойство отчетовъ Кредитнаго Общества. Но никогда эта панегирическая часть не выступала съ такою яркостью, какъ въ настоящемъ отчетѣ, въ которомъ правленіе сочло возможнымъ «подвести краткіе цифровые итоги за 30 лѣтъ дѣятельности Общества». Въ теченіе 30 лѣтъ, говорится въ отчетѣ, Общество выдало 21,569 ссудъ, выпустило на 326.000,000 руб. облигацій, уплатило по нимъ до 110.000,000 однихъ процентовъ и имѣетъ въ обращеніи облигацій на 128.000,000 рублей—цифры по истинѣ грандіозныя, способныя помрачить воображеніе самаго сдержаннаго и недовѣрчиваго члена Общества. «Понятно,—возглашаетъ правленіе въ объясненіе этихъ цифръ,—какое значительное *всестороннее* вліяніе имѣлъ этотъ громадный

---

1) См. Русскую Бесѣду, книжку I.

2) Отчета за 1894 г., въ виду неутвержденія выборовъ уполномоченныхъ, до сихъ поръ нѣтъ еще.

приливъ новыхъ цѣнностей на *всю внутреннюю жизнь* (?!) Москвы и прежде всего, конечно, на благоустройство города въ строительномъ отношеніи. Въ сравнительно краткій періодъ 30 лѣтъ, благодаря открытому кредитнымъ Обществомъ домовладѣльцамъ *дешевому* и *льготному* кредиту *вся* Москва капитально перестроилась и значительная часть ея изъ *деревянной обратилась въ каменную*»! Притомъ большинство облагодѣтельствованныхъ домовладѣльцевъ все «люди небогатые — чиновники, торговцы, мѣщане-ремесленники, крестьяне и пр.». Велики услуги Общества не только передъ городомъ, но и передъ государствомъ: благодаря услугамъ Общества поднялась доходность московскихъ имуществъ, и «сборы съ недвижимой собственности въ пользу города и государства за это время учетверились». Правленіе въ своемъ панегирическомъ экстазѣ возглашаетъ также, что «городъ, благодаря именно услугамъ кредитнаго Общества, обогатился монументальными зданіями, которыя станутъ историческими памятниками нашего времени: таково, напримѣръ, зданіе Императорскаго Россійскаго Историческаго музея у стѣнъ Кремля»! Въ отчетѣ объясняется еще, что не смотря на всевозможныя неблагопріятныя условія, тормозившія дѣятельность кредитнаго Общества, не смотря на значительны жертвы, принесенныя Обществомъ, въ силу его отзывчивости и «теплаго участія къ государственнымъ и общественнымъ нуждамъ»,— въ короткое время оно пожертвовало 250,000 руб.,—не смотря, наконецъ, на то, что въ 1873 г. было прекращено взиманіе съ заемщикомъ $^1/_2$%-го ежегоднаго сбора съ выданныхъ ссудъ, правленія Общества съумѣли все-таки припасти про черный день капиталъ въ 1.069,098 рублей 36 коп. Картина, какъ видите, очень привлекательная для членовъ-заемщиковъ своими густыми и вмѣстѣ яркими красками, вполнѣ соотвѣтствующими крупнымъ чертамъ изображеннаго предмета. Но чѣмъ, какимъ волшебнымъ жезломъ совершило кредитное Общество такое чудное превращеніе Москвы? Оказывается, что вся тайна волшебства въ томъ, что Общество было всегда вѣрно основному принципу—всѣмъ алчущимъ и жаждущимъ домовладѣльцамъ раздавать *дешевый* и *льготный* кредитъ. Но не все то золото, что блеститъ; взгляните на оборотную сторону медали и вы найдете тамъ иное изображеніе. Кому неизвѣстно, что тороватая раздача *дешеваго* и *льготнаго* кредита, если она не опирается на вѣрныя и строго обдуманныя оцѣнки имуществъ, есть оружіе обоюдо-острое: оно зачастую, вмѣсто ожидаемаго блага, поражаетъ зломъ какъ принимателей, такъ и раздавателей такого кредита. Практика кредитнаго Общества за минувшіе годы явила много доказательствъ справедливости этого положенія. Правда, это учрежденіе во многихъ случаяхъ оказывало большія услуги серьезнымъ домовладѣльцамъ, нуждавшимся въ кредитѣ. Но не мало было и такихъ, крупныхъ и мелкихъ людей, которые въ это время пали жертвами слишкомъ тароватой раздачи дешеваго кредита: они запутывались въ своихъ строительныхъ предпріятіяхъ и, оказавшись неисправными плательщиками долговъ Обществу, разорялись. На памяти и совѣсти кредитнаго Общества и его правленій найдется много злосчастныхъ жертвъ ихъ тораватости. Кому неизвѣстно, что именно эта тароватость вызвала въ минувшіе годы въ Москвѣ самую вредную спекуляцію недвижимыми имуществами, а съ нею создала и особый разрядъ промыш-

ленниковъ, которые, въ особенности благодаря услужливымъ агентамъ кредитнаго Общества, широко пользовались его щедротами: на мѣдные гроши покупали себѣ имущества, кое-какъ придавали имъ приличный видъ для того только, чтобы съ барышомъ перепродать ихъ въ другія руки, а самимъ потомъ задешево пріобрѣсти или отстроить новыя дома, при помощи того же *дешёваго* и *льготнаго* кредита и т. д. Если справедливо, что кредитное Общество отчасти, но только отчасти, содѣйствовало умноженію въ Москвѣ каменныхъ построекъ, то несомнѣнно также и то, въ окраинныхъ частяхъ города выростали, какъ грибы, деревянныя, кое-какъ сколоченныя постройки, которыя переходили изъ рукъ въ руки словно старое носильное платье на рынкѣ, пока не попадали къ пріобрѣтателю, поневолѣ раззорявшемуся. Правда, строительная горячка прошла, спекуляція затихла, но кто изъ дѣятелей кредитнаго Общества возьметъ на себя смѣлость доказывать, что теперь для такихъ домовладѣльцевъ-промышленниковъ въ кассѣ Общества уже нѣтъ болѣе доступа къ прежнему *дешевому* и *льготному* кредиту?..

Зловѣщіе признаки описаннаго направленія стали обнаруживаться еще въ концѣ 70-хъ годовъ: нѣкоторыя имущества, объявленныя въ продажу, не находили тогда покупателей даже при условіи незначительныхъ приплатъ къ суммамъ лежавшихъ на нихъ долговъ. Дѣло началось съ очень крупныхъ имуществъ, затянувшихся въ долгахъ кредитному Обществу: въ 1879 г. для почина на рукахъ его осталось 6 имуществъ съ капитальнымъ долгомъ въ 3.235,700 р.; на одни нотаріальные расходы по укрѣпленію ихъ за Обществомъ было тогда потрачено чуть ли не 134,000 р.! Въ ближайшіе затѣмъ годы правленію удалось кое-какъ размѣстить эти имущества, но одно изъ нихъ, въ Пятницкой части, и теперь еще фигурируетъ въ отчетѣ 1893 г. съ капитальнымъ долгомъ въ 105,000 р Убытки Общества какъ по этимъ шести, такъ и по другимъ остававшимся послѣ на рукахъ имуществамъ были не малы; въ теченіе 1879—1882 гг. на покрытіе этихъ убытковъ было списано: 403,000 руб. изъ ежегодныхъ прибылей и взято изъ запаснаго капитала болѣе 600,000 р., что составляетъ вмѣстѣ болѣе 1 мил. руб. Таковы были тогда послѣдствія щедрой раздачи *дешеваго* и *льготнаго* кредита.

Только благодаря помощи кредитнаго Общества,—возвѣщаетъ нынѣшнее правленіе его,—Москва обогатилась такими историческими монументальными зданіями, какъ Историческій музей у стѣнъ древняго Кремля! Но составители отчета, какъ видно, незлопамятны. Если Москва можетъ гордиться такимъ дѣйствительно прекраснымъ сооруженіемъ, то благодаря только рѣшимости правительства, которое, оберегая связанное съ музеемъ имя Наслѣдника Цесаревича, уплатило изъ государственныхъ суммъ громадный долгъ Кредитному Обществу и отпустило крупныя средства на достройку сооруженія и на устройство въ немъ музея. Если бы этого не совершилось, то Кредитное Общество, конечно, до сихъ поръ не раздѣлалось бы съ грудами кирпича и недостроенными стѣнами, подъ залогъ которыхъ постепенно, по мѣрѣ выстройки, такъ щедро были выданы милліонныя ссуды, тѣмъ болѣе, что ихъ невозможно было бы возмѣстить ни аукціонною, ни вольною продажею по неотчуждаемости этого имущества.

Что касается до запаснаго капитала въ 1,069,098 [1]) рублей, составленіе котораго поставляется въ особую заслугу Обществу, то нынѣшнее правленіе и тутъ оказывается достаточно забывчивымъ. Не худо было-бы припомнить ему, что еще къ 1878 г., т. е. 15 лѣтъ тому назадъ, было припасено до 1,200,000 р., изъ которыхъ въ 1882 г. оставалось на лицо только 530,400 р.,—больше 600,000 р. пошли на покрытіе убытковъ, понесенныхъ отъ раздачи *дешеваго* и *льготнаго* кредита. Вмѣсто прославленія такихъ подвиговъ, полезнѣе было бы подсчитать, до какой суммы возросъ бы теперь, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, запасный капиталъ, если бы кредитное Общество строго исполняло данный ему въ руководство уставъ и не имѣло надобности расплачиваться этимъ капиталомъ за свои промахи и легкомысленныя увлеченія. Сдѣлать такой разсчетъ для правленія было бы нетрудно: стоило бы только къ суммѣ 1.164,217 р. 22 к. (въ 1878 г.) прибавить сполна ежегодныя прибыли отъ операцій Общества и проценты, которые ежегодно должны были бы наростать на капиталъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ результатѣ такого простаго исчисленія получилась бы въ два съ половиною раза или втрое большая сумма, которая могла бы служить дѣйствительно надежнымъ запасомъ про черный день. А теперь благодаря все тѣмъ-же легкомысленнымъ увлеченіемъ *дешевымъ* и *льготнымъ* кредитомъ, такого запаса нѣтъ.

Оборотная сторона медали, какъ видите, не вышла такъ красива, какъ она изображена панегиристами кредитнаго Общества. Спрашивается: гдѣ искать объясненій тѣхъ чувствительныхъ потерь, которыя понесло кредитное Общество отъ неисправныхъ залоговъ? Прежде всего, конечно, въ способѣ составленія оцѣнокъ, отъ которыхъ и зависитъ мѣра возможности благодѣтельствовать домовладѣльцевъ *дешевымъ и льготнымъ* кредитомъ. Въ каждомъ отчетѣ показываются обыкновенно слѣдующія три суммы; размѣръ выданныхъ въ теченіе года ссудъ, матеріальная стоимость воспользовавшихся ими имуществъ и стоимость ихъ по доходу. Сопоставленіемъ этихъ трехъ суммъ опредѣляется обыкновенно степень обезпеченности ссудъ. Тутъ ариометическій расчетъ всегда вѣренъ, потому что двѣ послѣднія суммы всегда, какъ и слѣдуетъ ожидать, на 30 и болѣе процентовъ выше первой. Но насколько оцѣнки соотвѣтствуютъ дѣйствительной стоимости имуществъ—кто скажетъ? Ни одинъ отчетъ не даетъ отвѣта на этотъ щекотливый вопросъ. Лишь въ немногихъ случаяхъ тайна эта раскрывается въ послѣднемъ актѣ кредитной драмы—при продажѣ оказавшихся неисправными залоговъ. Да и тутъ, надо прибавить, отчеты не даютъ достаточныхъ свѣдѣній для яснаго и точнаго рѣшенія вопроса. Въ вѣдомости продаваемыхъ за долги имуществъ прославляются также три суммы. выражающія собою: оцѣнку имуществъ, лежащіе на нихъ ко дню продажи долги и состоявшуюся на торгахъ продажную цѣну. А весьма существенный показатель—размѣръ выданныхъ на основаніи оцѣнокъ, ссудъ — бережно опускается. Только въ 1874—1880 гг. правленіе имѣло неосторожность показывать въ отчетахъ и эти послѣднія суммы и тѣмъ дало нѣкоторую возможность при-

[1]) Мы уже знаемъ, что и этотъ капиталъ лишь фикція.

поднять скрывавшую тайны завѣсу и получить хоть нѣкоторое представленіе о соотвѣтствіи въ то время оцѣнокъ дѣйствительной стоимости имуществъ. Не лишено значенія, что въ 1874, 1875 и 1876 гг. продажная цѣна неисправныхъ залоговъ съ значительнымъ избыткомъ покрывала суммы, выданныя подъ залогъ (соотвѣтствіе этой цѣны оцѣночной стоимости встрѣчается лишь въ очень включительныхъ случаяхъ), и за все это время было только два примѣра продажи залоговъ ниже размѣра выданныхъ ссудъ. Но послѣ 1876 г., въ силу восторжествовавшаго тогда принципа раздачи *дешеваго и льготнаго* кредита, соотвѣтствіе названныхъ показателей нарушилось и число продажъ по цѣнѣ дешевле выданныхъ ссудъ стало увеличиваться. Такъ, въ 1878 г. изъ 45 проданныхъ залоговъ 11 пошли ниже выданныхъ ссудъ, а въ 5 случаяхъ продажная цѣна почти совпадала съ ними. Въ 1879 г. при 51 продажѣ было такихъ случаевъ 11 и 7, а въ 1880 г. изъ 57-ми—10 и 11. Стало-быть эти 55 имуществъ были оцѣнены такъ высоко, что при продажѣ не нашлось охотниковъ заплатить за нихъ дороже того, что Кредитное Общество выдало подъ ихъ залогъ. Другими словами: подъ залогъ этихъ имуществъ была выдана сполна или почти сполна вся сумма ихъ стоимости, за которую они и были куплены. Какъ же велика была оцѣнка этихъ имуществъ? За три названные года оцѣнка и продажная цѣна ихъ на торгахъ находились въ такомъ соотвѣтствіи:

	Оцѣнены.		Проданы.
Въ 1878 г.	643,100 р.	—За	483,254 р.
» 1879 »	732,200 »	— »	539,664 »
» 1880 »	675,632 »	— »	531,792 »

Слѣдовательно, стоимость этихъ имуществъ, какъ опредѣлилась при продажѣ, оказалась меньше стоимости ихъ по оцѣнкѣ Кредитнаго Общества на 21%—26%. Кажется, что при благоразумной осторожности, рекомендуемой кредитному Обществу его уставомъ, позволительно было бы ожидать противоположнаго явленія. Послѣ 1880 г. правленіе Общества стало осторожнѣе въ своихъ отчетныхъ показаніяхъ по продажѣ залоговъ, и суммы, выражающія размѣры выданныхъ ссудъ, были исключены изъ отчетовъ. Нынѣшнее правленіе благоразумно слѣдуетъ тому же способу умолчанія.

Вотъ на какой наклонный и скользкій путь стало кредитное Общество еще въ концѣ 70-хъ годовъ. Но вѣдь на наклонной плоскости стоять нельзя: надо или карабкаться вверхъ, или ползти внизъ. Съ этихъ-то поръ дѣла кредитнаго Общества и заскользили книзу. Когда въ 1879 году пришлось тогдашнему правленію въ первый разъ выступить передъ общимъ собраніемъ съ предложеніемъ взять изъ запаснаго капитала деньги на покрытіе впервые оказавшихся убытковъ, то оно съ величайшею опасливостью успокоивало своихъ членовъ, что-молъ эти потери «не истощатъ средствъ кредитнаго Общества и ничѣмъ не отзовутся на его членахъ, вызвавъ (лишь) кредитное уменьшеніе запаснаго капитала. Эти потери,—воспѣвало правленіе,—будутъ восполнены тѣмъ же незамѣтнымъ для членовъ Общества путемъ, какимъ былъ составленъ правленіемъ въ

столь недолгое время (1863—1878 г.) настоящій запасный капиталъ Общества». Но то былъ «тихій гласъ Гальціоны», которому не суждено было оправдаться. Убытки все умножались, и Общество въ четыре года потеряло на ихъ покрытіе половину своего капитала, который возстановился въ прежней цифрѣ только въ нынѣшнемъ году, благодаря, можетъ быть, тому, что правленіе не находило расчета списывать все, что положено уставомъ. Да и что значитъ теперешній капиталъ въ 1 милл. руб. съ небольшимъ передъ убытками, все грознѣе выступающими передъ глазами Общества, которое, чтобы не видѣть опасности, легкомысленно прячетъ голову подъ крыло.

Дѣла кредитнаго Общества, послѣ описаннаго періода, нисколько не поправились, да и не могутъ поправиться при сохраненіи прежняго направленія его дѣятельности. Число остающихся на рукахъ правленія залоговъ, все увеличиваясь, достигло теперь, къ 1-му сентября 1893 г., до 28. Изъ нихъ 15 осталось отъ прежнихъ лѣтъ, а 13 новыхъ, не продавшихся въ прошломъ году; на этихъ имуществахъ лежитъ капитальнаго долга 2.343,500 р., и срочныхъ платежей и недоимокъ 567,700 руб., всего стало быть, 2.911,200 руб. Легко ли спустить ихъ за эту цѣну, когда они не шли съ рукъ за болѣе дешевую? А не сойдутъ — новые убытки, новыя списыванія какъ отъ ежегодныхъ прибылей, такъ и изъ запаснаго капитала. Какъ велико вообще число неисправныхъ заемщиковъ, часто запаздывающихъ вносомъ срочныхъ платежей, видно изъ того, что начисляемыя за это пени представляютъ собою одинъ изъ главныхъ источниковъ прибылей Общества. По отчету 1893 г. всѣ поступленія въ совокупности равнялись 472,900 р., пени же за несвоевременный взносъ платежей составляли самую крупную часть ихъ—207,000 р., или до 44% всей суммы валовыхъ прибылей. Слѣдовательно, чѣмъ больше неисправныхъ плательщиковъ, тѣмъ выгоднѣе для Общества. Какое странное и шаткое основаніе прибыльности его операцій!

Одно изъ очень вредныхъ и невыгодныхъ обыкновеній заключается въ томъ, что неисправные залоги, вопреки уставу, по нѣсколько лѣтъ остаются «въ вѣдѣніи» правленія, причемъ лежащіе на нихъ долги съ недоимками все возрастаютъ, а какъ возрастаютъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ, взятыхъ прямо изъ скорбнаго листа этихъ имуществъ.

1. Имущество Русскаго товарищества пиво-медоваренія. Въ 1891 году долгъ 423,700 р. Сколько было списано, изъ отчета не видно. Къ 1-му сентября 1892 года долгъ 341,200 р. Списано 9,470 р. Къ тому же сроку 1893 г. осталось долга 331,700 р., а срочныхъ платежей и недоимокъ показано 132,800 руб., вмѣстѣ 464,500 р.

2. Домъ Е. И. Бучумовой. 1891 г. долгъ 201,300 р. Въ 1892 г. долгъ 177,600 р. Списано 5,400 р. Въ 1893 году осталось долга 172,200 р., да срочныхъ платежей и недоимокъ 36,400 р. Вмѣстѣ 208,600 р.

3. Особенно поучительна судьба имущества Д. А. Анитова, о которомъ было упомянуто въ предыдущей статьѣ. Еще въ 70-хъ годахъ было выдано подъ него прежнему владѣльцу 146,000 руб. Въ 1879 г. оно оказалось неисправнымъ и осталось на рукахъ правленія, которое списало съ него изрядныя суммы и по отчету 1879 г. числило его съ долгомъ въ 131,000 р. Въ 1881 г. оно было продано г. Анитову за 115,000 р.

Но въ 1890 году это имущество опять оказалось неисправно и вернулось въ руки правленія, но съ какимъ долгомъ—не знаю. Но по отчету 1892 г. онъ составлялъ 107,800 р. Въ теченіе года списано 2,500 р., и къ 1-му сентября 1893 года осталось 105,300 р., да срочныхъ платежей и недоимокъ 37,600 р.. вмѣстѣ 142, 900 р., почти столько же, сколько было выдано подъ него лѣтъ 20 тому назадъ!

То же повторяется и съ другими подобными же залогами: сколько ни списывается суммъ съ этихъ имуществъ,—по вѣдомости 1893 г. со всѣхъ 28 залоговъ списано 51,300 р.,—а задолженность ихъ все растетъ. Названная сейчасъ вѣдомость содержитъ, между прочимъ, одно поучительное свѣдѣніе по тѣмъ же 15 имуществамъ, оставшимся на рукахъ правленія отъ прежнихъ лѣтъ. Капитальный долгъ ихъ опредѣленъ почти въ 1$^1/_2$ милл., а недоимокъ начислено до 418,000 р. Между тѣмъ *валовой*, даже не чистый, доходъ, по которому должны составляться оцѣнки, опредѣленъ только въ 51,000 р., при 39,500 руб. расхода. Предоставляю вамъ самимъ рѣшить задачу: какимъ способомъ, при 51,000 р. валового дохода и при соблюденіи предписанной ст. 83 устава сложности 10 лѣтъ, можно было бы составить такую оцѣнку, чтобы $^3/_4$ ея образовали долгъ, равный 1$^1/_2$ милл. р. Одно изъ двухъ: или оцѣнка этихъ имуществъ въ свое время была раздута до-нельзя, или эти имущества, попавши въ руки правленія, потеряли свою стоимость и теперь даютъ такой ничтожный доходъ, по которому нельзя было бы выдать и четвертой части лежащаго на нихъ долга. Малая доходность этихъ имуществъ, какъ видно, не новость для самого правленія кредитнаго Общества: общее собраніе еще весною уполномочило его производить расходы по ремонту этихъ имуществъ въ размѣрѣ 10% стоимости каждаго изъ нихъ, что, разумѣется, еще болѣе обременитъ эти имущества. Сравните въ этой вѣдомости графу полученныхъ съ нихъ доходовъ и произведенныхъ по содержанію ихъ расходовъ: первыхъ показано 50,932 р., а послѣднихъ 39,459 р., — въ остаткѣ всего 11,473 р. дохода при 1$^1/_2$ милл. долга! Цифры эти такъ поражаютъ своею несообразностью, что опасно даже довѣрять имъ. Выписываю ихъ изъ отчета просто какъ курьезъ, для развлеченія читателей. Нѣтъ ли ошибки въ отчетѣ? Или, можетъ быть, самая форма вѣдомости мало вразумительна.

Въ концѣ-концовъ изъ отчета выходитъ, что дѣла кредитнаго Общества не только не могутъ скоро поправиться, но должны идти еще хуже прежняго. Такое заключеніе выходитъ изъ слѣдующаго. Рядомъ съ восхваленіемъ дѣятельности Общества правленіе не пожалѣло въ своемъ отчетѣ красокъ, чтобы изобразить положеніе «московскаго домовладѣлія» въ самомъ безотрадномъ видѣ. Постоянно возрастающіе налоги, введеніе новаго земскаго налога въ размѣрѣ 1% съ чистаго дохода, введеніе съ будущаго года новаго государственнаго сбора съ квартиръ, который, по мнѣнію правленія, повлечетъ за собою пониженіе ихъ наемной платы, усиленныя требованія полиціи и городскаго управленія по содержанію имуществъ и пр.—«все это, вмѣстѣ взятое, сказано въ отчетѣ, поставило московское домовладѣліе въ настолько тяжелое положеніе, что оно не выдерживаетъ того кредита (даже такого *дешеваго легкаго!*), который предоставляетъ ему кредитное Общество, вслѣдствіе чего *недоимки возрастаютъ и пре-*

обладающимъ стремленіемъ (?) является продажа домовъ, при полномъ отсутствіи покупателей». Если это такъ, то вѣдь это—такой опасный кризисъ, который грозитъ Обществу полнымъ разрушеніемъ. Но кто-жъ виноватъ въ этомъ? Какъ ни безотрадно изображенное въ отчетѣ положеніе, но вѣдь не вдругъ же обрушилось оно на неповинную голову кредитнаго Общества; подготовлялось оно постепенно, цѣлымъ рядомъ годовъ а зловѣщіе признаки его показались, какъ разсказано выше, еще въ 70-хъ годахъ. Было же, мнѣ кажется, достаточно времени одуматься, осмотрѣться и подготовить мѣры къ исправленію дѣла. Къ сожалѣнію, самодовольство самовосхваленіе постепенно подтачивало его, слѣпило глаза, туманило головы и отвлекало вниманіе Общества отъ настоящаго положенія дѣла, давно требовавшаго коренныхъ измѣненій и поворота на указанный въ уставѣ путь благоразумной осторожности. Замѣчательно, что ни въ одномъ отчетѣ за послѣднее время нѣтъ и слѣдовъ какой-либо заботливости правленія въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ болѣе осторожнаго производства оцѣнокъ и выдачи ссудъ, или сокращенія расходовъ. Наоборотъ, все катилось внизъ по однажды избранному наклону, и знаменательно, что чѣмъ хуже шли дѣла Общества, тѣмъ все сильнѣе росли расходы на содержаніе управленія. Такъ, они составляли въ 1890 г.—140,900 р., въ 1891 г. — 175,000 р., въ 1892 г.—174,000 р., а въ 1893 г. — уже 188,600 р., не считая крупной суммы, назначенной послѣднимъ общимъ собраніемъ въ награду лицамъ, прослужившимъ въ Обществѣ 30 лѣтъ. Слѣдовательно, въ теченіе только четырехъ лѣтъ содержаніе личнаго состава и помѣщенія увеличивалось на 34%. Ни одно самое крупное кредитное учрежденіе не представляетъ такого увеличенія.

Перечитывая горькія сѣтованія правленія по поводу настоящаго домовладѣльческаго кризиса, невольно задумываешься надъ однимъ очень важнымъ обстоятельствомъ, которое хотя и грозитъ въ значительной степени усилить для кредитнаго Общества мрачныя послѣдствія этого кризиса, однако не остановило на себѣ никакого вниманія составителей отчета. Давно уже городское управленіе заботилось раздвинуть кругъ каменныхъ построекъ въ Москвѣ, и вотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, да и недавно еще. въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ центра частяхъ города воспретило деревянныя постройки. Нѣтъ сомнѣнія, что тамъ найдется немало имуществъ, заложенныхъ въ кредитномъ Обществѣ. Какая судьба ожидаетъ эти имущества? Постепенно годъ отъ году постройки будутъ ветшать и разрушаться, а капитально перестраивать ихъ не позволятъ. Что же произойдетъ тогда при усиленномъ паденіи доходности и стоимости этихъ залоговъ? Волею-неволей они окажутся неисправными плательщиками кредитнаго Общества, которому, однако, будетъ очень трудно справиться съ ними, тѣмъ болѣе, что охотниковъ купить ихъ, даже при наибольшей уступчивости со стороны правленія, явится немного. Сколько такихъ имуществъ? Въ какомъ положеніи находятся ихъ постройки? Сколько числится на нихъ долговъ? и пр. Все это такіе вопросы, которые, кажется, должны бы волновать, безпокоить всякаго благоразумнаго хозяина. А между тѣмъ вопросы эти даже не затронуты ни въ одномъ изъ послѣднихъ отчетовъ. Но, можетъ быть, правленіе еще не замѣчаетъ приближающейся грозы, или ждетъ срока наступленія развязки. Но не

поздно ли будетъ? Вообще оно не унываетъ и сваливаетъ всю вину за неудачный ходъ дѣла, сопровождавшійся «нѣкоторыми» убытками, только на общія неблагопріятныя условія «домовладѣнія» и пресловутое «положеніе денежнаго рынка». При этомъ оно высказываетъ въ своемъ отчетѣ «увѣренность, что кредитное Общество, не отступая отъ основыхъ принциповъ своего устава и въ то же время дѣйствуя съ необходимою осторожностью какъ относительно дальнѣйшаго хода операцій, такъ и въ отношеніи тѣхъ имуществъ, кредитоспособность которыхъ наиболѣе ослабѣла, не понесетъ особенно значительныхъ потерь и облегчитъ московскому домовладѣнію возможность пережить наступившій кризисъ и, по миновяніи его, снова окрѣпнуть и вступить на путь преуспѣянія и развитія». Но все это—сладкія увѣренія, которыя еще 15 лѣтъ тому назадъ раздавались въ общихъ собраніяхъ и, къ сожалѣнію, всегда очень обаятельно дѣйствовали на нихъ.

Но въ чемъ же, по мнѣнію правленія, заключаются дѣйствительныя мѣры, которыя могли бы вывести кредитное Общество на желанный «путь преуспѣянія и развитія»? Единственнымъ цѣлесообразнымъ выходомъ изъ этого тяжкаго положенія,—объясняется въ отчетѣ,—и притомъ выходомъ не временнымъ, а могущимъ оказать положительное вліяніе на общее благосостояніе населенія Москвы, является облегченіе общественнаго кредита, которое можетъ быть достигнуто только путемъ выпуска облигацій съ пониженными процентами». Два раза ходатайствовало правленіе передъ министромъ финансовъ о разрѣшеніи выпустить 4%, «или, если это будетъ признано неудобнымъ, то 4½%-я облигаціи, съ соотвѣтствующимъ такому пониженію процентовъ удлиненіемъ сроковъ займовъ». Но въ отвѣтъ на это ходатайство еще осенью 1893 г. особая канцелярія по кредитной части увѣдомила Общество, что министръ не признаетъ возможнымъ удовлетворить упомянутое ходатайство ранѣе исполненія Обществомъ требованія министерства о возстановленіи неправильно прекращеннаго еще въ 1873 г. ежегоднаго 1½%-го взноса съ полученной ссуды. Взиманіе этого сбора предписано ст. 13 и 15 устава Общества и назначено спеціально на «расходы по управленію и на составленіе запаснаго капитала». По прямому требованію устава, освобожденіе заемщиковъ отъ взиманія этого сбора можетъ послѣдовать лишь тогда, «когда запасный капиталъ достигнетъ такого размѣра, что однихъ съ него процентовъ будетъ достаточно на расходы по управленію». Вообще, отмѣна этого сбора, допущенная Обществомъ, вопреки уставу,—все изъ-за увлеченія доставить домовладѣльцамъ *дешевый* и *льготный* кредитъ, — составляетъ одно изъ самыхъ злополучныхъ распоряженій Общества, лишившагося самыхъ надежныхъ и обильныхъ средствъ для борьбы съ постигшими его теперь неудачами. А потому требованіе о возстановленіи этого сбора за которымъ могла бы послѣдовать и столь желанная для Общества конверсія его облигацій, представляется не только вполнѣ правильнымъ по уставу Общества, но и необходимымъ по существу его расшатаннаго дѣла. Но не странно ли, что и послѣднее общее собраніе, 30-го ноября, подъ внушеніемъ произвольныхъ толкованій устава, все-таки отказалось исполнить это требованіе?

Въ заключеніе своего очерка позволю себѣ высказать такое мнѣніе:

Московское Городское Кредитное Общество, какъ оно было задумано его учредителями и осуществлено на основаніи даннаго ему въ руководство устава, принадлежитъ къ числу самыхъ прочныхъ кредитныхъ учрежденій въ Россіи, и несомнѣнно, что оно при соблюденіи своего устава могло бы оказать самыя благотворныя услуги Москвѣ и ея домовладѣльцамъ. Но этого не совершилось главнымъ образомъ вслѣдствіе легкомысленныхъ увлеченій *дешевымъ* и *легкимъ* кредитомъ, которыя теперь и привели это прекрасное по мысли учрежденіе къ большому разстройству. Прожитые имъ 30 лѣтъ преисполнены горькихъ испытаній и назидательныхъ уроковъ, которымъ однако не хотятъ внимать нынѣшніе дѣятели Кредитнаго Общества. Какъ бы то ни было, но оно вынуждено будетъ круто свернуть съ своего скользкаго пути, на которомъ грозитъ ему неминуемая опасность, и начать дѣло съ начала. Чѣмъ скорѣе совершится этотъ поворотъ, тѣмъ лучше.

III. О полу-процентномъ сборѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію нашего разбора дѣлъ Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества, считаю необходимымъ подробнѣй выяснить вопросъ о $^1/_2$% сборѣ, не разъ поднимавшійся и въ печати и на общихъ собраніяхъ, такъ какъ, съ одной стороны положеніе нашихъ дѣлъ таково, что,—казалось-бы,—правъ М. П. Щепкинъ, обвиняющій насъ, домовладѣльцевъ Москвы, въ якобы самовольномъ освобожденіи себя отъ этого сбора, столь необходимаго для поправленія дѣлъ Общества, а съ другой, — въ виду *общаго* положенія московскаго домовладѣлія, изображеннаго вполнѣ вѣрно авторомъ статьи въ *Гражданинѣ* [1]), — нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что взиманіе этого сбора окончательно разоритъ домовладѣльцевъ.

Приведу здѣсь выдержки изъ статей моихъ въ №№ 37, 39 и 56 газеты *Торговля и Промышленность*, за 1894 г.

«Въ №№ 339 и 341 «Русскихъ Вѣдомостей», 1893 года, появилась статья «не все то золото, что блеститъ», въ которой съ замѣчательнымъ талантомъ,—кратко и ясно,—почтенный Митрофанъ Павловичъ набросалъ такую поразительную картину состоянія дѣлъ и веденія ихъ въ нашемъ Кредитномъ Обществѣ, что едва ли кто не воскликнетъ, вмѣстѣ съ авторомъ—Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra!» и не пожелаетъ, чтобы поскорѣе, — во избѣжаніе самыхъ плачевныхъ послѣдствій,—дѣла эти и порядки были снова, coute que coute, поставлены въ нормальныя и законныя условія.

Но, говоря, что дѣла Кредитнаго Общества должны быть исправлены coute que coute, я позволю себѣ не согласиться съ заключеніемъ почтеннаго автора, что «отмѣна $^1/_2$%-го сбора, допущенная Обществомъ, вопреки уставу,—не изъ-за увлеченія доставить домовладѣльцамъ дешевый и льготный кредитъ,—составляетъ одно изъ самыхъ злополучныхъ распоряженій Общества, лишившагося самыхъ надежныхъ и обильныхъ средствъ

---

[1]) См. слѣдующую главу.

для борьбы съ постигшими его теперь неудачами. А потому требованіе о возстановленіи этого сбора, за которымъ могла бы послѣдовать и столь желанная для Общества конверсія его облигацій, представляется не только вполнѣ правильнымъ по уставу Общества, но необходимымъ по существу его распатаннаго дѣла. Но не странно-ли что и послѣднее общее собраніе, 30 ноября, подъ внушеніемъ произвольныхъ толкованій устава, все-таки отказалось исполнить это требованіе?».

Прежде всего, посмотримъ, что говоритъ, въ подлежащихъ статьяхъ нашъ уставъ,—тѣмъ болѣе, что въ произвольныхъ то толкованіяхъ его—какъ выражается уважаемый авторъ, — я именно и принималъ гласное участіе, и общее собраніе, не столько отъ моихъ «внушеній», сколько конечно, ради своихъ кармановъ, единогласно меня поддержало [1]).

И такъ, § 13 устава гласитъ.

«Независимо отъ назначенныхъ въ предыдущемъ § платежей, заемщики вносятъ съ полученной ссуды: ежегодно по $^{1}/_{2}$% и единовременно также $^{1}/_{2}$% на расходъ по управленію и на составленіе запаснаго капитала». Примѣчаніе: «Взносъ $^{1}/_{2}$% съ полученной ссуды ежегодно пріостановленъ по постановленію общаго собранія московскаго городскаго кредитнаго общества 7 марта 1873 года».

Единовременный $^{1}/_{2}$% сборъ оставленъ.

§ 15.—«Когда запасный капиталъ достигнетъ такого размѣра, что однихъ съ него процентовъ будетъ достаточно на расходы по управленію; и при томъ дастъ Обществу возможность отказаться отъ кредита изъ городскихъ капиталовъ, необходимаго въ первое время,—тогда заемщики освобождаются отъ взиманія съ нихъ ежегоднаго $^{1}/_{2}$% сбора (§ 13) и прежде уплаты ими всего долга; при выдачѣ же ссудъ единовременный сборъ съ занятой суммы не прекращается.

Примѣчаніе. Вышеозначенный ежегодный сборъ, въ случаѣ надобности, можетъ быть, по усмотрѣнію общаго собранія общества, во всякое время прекращаемъ и возобновляемъ, при чемъ должны быть освобождаемы отъ сего сбора или облагаемы онымъ всѣ заемщики одновременно, какъ получившіе уже ссуды, такъ и тѣ, коимъ таковыя будутъ выдаваться впослѣдствіи».

Я не юристъ, но знаю, что законъ долженъ толковаться и пониматься буквально такъ, какъ онъ изложенъ—dura lex, sed lex!

Что же мы здѣсь совершенно ясно видимъ? Параграфомъ 13-мъ былъ установленъ $^{1}/_{2}$% сборъ; параграфъ 15-й, — такъ какъ ничто не вѣчно подъ луною, — указываетъ, что и сборъ этотъ тоже не вѣченъ и говоритъ когда обязательно, — несмотря на чье бы то ни было желаніе или нежеланіе,—онъ прекращается.

---

[1]) Да не подумаетъ читатель, что я горжусь такимъ лестнымъ единодушіемъ—вовсе нѣтъ. Большинство теперешнихъ собраній составляются изъ такихъ элементовъ, такимъ незаконнымъ путомъ, что скорѣе можно гордиться, если это «большинство» идетъ противъ.

По точному смыслу этого параграфа, разъ состояніе счетовъ общества достигнетъ указанной нормы, всякій заемщикъ вправѣ самъ прекратить уплату $^{1}/_{2}$% сбора.

Примѣчаніе-же—нисколько не противорѣча статьѣ закона, къ которой оно относится,—говоритъ, когда не всякій заемщикъ, а все общество въ совокупности, въ лицѣ общаго собранія своихъ членовъ, можетъ прекратить этотъ сборъ, и указываетъ, что, по усмотрѣнію общаго собранія, въ случаѣ надобности, во всякое время это и можетъ быть сдѣлано, при соблюденіи равномѣрности для всѣхъ членовъ-заемщиковъ.

Причемъ также ясно сказано, что какъ прекращеніе, такъ и возобновленіе $^{1}/_{2}$% сбора зависитъ только отъ общаго собранія и далѣе, ни въ одной изъ статей устава, нигдѣ не сказано, чтобы кто-бы то ни было могъ насильно навязывать Обществу этотъ сборъ, да это и понятно, такъ какъ это-же можетъ измѣнять смыслъ Высочайше утвержденнаго устава.

Между тѣмъ, какъ мы видѣли изъ примѣчанія къ § 13-му, общее собраніе 7 марта 1873 года, руководствуясь именно примѣчаніемъ къ § 15, вполнѣ на законномъ основаніи, могло отмѣнить во всякое время и дѣйствительно отмѣнило этотъ сборъ и таковое постановленіе собранія въ теченіе 21 года никѣмъ не обжаловалось и не могло остаться неизвѣстнымъ министерству финансовъ и законодательной власти.

Что это такъ, видно изъ того, что и теперь министерство, вполнѣ основательно, не предписываетъ само взыскивать этотъ якобы неправильно пріостановленный сборъ, а предлагаетъ возобновить его, такъ какъ, конечно, высшій органъ нашего финансоваго управленія не можетъ не знать, что только общія собранія законоспособны возобновлять или прекращать такіе сборы.

Вотъ и всѣ мои—«произвольныя» или нѣтъ, судить не мнѣ,—толкованія вопроса о $^{1}/_{2}$% сборѣ.

Но законодатель, давая, въ § 59 Устава, общимъ собраніямъ право «окончательно» рѣшать всѣ касающіяся до Общества дѣла и вопросы—этимъ самымъ выказалъ, съ одной стороны, довѣріе къ силамъ Общества, а съ другой—далъ ему возможность широко пользоваться правомъ иниціативы во всѣхъ дѣлахъ и вопросахъ, принадлежащихъ кругу его вѣдѣнія.

Слѣдовательно, намъ, въ вопросѣ о $^{1}/_{2}$% сборѣ, надлежитъ не ограничиваться лишь одной буквой закона, но посмотрѣть, нѣтъ ли основаній къ тому, чтобы Общество воспользовалось предоставленнымъ ему (ему одному, замѣтьте) правомъ возбуждать ходатайство, въ установленномъ порядкѣ, объ измѣненіи того или иного § Устава. Для этого посмотримъ, что собственно, представляетъ собою этотъ $^{1}/_{2}$% сборъ.

М. П. Щепкинъ, съ такимъ знаніемъ и пользой для общественныхъ дѣлъ, работающій уже не одно десятилѣтіе, долженъ помнить, что въ 1873 году, при возникновеніи вопроса объ отмѣнѣ $^{1}/_{2}$% сбора, именно Правленіе Кредитнаго Общества всѣми силами старалось удержать этотъ сборъ. Въ послѣднее время правленіе изыскало было новый способъ увеличенія доходовъ Общества—это допущеніе накопленія за заемщиками недоимокъ по многимъ срокамъ, съ цѣлью полученія пени.

Когда же такой незаконный и очень опасный для Общества «способъ» сталъ всячески осуждаться, тогда Правленіе при каждомъ баллотированіи вопроса о недоимкахъ, помимо большинства собраній, стало вліять и на болѣе или менѣе ихъ независимыхъ членовъ напоминаніемъ о ½% сборѣ, какъ своего рода «жупеломъ».

Этотъ «полу-процентъ» всегда служилъ вѣрнѣйшимъ козыремъ въ рукахъ Правленія; чуть только видѣли, что дѣло клонится не совсѣмъ въ ту сторону, куда хочетъ его погнуть Правленіе, — вставалъ одинъ изъ постоянныхъ «ораторовъ» его и возглашалъ, почти буквально, слѣдующее: «гг., если мы примемъ это (неугодное Правленію) рѣшеніе, то министерство насъ заставитъ возстановить ½% сборъ».

Этотъ пріемъ всегда имѣлъ желанный результатъ — «большинство» ревѣло, шумѣло и принимало нужное Правленію рѣшеніе. Когда же слова стали утрачивать свое обаяніе, то тѣ же сторонники Правленія, во главѣ съ тѣми же ораторами, стали подавать въ Правленіе и письменныя ходатайства, выражая въ нихъ какъ бы сожалѣніе о прекращеніи ½% сбора, а Правленіе, весьма непредупредительное по отношенію другихъ заявленій, этимъ ходатайствамъ дало немедленный ходъ, въ своемъ знаменитомъ «разъясненіи» министерству финансовъ, которое даже послужило главнымъ основаніемъ для выраженія со стороны этого послѣдняго порицанія Правленію, прямо указавшему, что всѣ бѣды Общество терпитъ отъ прекращенія ½% сбора, а что оно, Правленіе, ровно-де ни въ чемъ не виновато.

Таковъ, такъ сказать, историческій ходъ развитія «дѣла о полупроцентѣ».

Самъ собой является вопросъ — для чего же именно Правленію и никому другому нужно возстановленіе этого сбора?

Прежде всего замѣчу, что едва-ли кто изъ знающихъ положеніе дѣлъ нашего общества станетъ сомнѣваться, что интересы этого послѣдняго и Правленія не одни и тѣ же».

Какъ справедливо доказалъ М. П. Щепкинъ, расходы на Правленіе и на веденіе дѣлъ все растутъ и растутъ. Можно также сказать, что они растутъ прямо пропорціонально увеличенію ежегодныхъ нашихъ убытковъ. Возьмемъ примѣръ: при покойномъ К. К. Шильдбахѣ было увеличено содержаніе ему лично, въ виду-де его «особенныхъ» заслугъ,— что и занесено буквально въ протоколахъ собранія. Умираетъ Шильдбахъ старшій,—появляются два младшіе Шильдбаха. причемъ предсѣдатель правленія продолжаетъ получать лично К. К. Шильдбаху положенную норму жалованья; въ мартѣ же сего года увеличивается и содержаніе остальныхъ директоровъ, а предсѣдатель снова получаетъ прибавку. Однимъ изъ общихъ собраній было постановлено выдавать награды служащимъ изъ прибылей общества въ извѣстномъ размѣрѣ—теперь у насъ есть только убытки и даже недавно все годовое «увеличеніе» запаснаго капитала составляло 19 тыс. рублей,—а правленіе добилось выдать изъ будущихъ прибылей «наградъ» въ размѣрѣ болѣе 30 тысячъ. Я бы долго не кончилъ, если-бы сталъ перечислять подобные факты, а потому позволю ограничиться этими, отсылая желающихъ ознакомиться съ доку-

ментальнымъ доказательствомъ подобныхъ явленій нашей общественной жизни къ статьямъ моимъ, печатавшимся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Намъ остается сказать немного по поводу ½% обложенія; оно нежелательно потому, что образовавшійся изъ него капиталъ ждетъ такая же печальная участь, какая постигала не разъ и теперешній запасный капиталъ—его «просчитываютъ», онъ пойдетъ въ награды служащимъ, а если и послѣ этого что либо окажется, то остатокъ уйдетъ на покрытіе «убытковъ по управленію» имуществами, остающимися за обществомъ послѣ ликвидаціи счетовъ со сторонниками Правленія, получавшими, при посредствѣ разныхъ «близкихъ» людей, невѣроятныя и незаконныя ссуды подъ эти имущества. Если же и потомъ останется что либо—то и такое невѣроятное при теперешнемъ ходѣ дѣлъ происшествіе предусмотрѣно: остающіяся суммы «списываются со счетовъ» послѣ продажи съ вольныхъ торговъ вышеупомянутыхъ «дружескихъ» залоговъ, при чемъ, очень часто, залоги эти поступаютъ въ тѣ же руки, которыя ихъ оставили за обществомъ.

Спрашивается, для чего же чрезъ возобновленіе ½% сбора увеличивать для правленія средства, пользуясь большимъ капиталомъ искуснѣе прятать концы въ воду и обременять и безъ того обремененное московское домовладѣніе?

Разсчитывать же на то, что — при теперешней безконтрольности, при теперешней организаціи правленія, общихъ собраній и т. п.,—составится когда нибудь какой-нибудь прочный запасный капиталъ, который не будетъ постепенно или сразу «испаряться» такъ же, какъ испаряется теперішній—по меньшей мѣрѣ наивно. Такимъ образомъ, тутъ то и надо припомнить эпиграфъ М. П. Щепкина—«не все то золото, что блеститъ» но,—въ дальнѣйшемъ руководствоваться новымъ:—«не золотомъ, а молотомъ», каковымъ молотомъ и долженъ быть строгій и всесторонній контроль надъ заправилами Кредитки нашей во всей ея дальнѣйшей дѣятельности, а теперь дѣйствительная,—а не бумажная, канцелярская или бухгалтерская — ревизія всѣхъ дѣлъ общества съ привлеченіемъ виновныхъ въ теперешнемъ печальномъ положеніи дѣлъ его къ дѣйствительной отвѣтственности, безъ постановки этой послѣдней въ связь съ «рѣшеніемъ» нашихъ теперешнихъ Общихъ Собраній, нашедшихъ даже и въ дѣлѣ казначея Анитова только «прочетъ».

Въ связи съ этимъ, необходимъ пересмотръ Устава, главнымъ образомъ въ частяхъ его, касающихся Общихъ Собраній, дабы прекратить впредь возможность Правленію имѣть въ нихъ не «хозяина» всего дѣла, а лишь «ширмы» для прикрытія своихъ незаконныхъ дѣйствій.

Къ дѣлу преобразованія Общества на новыхъ началахъ надо приступить не медля и приступить къ этому должно само правительство.

В. Н. Семенковичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

По садамъ и огородамъ.

(Окончаніе [1]).

VII.

Дмитріевскіе питомники.

Трудно себѣ представить что нибудь болѣе грандіозное, чѣмъ эти безконечные огромные *кварталы*, раздѣленные широкими, чистыми дорогами, окруженные густыми защитными стѣнами изъ высокихъ деревьевъ и наполненные стройными рядами яблонь и грушъ разныхъ возрастовъ, отъ только что взошедшихъ однолѣтокъ-дичковъ до четырехъ и пяти лѣтнихъ привитыхъ и обрѣзанныхъ деревцовъ съ роскошно образованными кронами, тѣсно соприкасающимися одна съ другой и составляющими какъ бы сплошную стѣнку, скрывающую цѣлые лѣса насажденій.

Я просилъ Михаила Александровича, чтобы помочь мнѣ разобраться въ этомъ безконечномъ разнообразіи, прослѣдить со мною всѣ фазисы посѣва, посадки и прививки до высадки дерева на мѣсто, или до его продажи изъ питомника. Я предупредилъ, что по садоводству я почти профанъ, если не считать прочитанныхъ въ разное время книгъ, да только что услышанныхъ объясненій Грелля.

При имени Грелля М. А-чъ улыбнулся:

— Я его не большой поклонникъ. То что вы у меня увидите, будетъ часто прямымъ отрицаніемъ Грелловскихъ взглядовъ.

— Начнемъ съ посѣва. Какъ вы смотрите на байкальскую яблоню?

— Она недурна, но далеко не представляетъ такой важности, какъ ей приписываютъ. Всѣ сѣмена отъ дикихъ яблонь хороши. Даже культурные сорта годятся, хотя, разумѣется, ихъ дички нѣжнѣе. Во Франціи сѣмена берутъ изъ яблокъ идущихъ на сидръ.

— Посѣвъ у васъ какой?

---

[1]) «Русск. Бес.», Мартъ 1895 г.

— И осенній и весенній. Если посѣвъ осенній, грядки нужно тщательно предохранять отъ мышей и пр., для весенняго посѣва сѣмена необходимо *стратифировать*. Берутся ящики съ сырымъ пескомъ, туда кладутся слоями сѣмена и ставятся мѣсяца на два въ погребъ при температурѣ въ 2°. Затѣмъ ихъ зарываютъ въ снѣгъ и весною сѣютъ. Я предпочитаю весенній посѣвъ. Растеньица догоняютъ осеннихъ собратій и къ пикировкѣ поспѣваютъ одновременно.

— Какое значеніе имѣетъ пикировка, и не будете-ли вы любезны показать мнѣ ее на дѣлѣ?

— Я придаю пикировкѣ огромное значеніе. Безъ нея вы никогда не получите хорошей корневой системы у дерева. Яблоневый корень имѣетъ стремленіе итти рѣдькой внизъ. Изъ питомника, гдѣ пикировки не дѣлаютъ (а ее не дѣлаютъ почти нигдѣ въ Россіи) вы получаете деревцо съ хорошей кроной и скверными корнями, которое часто пропадаетъ. А вотъ не хотите ли посмотрѣть корни пикированнаго растенія.

Михаилъ Александровичъ вырвалъ первый попавшійся годовалый дичекъ изъ ближайшаго квартала, стряхнулъ землю и подалъ мнѣ. На вершокъ ниже уровня земли корень раздѣлялся на четыре отростка, изъ которыхъ каждый имѣлъ множество мочекъ.

— Развѣ такое растеніе можетъ не приняться?

Лучше объяснить было нельзя. Не даромъ же полученныя мною деревца отъ Цѣлоградова изъ Вязниковъ въ третьемъ году [1]) почти всѣ погибли, не смотря на очень тщательную посадку.

— Вы хотѣли посмотрѣть пикировку, вотъ я вамъ покажу. Яблоневые всходы уже переросли и всѣ пикированы, но это безразлично, опытъ можно сдѣлать на любомъ растеніи.

Мы сѣли на корточки. М. А-чъ взялъ палочку толщиною въ дюймъ и выкопалъ какое то маленькое растеніе съ длиннымъ корнемъ.

— Когда всходъ будетъ имѣть двѣ сѣмянодоли и выпустить два или самое большее четыре листка, растеньице необходимо выкопать изъ земли. Разумѣется мѣсто для посадки должно быть готово, перекопано и хорошо разрыхлено. Возьмите растеніе, отщипните конецъ его главнаго корня на разстояніи приблизительно равномъ половинѣ и затѣмъ сажайте непремѣнно рядами, по раздѣленному шнуру и строго соблюдая слѣдующій простой пріемъ: смотрите сюда!

М. А-чъ сдѣлалъ палочкой въ землѣ ямку приблизительно вершка въ три глубиною и, опустивъ въ эту ямку растеніе до того уровня, какъ оно

---

[1]) См. мою книгу «По русскимъ хозяйствамъ» гл. 31 и 32.

сидѣло раньше, очень ловко сдѣлалъ рядомъ тою же палочкой вторую ямку, слегка тряхнувъ палочку. Тотчасъ же рыхлыя стѣнки первой ямки обвалились и растеніе было засыпано.

Я попробовалъ сдѣлать то же самое, но удалось мнѣ это не вдругъ. А казалось бы, штука совсѣмъ простая!

— Вотъ это и будетъ зеленая пикировка. Идетъ она замѣчательно быстро. Опытный садовникъ посадитъ въ день нѣсколько тысячъ штукъ.

Пересаженное такимъ образомъ деревцо къ осени отлично укореняется и выростаетъ на $^1/_4$ и до $^1/_2$ аршина отъ земли. На слѣдующій годъ, начиная отъ 10 іюля, его прививаютъ спящимъ глазкомъ (какъ я описывалъ уже выше) и на слѣдующій, т. е. третій отъ посѣва годъ глазокъ даетъ длинный побѣгъ. Тогда дичокъ срѣзываютъ, а деревцо *прикронивають*.

Эта операція тоже очень важная, и я просилъ М. А-ча показать мнѣ ее на дѣлѣ.

Мы подошли къ одному изъ кварталовъ съ прошлогоднею прививкой, выкинувшей отъ каждаго пенька по длинному ровному хлысту.

— Видите этотъ побѣгъ: онъ имѣетъ отличный ростъ и покрытъ почками совершенно равномѣрно. Чтобы получить крону ровную и красивую, я долженъ имѣть не меньше пяти вѣтвей въ разныя стороны. Поэтому я отъ мѣста прививки отмѣчаю $1^1/_4$ аршинъ и это будетъ штамбъ. Выше штамба оставляю 6 почекъ: 5 на вѣтви, шестую въ запасъ, затѣмъ еще 7-ю на ростъ кверху и остальное обрѣзаю. На слѣдующій годъ каждая почка даетъ побѣгъ и получается правильная крона. Осенью дерево можетъ уже идти въ продажу. Это будетъ двухлѣтка съ кроной. Выведена она можетъ быть только при хорошемъ грунтѣ и правильной пикировкѣ и прививкѣ.

— Значитъ молодой сильный побѣгъ отъ глазка существенно необходимъ? Меня Грелль какъ разъ предупредилъ, что необходимо избѣгать деревцовъ съ красивыми кронами и сильными побѣгами. Они неуспѣютъ окрѣпнуть и вымерзнутъ.

— Не знаю, не знаю. Разумѣется нѣжный южный сортъ вымерзнетъ. Но зачѣмъ же такими прививать? Наши, здѣсь акклиматизованные сорта, не вымерзаютъ, да и болѣе нѣжные не вымерзаютъ, а даютъ отличныя кроны, да только стоятъ большею частію безъ плодовъ. Впрочемъ, все это вы увидите въ саду.

— Американской прививки вы не дѣлаете?

— Ни одного дичка. Ее давно всѣ бросили и Грелль дѣлаетъ большую ошибку, что ее распространяетъ. При ней дерево развивается крайне туго и болѣзненно.

Мы перешли еще нѣсколько кварталовъ и остановились передъ деревцомъ, которое я на первый взлядъ не могъ выдѣлить изъ окружающихъ, до того всѣ кроны были правильны и хороши. Оказалось, что это образцовая крона. Пять великолѣпныхъ побѣговъ располагались вокругъ ствола въ видѣ бокала почти съ геометрической правильностью.

— Вотъ такой кроны нужно добиваться отъ всѣхъ деревьевъ. Двухлѣтка съ кроной — это торжество садовода. Обыкновенно заканчиваютъ крону на третьемъ и четвертомъ году, но это неправильно.

— На которомъ году начинается плодоношеніе?

— Если вы хотите имѣть серьезныя и долговѣчныя деревья не ждите плодовъ раньше шести лѣтъ и даже не допускайте ихъ. Зачѣмъ спѣшить? Если вы будете обрѣзать крону и формировать дерево шесть лѣтъ, вы получите чудесный экземпляръ, который васъ вознаградитъ за терпѣніе. Поторопитесь, будете имѣть неправильныя, чахлыя и недолговѣчныя деревья.

Я обратилъ вниманіе М. А-ча на кварталъ съ трехъ, или четырехлѣтними привитыми яблонями очень неровной и неправильной формы.

— Это видите-ли, намудрилъ садовникъ въ годъ смерти Ивана Николаевича. Это все будетъ выкорчевано, или роздано крестьянамъ.

Кромѣ яблонь имѣются въ питомникѣ большіе кварталы грушъ, сливъ, ягодныхъ кустовъ, а также плантаціи защитныхъ и декоративныхъ деревьевъ. Покойный Гангардтъ развелъ множество прекрасныхъ экземпляровъ елей, сосенъ и кедровъ, которыя здѣсь считались совсѣмъ не по климату. Много также чудесныхъ деревьевъ тополей самыхъ разнообразныхъ сортовъ.

Подали лошадь и мы поѣхали осматривать сады.

—

VIII.

Гангардтовскіе сады.

Прочную и добрую память оставилъ по себѣ покойный И. Н. Гангардтъ своимъ садомъ. М. А. Перотте еще не расширялъ здѣсь ничего — впору только поддерживать да подсаживать эту огромную плантацію. 19½ тысячъ яблонь, полторы тысячи грушъ, четыре тысячи вишенъ занимаютъ пространство въ 105 десятинъ и разбиты на слѣдующія отдѣленія: Яблочанскій садъ (по сосѣдству съ деревней Яблочковой) въ 44 десятины, самый старый, чисто торговаго состава де-

ревьевъ. Здѣсь почти $^3/_4$ насажденій состоятъ изъ антоновки простой и антоновки-каменички (сортъ лучше вылеживающій зиму) остальная $^1/_4$ занята мѣстными корочанскими сортами: золотымъ ренетомъ, апортомъ, зеленкою крымскою и харьковскою, ананаснымъ, алебастровымъ, гранатнымъ, добрымъ крестьяниномъ, боровинкою и титовкою, а также различными сортами груши. Въ Дмитріевскомъ саду, расположенномъ на 19 десятинахъ, яблоки тѣхъ же сортовъ, но грушъ нѣтъ и деревья моложе. Вишневый садъ занимаетъ 3 десятины. Въ противуположность примитивной вязниковской культурѣ здѣсь всѣ деревья привиты и правильно разсажены, вслѣдствіе чего получается великолѣпный видъ и высокая урожайность. Сорта вишенъ: шпанка, любская. морель и крупный натъ. Про образцовый садъ я уже говорилъ.

Деревья во всѣхъ садахъ разсажены не тѣсно, на разстояніи 12 и 14 аршинъ другъ отъ друга; не только могутъ свободно распространяться корни и кроны не отбивать другъ у друга свѣта и воздуха, но пока деревья не выростутъ окончательно (имъ всего отъ 10 до 12 лѣтъ), земля между ихъ рядами находится въ правильной четырехпольной культурѣ: въ первый годъ сѣется озимь по навозу, во второй корнеплоды —сахарная свекла или картофель, въ третьемъ году яровое и на 4-й годъ клинъ поступаетъ подъ удобренный паръ.

Уходъ за деревьями превосходный. Круги вокругъ штамбовъ по діаметру кроны дерева ежегодно перекапываются лопатой, стволы два раза въ годъ смазываются смѣсью коровьяго навоза, глины и извести, что предохраняетъ отъ зайцевъ и насѣкомыхъ, а также не позволяетъ образовываться мху, кроны тщательно подрѣзаются, погибшія деревья замѣняются новыми и т. д.

Вдоль и поперекъ идутъ широкія дороги, разбивающія сады на кварталы. Болѣе крупные участки отдѣляются защитными насажденіями изъ елей, тополей и березъ, составляющихъ красивыя стѣны и аллеи. Такая же защита идетъ вездѣ вокругъ садовъ.

Нынѣшній годъ принадлежитъ къ числу самыхъ несчастныхъ. Сады не дали ничего. Весеніе туманы погубили цвѣтъ почти во всемъ Корочанскомъ уѣздѣ. Спаслись лишь сады города Корочи и немногихъ деревень. Кромѣ тумановъ, губятъ урожай яблокъ утренніе морозы, если захватятъ деревья въ цвѣту, весеннія бури, градъ и вредныя насѣкомыя. Послѣднія составляютъ поистинѣ бичъ корочанскаго садоводства.

Я обратилъ вниманіе Михаила Александровича на множество листьевъ засушенныхъ, свернутыхъ въ трубку и оплетенныхъ какъ бы паутиной.

— Это боярышница, отвѣчалъ онъ. Бабочка кладетъ яички на листъ. Червячки выводятся въ іюлѣ, растутъ довольно медленно, а на зиму свертываютъ листъ и прячутся въ него. Выходятъ они весною какъ разъ къ моменту распусканія листьевъ и иногда объѣдаютъ всѣ деревья, такъ что тѣ стоятъ голыя, какъ зимой.

Единственное спасеніе отъ этого насѣкомаго—обирать осенью зимнія квартиры червей, отлично замѣтныя на деревьяхъ по опаденіи листьевъ. Но такъ какъ бабочки относятся вѣтромъ иногда очень далеко, то необходима всеобщая повинность по истребленію боярышницы. Повинность эта будетъ трудна только первые два-три года. Объ этомъ между прочимъ ходатайствовалъ Корочанскій съѣздъ садоводовъ.

Личинка боярышницы (дневной бабочки) съѣдаетъ листья, два другихъ насѣкомыхъ, яблочная плодожорка и зимняя пяденица, портятъ фрукты и дѣлаютъ ихъ червивыми. Обѣ послѣднихъ—ночныя бабочки, почему борьба съ ними труднѣе. Плодожорку въ Германіи ловятъ ночью на фонарь, обмазанный клейкимъ веществомъ. Съ пяденицей борьба нѣсколько облегчается въ силу того обстоятельства, что самка этой бабочки не летаетъ, а взбирается на дерево по стволу. Поэтому изобрѣтены такъ называемыя ловчія кольца; вокругъ ствола дерева обвивается кольцо изъ сахарной бумаги, обмазанной особою мазью. Мазь эту, дѣйствовавшую замѣчательно хорошо и испытанную Гангардтомъ, фабриковалъ въ Кіевѣ нѣкто Модль, но съ 1892 г. этотъ Модль молчитъ на всѣ запросы садоводовъ и никто не знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось.

Я спросилъ М. А. о доходахъ этого огромнаго сада, онъ отвѣчалъ:

— Садъ давалъ небольшой доходъ еще при моемъ дядѣ. Цифръ этихъ я не знаю. У меня за два года дохода почти не было вслѣдствіе разныхъ несчастій. Но вообще этотъ садъ обѣщаетъ огромный доходъ, настолько огромный, что скупщикамъ будетъ серьезное затрудненіе. Они говорятъ, что должны будутъ соединиться въ артели, чтобы его осилить.

— Какое множество рукъ потребуется для его уборки!

— Да, тѣмъ болѣе, что трясти и обивать я не позволяю. Я допускаю только съемку ручную, или машинкой...

Мы проѣзжали образцовый садъ.

— Вотъ видите эти превосходныя здоровыя деревья, сказалъ М. А.; это все дорогія и рѣдкія заграничныя разновидности, заведенныя Иваномъ Николаевичемъ. Деревья растутъ отлично и не мерзнутъ, но въ нашемъ климатѣ даютъ плоды лишь изрѣдка. Вотъ вамъ лучшее возраженіе противъ акклиматизаціонныхъ теорій Грелля.

— Вы его теоріи совсѣмъ не раздѣляете?

— Я воздержусь отъ ихъ оцѣнки въ научномъ отношеніи. Можетъ быть Грелль отчасти и правъ. Но практически его совѣты,—подвигать къ сѣверу нѣжные сорта, причинили многимъ большіе убытки. Да и зачѣмъ это? Каждому раіону соотвѣтствуютъ естественные сорта фруктовъ. Нѣжные дорогіе сорта яблокъ и грушъ пусть разводитъ Крымъ, Кавказъ. Для насъ уже золотой ренетъ является не совсѣмъ вѣрнымъ яблокомъ: мы должны особенное вниманіе обращать на наши „зеленки", къ сѣверу отъ насъ должны разводить еще болѣе простые сорта. А Грелль согласенъ изуродовать дерево, лишь бы получить десятокъ сомнительнаго достоинства южныхъ яблокъ въ Москвѣ. Вы обратили вниманіе на его увѣренность, что можно добиться у насъ даже акклиматизованныхъ на открытомъ воздухѣ персиковъ? Онъ печаталъ объ этомъ въ своей книжкѣ и въ „Русскомъ Садоводствѣ" и многихъ увлекалъ и смущалъ. То же и съ его грушами на рябинѣ... Хотите имѣть любительскія деревца съ дорогими фруктами въ нашемъ климатѣ — разводите ихъ шпалерами или въ видѣ формовыхъ деревьевъ. Это совсѣмъ особая культура. Тутъ и дички нужны совсѣмъ другіе. Для низкорослыхъ деревцовъ и для шпалеръ необходима *райка*, особый сортъ дикой яблоньки, для среднерослыхъ *дусенъ*. Они же и для горшечной культуры. А для груши единственно—грушевые простые дички.

Мы вернулись, пробывъ въ саду $2^1/_2$ часа и все-таки не успѣвъ всего объѣхать. Часть сада на известковыхъ склонахъ была не особенно удачно посажена, деревья болѣютъ и г. Перротте замѣняетъ ихъ постепенно вишнями.

Хозяйство полевое ведется только въ саду. Остальная земля сдается въ аренду ближайшему сахарному заводу, который платитъ довольно высокую цѣну—14 рублей въ годъ за десятину кругомъ. Цѣна эта возможна только въ виду обширныхъ плантацій свеклы; на хлѣбѣ ее выручить невозможно.

Заканчивая мое письмо о Дмитріевскомъ и его миломъ хозяинѣ, не могу не упомянуть о здѣшнемъ виноградѣ. Трудно вѣрится, но это фактъ. Виноградъ здѣсь растетъ, отлично вызрѣваетъ и не мерзнетъ на открытомъ воздухѣ, правда только съ южной стороны высокихъ стѣнъ. У М. А. Перротте имъ заплетена на большую высоту длинная обращенная на югъ терраса. Виноградъ развязанъ шпалерою и весь покрытъ великолѣпными, почти дозрѣлыми кистями якобстраубе, шасла фонтенебло и другими. До морозовъ еще далеко и виноградъ, не смотря на дождливое лѣто, навѣрно выспѣетъ.

Въ ближайшемъ будущемъ въ Дмитріевскомъ М. А. Перротте открываетъ школу садоводства съ субсидіей отъ Министерства Земледѣлія. Въ принципѣ этотъ вопросъ уже рѣшенъ. Для школы имѣется прекрасный домъ, выстроенный еще покойнымъ Гангардтомъ. Лучшаго мѣста и условій для учебнаго заведенія по садоводству трудно и придумать.

Мы разошлись на ночлегъ рано и въ 5 ч. утра М. А. лично разбудилъ меня, чтобы ѣхать въ Корочу.

IX.

На земской опытной станціи Н. И. Кичунова.

Короча—это и для уѣзднаго города нѣчто совершенно неприличное. Длинная улица „на вылетъ“, нѣсколько поперечныхъ улицъ, соборъ, острогъ, площадь съ подобіемъ гостинаго двора, нумера съ вывѣскою „отъ 25 коп. до 1 рубля“, невылазная, какая то особо топкая и скользкая грязь и многочисленныя свиньи на улицахъ. Вотъ что такое Короча географическая. Но часто подъ жалкой внѣшностью скрываются перлы.

Я конечно безъ всякаго труда отыскалъ „Земскую фруктово-консервную опытную станцію“, помѣщающуюся въ небольшомъ симпатичномъ собственномъ домикѣ, и имѣющую собственный питомникъ, да не одинъ, а цѣлыхъ три, на собственныхъ участкахъ, постепенно пріобрѣтенныхъ земствомъ по мѣрѣ расширенія станціи.

На станціи, въ большой комнатѣ, представлявшей не то кладовую, не то лабораторію, съ виннымъ прессомъ, вѣсами, химическими колбами и ретортами я засталъ завѣдующаго, Николая Ивановича Кичунова, высокаго худощаваго молодого человѣка, садовода по страсти и спеціальности, ученика знаменитаго Гете, не того Гете, что написалъ „Фауста“, а Рихарда Гете со славою профессорствующаго на Рейнѣ, въ Гейзенгеймскомъ помологическомъ институтѣ, извѣстномъ своею станціею консервовъ и фруктовыхъ винъ.

Этому Н. И. Кичунову Корочанское земство сначала поручило изслѣдованіе садоводства въ уѣздѣ; по окончаніи и отпечатаніи этой работы земство задержало у себя на службѣ неутомимаго изслѣдователя, назначило ему постоянное содержаніе и дало средства какъ для устройства питомника и станціи, такъ и для курсовъ садоводства, устроенныхъ 1892 году для 50 народныхъ учителей Курской губерніи. Вслѣдъ за этими курсами и пошли по Корочанскому уѣзду школьные сады и питомники.

На станціи шла горячая работа. Сортировались и укладывались для отсылки на выставку въ Петербургъ коллекціи плодовъ, маринадовъ, сироповъ, вареній, сушенныхъ фруктовъ и наконецъ ягодныхъ шипучихъ и нешипучихъ винъ. Станція существуетъ всего два года, дѣло, какъ видите, совсѣмъ молодое, но выставкой необходимо воспользоваться, чтобы укрѣпить и возвысить значеніе станціи и показать земцамъ осязательные успѣхи.

Обрадовался мнѣ Николай Ивановичъ очень. Оказывается, что въ Корочѣ противъ него и земской станціи ведется въ самомъ лонѣ земства сильная агитація и какъ вы думаете, на какую тему? И безъ того „младшій братъ“ избаловался, дескать отъ яблочныхъ доходовъ, и безъ того не хочетъ работать на землевладѣльцевъ. Если завести школьные сады и еще увеличить доходы отъ крестьянскаго садоводства, помѣщикамъ придется продавать имѣнія и бѣжать.

Представители этихъ слишкомъ ужъ откровенно-шкурныхъ воззрѣній долгое время господствовали въ земствѣ. Въ ихъ время Короча обзавелась классическою гимназіею (!) обошедшеюся уѣзду донынѣ свыше чѣмъ въ 400 т. р. главнымъ образомъ крестьянскихъ денегъ и проведшею черезъ свои стѣны двухъ учениковъ-крестьянъ, изъ которыхъ одинъ умеръ, другой гдѣ-то состоитъ врачемъ.

Но эта партія наконецъ должна была уступить мѣста новымъ дѣятелямъ съ совершенно иными взглядами. За какихъ нибудь три года Корочанское земство успѣло сдѣлать для хозяйства населенія столько, сколько предъидущіе дѣятели не сдѣлали и за двадцать лѣтъ. Ясно, что для озлобленной агитаціи предлоговъ болѣе, чѣмъ достаточно, и въ самый центръ этой агитаціи нечаянно попалъ г. Кичуновъ.

Я разумѣется, отнесся къ его сомнѣніямъ съ самымъ горячимъ участіемъ. Прошли мы въ питомники, гдѣ въ маленькомъ видѣ практиковалось тоже самое и съ такою же тщательностію, какъ у Перротте, съ которымъ, кстати говоря, Н. И. состоитъ въ близкихъ и дружескихъ сношеніяхъ. Сдѣланы посѣвы дичковъ, выписано и окулировано много готовыхъ для продажи и раздачи въ школы, устроенъ образцовый огородъ и даже разведено множество цвѣтовъ. Вдоль сѣверной стѣны загороди посажена цѣлая коллекція сортовъ винограда. Кичуновъ, какъ и Перротте признаетъ, что культура винограда вполнѣ возможна на открытомъ воздухѣ въ южной части Курской губерніи, разумѣется, подъ защитою стѣнъ.

— Во сколько обошлось земству устройство станціи и питомника? спрашиваю я.

— Губернское собраніе дало заимообразно 6000 руб. безъ процентовъ съ погашеніемъ изъ доходовъ питомника, или изъ смѣты уѣзднаго собранія. Затѣмъ мнѣ дали на 3 года по 500 руб. на стипендіатовъ, т. е. на уплату содержанія работающимъ при станціи ученикамъ. Я лично получаю жалованье отъ уѣзднаго земства. Для станціи куплена вотъ эта усадьба съ домами. Питомникъ необходимо вести на коммерческихъ основаніяхъ, и я надѣюсь, что со временемъ онъ будетъ покрывать расходы по содержанію себя и станціи. Но главное, надо удешевить деревца и сдѣлать ихъ доступными для самыхъ бѣдныхъ крестьянъ. Я надѣюсь имѣть возможность хорошую двухлѣтку съ кроной продавать по 20 коп., или даже по 15.

Я забылъ своевременно упомянуть, что у Перротте изъ питомниковъ отпускаются яблони и груши: однолѣтнія привитыя, но безъ кроны, по 20 к. штука, двухлѣтки по 30, трехлѣтки по 40 коп. Цѣны крайне дешевыя.

— Имѣйте въ виду, что доходъ отъ питомника сильно уменьшается тѣмъ, что дички и присадки мы должны раздавать въ школы даромъ. Неудобно же, вы согласитесь, брать деньги съ бѣдняковъ, школьныхъ учителей.

Мы осмотрѣли въ подробностяхъ питомники и огороды Н. И. Кичунова и возвратились на его квартиру, заключающуюся въ одной, болѣе чѣмъ скромной комнаткѣ, тутъ же въ земскомъ домѣ при станціи. Въ этой же комнаткѣ канцелярія и контора станціи. Помощниковъ у г. Кичунова никакихъ нѣтъ.

— Скажите, спрашиваю я, населеніе относится къ вамъ довѣрчиво?

— Очень. Я хорошо съ нимъ ознакомился еще во время изслѣдованія. Въ мои знанія повѣрили, это очень важно, и ко мнѣ являются за совѣтами и разными справками. Затѣмъ приходится много разъѣзжать. Какъ земскій садоводъ, я вѣдь обязанъ являться во всѣ сады уѣзда, куда бы ни потребовалось.

— А что было раньше, до васъ?

— Курьезныя вещи засталъ я здѣсь. Знаете ли, что крестьяне по началу до того меня боялись, что во многихъ мѣстахъ ничего не хотѣли говорить? Имъ все представлялось, что послѣ „описи“ ихъ сады обложатъ налогомъ. Въ одномъ большомъ селѣ меня даже заставили формально присягнуть, что я описываю не ради новаго налога. Пришлось поклясться передъ образомъ, и тогда мнѣ все разсказали очень подробно и добросовѣстно. Но это уже прошло и теперь мы вполнѣ спѣлись. Земскія деревца въ большой славѣ. Ненавидятъ нашу станцію только развѣ мѣстные пепиньеристы-мѣщане. Это страшные мошенники. На-

вертитъ пакли на корень, замочитъ въ черноземномъ растворѣ и кричитъ на базарѣ: что вы тамъ хвастаетесь своимъ Кичуновымъ, что у него деревья пикированы? Вотъ вамъ корни!

— У меня къ вамъ двѣ просьбы; во-первыхъ, вы мнѣ подробно разскажете про ваши консервы—надѣюсь это не секретъ?

— На земской то станціи? Что вы!

— Во вторыхъ, не съѣздите ли вы со мной въ одну изъ сельскихъ школъ, чтобы посмотрѣть школьный питомникъ?

— Съ удовольствіемъ. Такое село какъ разъ по близости Корочи, въ 7 верстахъ. Это Поповка. Тамъ и учитель замѣчательный. Онъ первый завелъ питомникъ, очень увлекся дѣломъ и уже готовитъ что-то на выставку въ Петербургъ.

— Надо нанять лошадей.

— Зачѣмъ? Мы поѣдемъ на земскихъ. Мнѣ все равно было нужно ѣхать въ Поповку.

Послали за земскими лошадьми, а тѣмъ временемъ я выслушалъ и записалъ что могъ о консервномъ и фруктово-винномъ дѣлѣ. Лекція сопровождалась пробами различныхъ фруктовыхъ винъ, превосходныхъ, говоря по правдѣ.

Такъ какъ мы почти не имѣемъ хорошихъ руководствъ по винамъ и консервамъ, то я увѣренъ, что читатели будутъ мнѣ благодарны за нѣсколько рецептовъ, которые со словъ Н. И. я и изложу въ слѣдующемъ письмѣ.

X.

Фруктовое вино и консервы.

„Корочанская земская опытная фруктово-консервная станція“, — такой титулъ напечатанъ на этикеткахъ бутылокъ и банокъ подъ традиціоннымъ гербомъ г. Корочи, тремя яблоками на золотомъ полѣ, — посылаетъ въ Петербургъ на выставку: сидры, не шипучія вина изъ мѣстной вишни и смородины и шипучія изъ смородины и крыжовника, а также разнообразные сиропы и варенья, компоты изъ фруктовъ, сахарные и ромовые, и маринады изъ фруктовъ и ягодъ.

Все это сдѣлано образцово, имѣетъ чрезвычайно парадную внѣшность и превосходный вкусъ.

Начали мы экспертизу съ двухъ полубутылокъ смородиннаго и крыжовничнаго шампанскаго. Это не то, что приготовляетъ Ланинъ въ въ Москвѣ подъ названіемъ „фруктовыхъ водъ“, гдѣ углекислота накачивается, а вмѣсто фруктъ кладутся разныя эссенціи; это настоящее натуральное вино, естественно бродившее въ бочкѣ и *добродившее* въ бутылкахъ, вино съ 10% содержаніемъ алкоголя, образовавшагося изъ сока, а не добавленнаго. Уже однихъ этихъ полубутылочекъ достаточно, чтобы тронуть самыя черствыя земскія сердца. Н. И. Кичуновъ оказался замѣчательнымъ политикомъ. Онъ началъ, кажется, съ этихъ шампанскихъ и земская станція тотчасъ же стала желаннымъ пунктомъ благочестивыхъ паломничествъ:

— Ну, какъ ваши деревца, прививки, Николай Ивановичъ?

А мальчикъ-ученикъ уже подаетъ земцу пробовать „земское шампанское“.

Стоитъ это пустяки, а результаты блестящіе.

Въ самомъ дѣлѣ, это смородинное шампанское отличная вещь. Нѣжное пріятно кисловатое, искрится и шипитъ. 10% алкоголя дѣйствуютъ довольно сильно, но вино совершенно чистое и поэтому голова не болитъ и желудокъ не разстраивается. Крыжовничное на мой вкусъ хуже: букетъ его грубоватъ. Жаль только, что въ смородинное кладется ваниль, которую не всѣ любятъ. Впрочемъ, это рецептъ Гёте, отъ котораго Кичуновъ не отступаетъ.

— Разскажите какъ вы ихъ дѣлаете? Очень это хитро и сложно?

— Совсѣмъ нѣтъ. Я увѣренъ, что вы сами у себя въ деревнѣ сдѣлаете безошибочно. Вотъ рецептъ Гёте:

Выжмите сокъ изъ смородины или крыжовника. Разбавьте его водой по расчету 2 литра воды на одинъ литръ сока и прибавьте 1 килограммъ сахару и по вкусу ванили въ видѣ сиропа (карамельнаго). Въ маленькомъ видѣ (бутылокъ на 20) слейте все въ каменный поливанный сосудъ и оставьте бродить при комнатной температурѣ. Отъ 4 до 6 недѣль будетъ продолжаться бурное броженіе. Затѣмъ оно станетъ утихать и жидкость освѣтляться и отстаиваться. Слейте ее сифономъ въ маленькій боченокъ, плотно закупорьте пробкой, а сквозь пробку пропустите стеклянную изогнутую трубочку для выпуска газовъ и наружный конецъ этой трубочки опустите въ стаканъ съ водою. Газъ будетъ *булькать* пузырьками изъ подъ-воды и когда это бульканье кончится, разливайте въ бутылки, бросьте въ каждую кусочекъ пиленаго сахара, закупоривайте обвязывайте проволокой, окуните головку бутылки въ расплавленную смолу и выдержите въ погребѣ мѣсяца два-три. Куска сахару будетъ доста-

точно для большого количества газа. Если сахару не положить, вино будетъ простое, а не шипучее. Вотъ вамъ и все.

— Развѣ необходимо разбавлять водой?

— Всѣ ягодные соки. Иначе при броженіи получится кисель. Вообще добавка сахару и воды дѣлается затѣмъ, чтобы приблизить ягодный сокъ къ характеру и составу виноградного. Это называется *галлизація*.

Мы перешли къ компотамъ. Я взялъ банку великолѣпнаго грушеваго компота, чрезвычайно красиво уложеннаго и съ совершенно бѣлыми плодами и сокомъ.

— Какъ вы это дѣлаете? И какая это груша?

— Груша—мѣстная маликовка. Очистите грушу, вырѣжьте коробочку съ зернами и сейчасъ же бросьте въ воду, подкисленную лимонной кислотой, иначе мясо побурѣетъ. Затѣмъ приготовьте сиропъ, какъ на варенье, но самой слабой концентраціи (сиропъ долженъ свободно течь съ ложки), кладите груши и варите, но отнюдь не до спѣлости. Пробуйте соломинкой, снимайте пѣну. Затѣмъ остудите, разложите покрасивѣе въ банки, залейте сиропомъ, закупорьте и *стерилизуйте*, т. е. закупоренную банку прокипятите часъ въ водѣ или продержите въ ваннѣ надъ горячимъ паромъ.

— Откуда у васъ банки?

— Это банки системы Шиллера. Получаю я ихъ отъ Лимана и Рикса изъ Риги.

Ромовый компотъ приготовляется такъ же, но въ сиропъ прибавляется $^{1}/_{4}$ по объему рома, почему и стерилизація является совершенно излишней.

Мы перешли къ уксуснымъ маринадамъ: здѣсь были приготовленные отдѣльно: вишни, сливы, райскія яблочки, груши, смородина на вѣточкахъ.

— Уксусъ у васъ какъ приготовляется?

— Уксусъ — обыкновенная эссенція. Я беру 5 частей сиропа малой концентраціи на 4 части средней крѣпости разведеннаго изъ эссенціи уксуса. Все это варится съ корицей, гвоздикой, лавровымъ листомъ и англійскимъ перцемъ, и горячимъ растворомъ обливаются уложенные въ банкахъ фрукты и ягоды. При этомъ вишня, смородина и слива кладутся сырыми, райское яблочко ошпаривается предварительно кипяткомъ, а яблоки и груши немного проваpиваются.

— Сиропы ваши какъ дѣлаются?

— Отжимаемъ фруктовые соки и увариваемъ ихъ съ сахаромъ. Затѣмъ даемъ отстояться въ высокихъ сосудахъ, разливаемъ по бутылкамъ и запечатываемъ.

Фруктовыя вина могли бы имѣть у насъ большую будущность, но къ сожалѣнію, съ ихъ приготовленіемъ почти никто изъ нашихъ сельскихъ жителей не знакомъ. Между тѣмъ, на мѣстахъ можно имѣть смородину по 50 коп. за пудъ, вишни по 40 коп. Я уже и не говорю про сидръ. Его у насъ совсѣмъ не знаютъ, между тѣмъ какъ это замѣчательно гигіеническій напитокъ, особенно для страдающихъ желудкомъ и малокровныхъ, такъ какъ яблоки содержатъ много желѣза.

Въ послѣднее время пошли слухи о предположеніи нашего финансоваго вѣдомства обложить акцизомъ виноградное и фруктовое вино. Необходимо это будто бы не столько для дохода казнѣ, сколько ради борьбы съ фальсификаціей и изъ опасенія, чтобы при нынѣшней дорогой водкѣ и вводимой понемногу питейной монополіи, виноградныя и ягодныя вина не сдѣлались серьезными конкуррентами хлѣбному вину и не убавили казенныхъ доходовъ.

Это не въ шутку, а серьезно говорилось въ одной изъ коммисій.

Конкуррентами хлѣбному вину!.. да объ этомъ молиться нужно, свѣчи ставить, а не „опасаться“!

Вы вообразите только, какъ перемѣнится картина русской деревни, если у каждаго мужика въ подвалѣ будетъ свой боченокъ сидра, какъ въ Нормандіи, а кабаки хоть немного порѣдѣютъ...

Да и виноградорство у насъ слишкомъ молодое и едва устанавливающееся дѣло. Акцизъ никакой фальсификаціи не остановитъ, а винодѣліе можетъ убить.

Я настаивалъ, чтобы Н. И. Кичуновъ непремѣнно вошелъ въ сношенія съ однимъ изъ крупныхъ петербургскихъ погребовъ и посылалъ туда свои вина.

— Надѣюсь попытаться въ будущемъ году. Теперь у насъ идутъ пробы и настоящаго винодѣлія еще не начиналось.

Подали земскихъ лошадей и мы двинулись въ Поповку смотрѣть школьный питомникъ.

XI.

Школьный садъ и питомникъ.

Поповка отстоитъ отъ Корочи въ 9 верстахъ и добрыя земскія лошади довезли насъ туда довольно скоро. По срединѣ большой площади, противъ церкви, на самомъ видномъ мѣстѣ помѣщалось довольно про-

сторное и чистое школьное зданіе съ квартирой для учителя. Подобныя зданія по направленію моего пути попадались довольно часто, то выстроенныя, то еще въ постройкѣ. Оказалось, что инициатива какъ по возведенію хорошихъ помѣщеній для школъ, такъ и по отводу земли подъ школьные сады принадлежитъ мѣстному земскому начальнику. Очень сожалѣю, что не записалъ имени этого почтеннаго дѣятеля. Онъ же устраиваетъ по школамъ библіотеки и покровительствуетъ народнымъ чтеніямъ, которымъ начало, такъ же, какъ и школьнымъ садамъ, положено здѣсь, въ Поповкѣ.

Насъ встрѣтилъ учитель школы, Никифоръ Петровичъ Бѣликовъ, и провелъ къ себѣ на квартиру, въ очень уютную комнату съ порядочнымъ запасомъ книгъ преимущественно по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Надо было переждать неожиданно наскочившую тучу, разразившуюся хорошей степной грозой и поэтому, прежде чѣмъ идти въ садъ и питомникъ, мы осмотрѣли училище и выслушали разсказъ о народныхъ чтеніяхъ.

Большая школьная комната, чисто выбѣленная, можетъ вмѣщать до 50, или 60 учениковъ довольно свободно. Но когда Бѣликовъ сталъ устраивать чтенія, сбѣгалось чуть не все село; разумѣется приходилось всѣмъ стоять, чтобы помѣститься желающимъ, но и набитая биткомъ зальца на можетъ вмѣстить болѣе полутораста человѣкъ. Остальнымъ приходилось уходить домой. Вслѣдствіе этого по соглашенію съ мѣстнымъ священникомъ, чтенія духовно-нравственнаго содержанія начали переносить въ церковь.

— Что вы читали преимущественно? спрашиваю я.

— Мы можемъ читать, разумѣется только брошюры спеціально одобренныя коммиссіею народныхъ чтеній. Выборъ ихъ недуренъ.

— Фонаря у васъ нѣтъ?

— Помилуйте! Я и такъ боюсь, какъ бы моя публика не разломала школы или кого-нибудь не задавили, а съ фонаремъ я себѣ и представить не могу, что бы было.

— Разскажите мнѣ про обстановку вашихъ чтеній.

— О! У насъ обстановка очень торжественная. Приходитъ батюшка, читаетъ вступительную молитву, затѣмъ поетъ что нибудь хоръ (завѣдуемый тоже Бѣликовымъ). Затѣмъ читаю я, или священникъ, и опять поетъ хоръ. Въ церкви это выходитъ еще торжественнѣе, потому что вмѣщается больше народу.

При здѣшней же школѣ положено основаніе и первой народной библіотекѣ. Выучившимся грамотѣ нечего читать и эта нужда вызвала первую покупку небольшого запаса книжекъ преимущественно Сытинскаго

изданія. Совершенно забывающихъ грамоту, однако, почти нѣтъ. Любопытно, что когда Бѣликовъ вздумалъ устроить воскресные повторительные курсы для взрослыхъ, явились чуть не всѣ наличные поповцы, прошедшіе въ свое время школу, и занимались съ примѣрнымъ трудолюбіемъ.

Небо прояснилось и мы пошли въ питомникъ, устроенный на той же площади въ лучшемъ мѣстѣ села. Подъ него по мірскому приговору было отведено $^1/_2$ десятины земли. Огородилъ, засадилъ и воздѣлалъ его самъ Бѣликовъ, своими руками, при помощи учениковъ и сельчанъ добровольцевъ.

Садъ раздѣленъ широкой чистой дорожкой на двѣ половины. Слѣва помѣщается совсѣмъ еще молодой питомникъ, заложенный въ 1892 году, но уже имѣющій порядочныя деревца, отлично привитыя и съ хорошими кронами: груши, яблони, вишни, ренклоды и сливы. Справа уже посаженныя на мѣста деревца, ягодные кусты, насажденія разныхъ древесныхъ породъ, преимущественно акаціи, и огородъ съ очень порядочною бахчею. Тутъ же помѣщается небольшая пасѣка.

Никифоръ Петровичъ, воспитанникъ Курской учительской семинаріи, садоводство прошелъ на курсахъ Н. И. Кичунова, пчеловодство по книжкѣ и затѣмъ, обращаясь за разными вопросами и сомнѣніями на земскую станцію и продѣлывая множество опытовъ своими руками, сталъ въ два года практики настоящимъ садоводомъ. Онъ уже не слѣпо слушаетъ своего ментора, но дѣлаетъ и самъ очень почтительныя, но серьезныя возраженія.

Тутъ, въ этомъ питомникѣ, я впервые увидалъ, между прочимъ, сравнительные результаты американской прививки. Бѣликовъ показалъ нѣсколько однолѣтокъ привитыхъ въ корень рядомъ съ другими, привитыми обыкновеннымъ спящимъ глазкомъ. Въ то время, какъ послѣдніе дали превосходные, сильные побѣги и уже были готовы подъ крону, отъ корня американскихъ прививокъ едва поднимались маленькіе тоніе прутики съ 5—6 листками, не больше.

— Какое впечатлѣніе производитъ вашъ питомникъ на населеніе?

— Объ этомъ трудно сейчасъ судить, но интересуются крестьяне очень. Я еще не могу ничего продавать, но я увѣренъ, что какъ только откроется продажа, у меня съ руками оторвутъ всѣ деревца, потому что охотниковъ очень много.

— Ваши дички пикированы?

— Разумѣется.

— А сорта у васъ какіе?

— Сорта подходящіе къ мѣстности, какіе были рекомендованы съѣздомъ садоводовъ въ Корочѣ: антоновка, крымская и харьковская зеленки, золотой ренетъ и другіе.

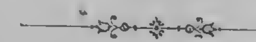
Какъ питомникъ, такъ и посаженныя деревца производили самое пріятное впечатлѣніе. Видно было, что г. Бѣликовъ преданъ своему дѣлу страстно. На выставку плодоводства въ Петербургъ онъ представляетъ коллекцію мѣстныхъ фруктовъ и нѣсколько выращенныхъ имъ деревцовъ. Можетъ быть, въ чемъ нибудь и отстанутъ эти деревца отъ великолѣпныхъ экземпляровъ и коллекцій, которые пришлютъ патентованные садоводы, но велико нравственное значеніе этого скромнаго экспоната и грѣхъ будетъ распорядителямъ выставки, если присылъ изъ перваго (если не ошибаюсь) русскаго сада при народной школѣ пропадетъ въ общей массѣ выставленнаго.

Я уѣхалъ, унося самое отрадное впечатлѣніе отъ этой школы и ея сада. Чувствовалось, что вмѣстѣ съ этими маленькими деревцами подростаетъ и поднимается наконецъ изъ земли настоящее дѣло, настоящая культура, выростаетъ одновременно сила и значеніе русскаго народнаго учителя.

Дождемся ли мы того счастливаго времени, когда при каждой нашей народной школѣ будетъ не только свой садъ и огородъ, но и свой полевой участокъ, свое собственное хозяйство и нашъ учитель будетъ настоящимъ носителемъ культуры во всѣхъ значеніяхъ этого слова?

Только на почвѣ земледѣлія и связанныхъ съ нимъ побочныхъ культуръ, какъ огородничество, садоводство, пчеловодство и пр. станетъ русская сельская школа настоящимъ центромъ русскаго просвѣщенія и получитъ тотъ характеръ не книжнаго, а живаго дѣла, который ей такъ долго не давался. Честь и слава тѣмъ земскимъ людямъ, которые уже положили къ тому прочное начало.

Сергѣй Шараповъ.

ОБЩИНА *).

Духъ общины—сила русскаго народа.
Имъ жива и вѣчно будетъ жить свобода.
Загляните въ книгу̀ славнаго былого,
Скажетъ вамъ община совѣстное слово.
Стягъ ея держали крѣпко въ мощной длани
Наши предки, Божьей милостью, славяне.
Видѣлъ въ ней святыню высшей благодати
Витязь—представитель богатырской рати.
Съ братьями меньшими, гордымъ, непреклоннымъ,
Ѣхалъ онъ побиться съ ворогомъ исконнымъ,
На родномъ просторѣ, на широкомъ полѣ,
Поискать завидной молодецкой доли
И сложить на этомъ—безъ крестовъ—погостѣ
Буйную головку, могутныя кости...
Родъ общинныхъ братьевъ на Руси ужь вымеръ;
Процвѣталъ онъ пышно, когда князь Владимiръ
Въ Кiевѣ великомъ, во престольномъ градѣ,
Богомъ просвѣтленный, вѣры въ Бога ради,
Со своимъ народомъ воспрiялъ крещенье...
Самъ народъ—общины Божьей воплощенье.
Онъ покоренъ волѣ, высшей волѣ царской,
Подкрѣпленный смѣлой думою боярской.

---

[1]) Стихотворенiе Н. А. Панова «Община» было уже напечатано въ «Колосьяхъ». Въ виду малой распространенности этого изданiя и прекрасной мысли этого стихотворенiя, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующей духу и цѣлямъ нашего изданiя, мы охотно воспроизводимъ его на страницахъ Русской Бесѣды и совершенно увѣрены, что читатели наши за это на насъ не посѣтуютъ.

Сонмъ правдивыхъ судей—наша оборона—
Сильная община мудраго закона.
Бѣдствіе-ль постигнетъ, нападетъ-ли ворогъ,
Шагъ, полезный дѣлу, для отчизны дорогъ;
Каждый членъ общины, чуждый укоризны,
Защищаетъ стойко честь своей отчизны
Иль на полѣ брани падаетъ геройски...
Вѣчно духъ общины—въ православномъ войскѣ!
Незабвенный Мининъ въ трудную годину
Призывалъ къ спасенью родины общину.
Онъ вѣщалъ: «нѣтъ денегъ, чтобы рать свободно
Снарядить на битву... Господу угодно
Испытать насъ гнѣвомъ. Гибнетъ Русь! Но все мы
Продадимъ: пожитки и добро, и домы;
Женъ, дѣтей заложимъ, милые, коль скоро
Намъ казны не хватитъ, только-бъ изъ позора
Выручить отчизну въ пору роковую...
Братья, защитимъ же нашу Русь святую»!
Это-ль не община? И въ старинномъ вѣчѣ,
И въ быту казацкомъ Запорожской сѣчи,
И въ простой артели, и въ пиру веселомъ...
Все она—община! Городамъ и селамъ
Не цвѣсти богатствомъ, счастьемъ и покоемъ,
Ежели общину какъ-нибудь разстроимъ!
Въ жизни и природѣ мы, дивясь—какъ чуду,
Не одно-ль и то же обрѣтемъ повсюду?
Небо—Царство Божье, а земля—дружина,
Божій храмъ—община и весь міръ—община!

Н. Пановъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Читраль и первые плоды Англо-Русской дружбы.

Amicus Plato, sed magis amica est veritas.

Что такое Читраль и ради чего Англія нашла нужнымъ послать туда такой значительный отрядъ, причемъ по *странному* совпаденію отрядъ этотъ выступилъ изъ Пешавора именно въ день офиціальнаго сообщенія о заключеніи Памирскаго договора, — вопросы весьма для насъ любопытные.

Наша литература о Средней Азіи чрезвычайно богата, но будучи спеціально военной мало распространяется, а потому свѣдѣнія въ обществѣ о нашихъ пограничныхъ съ Англіей и англійскихъ пограничныхъ съ нами владѣніяхъ, равно какъ и о событіяхъ, тамъ происходящихъ, и для насъ далеко не безразличныхъ, — смутны и неопредѣленны.

Первыми піонерами и описателями въ Англіи являются также военные изслѣдователи, но вслѣдствіе другихъ условій, а главное благодаря тому, что завоеванный, или занятый Англичанами край немедленно начинаетъ эксплоатироваться коммерческимъ элементомъ метрополіи, — свѣдѣнія о далекихъ окраинахъ и вообще литература о нихъ — въ Англіи весьма популярна и не составляетъ по этому достоянія исключительно военныхъ и ученыхъ.

Вскорѣ послѣ знаменитаго сраженія при р. Кушкѣ, десятилѣтіе котораго войска Закаспійской области съ полнымъ правомъ могли недавно отпраздновать, послѣ этого добраго урока Авганцамъ (а вѣрнѣе Англичанамъ), наши новые друзья не на шутку готовились, какъ извѣстно, къ войнѣ съ нами и вниманіе ихъ естественно было обращено на Памиръ и Читраль, черезъ которые ведутъ наши дороги въ Индію.

Экспедиція полковника (нынѣ генералъ-маіора) Іонова — только усилила это вниманіе.

Изъ нашихъ предѣловъ въ Индію идутъ два пути и оба — древнія и торныя дороги.... Первая изъ Ферганы проходитъ черезъ Алтай, по рѣкѣ Акъ-Байталъ, затѣмъ мимо урочища Рабатъ-Акъ-Таша выходитъ

на Аму-Дарью, слѣдуетъ по ней и черезъ перевалъ Іонова вступаетъ въ Кашмиръ, а черезъ перевалъ Барапшъ (Англичане завутъ его Dora-Pass) въ Читраль; второй путь изъ Кашгара черезъ Тапсъ Курганъ и Акъ-Ташъ выходитъ на тѣже перевалы черезъ Гиндукушъ, который составляетъ сѣверную границу Читраля.

Такимъ образомъ наши ворота въ Индію (Барапшъ, или Dora-Pass), природою прорубленныя въ Гиндукушѣ, выходятъ прежде всего въ Читраль, а потому владѣть таковымъ, а слѣдовательно переваломъ Дора — воротами — для Англичанъ сдѣлалось необходимостью первостепенной важности.

Не далѣе какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ минувшаго года, въ засѣданіи Королевскаго Географическаго Общества, въ Лондонѣ, познакомилъ Англичанъ съ Кафиристаномъ вообще, а съ Читралемъ въ частности докторъ Робертсонъ, заключеніе котораго вмѣстѣ съ эскортомъ нынѣ въ крѣпости Читраля послужило поводомъ (но не причиною, конечно) къ экспедиціи въ Читраль четырнадцати тысячнаго отряда Англо-Индійскихъ войскъ. 25-го марта наст. года, въ засѣданіи того-же общества, болѣе подробно познакомилъ Англичанъ съ Читралемъ, только что вернувшійся изъ Индіи, бывшій два года британскимъ въ Читралѣ резидентомъ, капитанъ Янгъгесбендъ (*Ioungkusbend*).

Изъ доклада почтеннаго полу-военнаго, полу-дипломата, полу-ученаго заимствую только нѣкоторыя, имѣющія непосредственное отношеніе, къ настоящей статьѣ, свѣдѣнія, такъ какъ мало извѣстный, къ сожалѣнію, трудъ маіора Biddulph'a „The Tribes of the Hindoo Koosh", даетъ намъ свѣдѣнія болѣе достовѣрныя и основательныя.

Читраль, находящійся какъ и сосѣдніе Хунза и Нагаръ между нашими владѣніями на Памирѣ и англійскими въ Индіи и расположенный на южныхъ склонахъ Гиндукуша, — страна исключительно горная, при общей высотѣ надъ уровнемъ моря отъ 5 до 7 тысячъ футовъ. При средней высотѣ горъ въ 13 и 14 тысячъ футовъ, а вершинъ, достигающихъ 25 тысячъ, — долины чрезвычайно глубоки и только въ нихъ встрѣчается болѣе или менѣе порядочная растительность, горы же положительно безплодны.

Въ этихъ горахъ, куда еще такъ недавно не проникала нога европейца - изслѣдователя, живутъ въ полномъ смыслѣ слова *первобытные* народы, благодаря своей въ нихъ замкнутости втеченіе многихъ столѣтій, сохранившіе въ полной неприкосновенности свой типъ, обычаи и воинственность, которая поддерживается непрестанной борьбою съ сосѣдними племенами.

Характеръ жителей также суровъ какъ и природа. Разница между средней, лѣтней и зимней температурами довольно рѣзкая,—въ Читралѣ лѣтомъ термометръ (Фаренгейта) подымается до 100°, въ Гильгитѣ до 110°, а зимою капитанъ Янгъгесбендъ наблюдалъ 15 и 20° ниже нуля.

Городъ Читраль (столица носитъ одно имя со страною), расположенный на двухъ берегахъ рѣки Кунара, не далеко отъ ея сліянія съ Кабуломъ, состоитъ изъ шести селеній, разбросанныхъ на протяженіи 3 миль по рѣкѣ.

Берега рѣки соединены прекраснымъ мостомъ, защищаемымъ съ обѣихъ сторонъ каменными башнями; въ полумилѣ отъ него, на правомъ берегу, построена крѣпость, если не сильная своими фортификаціонными сооруженіями, то почти неприступная благодаря природѣ, почему башни форта Читральскаго ниже и слабѣе таковыхъ-же въ фортахъ, имѣющихся въ каждомъ селеніи страны, что уже доказываютъ воинственныя наклонности Читральцевъ, хотя К. Янгъгесбендъ въ докладѣ своемъ и сообщалъ, что населеніе вообще мирнаго характера, при чемъ относилось съ полнымъ довѣріемъ къ Англичанамъ видя, что они не вмѣшиваются въ ихъ внутреннія дѣла. Почтенный лекторъ несомнѣнно забылъ, что въ предисловіи къ докладу назвалъ себя *однимъ изъ немногихъ, вернувшихся здравыми и невредимыми изъ этого разбойничьяго гнѣзда* [1]).

Докладъ свой военный дипломатъ закончилъ указаніемъ на чрезвычайно важное, для Британіи, политическое и стратегическое значеніе страны, которое съ каждымъ годомъ будетъ рости (?), причемъ значеніе это видитъ, главнымъ образомъ *въ непроходимости и безплодности* страны, т. е. иначе говоря въ тѣхъ препятствіяхъ, которыя встрѣтитъ Россія въ случаѣ ея движенія на Индію, ибо по мнѣнію лектора *„если когда либо вспыхнетъ нежелательная война между дружными нынѣ, — первою въ мірѣ сухопутною державою и владычицей морей — Англіей, то именно Читраль долженъ быть и будетъ театромъ военныхъ дѣйствій“*. Быть можетъ,—но маіоръ Biddulph говоритъ намъ, что на всемъ протяженіи между Читраломъ и Пешаверомъ, (до сихъ поръ передовымъ пунктомъ Англіи въ Индіи, къ сѣверу) *дороги колесныя и прекрасныя*..... Тяжелы дороги безусловно *на нашемъ Памирѣ*, но разъ политическія обстоятельства и воля нашего Державнаго Вождя укажутъ намъ путь на югъ, — войска пере-

---

[1]) Hayward убитъ въ Ясинѣ, въ 1870 году; въ Гильгитѣ не такъ давно убитъ полковникъ Дюранъ,—судьба-же доктора Робертсона и сейчасъ неизвѣстна.

валивъ черезъ Гиндукушъ, не встрѣтятъ препятствій ни въ природѣ, ни въ мѣстномъ населеніи.....

Не вслѣдствіе обязательнаго указанія капитана Янгъгесбенда, а уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ выше сказано, Англія познала и справедливо оцѣнила крупное политическое и стратегическое значеніе Читраля. Создавъ „буферъ“ изъ Авганистана, пожелала она сдѣлать тоже изъ Читраля.

Устроивъ своего резидента въ Гильгатсѣ, Англійская дипломатія, несмотря на серьезную опасность жизни таковыхъ въ этихъ полудикихъ странахъ, не замедлила вслѣдъ за послѣдними волненіями въ краѣ учредить такой же постъ и въ Читралѣ, а въ 1892 году Англія имѣла настолько уже значительное вліяніе въ странѣ, что престолъ Метара [1]) Читральскаго занялъ протеже ея Низамъ-Уль-Мулькъ, изъ фамиліи Которъ, или Шахъ-Которъ.

По восточному обычаю всходя понаслѣдно на престолъ предковъ своихъ, или силою имъ завладѣвъ, новый Метаръ, въ обезпеченіе своего спокойнаго царствованія, долженъ перерѣзать всѣхъ своихъ родственниковъ.

Низамъ-Уль-Мулькъ пренебрегъ этимъ благороднымъ обычаемъ и, несмотря на присутствіе въ Читралѣ Англійскаго резидента капитана Янгъгесбенда и отряда сиксовъ—былъ зарѣзанъ своимъ роднымъ братомъ Эмиръ-Уль-Мулькомъ и дядею Ширъ-Авзуломъ, въ январѣ настоящаго года.

Въ странѣ не обошлось, конечно, безъ безпорядковъ, слухи о которыхъ почти не достигали Европы,—и британскій резидентъ оставилъ Читраль.

Въ борьбѣ съ приверженцами стараго Метара Ширъ-Авзулу помогалъ владѣтель сосѣдней страны Бажурисовъ—Умра-Ханъ, который, взведя на престолъ Ширъ-Авзула, не оставилъ, со своими войсками, Читраля и продолжаетъ распоряжаться въ странѣ какъ диктаторъ, причемъ Англичане полагаютъ, что смерть ихъ протеже и ея послѣдствія—дѣло одного Умра-Хана, поступавшаго такъ ради личныхъ разсчетовъ.

[1]) Метаръ, или митаръ—значитъ князь. Одновременно съ этимъ имя это служитъ кличкою уличныхъ метельщиковъ. Объясняется это тѣмъ, что въ древности князья и правители восточныхъ странъ (отчасти обычай этотъ сохранился еще) считали за особую честь получить право подметать въ чтимыхъ мусульманами храмахъ. Такъ напр. Достъ Мохамедъ Кабульскій подметалъ могилу Ламека въ Лукманѣ, а Омаръ-Мечете—въ Кубѣ.

Ширъ-Авзулъ, взойдя на престолъ Метарскій, заявилъ объ этомъ Англо-Индійскому правительству и просилъ признать его правителемъ de facto. Не отвѣчая ни да, ни нѣтъ, предусмотрительное Индійское правительство, съ одобренія правительства королевы, отправило *для изученія настоящаго положенія* (какъ выразился въ палатѣ лордовъ—лордъ Reay, на запросъ лорда Cross'а, по поводу Читральскихъ событій) доктора Робертсона, знатока края и весьма энергичнаго дипломата, облекши его званіемъ Британскаго, въ Читралѣ, резидента и давъ ему солидный эскортъ... Съ тѣхъ поръ Индійское правительство никакихъ свѣдѣній о докторѣ Робертсонѣ и эскортѣ не имѣло; по сообщеніямъ же туземцевъ новый Британскій резидентъ заключенъ въ тюрьму въ Читралѣ.

Въ виду этого отправленъ былъ отрядъ въ 60 человѣкъ сиксовъ 14-го полка подъ командою капитана Росса на выручку резидента Робертсона, а Умра-Хану—ультиматумъ объ оставленіи страны къ 1-му апрѣля, въ противномъ случаѣ обѣщано дѣйствовать силою.

На ультиматумъ вице-короля Индіи — Умра-Ханъ не обратилъ никакого вниманія, а войска его окруживъ отрядъ капитана Росса—убили его равно какъ и 46 изъ 60 сиксовъ,—послѣдствіемъ чего было выступленіе 1-го апрѣля изъ Пешавера отряда въ 14 тысячъ человѣкъ, а 9-го апрѣля бой въ Малаконскомъ ущельѣ, окончившійся побѣдою для англичанъ, несмотря на отчаянное сопротивленіе сватисовъ и др. племенъ, возставшихъ, пользуясь смутами въ Читралѣ.

Это первое сраженіе не будетъ послѣднимъ;—дорога отъ Пешавера до Читраля, на протяженіи 130 миль блокирована туземцами, идутъ страшные дожди, но несмотря на эти препятствія Читраль несомнѣнно будетъ взятъ,—и, до сихъ поръ отдѣленные Читралемъ, мы будемъ имѣть между нами и нашими друзьями одну лишь стѣну Гиндукуша, причемъ ворота въ Индію, перевалъ Барашлъ (Дора), эти новыя Өермопилы, будутъ въ рукахъ Мильтіадовъ—Бриттовъ.

* *
*

Учебники намъ говорятъ, что съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ ощутилъ „appetitas societatis", съ тѣхъ поръ, какъ его пониманію стали доступны принципы обмѣна, законы соединенія и раздѣленія труда,—съ тѣхъ самыхъ поръ начали зарождаться различные кооперативные союзы; постепенно совершенствуясь и разростаясь, они послѣдовательно переходили изъ частной сферы въ общественную, изъ общественной въ государственную и, наконецъ, достигли своего апогея въ союзѣ международномъ.

Союзъ народовъ, какъ и всякій союзъ, за исключеніемъ развѣ брачнаго, долженъ возникать и существовать на почвѣ чисто практической необходимости *и при обоюдной, обязательно, пользѣ.*

Слова „дружба“, „другъ“, „дружескій“, запестрѣвшія съ начала ноября прошлаго года на столбцахъ англійской печати, вдругъ воспылавшей страстью къ Россіи,—давно уже утратили, какъ это ни грустно, свой *истинный* смыслъ и люди привыкшіе выражаться точно, къ нимъ же нельзя не причислить англичанъ, навсегда вычеркнули ихъ изъ своего словаря.

Нашъ вѣкъ, по выраженію героевъ Островскаго, „вѣкъ пара и электричества“—упразднилъ сантиментальность; въ этомъ отношеніи мы долѣе другихъ были въ числѣ отсталыхъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ упрекаетъ насъ В. И. Ламанскій, но и для насъ настала эпоха спокойнаго разсчета, эпоха политики чисто практической, безъ громкихъ словъ, безъ увлеченій, болѣе или менѣе искреннихъ.

Въ наши дни, когда въ тысячной толпѣ не найдется двухъ преданныхъ друзей, какъ-то наивно и смѣшно толковать о сердечной безкорыстной дружбѣ цѣлыхъ народовъ, а потому толки эти въ устахъ далеко не экспансивныхъ Бриттовъ,—звучатъ чрезвычайно фальшиво.

Перемѣна фронта общественнаго мнѣнія и политики Англіи, по скольку это выражается *печатью* вслѣдъ за знаменитою рѣчью Лорда Розберри въ Guild Holl'ѣ, на банкетѣ лорда мэра — фактъ, конечно, совершившійся...

Интересъ къ Россіи и ко всему русскому сразу выросъ, и ростетъ еще съ каждымъ днемъ, и высказывается не одними дипломатами, не одной какой-либо партіей, а положительно всѣми и единодушіе, въ этомъ отношеніи, англійской печати—весьма знаменательно. Но причемъ здѣсь высокое чувство „дружба“?

Долголѣтній и молчаливый трудъ Царя-Миротворца увѣнчался колоссальнымъ успѣхомъ,—Англія признала силу и мощь Россіи, ея первенствующее значеніе, ея великое будущее, а смерть Императора послужила толчкомъ—для выраженія Англіей этого сознанія и обратила къ намъ *умы* этой націи, *а не сердца,* но англичане въ политикѣ, какъ и въ общественной жизни вѣрные глубоко пустившему въ нихъ корни лицемѣрію, это сознательное разсчетливое и даже вынужденное обстоятельствами времени желаніе союза съ нами прикрыли выраженіями, желаніемъ чуть-ли не платонической дружбы, и—только немногіе откровенно говорили о *выгодахъ* для Англіи могущаго возникнуть соглашенія.

Какъ примѣръ приведемъ характерную выдержку изъ „Army and Navy Gasette“, газеты спеціально-военной, страдавшей до сихъ поръ не-

помѣрнымъ задоромъ по отношенію къ намъ—дикарямъ; въ № 1817 газета эта говоритъ: „никогда ни одинъ народъ не оплакивалъ такъ своего цезаря, короля, или императора, какъ оплакиваютъ *всѣ цивилизованные народы* кончину Царя Александра III, Самодержавца всей Россіи, „который втеченіе всего своего царствованія, окруженный милліономъ „штыковъ, охранялъ миръ всей Европы. Разница между теперешнимъ „общественнымъ мнѣніемъ Англіи относительно Россіи и тѣмъ, которое „существовало 40 лѣтъ тому назадъ—исключительно и въ высшей степени знаменательна. Взгляните на каррикатуры „Punch'a" 1854 и „55 годовъ и на рисунки, которые въ немъ печатаются теперь!"

„*Мы далеки теперь отъ увлеченія Турціей*, какъ въ годину „уничтоженія ея флота при Синопѣ, *мы перестали ненавидѣть Россію, понимаемъ теперь ея участіе* къ *Болгаріи и Сербіи* и сами „принимаемъ участіе въ судьбѣ армянъ турецкихъ. Война, которая къ „славнымъ страницамъ нашей исторіи прибавила имена Альмы, Балаклавы и Инкермана, научила насъ уважать своего противника, ознакомила насъ съ народомъ, войско котораго, малочисленное и плохо вооруженное, геройски защищалось 11 мѣсяцевъ противъ союзной арміи „четырехъ державъ... *Мы знаемъ цѣну этому храброму и исполненному патріотизма народу* [1] *и думаемъ, что наши дипломаты должны прійти къ соглашенію съ Россіей по вопросамъ „не только Средней Азіи* [2]*, но и дальняго востока*".

Эта же газета мѣсяцъ передъ тѣмъ кричала, что *въ вопросѣ* о *Памирахъ—нѣтъ мѣста дипломатіи* и съ пѣною у рта требовала *энергичныхъ мѣръ противъ безостановочнаго движенія Россіи къ Индіи.*

Первая открыла объятія Россіи „Daily News", поддерживаемая г. Торнтономъ, бывшимъ англійскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ, къ ней присоединился заклятый врагъ Россіи „Times", затѣмъ „Standard", придворный „Morning Post" и въ настоящее время, наконецъ, вся печать...

Маркизъ Сольсбери принесъ публичное покаяніе въ томъ, что онъ, имѣя возможность, болѣе чѣмъ кто-либо другой, узнать Россію и честное и прямое направленіе ея политики, до сихъ поръ не сдѣлалъ перваго шага къ сближенію, — покаянію политическаго противника Guild Holl'скаго оратора можно было бы придать дѣйствительно крупное значеніе, еслибы... еслибы оно было искренно.

---

[1]) Послѣ сраженія при р. Кушкѣ—«знаніе» это укрѣпилось.

[2]) Въ этомъ отношеніи англійская дипломатія достигла уже благопріятныхъ результатовъ.

Талантливыя письма О. Новиковой въ „Daily Graphic“ и „Westminster Gazete“, благословеніе „великаго старца“ Гладстона, а затѣмъ путешествіе принца Уэльскаго и его участіе въ горѣ нашей Царской Семьи довершили дѣло, и единодушный порывъ англійской прессы *получилъ видъ* національнаго порыва дружбы къ намъ русскимъ, но... всегда есть *но*—англійская пресса никакъ не ожидала той сдержанности, которую она встрѣтила въ русской.

Повторилась встрѣча дядюшки съ племянникомъ Адуевыхъ въ „Обыкновенной исторіи“,—открытыя объятія были встрѣчены просто протянутой рукой, безъ особаго восторга, вѣжливо, но сдержанно, не по родственному...

Благодаря вѣковому опыту, Россія знаетъ цѣну дружбы; эпоха благодѣтельствованія, спасанія престоловъ отошли въ вѣчность; политика послѣдняго царствованія научила насъ спокойному разсчету; рыцарскимъ мечтаніямъ и донъ-кихотству давно нѣтъ мѣста у насъ и твердо зная, что мы занимаемъ теперь, въ буквальномъ смыслѣ слова, рѣшающее и первенствующее значеніе въ Европѣ—мы не продадимъ этого первенства за чечевичную похлебку... за громкія сантиментальныя фразы...

Первый шагъ на пути къ дружбѣ сдѣлала Англія,—значитъ, она *ей* нужна, а такъ какъ даромъ ничего въ наше время не дѣлается, то вполнѣ естественнымъ явился вопросъ, какою цѣною будетъ куплена нами эта дружба?

Что соглашеніе съ нами положительно необходимо Англіи, въ томъ не можетъ быть сомнѣній. Англійская печать пророчитъ Германіи полную изолированность въ концертѣ европейскихъ державъ, но совершится ли это, покажетъ время, а если до сихъ поръ какая-либо держава оставалась въ Европѣ изолированною, такъ это именно Англія.

Мы не говоримъ уже о ея дѣлахъ внутренней политики, благодаря вѣчной борьбѣ партій, заставляющихъ желать много лучшаго, не говоримъ объ ея *семейныхъ* дѣлахъ, — положеніе ея внѣшней политики крайне незавидно: едва улаженныя въ южной Африкѣ отношенія ея къ Франціи чрезвычайно обострились на Нилѣ и въ Египтѣ, не говоря уже о Мадагаскарѣ; отношенія къ Германіи весьма натянуты; неизбѣжная скорая смерть Абдуррахманъ-хана вызоветъ не сегодня завтра крупныя непріятности въ Авганистанѣ; пограничныя племена на сѣверѣ Индіи возстали и взятіе Читраля не успокоитъ ихъ—усмирять читральцевъ—останутся паманцы, бажурисы, сватисы, вѣчно недовольные непальцы и tutti quanti; въ самой индо-британской арміи не такъ давно открытъ заговоръ, а тутъ еще китайскій вопросъ при старыхъ на Китай видахъ,

съ которыми тяжело разстаться, армянскій вопросъ, ничего добраго не обѣщающій Англіи и т. д.

Англіи необходима поддержка извнѣ и на насъ падаетъ ся выборъ. Прекрасно! Выгоды соглашенія *для Англіи*—очевидны, но какія предстоятъ отъ этого соглашенія выгоды намъ—мы не видимъ до сихъ поръ, не понимаемъ туманныхъ намековъ печати и ждемъ фактовъ.

Насколько единодушенъ былъ порывъ печати англійской, настолько же (въ первое время) единодушенъ былъ и вѣжливый, но холодный отвѣтъ печати русской и протянутая нами, на встрѣчу горячихъ объятій, рука была довольно холодна. Оставивъ въ сторонѣ традиціи дворянства, мы, примѣняясь ко времени и обстановкѣ, категорически спросили—„ваша цѣна?“ Такой оборотъ естественно не могъ понравиться нашимъ скороспѣлымъ друзьямъ, но въ отчаяніе они не пришли и, быстро сообразивъ неумѣстность *старыхъ* пріемовъ, неудачный штурмъ замѣнили правильной осадой, что даетъ намъ возможность строго оцѣнить выгоды предлагаемаго соглашенія и обдумать его условія, если таковое состоится.

Изъ прессы ежедневной аттака на русскія чувства перешла на страницы еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ и не только популярныхъ, но серьезныхъ и спеціальныхъ журналовъ. Начиная съ декабрьскихъ книжекъ—книжки журналовъ переполнены горячими статьями, панегириками нашему режиму, нашимъ способностямъ націонализировать племена Средней Азіи, нашей арміи, финансамъ даже, нашему характеру и нравамъ, преданности престолу, миролюбію и т. д. и т. д.

Обратились къ исторіи, вспомнили какъ дружественно батюшка Царь Іоаннъ Грозный принималъ Ченслора, который первый завязалъ дружескія отношенія между Англіей и Россіей, вплоть до Крымской войны нерушимыя... Въ *„The Contemporary Review“* каноникъ Макъ-Коль напечаталъ главу изъ своего сочиненія о Восточномъ вопросѣ, въ которой онъ *20 лѣтъ* тому назадъ говорилъ о необходимости англо-русскаго соглашенія, пріобрѣтеннаго, *хотя бы даже цѣною разрѣшенія русскому флоту выхода въ Средиземное море.*

Въ *„The New Review“* „Diplomaist“ съ одной стороны и M. F. Greenwood съ другой, поютъ въ униссонъ объ этомъ соглашеніи и гибели Германіи, такъ какъ тройственный союзъ теряетъ свой raison d'être.

Вторитъ имъ и „The Edinburgh Review“, совѣтуя правительству взять примѣръ съ русскаго и *одухотворить* машину индійскаго управленія, но въ качествѣ застрѣльщика идетъ впереди г. Стедъ въ „The Review of Reviews“.

Съ праваго крыла аттаку на наши симпатіи ведетъ англо-русское литературное общество, учрежденіе не имѣющее ничего общаго съ политикою и по задачамъ своимъ само по себѣ симпатичное; съ лѣваго ведутъ подступъ путемъ публичныхъ чтеній путешественники по Россіи— капитанъ Бриджъ „капитанъ Виггинсъ", г. де-Виндтъ и др.

„Движеніе это искренно", говоритъ печать, мы видимъ въ немъ людей политики, литературы, коммерціи, духовныхъ лицъ, словомъ движеніе это не единицъ, не партійное, а *національное*.

Но возьмемъ отчетъ о многолюдномъ митингѣ „Свободной Россіи" 3-го апрѣля, на которомъ осуждались и нашъ режимъ и политика, наши нравы и общество, и все русское... Этимъ рѣчамъ аплодировали и произносили самыя грозныя филиппики тѣже члены парламента, люди коммерціи, литературы и духовныя особы... Гдѣ же настоящее *національное* движеніе? Участники движенія и тамъ и тутъ тѣ же. Въ этой литературной осадѣ, въ общемъ аккордѣ печати, между прочими, характерно звучитъ вездѣ одна и та же нота,—наравнѣ съ доказательствами выгоды соглашенія для Россіи, проводится мысль о вредѣ для Россіи союза съ Франціей, которая по мнѣнію нѣкоторыхъ скорѣе нашъ врагъ, чѣмъ союзникъ и единственное *наше* спасеніе (?) въ союзѣ съ Англіей.

Въ Крымской войнѣ англичане умываютъ руки,—Пальмерстонъ и дипломатія ихъ были не причемъ,—виноваты съ одной стороны *чрезмѣрная гордость* императора Николая I, съ другой Наполеонъ III, съ которымъ королева Викторія была въ дружескихъ отношеніяхъ.

Еслибы даже это было такъ относительно Наполеона, то англичане забываютъ, что они *сознательно* держали сторону Наполеона III, который *совершенно не понималъ* значенія поднятаго имъ вопроса о Палестинѣ, въ чемъ и сознавался *Тувенелю* [1]) но... было уже поздно тогда.—Наполеонъ забывалъ, что то, что служило для него лишь рекламой, было для главы православнаго государства—*дѣломъ религіозной совѣсти*—и противъ этого англичане, держа руку Наполеона, *шли сознательно*. Лордъ Стратфордъ и Пальмерстонъ знали это лучше, чѣмъ кто либо—существовало не недоразумѣніе, не обязательство передъ Франціей, а слѣпая вражда, доведшая до кровавой войны, плоды которой не оправдали потраченныхъ на нее средствъ и усилій, и безъ которой не было бы, быть можетъ, ни Садовы, ни Седана.

---

[1]) Тувенель «Nicolas I et Napoléon III. Les préliminaires de la guerre de Crimée 1852—54.»

Типомъ этого рода литературныхъ произведеній, заполонившихъ послѣдніе четыре мѣсяца страницы еженедѣльныхъ и мѣсячныхъ журналовъ, можетъ служить пространная статья W. T. Stead'а въ его журналѣ „Review of Reviews", № 2. Воздавъ должное великой въ своей скромности мирной дѣятельности Императора Александра III и воспѣвъ настоящую оду принцу Уэльскому, которому Стэдъ приписываетъ всю заслугу состоявшагося, по его мнѣнію, англо-русскаго соглашенія, авторъ говоритъ, что хотя религія, языкъ, характеръ двухъ націй и различны, тѣмъ не менѣе существуютъ между ними и *общія идеи* и *интересы* и даже *духовное родство* [1]). „Мы можемъ", говоритъ Стэдъ, „точно опредѣлить и оцѣнить англо-русское соглашеніе".

Первый плодъ соглашенія — прекращеніе недостойнаго поведенія англійской печати по отношенію къ Россіи и презрительное невниманіе къ бѣшенымъ воззваніямъ „Free Russia" и другихъ подпольныхъ листковъ русскихъ отщепенцовъ [2]). Затѣмъ благопріятное разрѣшеніе для обѣихъ сторонъ вопроса о Памирахъ.

Далѣе—согласныя дѣйствія обѣихъ державъ въ разрѣшеніи японско-китайскаго вопроса и, наконецъ, таковое-же согласное дѣйствіе въ вопросѣ армянскомъ.

О новомъ тройственномъ союзѣ Стэдъ умалчиваетъ, какъ и вся англійская печать за исключеніемъ солиднаго "Times'а" и его знаменитаго еврея Бловица, который мнитъ себя авторомъ этого союза, забывая, что если „въ одну телѣгу впречь не можно коня и трепетную лань", то тѣмъ болѣе нельзя въ нее запречь могучаго, добраго, благодаря силѣ, и любящаго вздремнуть русскаго медвѣдя, гальскаго пѣтуха и британскую лисицу.

Зато не умалчиваетъ г. Стэдъ о Дарданеллахъ. „Проливы Россіи вовсе не нужны", говоритъ онъ, — „*Россіи теперь принадлежитъ монополія* Чернаго моря, а если она получитъ право выхода въ Средиземное море, то такое же право входа въ Черное море должно быть дано военнымъ флотамъ всѣхъ державъ".

Вопросъ—для чего и для кого пишутся всѣ эти измышленія и благоглупости, казался бы естественнымъ, но читатели есть, и даже усердно усваивающіе эту дружественную литературу, — извѣстная часть

---

[1]) Говоря о томъ-же, капитанъ W. C. Bridge въ «Remarks about Roussia» указываетъ, что ни одна нація въ мірѣ, кромѣ русскихъ, не можетъ сразу понять выраженія—«come and have a drink», т. е. «пойдемъ выпьемъ!» Это ли не доказательство духовнаго родства?!

[2]) Митингъ 3-го Апрѣля не доказываетъ этого.

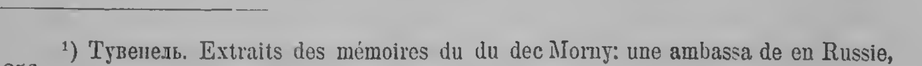
нашей печати начинаетъ сдаваться и совѣтуетъ другимъ бросить устарѣвшія фразы о „коварномъ Альбіонѣ“ и *трезвѣе* смотрѣть на вещи. Самый трезвый взглядъ — взглядъ ретроспективный и именно онъ не позволяетъ намъ принять горячихъ объятій Англіи и рекомендуетъ ограничиться холодной вѣжливостью...

Сорокъ лѣтъ тому назадъ г. Кастельбажакъ, французскій посланникъ въ С.-Петербургѣ, въ то время, когда средне-азіятскаго вопроса, собственно говоря, и не существовало, между прочимъ сказалъ: „у Англіи два интереса — разрушить флоты всѣхъ націй и *закрыть русскимъ путь къ Индіи*“ [1]). Имѣя возможность, когда ей угодно, запереть Гибралтаръ и Бабъ-Эль-Мандебскій проливъ и остановить торговлю всей Европы, сознавъ на практикѣ великую пользу обладанія морскими проливами, Англія—принципы эти впервые перенесла на сушу и поставила свой почетный караулъ у нашихъ воротъ въ Индію—завладѣла Читралемъ.

Это первый плодъ нашего соглашенія и одно изъ послѣднихъ звеньевъ той цѣпи, которою Англія заграждаетъ наши историческіе пути на югъ.

Закрывъ Дарданеллы, создавъ, съ помощью Австріи, турецкій авангардъ изъ независимой Болгаріи, она стала поперекъ нашего пути въ Читралѣ, предварительно устроивъ „буферъ“ изъ Авганистана, и нѣчто въ родѣ Болгаріи пытается создать на нашей мало-азіятской границѣ изъ Арменіи... Въ этой цѣпи не хватаетъ одного звена,—не смотря на всѣ усилія—въ Персіи Англія не имѣетъ успѣха, и здѣсь оставляетъ намъ выходъ на югъ...

Лео.

[1]) Тувенель. Extraits des mémoires du du dec Morny: une ambassa de en Russie, 1856.

Письмо Императора Александра I Черногорскому Владыкѣ и Митрополиту Петру I Святому.

Преосвященный Митрополитъ Черногорскій!

Посланный отъ Васъ Черногорскій Сердаръ Ксаверій Пламенецъ прибылъ благополучно въ мою главную квартиру и доставилъ мнѣ ваше письмо. Я извѣстился также о словесныхъ порученіяхъ отъ Васъ на него возложенныхъ. Участіе мною пріемлемое въ благоденствіи Вашемъ и народа, пастырству вашему ввѣреннаго, ознаменовано многими опытами. Чувства сіи въ мнѣ непремѣнны, и теперь, когда провидѣніе благословило усилія мои и союзниковъ моихъ, водвореніемъ всеобщей тишины, обратили мы вниманіе наше на сосѣдственную вамъ землю Бокезскую, желая тѣмъ упрочить собственное ваше спокойствіе. Для сего—положили мы возвратить оную державѣ Австрійской, подъ сѣнію коей она процвѣтала. Вы способствовали сему событію, изгнавъ изъ оной области непріятеля. Почему приглашаю Ваше Преосвященство, для общей пользы не токмо не препятствовать Австрійскимъ войскамъ въ занятіи крѣпостей и возвратиться съ храбрыми вашими Черногорцами въ предѣлы ваши, но и употребить вліяніе ваше къ склоненію жителей Бока ди Катаро непрекословно повиноваться постановленію союзныхъ державъ, увѣривъ ихъ, что права и преимущества, коими они искони пользовались, будутъ имъ сохранены вполнѣ.

Впрочемъ, поручая себя молитвамъ Вашего Преосвященства, пребываю Вамъ и народу Черногорскому навсегда доброжелательный.

Парижъ Мая 20 дня 1814 года.

Сообщилъ проф. **Ф. І. Ковачевичъ.**

Вопленица Ирина Андреевна Ѳедосова.

Въ теченіе зимняго сезона $18^{94}/_{95}$ гг. въ Петербургѣ гостила и была предметомъ большого общественнаго вниманія вопленица изъ олонецкой губ., Ирина Андреевна Ѳедосова. Она является одной изъ послѣднихъ представительницъ древняго пѣсеннаго народнаго искусства и представительницъ выдающихся, почему уже давно пріобрѣла себѣ извѣстность среди людей науки. Будучи привезена въ настоящій разъ въ Петербургъ г. Виноградовымъ изъ Петрозаводска, она уже не впервые появляется передъ любителями нороднаго поэтическаго творчества. Въ первый разъ она была открыта для нихъ еще въ 1867 г. Е. В. Барсовымъ, когда послѣдній занимался собираніемъ причитаній въ сѣверномъ краѣ.

Обладая поразительною памятью, Ирина Ѳедосова знаетъ до 17 тысячъ, а можетъ быть и болѣе, народныхъ стиховъ, былинныхъ и пѣсенныхъ, и не разъ доставляла любителямъ древностей изъ запасовъ своей памяти обильный поэтическій матеріалъ для записыванія. Г. Барсовъ отыскалъ ее въ Петрозаводскѣ и разспрашивалъ о причитаніяхъ, но она скрывала сначала свое искусство, говоря, что ничего не знаетъ и съ господами никогда не зналась. Послѣ увѣщаній открылась, что знаетъ очень многое, что съ молодости ей честь и мѣсто въ большомъ углу, что на свадьбахъ-ли пѣсни запоетъ—старики запляшутъ, въ похоронахъ-ли завопитъ—каменный заплачетъ. Г. Барсовъ познакомился съ нею въ Великомъ посту 1867 г., и тотчасъ-же началъ записывать отъ нея духовные стихи и старины; диктовать что нибудь другое она считала въ это время грѣхомъ. Послѣ Пасхи г. Барсовъ принялся за причитанія. Онъ даетъ слѣдующую характеристику Ѳедосовой: „Ирина — женщина около 50 лѣтъ, крайне невзрачная, небольшого роста, сѣдая и хромая, но съ большими силами души и въ высшей степени поэтическимъ настроеніемъ; рѣчь у нея живая и бойкая; то и дѣло льются съ языка пословицы и поговорки; 13 лѣтъ она была уже вопленицей, извѣстной по всему Заонѣжью". „Съ малолѣтства любила она слушать причитанія и сама стала ходить съ причетью по слѣдующему случаю:

„сусѣдку выдавали замужъ, а вопленицы не было; думали-гадали, а все таки сказали: „кромѣ Иришки некому“.

Замужъ вышла 19 лѣтъ за немолодого вдовца: „13 лѣтъ жила съ нимъ и хорошо было жить; онъ меня любилъ да и я его уважала“. Послѣ вышла за Якова Ивановича Ѳедосѳва въ дер. Кузарандѣ.

Какъ выше упомянуто, г. Барсовъ нашелъ ее въ г. Петрозаводскѣ: „къ городской жизни не можетъ привыкнуть, говоритъ г. Барсовъ, и постоянно собирается въ Кузаранду: свой домъ, говоритъ, некоза, рогами не будётъ, кто гдѣ родился, тому тутъ Іерусалимъ; на камышкѣ посидѣть да на родинѣ побывать; чужая сторона не медомъ налита, не сахаромъ посыпана; хорошо жить въ людяхъ, да тяжело въ грудяхъ; чужая сторона старитъ, а своя печка гладитъ“.

Вотъ образчикъ разговорнаго языка Ѳедосѳвой дѣйствительно образнаго и живаго, почти сплошь испещреннаго мѣткими пословицами и поговорками. Въ Петрозаводскѣ, гдѣ она была замужемъ, она слыла извѣстной вопленицей и являлась необходимой участницей каждой свадьбы.

Въ 1886 г. извѣстная О. Х. Агренева-Славянская выписала Ѳедосѳву изъ деревни за 200 верстъ отъ Петрозаводска въ свое тверское имѣніе съ научной цѣлью. Попутно Ѳедосова заѣзжала въ Петербургъ. Вотъ что сообщаетъ о Ѳедосѳвой г-жа Славянская въ своемъ „Описаніи русской крестьянской свадьбы“ (Ч. 3-я стр. 201, 1889 г.).

„Это—женщина за 80 лѣтъ (?), совершенно сѣдая и сгорбленная, но полная энергіи и ума. Живетъ она дома тѣмъ, что поетъ на свадьбахъ, голоситъ на похоронахъ и тѣшитъ молодежь на сговорахъ и въ праздничные дни. Память у этой старухи изумительная и рѣчь красивая и оживленная. Она до такой степени проникнута духомъ старинной поэзіи, что при всякомъ удобномъ случаѣ говоритъ экспромпты, складъ которыхъ совершенно напоминаетъ распѣваемыя ею старинныя пѣсни“. Г-жа Славянская приводитъ образцы экспромптовъ Ѳедосѳвой, пропѣтыхъ ею въ домѣ Славянскихъ, напр.:

Величальная пѣсня въ честь О. Х. Агреневой-Славянской:

Изъ по сухому по дереву,
Изъ по высокому по терему,
По мостиночкамъ дубовымъ,
Перекладочкамъ кленовымъ,
Какъ идетъ наша боярыня,
Госпожа наша сударыня,
Госпожа ли что Славянская,
Ольга свѣтъ ли Христофоровна.

Топка идетъ тетивочка,
Зелена идетъ травиночка,
Во великой во заботушкѣ,
Во большой да во сколотушкѣ,

Ирина Андреевна Ѳедосова, народная вопленица.

Во здоровой во головушкѣ;
И мила и доброладная,
И до бѣдныхъ то желанная.

Такимъ образомъ Ѳедосѣва не только исполнительница, передатчица старинныхъ пѣсенъ, но и сама сочинительница, личность, одаренная поэтическимъ творчествомъ.

Характеристики ея, сдѣланныя г. Барсовымъ и г-жею Славянскою, совпадаютъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое она производитъ въ настоящій свой пріѣздъ въ Петербургъ.

Она—та же маленькая, невзрачная, но симпатичная старушка, лѣтъ 80, хромая на одну ногу, съ бойкими, живыми глазами, съ выразительнымъ лицомъ, большая говорунья, видимо сохранившая свѣжесть умственныхъ способностей, не говоря уже о памяти, полная жизнерадостности; поетъ она охотно и для своихъ лѣтъ недурнымъ голосомъ, а нѣкоторыя пѣсни исполняетъ совсѣмъ голосисто. У г-жи Славянской въ вышеупомянутомъ трудѣ приведенъ другой экспромтъ Ѳедосѣвой на пребываніе въ Кольцовѣ, имѣніи Славянскихъ (около Твери), а именно:

Я ѣмъ да пью
Да и челомъ не бью;
Ѣмъ я до сыта,
Пью я до люба,
Въ дѣло носъ не ткну
Да и перстомъ не щелкну,

который въ достаточной степени характеризуетъ настроеніе этой пѣвуньи, способной видимо легко жить и весело смотрѣть на Божій міръ, не вѣдая докучливыхъ заботъ, ни тяжкихъ трудовъ.

Въ видѣ образца приводимъ напѣвы Ѳедосѣвой, записанные нами съ ея пѣнія 25 января 1895 г.

С. Рыбаковъ.

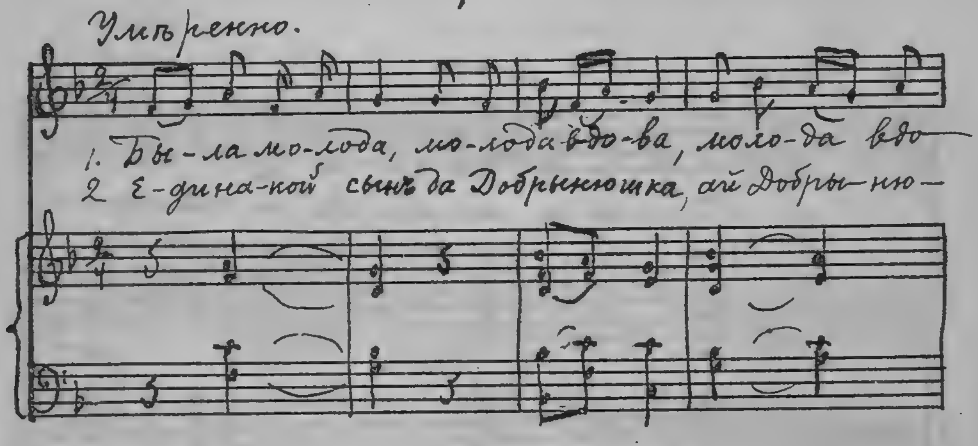
1.

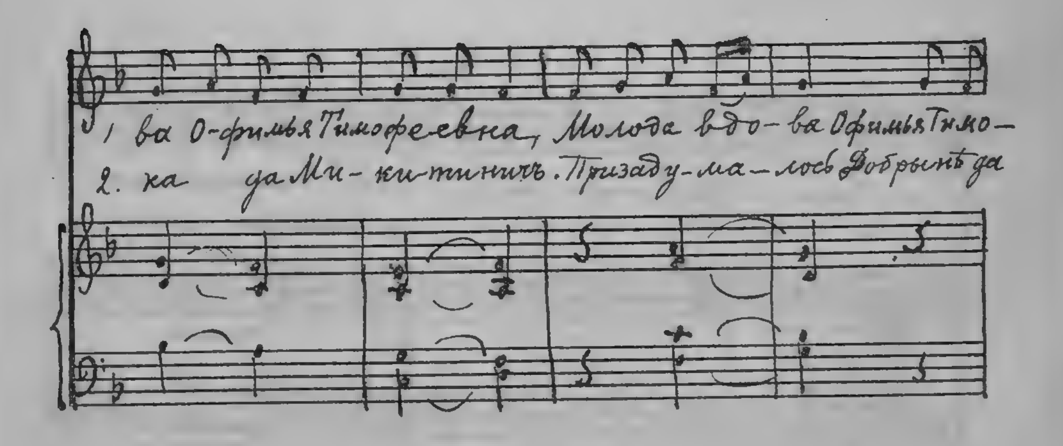
Народныя пѣсни,

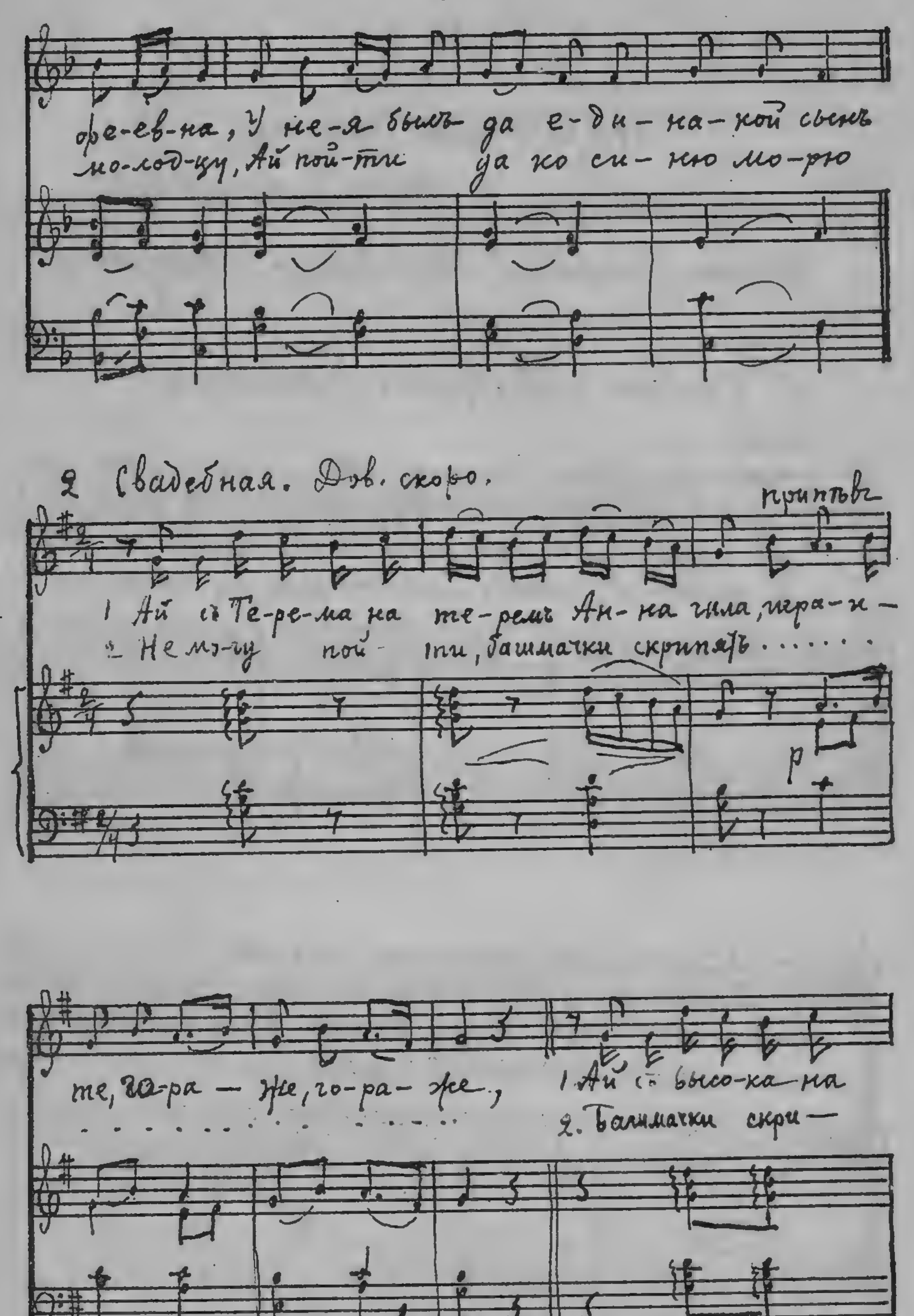
записанныя Е. Рыбаковымъ съ пѣнія Ирины Ѳедосовой, вопленицы Олонецкой губ.

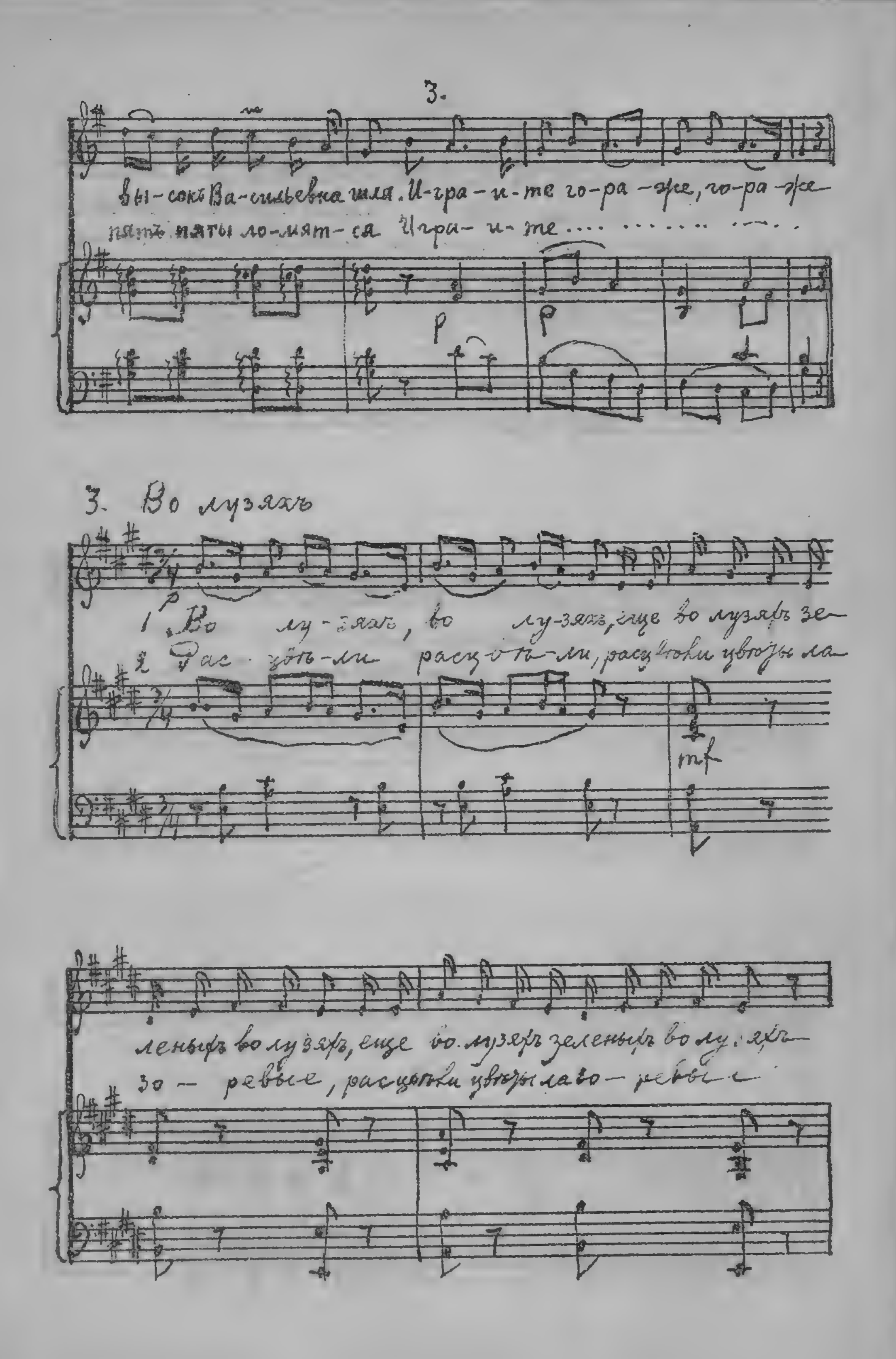
1. Былина о Добрынѣ Никитичѣ.

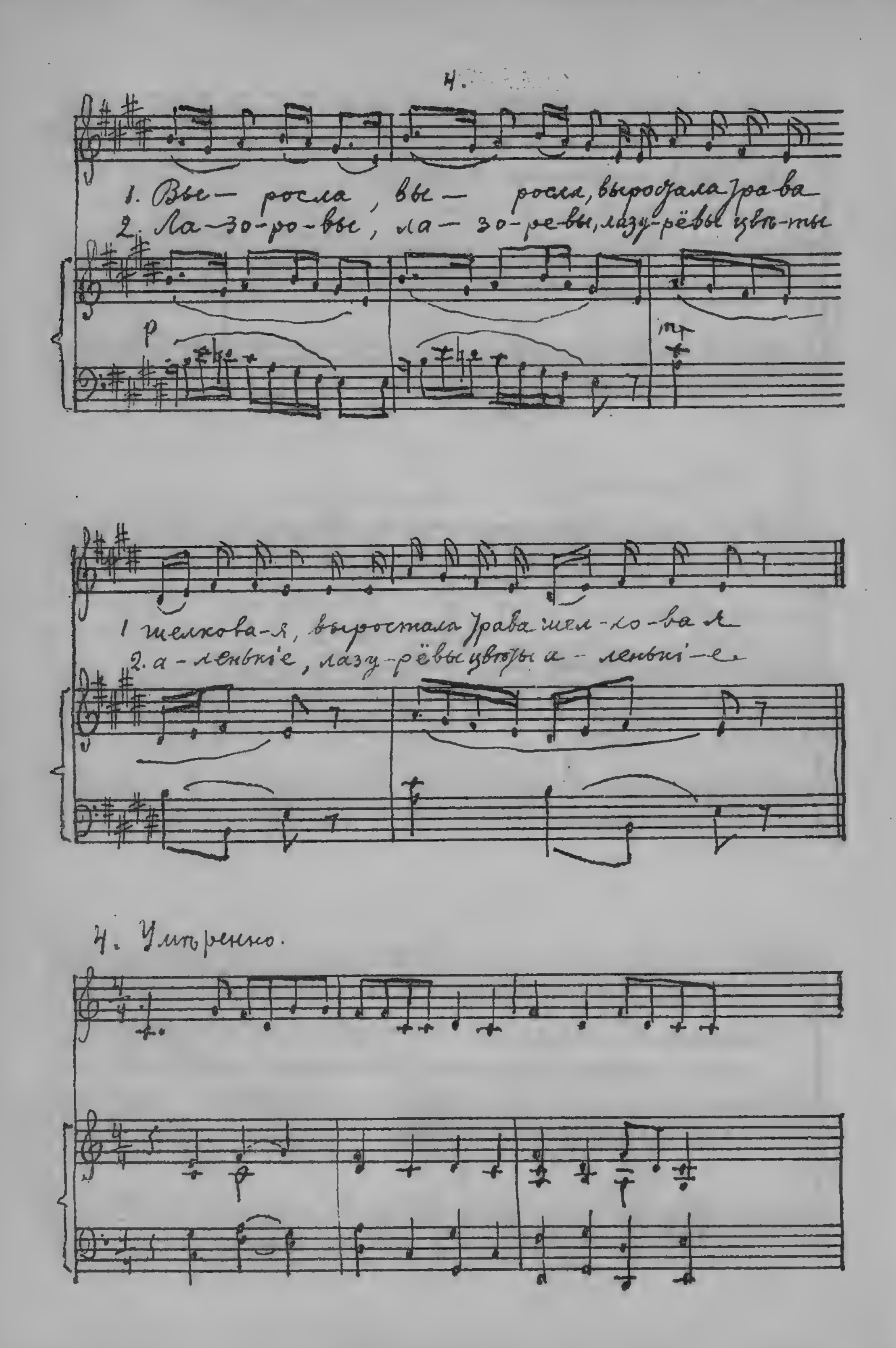
Умѣренно.
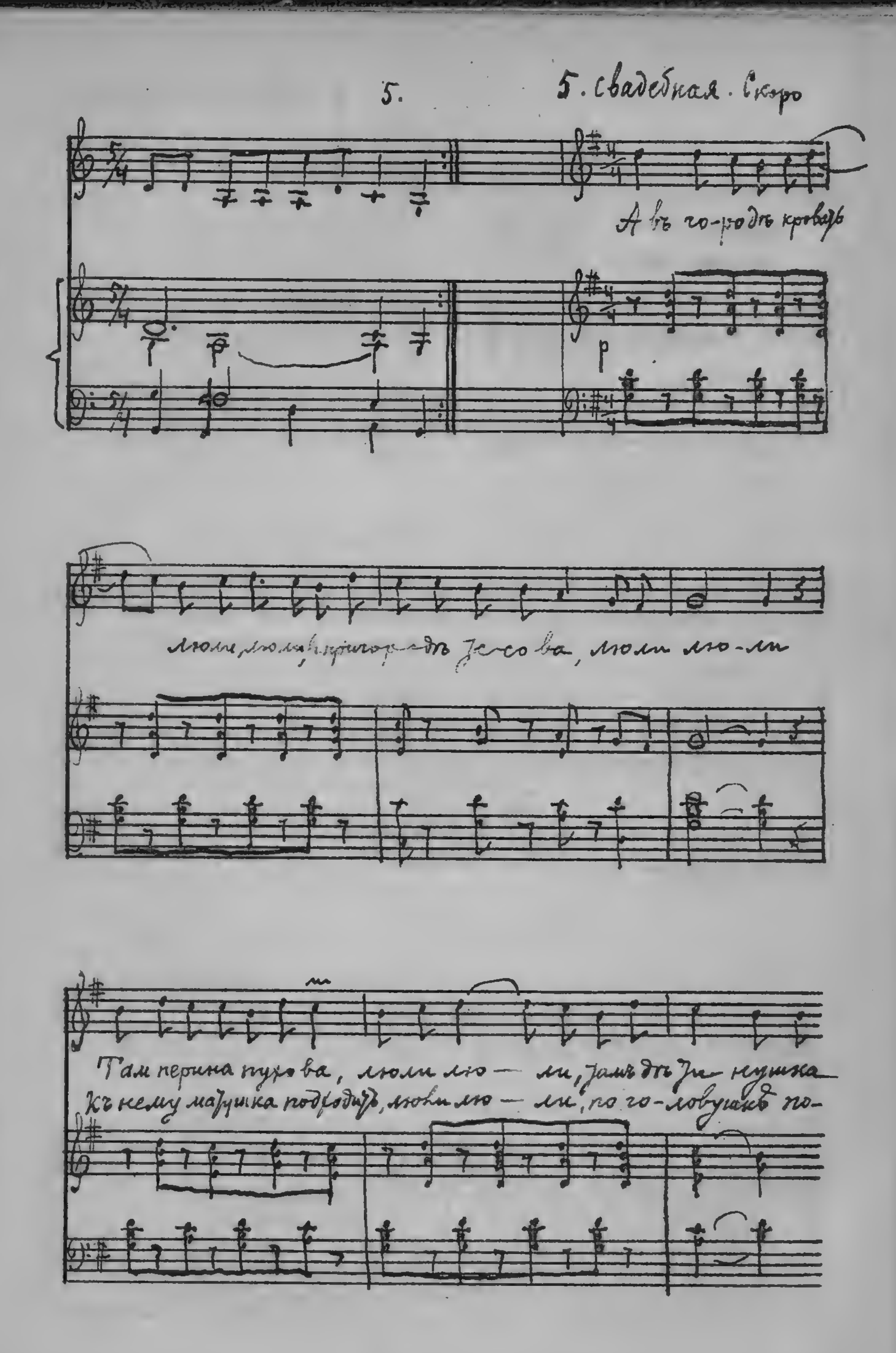

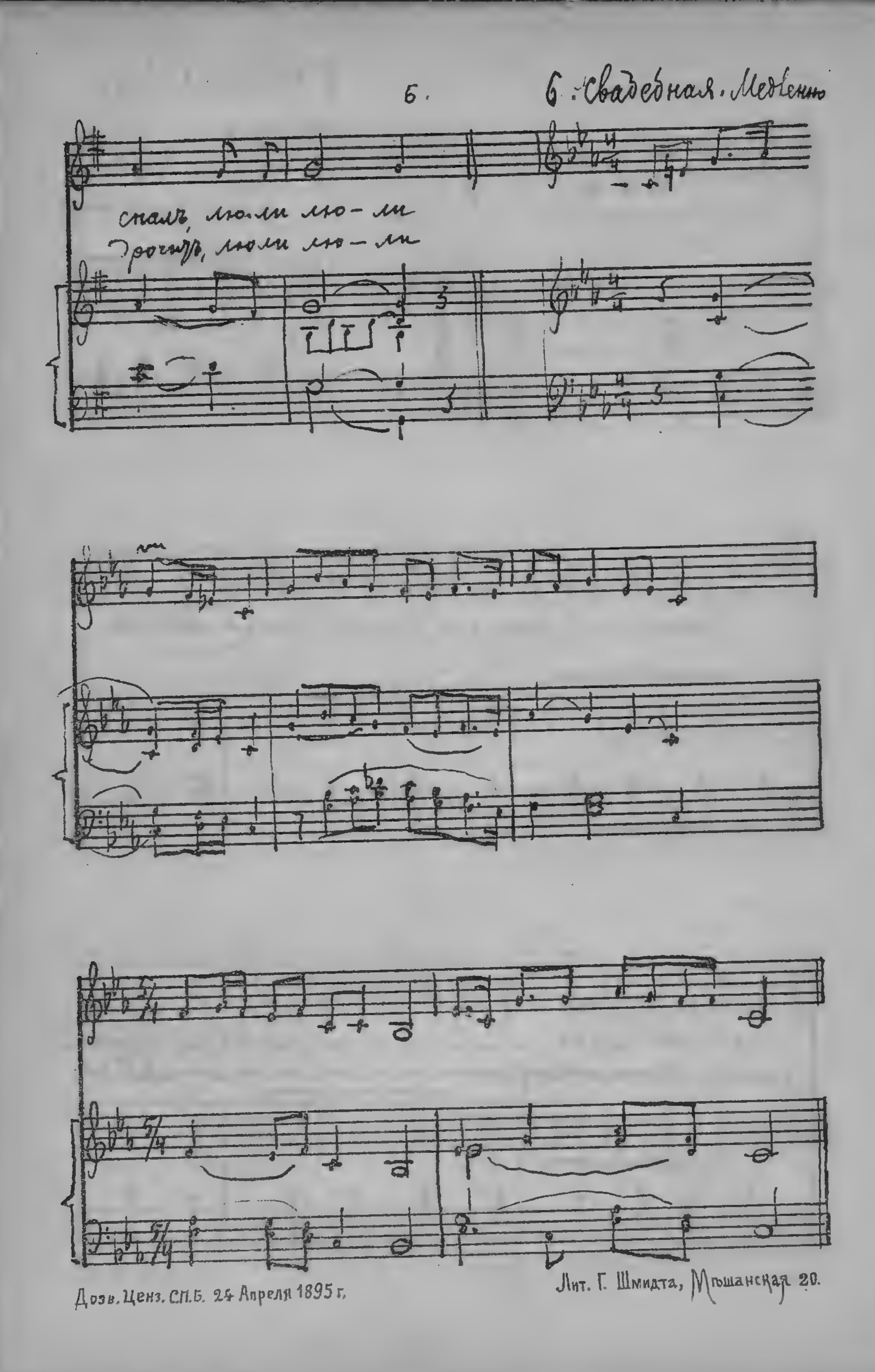

ое-ев-на, У не-я былъ да е-ди-на-кой сынъ
мо-лод-цу, Ай пой-ти да ко си-ню мо-рю
2 Свадебная. Дов. скоро.
припѣвъ
1 Ай съ Те-ре-ма на те-ремъ Ан-на шла, гора-ж—
2 Не могу пой- ти, башмачки скрипятъ ......
p
те, го-ра — же, го-ра- же,
1 Ай съ высо-ка на
2. Башмачки скри—

3.
вы-сокъ Ва-сильевна шля. И-гра-и-те го-ра-же, го-ра-же
пять пяты ло-мят-ся Игра-и-те ....
p
3. Во лузяхъ
p
1. Во лу-зяхъ, во лу-зяхъ, еще во лузяхъ зе-
2. Рас-цвѣ-ли рас-цвѣ-ли, расцвѣли цвѣты ла-
mf
леныхъ во лузяхъ, еще во лузяхъ зеленыхъ во лу-зяхъ
зо-ревые, расцвѣли цвѣты лазо-ревые

4.
1. Вы— росла, вы— росла, выростала трава
2. Ла-зо-ро-вы, ла— зо-ре-вы, лазу-рёвы цвѣ-ты
1 шелкова-я, выростала трава шел-ко-ва я
2. а-ленькiе, лазу-рёвы цвѣты а-ленькi-е
4. Умѣренно.

5.
5. Свадебная. Скоро
А въ го-родѣ кровать
Там перина пухова, люли лю — ли,
Къ нему маршка подходитъ, люли лю — ли, по го-ловушкѣ по-
p

6.
6. Свадебная.
спалъ, люли лю-ли
люли лю-ли
Дозв. Ценз. СПБ. 24 Апреля 1895 г.
Лит. Г. Шмидта, Мѣщанская 20.

КНИГИ И ПОВРЕМЕННЫЯ ИЗДАНІЯ.

«Кіевская Старина» ежемѣсячный историческій журналъ, 1895 г. Январь — Мартъ. Съ давнихъ поръ въ литературѣ нашей, особенно въ средѣ ея столичныхъ представителей, установился по нашему мнѣнію, крайне невѣрный взглядъ, на провинціальную журналистику. По мнѣнію большинства нашихъ присяжныхъ Аристарховъ книга, на заглавной страницѣ которой внизу не обозначено: «С.-Петербургъ» или «Москва», не можетъ быть вполнѣ хорошей, а потому на нее можно и, почти, даже должно глядѣть свысока... Откуда появился у насъ столь несправедливый взглядъ на литературныя работы нашей провинціи? Намъ кажется, что и въ данномъ случаѣ сказался,—говоря словами Грибоѣдова,— духъ «слѣпаго, рабскаго» подражанья... Дѣйствительно, если всмотрѣться пристально въ это почти высокомѣрное отношеніе «большой» печати къ литературнымъ попыткамъ провинціи,—окажется, что все недоразумѣніе проистекаетъ изъ довольно старагс и совсѣмъ неоригинальнаго источника. Дѣло въ томъ, что во Франціи, со временъ кардинала Ришелье, началось теченіе къ центру, сначала въ сферѣ политической. Ко времени Людовика XIV это движеніе завершилось окончательно и вылилось въ ясную, опредѣленную форму въ видѣ такъ называемой централизаціи. Центромъ умственной, промышленной и политической дѣятельности страны, ея «мозгомъ»—сдѣлался Парижъ и даже первая революція, стремившаяся все нивелировать, не избѣжала исторической ошибки прошлаго и позволила Парижу — Робеспьера, Дантона и Марата—вершить судьбы цѣлаго народа. А какъ рѣшалъ Парижъ въ то время вопросы провинціи,—можно видѣть, изучая ужасную, по своимъ безпримѣрнымъ жестокостямъ, исторію Вандейской войны, Ліонскія убійства и т. д. Франція вь XVIII столѣтіи была для русскихъ культурныхъ людей идеаломъ и всѣ формы ея жизни казались этимъ культурнымъ людямъ вполнѣ примѣнимыми, пригодными для пересадки на родную почву. Литература очень скоро централизовалась у насъ, сосредоточила свою дѣятельность въ Петербургѣ и порѣшила, что она, только одна она, можетъ думать и чувствовать за всю необъятную, *многомилліонную Русь.* Вначалѣ, при отсутствіи въ нашей провинціи умственной дѣятельности, при едва зарождающемся только просвѣщеніи, столичная литература оказала благотворное вліяніе, являясь посредницей между европейской наукой и нуждающейся въ наукѣ Россіей. Но скоро,—увы!— очень скоро съ русскимъ, т. наз. интеллигентнымъ человѣкомъ, преимущественно петербургскаго періода нашей исторіи, повторился печальный миѳъ о титанѣ Антеѣ, сынѣ праматери земли. Оторвавшись отъ почвы, отъ единенія съ народомъ, забывъ его исконные идеалы, забывъ его

Бога,—русскіе интеллигентные люди потеряли чутье того, что надо, что полезно для родной страны въ западномъ просвѣщеніи, начали слѣпо вѣровать всему, во что вѣрилъ и чему поклонялся Западъ. Мы не будемъ приводить въ примѣръ всѣ ошибки и уклоненія нашихъ вполнѣ объевропеившихся культурныхъ людей. Достаточно только упомянуть о безпочвенныхъ шатаніяхъ русской мысли, или о томъ, какъ безобразно былъ понятъ у насъ, или скорѣе—совсѣмъ непонятъ—Гоголь, сгорѣвшій отъ чистаго стремленія дать родинѣ нужный ей идеалъ жизни. Этого аскета мысли, безкорыстнѣйшаго и благороднѣйшаго дѣятеля,—у насъ прославили обскурантомъ, назвали безумнымъ за тотъ именно трудъ его, который только теперь начинаютъ цѣнить. Мы говоримъ о его «Перепискѣ съ друзьями».

Провинціальная печать, тѣмъ самымъ уже, что она вѣдаетъ лучше столичной печати—нужды провинціи, начинаетъ все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ вниманіе русскаго читающаго общества. Пусть русская литература блестяща, пусть она стоитъ наравнѣ съ литературами европейскихъ народовъ, но все же еще рано торжествовать и впадать въ олимпійское спокойствіе. Вполнѣ ли основательно разработана исторія нашей родины? Окончательно ли изучены памятники нашей старины, ея зодчество, ея письменные памятники, ея пережитые—обычаи, обряды, повѣрья, ея поэзія—пѣсни? Великорусское племя уподобило себѣ множество разныхъ народностей и бытъ этихъ народностей—предметъ весьма достойный изученія. Провинціальной печати представляется цѣлый рядъ важныхъ задачъ, которыя одна она можетъ выполнить съ наибольшимъ успѣхомъ. Работая для русской исторіи, этнографіи—провинціальный писатель можетъ помочь Россіи изучить и понять самое себя.

Повременное изданіе, полный титулъ котораго мы выписали въ началѣ нашей замѣтки, въ настоящемъ году вступило въ четырнадцатый годъ своего существованія. Въ программѣ этого почтеннаго журнала поставлено задачей давать читателямъ самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи, цѣнные документы для будущихъ изслѣдованій родной старины въ видѣ воспоминаній, разсказовъ, описаній историческихъ памятниковъ, этнографическіе очерки и т. д. За истекшіе 13 лѣтъ существованія «Кіевская Старина» дала кромѣ громаднаго матеріала, необходимаго всякому историку, основательно изучающему свой предметъ,—множество статей, проливающихъ свѣтъ на ту или другую сторону исторической жизни Малороссіи. Тотъ же дѣльно-научный характеръ представляютъ и двѣ первыя книжки этого журнала за текущій годъ. Январскій номеръ посвященъ памяти скончавшагося недавно профессора кіевскаго университета, Александра Ѳедоровича Кистяковскаго. Покойный А. Ѳ. Кистяковскій былъ выдающимся русскимъ ученымъ, труды котораго по уголовному праву, а также по исторіи и обычному праву, являются цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу русской научной письменности. Въ первой книгѣ «Кіевской старины» текущаго года ученые труды А. Ѳ. Кистяковскаго обстоятельно оцѣнены спеціалистами предмета И. Лучицкимъ и И. Я. Фойницкимъ, въ статьяхъ: «Труды А. Ѳ. Кистяковскаго въ области исторіи и обычнаго права» и «Кистяковскій, какъ

криминалистъ». Труды А. Ѳ. Кистяковскаго по уголовному праву, изъ которыхъ особенно замѣчательно изслѣдованіе его «о смертной казни», особенно любопытны, потому что онъ впервые прибѣгнулъ въ нихъ къ новому еще въ то время историческому методу изслѣдованія и показалъ, какъ обосновывалась та или другая законодательная мѣра, имѣя въ источникѣ своемъ извѣстный обычай народа. Не входя въ подробный разборъ ученыхъ трудовъ Кистяковскаго и отсылая читателей къ вышеупомянутымъ изслѣдованіямъ Лучицкаго и Фойницкаго, мы остановимся нѣсколько болѣе на біографическихъ данныхъ о жизни Кистяковскаго, встрѣчающихся въ статьѣ В. Науменка и въ отрывкѣ изъ автобіографіи покойнаго, написанной имъ самимъ для энциклопедическаго словаря. Происходя изъ небогатой семьи сельскаго священника, Кистяковскій вынесъ на себѣ всю тяжесть нужды и борьбы за существованіе— сначала въ духовномъ училищѣ и семинаріи, потомъ въ университетѣ. Съ неутомимой настойчивостію стремился онъ къ знанію и съ этой точки зрѣнія жизнь его крайне поучительна. Но всматриваясь въ эту полную борьбы жизнь, изучая замѣчательные труды покойнаго, невольно задумываешься надъ печальной участью русскаго ученаго, надъ ничѣмъ необъяснимымъ равнодушіемъ, съ какимъ относится наше общество къ передовымъ русскимъ дѣятелямъ. Во всякой другой странѣ такіе мыслители, какъ Остроградскій, Лобачевскій, Кистяковскій,—были бы гордостью родины, труды ихъ изучались бы и истолковывались, данныя о ихъ жизни собирались бы наиболѣе тщательно. У насъ ихъ благотворная дѣятельность въ лучшемъ случаѣ—проходитъ незамѣченной, въ худшемъ—встрѣчаетъ такія препятствія, отъ которыхъ нервные, впечатлительные люди вродѣ Кистяковскаго, теряли и теряютъ здоровье и сходятъ преждевременно въ могилу... Только одно и утѣшительно, что и для нихъ наступитъ когда нибудь своя «исторія».

Для Т. Гр. Шевченка, матеріалы для біографіи котораго находятся въ февральской книгѣ «Кіевской Старины», тоже, повидимому, наступаетъ «исторія». Говорить о Шевченкѣ—значитъ говорить о малорусской литературѣ, такъ какъ у него малороссійское нарѣчіе сдѣлалось языкомъ литературнымъ. Но біографическія данныя о его жизни,—полной «скитаній и случайностей»,—еще до сихъ поръ не вполнѣ собраны, не разработаны. Въ виду этого, отрывокъ изъ воспоминаній Т. Г. Шевченка, помѣщенный въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины», нѣсколько его неизданныхъ писемъ, напечатанныхъ тамъ же,—довольно любопытны. Въ отрывкѣ изъ воспоминаній Шевченко разсказываетъ о своихъ занятіяхъ живописью въ бытность его ученикомъ Академіи Художествъ. Шевченко былъ особенно друженъ съ Штернбергомъ, съ которымъ онъ въ ясные лѣтніе дни спозаранокъ отправлялся на Смоленское кладбище [1]) «рисовать съ натуры лопухи», особенно сочно и пышно разросшіеся на болотистой и жирной почвѣ кладбища. Лопухи были нужны Шевченкѣ для его картинъ, а именно для заполненія передняго плана зеленью, такъ какъ онъ замѣтилъ.

[1]) Въ таковыхъ же отношеніяхъ находился онъ и съ извѣстнымъ, нынѣ здравствующимъ, художникомъ М. О Микѣшинымъ, который хорошо помнитъ эти похожденія.

что это особенно украшаетъ картину. Во время работъ много было у молодыхъ учениковъ академіи горячихъ споровъ о любимомъ искусствѣ, и Шевченко съ любовью вспоминаетъ это время своей жизни, называя его счастливѣйшимъ. Часто во время ихъ прогулокъ «на этюды», въ особенности на вольные острова, къ нимъ присоединялся знаменитый профессоръ К. Брюлловъ. Обыкновенно Шевченко и Штернбергъ брали яликъ и отправлялись на взморье, на одинъ изъ пустынныхъ Вольныхъ острововъ, расположенныхъ въ устьѣ Невы. Однажды, когда въ прогулкѣ ихъ участвовалъ К. Брюлловъ, они высадились на одинъ изъ такихъ острововъ и отпустили лодочника до вечера, давъ ему два рубля и приказавъ пріѣхать за ними вечеромъ. Въ разговорахъ объ искусствѣ съ любимымъ профессоромъ пролетѣлъ незамѣтно день, насталъ вечеръ, а яличникъ не являлся. Однако, беззаботные художники не думали унывать, весело смѣялись и пѣли пѣсни. Случайно по близости катались на яликахъ нѣсколько учениковъ академіи. Узнавъ по голосамъ товарищей и Брюллова, они высадились на берегъ, захвативъ съ собой провизію, самоваръ—и вся компанія рѣшила провести ночь на островѣ. Къ утру къ нимъ опять присоединилось нѣсколько человѣкъ и весь слѣдующій день былъ проведенъ весело и беззаботно въ бесѣдахъ и спорахъ объ искусствѣ. Только поздно вечеромъ возвратилась дружная семья художниковъ назадъ въ столицу. «А лодочникъ запилъ, получивъ два рубля, и забылъ о насъ», добавляетъ Шевченко.

О Брюлловѣ Шевченко говоритъ почти съ благоговѣніемъ. Теплое и участливое отношеніе послѣдняго къ своимъ ученикамъ, дружески-товарищескія отношенія его къ нимъ,—оставили въ душѣ поэта неизгладимый слѣдъ на всю жизнь, и предъ смертью, когда онъ уже могъ подвести, такъ сказать, итоги своей богатой и радостями и горемъ жизни. Шевченко говоритъ, что ученическіе годы—самое счастливое время его жизни. Такъ повліяла на поэта человѣчность Брюллова и его умѣнье войти въ интересы учениковъ. Отрывокъ изъ воспоминаній Шевченка весьма любопытенъ въ особенности потому, что онъ бросаетъ новый свѣтъ на личность Брюллова. Не мѣшало бы и нѣкоторымъ профессорамъ нашей академіи, въ теперешнемъ ея преобразованномъ составѣ, пробѣжать воспоминанія Т. Г. Шевченка и поучиться у него уважать Брюллова, относительно одного изъ chef d'oeuvre'овъ котораго, а именно Распятія, находящагося въ одной изъ католическихъ церквей Петербурга и въ гравюрахъ извѣстнаго заграницей, — г. Рѣпинъ, этотъ корифей «реальной» русской школы, наивно признался, что онъ его «проглядѣлъ», и только теперь говоритъ, что «это chef d'oeuvre»... Хорошо, конечно, что хотя подъ старость г. Рѣпинъ «учится»; но пусть же онъ, любя родину, любя родное искусство, учится до конца и возьметъ себѣ въ образецъ «камень отвергнутый и ставшій въ основаніе угла»—К. Брюллова, пусть онъ также участливо и внимательно относится къ своимъ ученикамъ, какъ Брюлловъ, и «простятся ему всѣ грѣхи»... конечно, я разумѣю художественные.

Начиная съ февральскаго номера, «Кіевская Старина» помѣщаетъ на своихъ страницахъ очень любопытное изслѣдованіе Д. Багалѣя объ украинскомъ философѣ Григоріи Савичѣ Сковородѣ. До сихъ поръ

о личности этого мыслителя и его ученіи существовали только самыя отрывочныя свѣдѣнія. Въ своей «Украинской Старинѣ» покойный Гр. Пет. Данилевскій, первый, такъ сказать, ознакомилъ русское читающее общество съ своеобразной личностью нашего философа; но данныя, сообщаемыя имъ, относились только къ внѣшнимъ обстоятельствамъ его жизни, не касаясь сущности его ученія. Существующія изданія сочиненій Сковороды, помимо того, что рѣдки, мало помогутъ читателю ознакомиться съ замѣчательнымъ русскимъ мыслителемъ, такъ какъ своеобразный языкъ Сковороды, давность (болѣе столѣтія) написанія его сочиненій, провинціализмъ его языка, а самое главное мистически-аллегорическій языкъ его твореній, необыкновенно затрудняютъ читателя, желающаго ознакомиться съ его произведеніями. Необходимъ опытный, любящій предметъ комментаторъ,—и такой комментаторъ нашелся въ лицѣ Д. Богалѣя. Помимо того, что онъ изучалъ неизданныя рукописи Сковороды, находящіяся въ библіотекѣ Харьковскаго университета, С. Богалѣй принималъ дѣятельное участіе въ новомъ изданіи сочиненій Сковороды и далъ рядъ изслѣдованій, вполнѣ выясняющихъ всѣ обстоятельства жизни этого философа. Мы, оказывается, вправѣ и должны гордиться нашимъ мыслителемъ, такъ какъ онъ одинъ изъ немногихъ философовъ, у которыхъ ученіе не расходится съ жизнью. Это былъ монахъ,—отвергавшій монашество въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ его время,—ученый мыслитель, презиравшій ученыхъ, пользующихся наукой для полученія благъ жизни, другъ,—не дававшій дремать уму и сердцу своихъ друзей. Бодро и твердо донесъ онъ до могилы свою добровольную нищету, свой скитальческій посохъ и суму, и въ продолженіе своей долгой, трудной жизни доказалъ личнымъ своимъ примѣромъ истину, составляющую краеугольный камень его ученія. Онъ утверждалъ, что счастье человѣка — Царствіе Божіе, что достичь его не трудно. Надо только, чтобы духъ одержалъ побѣду надъ всѣмъ житейскимъ, суетнымъ, скоро преходящимъ. «У Гр. Сав. Сковороды эта побѣда завершилась вполнѣ и онъ въ правѣ былъ сказать въ своей, имъ самимъ сочиненной для себя эпитафіи:

«Міръ ловилъ меня, но не поймалъ!»

Статья Богалѣя вполнѣ обрисовываетъ своеобразную личность нашего мудреца. Мартовской книжкой она еще не закончилась и мы съ удовольствіемъ оставляемъ за собой право снова возвратиться къ этой статьѣ въ дальнѣйшихъ нашихъ обозрѣніяхъ, чтобы ознакомить читателей съ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ г. Богалѣя.

Объ остальномъ содержаніи «Кіевской Старины» скажу одно: много и щедро даетъ редакція по своей программѣ. Тутъ и г. Сумцовъ съ его добросовѣстными этнографическими изслѣдованіями, и Быстровъ съ любопытными изслѣдованіями малорусскихъ пѣсенъ, и новый «Шевченковскій» варіантъ сказки «о Хомѣ и Яремѣ» и т. д. Вообще «Кіевская Старина» для любящихъ старину южную, для любящихъ всю единую Русь— занимательна и поучительна.

П. Ѳ. С—р—г—въ.

В. Тищенко, привать-доценть Императорскаго СПБ. Университета. КАНИФОЛЬ и СКИПИДАРЪ. Подсочка хвойныхъ и переработка живицы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и другихъ государствахъ. Добываніе терпентина, скипидара и канифоли, ихъ свойства, химическій составъ и примѣненія. Съ рисунками въ текстѣ и картою распространенія хвойныхъ лѣсовъ въ Европейской Россіи. Изданіе Департамента Торговли и Мануфактуръ. СПБургъ. 1895 г.

Дѣятельность Департамента Торговли и Мануфактуръ послѣдняго курса не оставила не тронутою почти ни одной отрасли отечественной промышленности; всесторонне и разными способами этотъ Департаментъ освѣщаетъ въ печати и воспособляетъ на дѣлѣ все заслуживающее вниманія. Въ ряду массы изданныхъ имъ въ сравнительно короткое время трудовъ, по обслѣдованію промысловъ, почетное мѣсто занимаетъ названный трудъ г. Тищенко.

Хотя у насъ хвойныхъ лѣсовъ больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ Европы, но правильной подсочки ихъ для добыванія сѣрнаго скипидара и канифоли почти не существуетъ.—Введенный у насъ англичанами въ 1780 г. въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ терпентинный промыселъ съ американскимъ или австрійскимъ способомъ подсочки сосны, дававшимъ хорошій, богатый скипидаромъ терпентинъ, теперь забытъ и въ настоящее время подсочка сосны въ Россіи сводится главнымъ образомъ къ заготовкѣ смолья, сборъ же сѣры играетъ второстепенную роль.

Перерабатывая свои хвойныя лѣса на дешевую смолу, пекъ и скипидаръ для заграничнаго вывоза, мы ввозили дорогую канифоль и сѣрный скипидаръ, ежегодно переплачивая милліоны рублей заграницу. Въ то время какъ французы въ своихъ искусственно-насажденныхъ лѣсахъ развили терпентинный промыселъ такъ широко, что вытѣснили американскую канифоль и скипидаръ со своихъ рынковъ и успѣшно конкуррируютъ съ американцами въ Европѣ, мы не можемъ удовлетворить своего внутренняго спроса и выпускаемъ товаръ, по качествамъ далеко уступающій привозному, хотя для добыванія истребляемъ не мало лѣсу.

Появленіе настоящей книги, съ достаточною ясностью доказывающей, что, при правильной и разумной постановкѣ, очень выгодный и у насъ терпентинный промыселъ нисколько не угрожаетъ истребленіемъ лѣсовъ, тѣмъ болѣе можетъ быть признано своевременнымъ, что вопросъ раціональной (надлежащей) эксплоатаціи (использованія) нашихъ лѣсныхъ богатствъ требуетъ давно уже разрѣшенія, стоитъ на очереди, такъ какъ еще въ 1870-хъ годахъ со всѣхъ сторонъ слышатся вопли объ истребленіи лѣсовъ со всѣми его послѣдствіями какъ для климата (суровѣе и суше), такъ и для рѣкъ (обмеленіе), источниковъ (изсяканіе), садовъ

(гибель), культуры нѣкоторыхъ полевыхъ растеній, не говоря уже о повышеніи цѣнъ на всѣ лѣсные матеріалы.

Книга г. Тищенко представляетъ обстоятельный очеркъ какъ терпентиннаго промысла въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и другихъ государствахъ Европы, не исключая Россіи, такъ и обширнаго практическаго примѣненія производныхъ этого промысла, съ вполнѣ здѣсь-же выясненными свойствами и химическимъ составомъ терпентина, скипидара и канифоли въ лаковомъ, цементномъ, сургучномъ и масляномъ производствахъ, на мыловаренныхъ и бумажныхъ (для проклейки) заводахъ, въ производствѣ красокъ, замазокъ, мастики, олифъ, сажи, колесной мази, пивной смолы, бутылочной смолки для заливки пробокъ, сапожнаго вара. Простые и цѣлесообразные рецепты этого примѣненія предусмотрительно также приведены въ своемъ мѣстѣ.

Г. Тищенко не оставляетъ безъ выясненія размѣры міроваго производства терпентина, скипидара и канифоли, а также сообщаетъ свѣдѣнія о цѣнахъ и торговлѣ этими предметами и указываетъ даже на законы, касающіеся надзора за торговлей смоляными товарами въ Соединенныхъ Штатахъ.

Книга эта, выясняя, наконецъ, современное положеніе терпентиннаго производства и возможность его развитія въ Россіи, несомнѣнно удовлетворяетъ настоятельной потребности собственниковъ хвойныхъ лѣсовъ и должна будетъ оказать огромную пользу при выработкѣ вполнѣ доброкачественныхъ и болѣе цѣнныхъ этихъ продуктовъ въ количествѣ, достаточномъ не только для внутреннихъ потребностей, но и для имѣющаго, безъ сомнѣнія, громадную будущность вывоза ихъ заграницу.

Не можемъ, наконецъ, не обратить вниманія на то, что г. Тищенко составъ казенныхъ лѣсовъ ошибочно опредѣляетъ свыше 210.000.000 десятинъ, тогда какъ на 1 стр. Отчета Лѣснаго Департамента за 1892 г. таковыхъ лѣсовъ значится 117.744.914 $^1/_2$ десятинъ. Кромѣ того въ книгѣ г. Тищенка всѣ мѣры показаны безъ перевода ихъ на соотвѣтсвенныя русскія, что нѣсколько затрудняетъ читателя книги, написанной очевидно для русскихъ и на русскомъ языкѣ.

Доз. Цензурою СПБ., 3 мая 1895 г. Тип. Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18.

БЛАГОВѢСТЪ

Мартъ—Апрѣль

1895

Кормчій Ѳ. Четыркинъ.

Продолженіе статьи Е. К. Апостолиди: „Древне-христіанскіе церковные писатели объ изученіи греческихъ классиковъ.

Приложеніе къ «Русской Бесѣдѣ».

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 3-го мая 1895 года.
Цензоръ Протоіерей **А. Автономовъ**.

Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

опредѣленностью обозначались между представителями христіанскаго просвѣщенія два противоположныхъ мнѣнія относительно изученія древнихъ классиковъ) наводитъ на мысль, что въ вышеприведенныхъ словахъ со всею рѣзкою опредѣленностью впервые формулировала свое мнѣніе партія противниковъ классическаго образованія [1].

Но независимо отъ всего нами сказаннаго, значеніе свидѣтельства „Постановленій" не мало ослабляется, если и совсѣмъ не уничтожается, какъ разъ обратнымъ свидѣтельствомъ „Встрѣчъ Климента" (Recognitines Clementis) — произведенія, подлинность котораго отчасти сомнительна, но которое все таки въ сравненіи съ „Постановленіями" имѣетъ преимущество большей древности (происхожденіе его относиться къ 212—230 г.г.) [2]. Въ „Встрѣчахъ Климента" въ уста ап. Петра влагается слѣдующій планъ христіанскаго воспитанія: „когда положены твердыя основанія истины, согласно со Св. Писаніемъ, тогда можно безъ опасенія, чтобы болѣе и болѣе утверждать ее въ умахъ, воспользоваться знаніями и искусствами...; *во всякомъ случаѣ нужно стараться избѣгать лжи* и заблужденія, *когда открыта истина*" [3]. Можно думать, что эти слова были для защитниковъ классическаго образованія тѣмъ же, чѣмъ извѣстная выдержка изъ „Постановленій" для его противниковъ. Но если это вѣрно, значеніе, какое стараются придать этимъ свидѣтельствамъ сторонники и противники классическаго образованія, совершенно исчезаетъ: это-не доказательства, а тѣ же мнѣнія, все еще требующія новыхъ доказательствъ.

III.

Взглядъ отцовъ и учителей церкви греческой II и III в.в. на изученіе древнихъ классиковъ.

Письменныя произведенія отцовъ и учителей церкви за періодъ времени отъ 140 до 313 г.г. по Рожд. Хр. — по обилію и разнообразію своего содержанія значительно превосходятъ литературу эпохи мужей апостольскихъ и притомъ уже явно на себѣ

[1]) Вас. Плотниковъ, Ibidem., ст. 37 и дал.
[2]) Schliemann. Die clementinische Recognitionen eine Veberarbeitung der Clementine. Kiel 1843 s. 327.
[3]) Recognitiones, lib. X, c. XLI.

обнаруживаютъ слѣды вліянія греко-римской образованности. Явленіе это легко объясняется обстоятельствами Христовой церкви въ данное время. По мѣрѣ распространенія Евангелія во всѣхъ концахъ греко-римской монархіи, язычество болѣе и болѣе ощущало близость совершеннаго своего паденія: въ этомъ и заключалась главная причина всеобщей ожесточенной ненависти противъ христіанства, какъ религіи новой, притомъ видимо стремившейся не только занять мѣсто подлѣ другихъ религій, но и вытѣснить и замѣнить собою іудейство и язычество и обнять всѣ народы міра. Суевѣріе простаго народа и невѣріе мудрецовъ языческихъ (философовъ и правителей) одинаково вооружились противъ вѣры Христовой и ея исповѣдниковъ,—одно въ защиту старыхъ преданій и мнимыхъ боговъ своихъ, другое—въ силу отрицанія и по чувству презрѣнія ко всѣму истинному и святому и тѣмъ безъизвѣстнымъ проповѣдникамъ новой религіи, которыхъ они считали рабами, грубыми варварами. Отсюда язвительныя насмѣшки, неслыханныя клеветы и жесточайшія открытыя гоненія на общество христіанъ, ради которыхъ разгнѣванные боги будто бы посылаютъ на римское государство разныя общественныя бѣдствія. Слѣдуя примѣру Божественной Главы и Спасителя своего, христіане въ борьбѣ съ язычествомъ отражали удары и нападенія его главнымъ образомъ высоко-нравственною, самоотверженною жизнью и несокрушимымъ терпѣніемъ; но съ половины II-го вѣка они стали употреблять противъ него въ защиту своей невинности, чистоты и высоты своего ученія, какъ и самаго богопочитанія, и оружіе слова. Церковь мало по малу пріобрѣтала себѣ ученыхъ защитниковъ („апологетовъ“), съ одной стороны черезъ обращеніе ко Христу образованныхъ язычниковъ, съ другой—чрезъ воспитаніе въ своихъ собственныхъ школахъ мужей и юношей, которые, владѣя богатымъ запасомъ свѣдѣній историческихъ, философскихъ, миѳологическихъ и вмѣстѣ достаточнымъ искусствомъ логической и литературной ихъ обработки, могли смѣло выступать предъ судомъ языческаго міра, доказывать несравненное превосходство вѣры и жизни христіанской предъ всякими другими ученіями и образомъ жизни людей и постепенно пролагать путь къ окончательному торжеству Евангелія. Въ то же время въ нѣдрахъ самой церкви увеличиваются внутренніе враги ея—ереси, которыя произошли изъ смѣшенія языческихъ вѣрованій съ христіанскими; этимъ еще болѣе усложнились задачи христіанскихъ апологетовъ. Извѣстно, чѣмъ завершилась эта продолжительная и упорная

борьба язычества съ христіанствомъ:—окончательнымъ паденіемъ перваго и полнымъ, всемірнымъ торжествомъ христіанства.

Но эта борьба не была борьбой только двухъ религій, или религіозныхъ системъ; она охватывала несравненно болѣе широкую территорію. Антропоморфическій политеизмъ глубоко проникалъ всѣ стороны частной, общественной и государственной жизни грека и римлянина; его цвѣтомъ окрашены были не только вѣрованія, нравы и обычаи народа, но и философія, искусство и литература. Касаясь одной стороны жизни греко-римскаго общества, нельзя было не коснуться и многихъ другихъ; борьба религій естественно должна была перейти въ борьбу культурную. Для насъ собственно интересны результаты этой борьбы христіанства противъ языческой духовной культуры. Здѣсь случилось то, что нерѣдко случается съ побѣдителями и побѣжденными на полѣ брани: „побѣжденные, какъ говоритъ Сенека, предписывали законы побѣдителямъ (victores victoribus leges dedere)".[1] Христіанскіе народы, водворившіеся на территоріи греко римской имперіи, усвоили себѣ начала образованности, выработанныя древними греками и римлянами, и эти начала вмѣстѣ съ христіанской религіей, легли въ основу всего умственнаго прогресса новаго, христіанскаго человѣчества.

Такъ какъ этимъ переходомъ отъ борьбы къ примиренію христіанства съ языческою духовною культурой всецѣло обусловливался взглядъ отцовъ и учителей церкви разсматриваемаго и послѣдующаго времени, то намъ существенно необходимо войти въ разсмотрѣніе причинъ и условій, благодаря которымъ, въ средѣ христіанской явилось благосклонное отношеніе къ классической культурѣ. Причины эти заключались частью въ высокихъ качествахъ и могучемъ вліяніи на умы греческой и римской культуры, частью въ потребностяхъ самаго христіанства. Первое условіе къ примиренію съ языческою интеллектуальною культурой заключалось уже въ самихъ тѣхъ лицахъ изъ христіанскаго общества, на которыхъ впервые возложена была обязанность апологетовъ христіанства, т. е. отцовъ и учителей церкви II и III вв. Это были: Іустинъ философъ, Татіанъ, Аѳинагоръ, Ѳеофилъ, еп. антіохійскій, Ермій, Климентъ александрійскій, Оригенъ, Діонисій и Петръ, епископы александрійскіе, Меѳодій тирскій, Ириней еп.

---

[1]) Фрикенъ, Римскія катакомбы, ч. III, стр. 64.

ліонскій, Ипполитъ, еп. римскій. Почти всѣ упомянутые лица, поставившіе себѣ задачею защищать,—(ἀπολογεῖσθαι),—быть апологетами христіанской религіи въ разныхъ противъ нея нареканіяхъ, показать разумность ея іудейско-языческому міру и превосходство ея предъ остальными религіями, были людьми глубоко и всесторонне образованными, знакомыми какъ съ религіозными, такъ и съ философскими системами и всею мудростью древняго міра. Такъ объ Іустинѣ мы узнаемъ изъ его «Разговора съ Трифономъ іудеемъ», что онъ прошелъ всѣ философскія школы, ища истины, пока наконецъ не нашелъ ее въ христіанствѣ (гл. 2—8). Татіанъ много путешествовалъ съ научною цѣлью, изучилъ миѳологію, литературу, философію и исторію, такъ что вслѣдствіе своихъ многостороннихъ познаній пріобрѣлъ себѣ почетное имя между образованными людьми [1]). Аѳинагоръ, по свидѣтельству Филиппа Сидета, былъ философомъ и написалъ много сочиненій, о чемъ онъ и самъ говоритъ въ своемъ трактатѣ „о воскресеніи мертвыхъ“ [2]). Св. Ѳеофилъ антіохійскій также получилъ обширное научное образованіе [3])· Въ Климентѣ александрійскомъ еще въ раннихъ лѣтахъ замѣчена была необыкновенная жажда познаній, побудившая его тщательно изучать философовъ и поэтовъ и имѣвшая слѣдствіемъ обширнѣйшую ученость и основательное знакомство со всѣми важнѣйшими памятниками древней классической литературы. Подобно Іустину философу, только уже послѣ того, какъ пытливый духъ его испробовалъ ученія всѣхъ философскихъ школъ и ни въ одной не нашелъ должнаго удовлетворенія томившей его жаждѣ, Клименту въ зрѣломъ возрастѣ привелось познакомиться съ христіанствомъ, въ которомъ открылся для него обильный источникъ душевнаго мира и чистаго, и высшаго вѣдѣнія [4]). Ученикъ Климента, Оригенъ, самъ свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ познакомился со всѣми извѣстными тогда науками, со всевозможными религіозными и философскими системами, не исключая и христіанскихъ и ересей [5]). Познанія его во всѣхъ этихъ областяхъ были настолько обширны и глубоки, что онъ въ свое время считался чудомъ учености, предъ которымъ безпре-

---

[1]) «Рѣчь противъ эллиновъ», гл. I.
[2]) Прав. Соб. 1882 г., т. 4, стр. 76—77.
[3]) Ibidem.
[4]) Евсевій, Церковн. Ист. V. 11 стр., VI, 13 стр.
[5]) Ibidem, VI, 13.

жесловно склонялись не только христіанскіе богословы, но и языческіе философы [1]). Самое близкое и обширное знакомство съ философіей и съ предметами тогдашней школы обнаруживаетъ въ себѣ и авторъ „Осмѣянія языческихъ философовъ“ (Διασυρμὸς τῶν ἔξω φιλοσόφων) [2]). Сочиненія Иринея обнаруживаютъ въ немъ человѣка высоко образованнаго по тому времени; онъ коротко былъ знакомъ съ древними поэтами философами, со всѣми современными мнѣніями, имѣвшими то или другое отношеніе къ христіанству [3]). Тертулліанъ называетъ его самымъ пытливымъ изслѣдователемъ всѣхъ ученій—omnium doctrinarum curiosissimus explorator [4]); а блаженный Іеронимъ ставитъ его въ примѣръ любви къ изученію философіи [5]). О Діонисіи [6]) и Петрѣ [7]), епископахъ александрійскихъ, извѣстно, что они были учителями въ огласительномъ училищѣ и славились вообще своею ученостью. Высокообразованными людьми были также Меѳодій тирскій (патарскій) [8]) и Ипполитъ римскій [9]).

Само собою разумѣется, что греческое образованіе, полученное названными отцами и учителями церкви большею частью еще до обращенія ихъ въ христіанство, еще не обусловливало непремѣнно ихъ благосклоннаго отношенія къ греческой мудрости и во все послѣдующее время. Должны были существовать и дѣйствительно были другія причины, заставлявшія ихъ съ благодарностію вспоминать отроческіе и юношескіе годы, проведенные ими въ греческихъ школахъ. Сюда нужно отнести прежде всего ту незамѣнимую услугу, которую оказало имъ ихъ греческое образованіе въ борьбѣ съ язычествомъ.

Въ то время, какъ народъ и правительство римское старались подавить христіанство грубой физической силой—всевозможныхъ родовъ прещеніями и гоненіями, оно подверглось другого рода нападеніямъ со стороны представителей языческой интеллигенціи, которые открыли борьбу противъ него на почвѣ болѣе имъ свойственной, именно на почвѣ литературы. Сначала греческіе и римскіе писатели не обращали почти никакого вниманія до конца

---

[1]) Филаретъ Черн., Истор, ученіе объ отцахъ церкви, т. I, 208 и д.
[2]) Вл. Плотниковъ, Ibidem, стр. 65
[3]) Филаретъ Черн., Ibidem, стр. 95 и дал.
[4]) Conta Valentanianum, c. 5.
[5]) Epistola ad Magnum, 84.
[6]) Филаретъ Черниг., Ibidem, стр. 141.
[7]) Ibdem, 177 и д.
[8]) Ibidem, стр. 167.
[9]) Ieronimi epistola ad Magnum, 70.

II вѣка, только очень немногіе изъ нихъ и то какъ бы мимоходомъ, упоминаютъ о христіанахъ. Но со второй половины II вѣка христіанство, уже довольно широко распространившееся въ грекоримскомъ обществѣ, обращаетъ на себя болѣе серьезное, чѣмъ прежде, вниманіе греческихъ и римскихъ писателей и становиться предметомъ порицанія и насмѣшекъ со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ. Литературными противниками христіанства въ разсматриваемый періодъ времени можно назвать: Лукіана, Кресцента, Фронтона, Арріана, Цельса, Порфирія и Іерокла [1]). Всѣ эти лица, нападая на христіанство, основывали свои возраженія противъ него главнымъ образомъ на философскихъ началахъ и подвергали его философской критикѣ. Чтобы съ успѣхомъ отражать эти нападенія, защитники христіанства должны были часто становиться на точку зрѣнія своихъ враговъ и поражать ихъ же собственнымъ оружіемъ—при помощи науки и философіи. Съ другой стороны, защищая христіанство, апологеты его въ свою очередь нападали на язычество, стараясь доказать главнымъ образомъ несостоятельность его философскихъ основъ, на которыхъ еще продолжало держаться падающее язычество. Но въ этой области, очевидно, уже и совсѣмъ нельзя было обойти философію и философскіе пріемы. Кромѣ того, во II и III в. в. быстро растутъ и развиваются многочисленныя ереси, опиравшіяся на философію и облеченныя въ форму философскихъ системъ. Борьба съ этими ересями еще болѣе усиливала спросъ на философію и научное образованіе вообще въ христіанскомъ обществѣ. Впрочемъ справедливость требуетъ здѣсь замѣтить, что эта для всѣхъ очевидная связь христіанскихъ ересей съ языческою философіею, не всегда вызывала къ нимъ сочувствіе среди вѣрующихъ,—на нѣкоторыхъ христіанъ эта связь производила какъ разъ обратное дѣйствіе и была однимъ изъ главнѣйшихъ побужденій къ сопротивленію ей.

Нѣтъ ничего, поэтому, удивительнаго, что услуга, оказанная христіанству въ борьбѣ его съ язычествомъ греческою философіею, не могла не вызвать нѣкотораго уваженія и не возбудить сочувствія къ ней особенно въ тѣхъ людяхъ, которые съ дѣтства привыкли видѣть въ ней высшее украшеніе человѣка, т. е. въ тѣхъ христіанскихъ писателяхъ, которые родились язычниками и только впослѣдствіи стали христіанами. Но борьба христіанства съ язычествомъ оказала услугу классической философіи еще другой своей

---

[1]) Вл. Плотниковъ, Ист. хр. просв., стр. 47 и дал.

стороною. Близкое ознакомленіе съ философіею ради борьбы съ язычествомъ обусловливало собою невольное, но неизбѣжное сравненіе христіанскаго ученія съ ученіемъ языческой философіи. Всматриваясь ближе въ философскія системы язычниковъ, христіанскіе писатели необходимо должны были прійти и пришли дѣйствительно къ тому знаменательному заключенію, что въ греческой философіи не все безусловно дурно и достойно порицанія, что не все въ ней стоитъ въ непосредственной связи съ языческимъ политеизмомъ, но что есть въ ней и нѣчто истинное, достойное вниманія и подражанія, даже согласное съ истинами Откровенія. Мысль эта христіанскими апологетами должна была быть усвоена тѣмъ легче, что она не представляла уже новости, такъ какъ она проповѣдывалась, какъ намъ извѣстно, еще александрійскими учеными іудеями гораздо раньше.

Мнѣніе о томъ, что языческая философія заключаетъ въ себѣ много общаго съ Божественнымъ Откровеніемъ, впервые и со всею ясностью высказано было уже апологетами II вѣка. Такъ, св. Іустинъ философъ пишетъ: „когда мы говоримъ, что все устроено и сотворено Богомъ, то высказываемъ ученіе Платоново; когда утверждаемъ, что міръ сгоритъ, то говоримъ согласно съ мнѣніемъ стоиковъ; и когда учимъ, что души злодѣевъ и по смерти, имѣя чувствованіе, будутъ наказаны, а души добрыхъ людей, свободныя отъ наказаній, будутъ жить въ блаженствѣ, то мы говоримъ тоже, что и философы. Утверждая, что не должно покланяться дѣлу рукъ человѣческихъ, мы говоримъ то же, что Менандръ комикъ и другіе подобныхъ же мыслей: они говорили, что художникъ выше произведенія [1]). Если мы говоримъ, что „Слово Божіе“ родился отъ Бога особеннымъ образомъ и выше обыкновеннаго рожденія, то пусть это будетъ у насъ обще съ вами (язычниками), которые Гермеса называете Словомъ—вѣстникомъ отъ Бога... Если мы говоримъ, что Онъ родился отъ Дѣвы, то почитайте и это общимъ съ Персеемъ. Когда объявляемъ, что онъ исцѣлялъ хромыхъ, разслабленныхъ..., то мы говоримъ подобное тому, что говорятъ о дѣяніяхъ Эскулапія [2]).

И вообще Іустинъ находитъ такое близкое сходство между христіанскими и философскими воззрѣніями, что и христіанство, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ болѣе совершенная форма

---

[1]) Первая апологія, гл. 20.
[2]) Первая апологія, гл. 22.

философіи, оно есть возвышенная, богооткровенная философія, истинная мудрость [1]). Еще подробнѣе раскрываетъ это сходство Климентъ Александрійскій, который подобно Іустину мученику, смотрѣлъ на христіанство, какъ на совершеннѣйшую философію [2]). Подобныя же мысли высказывали и другіе отцы и учители церковные II и III в. в.: Ѳеофилъ, еп. антіохійскій [3]), Аѳинагоръ [4]), Оригенъ [5]), Ириней Ліонскій [6]) и проч.

Но если сходство и притомъ весьма значительное сходство между философскимъ ученіемъ и откровеннымъ—дѣйствительно существуетъ, то какъ и чѣмъ это объяснить? Вотъ вопросъ, который естественно возникалъ у каждаго изъ христіанскихъ писателей, открывшихъ это поразительное сходство. Какъ рѣшали они этотъ вопросъ? Если не принимать во вниманіе мнѣній на этотъ счетъ Оригена [7]), Аѳиногора [8]) и другихъ, ссылавшихся въ объясненіе этого факта на родъ естественнаго инстинкта, присущаго всѣмъ людямъ и обусловливающаго согласіе между ними въ нѣкоторыхъ истинахъ,—мнѣній, не получившихъ полнаго развитія и болѣе или менѣе широкаго распространенія, то можно указать два господствовавшихъ рѣшенія указаннаго вопроса, которые нерѣдко принимались однимъ и тѣмъ же авторомъ. Первое рѣшеніе заключается въ томъ, что лучшіе представители языческаго міра находились подъ особеннымъ благодатнымъ дѣйствіемъ Промысла Божія, которое сообщало имъ въ извѣстной степени вѣдѣніе или разумѣніе религіозно-нравственныхъ истинъ. Первымъ изъ христіанскихъ писателей высказалъ это мнѣніе Іустинъ философъ. Свои разсужденія относительно этого предмета онъ ставитъ въ непосредственную связь съ ученіемъ о Словѣ Божіемъ (или Логосѣ), которое занимаетъ центральное положеніе во всемъ богословіи его апологетическихъ сочиненій. „Логосъ, по его ученію, есть разумъ Божественный, проявляющійся“ во всемъ „и въ частности въ людяхъ“ [9]). „Богъ сотворилъ родъ человѣческій разумнымъ и способнымъ избирать истинное и дѣлать доброе..., всѣ

---

[1]) Вторая апологія, гл. 10.
[2]) Stromata, lib. IV, p. 554 и друг.; Cohortatio ad gent. VI, 20. 21.
[3]) Къ Автолику, стр. 229.
[4]) Legatio, c. 7.
[5]) Contra Celsum, VI, 8, 9, 4, 7.
[6]) Adversus haeveticos, III, 18.
[7]) Ibidem, VI, 3, 4.
[8]) Ibidem, VI, 3, 4.
[9]) Вторая Апологія, гл. 14.

сотворены разумными и способными къ созерцанію“ [1]). Поэтому—разуму „причастенъ весь человѣческій родъ“ [2]). „Чрезъ познаніе и созерцаніе его философы и законодатели высказывали хорошія мысли“ [4]). Этотъ „Логосъ есть Сынъ Божій. Называется Онъ и ангеломъ и апостоломъ, ибо Онъ возвѣщаетъ все, что должно знать и посылается для открытія того, что возвѣщается... И онъ прежде въ видѣ огня въ безтѣлесномъ образѣ являлся Моисею и другимъ пророкамъ, а нынѣ... сдѣлался человѣкомъ отъ Дѣвы“ [5]) и нарекся Іисусомъ Христомъ [6]), такъ, что Логосъ есть Христосъ, или Христосъ есть воплощенный разумъ [7]). Поэтому можно сказать, что Сократъ и другіе философы настолько знали Христа, насколько знали истину [8]). Въ этомъ смыслѣ можно назвать христіанами всѣхъ тѣхъ, которые учили разумно до Христа. „Тѣ, которые жили согласно съ Логосомъ, суть христіане, хотя бы считались за безбожниковъ; таковы между эллинами—Сократъ и Гераклитъ и имъ подобные, а изъ варваровъ—Авраамъ, Ананія, Азарія и Мисаилъ, и Илія и многіе другіе... тѣ прежде бывшіе, которые жили противно Логосу, были безчестными, враждебными Христу и убійцами людей, жившихъ согласно съ Логосомъ“ [9]).

Такимъ образомъ христіанство—есть философія, но только высшая, истинная, богооткровенная философія. Оно есть осуществленіе того, къ чему стремилась человѣческая философія и чего не могла достигнуть. Отношеніе между христіанствомъ и философіею, поэтому, можно опредѣлить какъ отношеніе истинной философіи и ложной, божественнаго ученія и человѣческаго откровенія и естественнаго разума, христіанства, наконецъ, и язычества. Отъ чего зависитъ такое различіе откровенной во Христѣ философіи и человѣческой? Отъ того, что есть различіе между Логосомъ Христомъ и Логосомъ всѣхъ людей. Во Христѣ вочеловѣчился «Ὁ πᾶς Λόγος» (Слово въ своей полнотѣ) [10]), тогда какъ другіе люди обладали только «Σπέρματα τοῦ Λόγου» (сѣменами Слова) [11]) или «Μέρος

---

[2]) Первая Апологія, гл. 28.
[3]) Ibidem, гл. 46.
[4]) Вторая Апологія, гл. 10.
[5]) Первая Апологія, гл. 63.
[6]) Ibidem, гл. 5.
[7]) Вторая Апологія, гл. 14.
[8]) Первая Апологія, гл. 46.
[9]) Ibidem, гл. 46.
[10]) Вторая Апологія гл. 8 и 10.
[11]) Ibidem, гл. 8; ср. 1 Іоан. IV, 4 ст.

Λόγου». (частью Слова) [1]). Люди имѣютъ только участіе въ Логосѣ [2]), и живущій въ нихъ Логосъ называется «Σπερματικός;» обладая только частью Логоса, они не могутъ имѣть и полной истины или познанія, а только «Σπέρμα ἀληθείας». Лишь тотъ, кто вѣруетъ во Христа и принялъ ученіе «Πᾶς Λόγος», не имѣетъ уже болѣе частичнаго познанія истины, но полное и совершенное или совершенную философію [3]). Собственно—одна только въ сущности философія — это христіанство [4]). Поэтому христіанствомъ должны быть измѣряемы философскія системы людей.

То же самое почти мнѣніе, но нѣсколько подробнѣе, высказалъ въ своихъ произведеніяхъ и Климентъ Александрійскій. Сравнивая философскія системы съ откровеннымъ ученіемъ, онъ, подобно другимъ апологетамъ, находилъ въ нихъ очень много общаго. Какъ объяснить это явленіе? Не иначе, какъ предполагая, что источникъ истины для тѣхъ и другаго былъ одинъ и тотъ же. Но, откровеніе—отъ Бога; слѣдовательно, отъ Бога же и тѣ проблески истины, которые встрѣчаются въ произведеніяхъ языческихъ философовъ. Источникомъ всякой истины служитъ Слово Божіе или Логосъ, дѣйствіе котораго простирается на всѣхъ безъ различія пола, возраста, образованія, временъ и народностей. „Слово не было сокрыто ни для кого; это—общій свѣтъ, сіяющій для всѣхъ людей; въ отношеніи къ Слову нѣтъ Киммерійца" [5]). Въ Ветхомъ завѣтѣ Оно являлось въ образѣ таинственнаго вѣстника или говорило посредственно чрезъ Моисея и пророковъ, а въ Новомъ—„оный таинственный вѣстникъ рождается въ лицѣ Іисуса" и учитъ непосредственно „лицемъ къ лицу". Онъ же училъ истинѣ и язычниковъ посредствомъ философіи [6]). „Посему философы, руководясь при собственномъ разсужденіи духомъ познанія, когда занимаются не какою-нибудь частною философіею, а всецѣлою и совершенною и съ любовью къ истинѣ и безпристрастіемъ свидѣтельствуютъ объ истинѣ, то даже при разногласіяхъ говорятъ доброе и достигаютъ до разумѣнія истины по божественному устроенію неизреченной Благости, которая всегда по

---

[1]) Ibidem, гл. 13.
[2]) Первая Апологія, гл. 46.
[3]) Вторая Апологія, гл. 8.
[4]) Діалог., гл. II.
[5]) Cohort. ad gentes IX, 25.
[6]) Stromat. VI, 1. 3.

возможности ведетъ природу существъ къ лучшему [1]). (Мы не выдѣляемъ, какъ особое, то мнѣніе нѣкоторыхъ апологетовъ, будто истины философіи, тождественныя съ откровенными, были внушены людямъ демонами, которые, примѣшивая къ нимъ ложь и вымыслы фантазіи, имѣли цѣлію ввести людей въ заблужденіе и отвратить отъ истины. Такъ какъ внушенію демоновъ приписывалась, кажется, не истина собственно, а тѣ вымыслы и ложныя представленія, которыми она окружена была въ языческихъ произведеніяхъ, то на эту мысль можно смотрѣть какъ на дополненіе или какъ на одну изъ частныхъ мыслей, доказывающихъ и развивающихъ общее положеніе, тѣмъ болѣе, что мысль эта нерѣдко проповѣдуется тѣми же самыми лицами, которые держатся изложеннаго ученія о Логосѣ).

Достаточно было голоса такихъ извѣстныхъ своею ученостью и уважаемыхъ учителей, какъ Іустинъ Философъ и Климентъ для того, чтобы мнѣніе, высказанное еще александрійскими іудеями,— мнѣніе о тождествѣ источника истинъ философскихъ и истинъ Божественнаго Откровенія,—получило довольно широкое распространеніе въ Церкви христіанской, особенно въ разсматриваемое нами время. Его высказывали не одни только Іустинъ и Климентъ, а почти и всѣ прочіе апологеты. Послѣдніе, на ряду съ этимъ, высказывали и другое объясненіе замѣчаемаго ими сходства истинъ философскихъ съ ученіемъ Откровенія. Это объясненіе заключается въ томъ предположеніи, что языческіе философы и поэты все, что есть лучшаго и истиннаго въ ихъ произведеніяхъ заимствовали изъ св. книгъ Откровенія и еврейской библіи.

Первымъ изъ христіанскихъ писателей высказалъ такое предположеніе Іустинъ Философъ. Онъ говоритъ: „во всемъ, что философы и поэты учили о безсмертіи души, о наказаніяхъ по смерти, о созерцаніи небеснаго и о подобныхъ предметахъ они пользовались отъ пророковъ, — чрезъ нихъ они могли понять и излагать это“ [2]). Что стоики, напримѣръ, говорили о всемірномъ пожарѣ, поэты — о подземномъ мірѣ, этому они научены отъ Моисея [3]). Та же мысль развивается и Климентомъ Александрійскимъ. Въ доказательство ея справедливости имъ приводятся безчисленныя выдержки изъ философовъ, поэтовъ, хронографовъ,

---

[1]) Stromat. VII, 2.—VI, 17.
[2]) Апологія, гл. 44.
[3]) Ibid., гл. 60.

мнеографовъ—и поставляются въ параллель съ библейскими свидѣтельствами, какъ для сличенія одинаковыхъ ученій вѣры и нравственности, такъ и для того, чтобы опредѣленіемъ хронологіи чудесъ и другихъ событій доказать глубочайшую древность еврейскаго откровенія и заимствованіе изъ него позднѣйшихъ философскихъ [1]). Изъ прочихъ апологетовъ подобнаго мнѣнія держались [2]), Θеофилъ Антіохійскій [3]), Оригенъ [4]),—и другіе. Вообще это было самымъ распространеннымъ мнѣніемъ во всей христіанской древности.

Такимъ образомъ въ твореніяхъ христіанскихъ апологетовъ, даже въ твореніяхъ однихъ и тѣхъ же писателей, какъ напримѣръ Іустина, Климента и друг., указываются два совершенно различныхъ источника происхожденія въ языческомъ мірѣ идей, сходныхъ съ ученіемъ Откровенія: съ одной стороны человѣческій разумъ, руководимый Логосомъ, съ другой—писанное Откровеніе, данное еврейскому народу, изъ которыхъ многія идеи путемъ литературнаго хищенія были восприняты въ языческую философію. Здѣсь апологеты какъ будто противорѣчатъ сами себѣ: то слишкомъ много приписываютъ самодѣятельности человѣческаго разума, то уничтожаютъ почти всякое его значеніе въ дѣлѣ открытія истины. Но надобно замѣтить—говоритъ проф. Скворцовъ,—что иное дѣло разумъ въ идеѣ, а иное—разумъ въ дѣйствительности. Разумъ, разсматриваемый идеально, есть дѣйствительно факелъ, озаряющій своимъ свѣтомъ; потому что мысль наша возносится до небесъ, нисходитъ въ глубины земли, проникаетъ въ тайны міра физическаго и нравственнаго, какъ бы познаетъ Творца. Но это—разумъ идеальный, это—разумъ, какъ говорятъ, „человѣчества“, а не каждаго человѣка въ частности. Частный разумъ никогда не можетъ похвалиться полнымъ обладаніемъ истины, а можетъ только пополнять и усовершать свои познанія. Изъ общей сокровищницы свѣта и истины онъ можетъ взять себѣ только часть, которою и располагаетъ по своимъ собственнымъ силамъ. Словомъ, онъ способенъ къ преуспѣянію, но это самое совершенствованіе и служитъ доказательствомъ несовершенства

---

[1]) Stromat. I 17; II 1 и др.
[2]) Orat. contva Graecos, c. 40.
[3]) Письмо къ Автолику II, 37.
[4]) Contva Celsum, VI, 19.

разума. Одно только Слово Божіе заключаетъ истину совершенную и всегда будетъ вѣрно и неизмѣнно". [1]).

Всѣ указанныя нами воззрѣнія на языческую философію способствовали тому, что на нее стали смотрѣть не какъ на область лжи и грѣха, но какъ на явленіе, имѣющее нѣкоторое значеніе истины, но всегда низшее самаго христіанства. Нѣкоторые апологеты высказывали даже такую, по своему времени слишкомъ смѣлую мысль, что языческая философія служила такимъ же средствомъ приготовленія язычниковъ къ принятію христіанства, какимъ было ветхозавѣтное Откровеніе для богоизбраннаго народа еврейскаго. Эта мысль впервые высказана была Іустиномъ Философомъ [2]), но со всею ясностью и опредѣленностію формулировалъ ее Климентъ Александрійскій. „Все необходимое и полезное для жизни, говоритъ онъ, получается нами отъ Бога, а тѣмъ болѣе философія дана эллинамъ какъ бы собственный ихъ завѣтъ, какъ ступень къ философіи Христовой [3]). Въ другомъ мѣстѣ онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „іудеямъ данъ былъ законъ, эллинамъ же философія до пришествія Христова, а съ этого времени общее призваніе въ особенный народъ правды, къ ученію вѣры, куда Господь призываетъ чрезъ Одного, Который есть единый Богъ обоихъ—и эллиновъ и варваровъ или, лучше, всего человѣческаго рода" [4]). Но сближая такимъ путемъ ветхозавѣтное Откровеніе и языческую, въ частности греческую, философію и указывая для того и другой одинаковое воспитательное педагогическое отношеніе, апологеты естественно не могли уже относиться къ изученію и усвоенію христіанами классической мудрости съ тѣмъ предубѣжденіемъ, какимъ отличались палестинскіе іудеи и ихъ ученые вожди фарисеи и книжники. Если греческая философія приготовляла язычниковъ ко Христу, къ принятію и познанію Божественной истины во всей ея полнотѣ, возможной для человѣка въ условіяхъ сей временной жизни, то она не лишена значенія и въ данное время, потому что между развитіемъ каждой отдѣльной личности и развитіемъ всего человѣчества нельзя не замѣтить весьма близкой аналогіи. Но разъ это признано, изу-

---

[1]) Скворновъ «Философія Отцовъ и учителей церкви въ первые три вѣка», Кіевъ—1868 г., стр. 9—10.
[2]) Апологія, стр. 46.
[3]) Stromat. VII, 2.
[4]) Stromat. VI, 17.

ченіе христіанами языческой мудрости является дѣломъ не только полезнымъ и важнымъ, но и въ нѣкоторомъ смыслѣ необходимымъ. Такъ именно и смотрѣли на изученіе классической литературы христіанскіе апологеты разсматриваемаго нами времени. Наиболѣе полными выразителями такого взгляда являются въ данное время два великіе учителя александрійской богословской школы—Климентъ и Оригенъ.

По мнѣнію Климента, философія есть *даръ Божій*; она—происхожденія божественнаго,—отрывокъ, часть всеобщаго откровенія или точнѣе - самооткровенія Логоса, который трактуется имъ какъ синтезъ божественной истины. Христіанину, чтобы достигнуть совершенства въ познаніи этой истины, надобно усвоить и соединить въ одно всѣ эти отрывки [1]). Философія не только приготовляетъ къ принятію вѣры, но кромѣ того утверждаетъ и *воздѣлываетъ* вѣру [2]). Полемизируя съ противниками классическаго образованія, Климентъ въ другомъ мѣстѣ слѣдующимъ образомъ отвѣчаетъ на поставленный имъ вопросъ: какая польза въ изученіи діалектики, астрономіи, геометріи и т. п.? „Нѣкоторые, считая себя даровитыми, не хотятъ коснуться философіи, ни изучать діалектики или вообще естественнаго созерцанія и наукъ, а ищутъ одной простой вѣры; но вѣдь это то же самое, что, не прилагая ни малѣйшаго старанія къ виноградной лозѣ, хотѣть тотчасъ получить и грозды. Умственныя силы всякаго лица, самаго даровитаго, требуютъ многаго и долгаго образованія, чтобы наконецъ ему сталъ доступенъ міръ религіознаго вѣдѣнія. Онѣ бываютъ сначала грубы, склонны къ чувственной дѣятельности: предварительныя науки очищаютъ ихъ отъ чувственности, утончаютъ. Науки, предшествующія покою во Христѣ, упражняя умъ, возбуждаютъ понятливость, рождаютъ быстроту ума, которая такъ много помогаетъ видѣть, что должно, даютъ остроту, способную къ отысканію истинной философіи, тайники имѣютъ отъ самой истины. Многосторонняя ученость дѣлаетъ человѣка опытнымъ изслѣдователемъ истины и глубоко сообразительнымъ, который безъ труда отличаетъ поддѣльное золото отъ подлиннаго, ереси и толки отъ самой истины, какъ отличаетъ софистику отъ философіи, искусство наряжаться отъ гимнастики, краснорѣчіе отъ

---

[1]) Stromat. I, 13.
[2]) Ibid. VII, 3; I, 17.

діалектики и поваренное искусство отъ медицины. Изученіе предварительныхъ наукъ даетъ строгое логическое образованіе уму, который не допуститъ обойти себя поверхностными мнѣніями или софизмами. При научномъ образованіи нашемъ насъ не обольстятъ, не обойдутъ упражнявшіеся въ безчестномъ искусствѣ на погибель слушателей. Изученіе наукъ сосредоточиваетъ духъ на самомъ себѣ, пріучаетъ къ самонаблюденію, къ самоизученію и самопознанію, которое покажетъ, что нужно сдѣлать для души, какимъ образомъ и сколько,—что должно выбросить изъ нея и что скрыть въ ней, что нужно извлекать и когда и для кого. Не природа, а ученье дѣлаетъ людей честными и добрыми, точно также, какъ медиками и правителями" [1]).

Что касается въ частности философіи, то „необходимость ея открывается изъ самаго свойства предметовъ христіанскаго вѣдѣнія. Можно ли иначе, какъ философски, разсуждать о сверхчувственныхъ, воспринимаемыхъ однимъ разумомъ, предметахъ христіанской вѣры? А философіею я называю не стоическую, не платонову или эпикурову и аристотелеву философію, а то, что каждая изъ этихъ школъ говоритъ правильно, что научаетъ праведности съ благочестивымъ вѣдѣніемъ. Все это, извлеченное изъ нихъ, я называю философіею [2]). Можно ли считать безполезною такую науку, которая стремится и устремляетъ къ Богу, которая улучшаетъ душу, точно также, какъ медицина улучшаетъ тѣло" [3]). Впрочемъ истинный христіанинъ, т. е. нравственно и научно-совершенный христіанинъ или „гностикъ пользуется науками, какъ предварительными упражненіями, чтобы какъ можно лучше усвоять себѣ истину и отражать заблужденіе... Такъ будетъ онъ смотрѣть на энциклическія науки и греческую философію; но онъ не будетъ изучать ихъ ради ихъ самихъ. Изъ каждой науки онъ беретъ истинное, на сколько оно лишь доставляетъ ему упражненіе для гносиса". [4]) „Такъ какъ философія есть изслѣдованіе истины не въ томъ смыслѣ, что она есть единственная причина постиженія, но въ томъ, что она есть только содѣйствующая причина вмѣстѣ съ другими" [5]). Только при содѣйствіи этихъ

---

[1]) Вл. Плотниковъ — Ист. христ. просв. въ его отн. къ др. греко-рим. обр., пер—дъ первый, стр. 130—131.

[2]) Strom. I. 7; VII, 17.

[3]) Strom, VII, въ началѣ.

[4]) Strom. VI, 10; ср. Вл. Плотниковъ, тамъ же, пер. I, стр. 133.

[5]) Ibid., I, 15.

посторонних дѣятелей въ развитіи гносиса философія ведетъ людей къ Тому, Кто Самъ о Себѣ сказалъ *„Азъ есмь истина“* [1]). Чтобы надлежащимъ образомъ постигнуть эту Истину, познать Христа, нужно смотрѣть не тѣлесными очами на тѣлесную Его внѣшность, какъ смотритъ толпа, а умственными очами созерцать духовную природу Слова [2]). Равнымъ образомъ и въ св. Писаніи, которое есть письменное Слово, не должно останавливаться на оболочкѣ буквы, а отыскивать скрывающійся подъ нею духовный или разумный (что тоже философскій) смыслъ [3]). Такъ что и св. Писаніе даже нельзя надлежащимъ образомъ понять безъ помощи должнаго образованія и въ особенности—философіи, чтобы проникать во внутренній смыслъ его, таинственный, необходимо обладать умомъ діалектически развитымъ, философски образованнымъ [4]).

Ученикъ Климента Александрійскаго Оригенъ, хотя сдержаннѣе и осторожнѣе выражается относительно пользы и значенія въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія классическихъ наукъ, тѣмъ не менѣе онъ вполнѣ унаслѣдовалъ взглядъ своего учителя на этотъ предметъ. По свидѣтельству церковнаго историка Евсевія, Оригену казалось необходимымъ разбирать утвержденія еретиковъ и изслѣдовать то, что говорили философы. „Впрочемъ, дѣйствуя такимъ образомъ (Евсевій приводитъ собственныя слова Оригена) я слѣдовалъ примѣру мудраго Пантена, который прежде меня принесъ пользу многочисленнымъ ученикамъ своими глубокими свѣдѣніями въ этихъ различныхъ отрасляхъ знанія. Я подражалъ также Гераклу“... [5]) и—прибавимъ отъ себя—Клименту. Подобно послѣднему, Оригенъ признавалъ, что знанія литературныя, научныя и въ особенности философскія служатъ вспомогательнымъ средствомъ какъ при усвоеніи истины вообще, такъ и при изученіи и усвоеніи св. Писанія въ частности [6]). По его мнѣнію, философія помогаетъ развивать простую вѣру до степени высшаго знанія и такимъ образомъ постепенно приготовляетъ человѣка къ совершенному вѣдѣнію, къ чистому созерцанію истины, ожидающему насъ въ загробной жизни [7]). „Оригенъ—говоритъ ученикъ его св. Григорій Чудотворецъ—очень превозносилъ философію.

---

1) Тр. Кіев. Дух. Академіи, 1860 г., кн. 3, стр. 76 и др.
2) Stromat. VI, 17.
3) Stromat. I, 5.
4) Stromat. I, 9.
5) Церк. Ист. Е. кн. VI, гл. XVIII.
6) Вл. Плотниковъ, стр. 137.
7) Ibidem.

Онъ думалъ, что мудрость и разумъ обязываютъ человѣка ревностно изучать ее. Она ведетъ къ самопознанію и научаетъ различенію добра и зла. Она внушаетъ благоговѣніе къ Творцу вселенной и развиваетъ въ человѣкѣ способности, которыя составляютъ его главное отличіе и достоинство“ [1]). Но изученіе философіи было только приготовленіемъ или, какъ выражается св. Григорій, „преддверіемъ“ къ высшимъ занятіямъ: объясненію св. Писанія и раскрытію догматовъ христіанской вѣры [2]).

Подобно Клименту и Оригену смотрѣли на изученіе древнихъ классиковъ Іустинъ философъ [3]), Аристидъ [4]) и Аѳинагоръ, о которыхъ извѣстно, что они, усердно занимаясь изученіемъ философовъ до своего обращенія въ христіанство, не оставили философской мантіи и по обращеніи и даже имѣли спеціально философскія школы для преподаванія философіи христіанскому юношеству и вообще всѣмъ желающимъ.

Впрочемъ, мы допустили бы непростительную ошибку, если бы стали утверждать, что взгляды на изученіе классической литературы, подобные вышеизложеннымъ, были безусловно господствующими въ средѣ христіанскаго общества. Уже „Постановленія Апостольскія“, какъ мы видѣли, даютъ основанія заключать, что еще ранѣе третьяго вѣка по Р. Х. своими взглядами на классическое образованіе христіане дѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна ему вполнѣ сочувствовала, а другая всячески порицала и осуждала его. Но въ существованіи этихъ двухъ враждебныхъ партій не оставляютъ никакого сомнѣнія свидѣтельства Климента Александрійскаго [5]) и Оригена [6]). Правда, ни тотъ, ни другой изъ этихъ свидѣтелей не называетъ по именамъ ни главныхъ, ни тѣмъ болѣе второстепенныхъ представителей партіи, столь неблагосклонно относившейся къ изученію древнихъ языческихъ писателей. Не смотря на это первые слѣды этой партіи (по крайней мѣрѣ во второмъ вѣкѣ), не трудно обнаружить: нѣкоторые изъ произведеній апологетовъ этого времени представляютъ такія черты, которыя очень близко напоминаютъ намъ ту характеристику противниковъ классическаго образованія, какую мы на-

---

1) Oratio in Origen. c. VI.
2) Ibidem.
3) Евсев., Церк. Ист., кн. IV, стр. 11.
4) Heronimi epistola ad Magnum—84.
5) Stromat. lib I, c. 1.
6) Евсевій, Церк. Ист., VI, XIX.

ходимъ у великихъ александрійскихъ учителей и другихъ христіанскихъ писателей позднѣйшаго времени. Такъ въ „Рѣчи противъ эллиновъ“ (въ 42 главахъ), сочиненіи апологета—учителя II вѣка, Татіана,—читаемъ: „Поэзія служитъ у васъ (эллиновъ) къ тому, чтобы изображать битвы, любовныя похожденія боговъ и растлѣнность души [1]). Ваши рѣчи походятъ на болтовню Ѳерсита [2]). Ваши книги подобны лабиринтамъ, а читающіе ихъ бочкѣ Данаидъ... Грамматики положили начало пустословію [3]). Что пользы въ силлогистическихъ доказательствахъ, въ измѣреніяхъ земли, въ знаніи расположенія звѣздъ и обращенія солнца? [4]). Медицина и все, что относится къ ней, представляетъ коварство“ [5]). Религію грековъ Татіанъ называетъ сумашествіемъ, ихъ философію—глупостью, литературу—изобрѣтеніемъ діавола [6]). Въ упомянутомъ сочиненіи онъ горячо и рѣзко, иногда переступая даже границы, начертанныя справедливостью, порицаетъ все языческое. Припомнимъ кстати, что Татіанъ былъ ученикъ Іустина мученика, который вовсе не чуждался „греческой мудрости“ (онъ родился язычникомъ) и въ объясненіи сходства между Орѳеемъ и Христомъ даже указывалъ на то, что Орѳей, подобно Іисусу Христу, былъ первымъ учителемъ единобожія среди язычниковъ.

Ѳеофилъ Антіохійскій точно также весьма неснисходительно отзывался о греческой наукѣ и философіи. „Конечно—пишетъ онъ—то, что сказано вашими философами, историками и поэтами повидимому достойно вѣры по изукрашенности ихъ рѣчи; но глупость и пустота ихъ изложенія обнаруживается изъ того, что у нихъ много бредней, а истины не находится ни малѣйшей частицы; ибо то, что повидимому сказано ими справедливаго, смѣшано съ заблужденіями... Языческое краснорѣчіе оказывается напраснымъ трудомъ или скорѣе—пагубою для тѣхъ, которые вѣрятъ ему [7]). „Всѣ философы, любя пустую и суетную славу, ни сами не познали истины, ни другихъ не привели къ истинѣ“ [8]).

Свое нерасположеніе къ языческой литературѣ Ѳеофилъ доводитъ, наконецъ, до того, что онъ не дѣлаетъ никакого различія

---

[1]) «Рѣчь противъ эллиновъ», (въ рус. пер.), стр. 13.
[2]) Ibidem, стр. 44.
[3]) Ibidem, стр. 42.
[4]) Ibidem, стр. 44.
[5]) Ibidem, стр. 33.
[6]) Вл. Плотниковъ, стр. 65, 124—125.
[7]) Книга къ Автолику II, 12.
[8]) Ibidem, lib. III, 3.

между лучшими ея представителями и ставитъ въ одинъ уровень Сократа и Эпикура, Платона и софистовъ, Аристотеля, циниковъ и скептиковъ, одинаково всѣхъ и безъ различія причисляя къ безбожникамъ по жизни и убѣжденіямъ [1]). Нѣчто подобное этимъ неблагопріятнымъ отзывамъ о классической литературѣ мы встрѣчаемъ также у Ермія [2]) и Иринея Ліонскаго [3]). Правда, категорически выраженнаго запрещенія христіанамъ изучать свѣтскую литературу у этихъ апологетовъ мы не находимъ; они даже не задавали себѣ вопроса—можно ли христіанамъ самимъ изучать и другимъ преподавать классическую литературу и науку. Впрочемъ—изъ приведенныхъ нами отзывовъ объ этомъ предметѣ безъ малѣйшаго сомнѣнія легко заключить, что если бы подобный вопросъ и былъ ими предложенъ, то они не удостоили бы его положительнымъ отвѣтомъ. По крайней мѣрѣ одинъ изъ названныхъ нами апологетовъ, именно Ириней Ліонскій, и высказывалъ уже совѣтъ—лучше уклоняться отъ изученія классиковъ чѣмъ подвергаться опасности, которая отсюда проистекаетъ или можетъ проистекать для убѣжденій и нравственности христіанъ [4]).

Партія, враждебно относившаяся къ изученію древней классической науки и литературы, не прекратила своего существованія и послѣ тѣхъ ударовъ, которые нанесли ей столь важные и сильные противники, какъ Климентъ и Оригенъ. Напротивъ, есть (какъ увидимъ ниже) данныя заключать, что партія эта съ теченіемъ времени пріобрѣтала все болѣе и болѣе сторонниковъ. Не смотря на это, заслуга, оказанная христіанскому просвѣщенію защитниками классическаго образованія во II и III в. в., отъ этого нисколько не уменьшается; мнѣніе ихъ относительно изученія древнихъ классиковъ осталось господствующимъ среди образованныхъ представителей христіанскаго общества.

---

[1]) Труд. Кіев. Дух. Ак. 1867 г., кн. III, стр. 195.
[2]) Вл. Плотниковъ, пер. первый, стр. 85.
[3]) Ibid., стр. 126.
[4]) Труд. Кіев. Дух. Ак. 1860 г., кн. 2, стр. 103—104; ср. Вл. Плотниковъ тамъ же, стр. 126.

IV.

Взглядъ греческихъ отцовъ и учителей церкви IV и V в. в. на изученіе древнихъ языческихъ писателей.

Четвертый и пятый вѣка христіанской эры справедливо принято называть „классическими“ вѣками христіанской литературы. Между первымъ и четвертымъ вселенскими соборами (325—451 г. г.) состояніе отеческой писменности было самое блестящее, какъ по обилію литературныхъ произведеній и разнообразію ихъ содержанія, такъ и по внутреннимъ и внѣшнимъ ихъ достоинствамъ. Это явленіе объясняется—съ одной стороны—полнымъ умиротвореніемъ и свободой Церкви, наставшими для нея со времени Константина Великаго и давшими полную возможность внутреннимъ, могучимъ силамъ юнаго христіанскаго общества раскрыться во всей ихъ широтѣ,—съ другой—борьбою съ многочисленными ересями и расколами, посягавшими на чистоту и на неприкосновенность церковнаго ученія,—но главнымъ образомъ—усвоеніемъ христіанами образовательныхъ элементовъ греко-римской интеллектуальной культуры,—тому усвоенію, которому прочное начало было положено еще въ предшествовавшіе вѣка защитниками классическаго образованія. Благодаря своему новому положенію христіанство теперь съ особенною силою и ясностью сознавало, что оно побѣдитъ весь міръ, но что господствовать надъ нимъ оно можетъ не иначе, какъ только заставивъ служить своимъ цѣлямъ всѣ силы духовной природы человѣка. Поэтому все то, что умозрѣніе выработало самаго глубокаго и возвышеннаго въ области метафизики, все, что здравый практическій смыслъ нашелъ вѣрнаго и животворнаго въ морали, оно старается собрать, усвоить, освѣтить своимъ свѣтомъ, употребить исключительно для своихъ цѣлей. Словомъ, классическія науки, литература и философія, хотя уже нѣсколько въ иномъ, очищенномъ отъ наслоеній языческаго политеизма, видѣ—нашли себѣ новыхъ усердныхъ почитателей въ лицѣ христіанъ. Величайшіе отцы и учители Церкви, истинные столпы ея, жившіе именно въ это время, были вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчательными учеными и мыслителями своей эпохи; и всѣ они получили образованіе въ лучшихъ языческихъ школахъ того времени. Ихъ то совокупными усиліями мало по малу выяснилась христіанская истина, освобождаясь отъ всякой чуждой примѣси и ограждая себя

отъ всѣхъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума, посягавшаго на ея святыню, въ лицѣ языческихъ философовъ, или на ея цѣлость въ лицѣ еретиковъ. Первымъ соборамъ ничего не оставалось дѣлать другого, какъ только, вооружившись евангельскимъ и апостольскимъ преданіемъ, освятить своимъ авторитетомъ послѣдніе выводы, какіе добыты были этимъ безмѣрнымъ и величественнымъ движеніемъ христіанской мысли, совершавшимся подъ вліяніемъ философіи. Въ виду столь огромнаго значенія отцовъ и учителей Церкви IV и V в. в., ихъ собственный примѣръ въ изученіи классической литературы и, наконецъ, рѣшительный голосъ въ пользу изученія истинной философіи всѣми вообще христіанами—долженъ имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ о томъ, совмѣстно или нѣтъ классическое образованіе съ христіанскимъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ принадлежатъ къ числу наиболѣе чтимыхъ Церковью святыхъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи мы и постараемся показать, что они дѣйствительно совѣтовали христіанамъ усердно изучать классическую литературу, науку и философію. При чемъ, однако, мы намѣрены ограничиться изложеніемъ взглядовъ на изученіе древнихъ классиковъ только трехъ „св. вселенскихъ великихъ учителей и святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста“, потому, что голосъ другихъ защитниковъ классическаго образованія за указанный періодъ времени—по этому вопросу ничего не можетъ прибавить къ силѣ авторитета поименованныхъ отцовъ и учителей церкви.

Св. Василій Великій родился около 330 г. въ Кесаріи Каппадокійской и здѣсь получилъ первоначальное воспитаніе и образованіе, которое закончилъ въ Константинополѣ у знаменитаго ритора Ливанія и, затѣмъ, въ Аѳинахъ, гдѣ около 4—5 лѣтъ занимался философіей, астрономіей, медициной и особенно краснорѣчіемъ. Возвратившись на родину, Василій нѣкоторое время исправлялъ должность адвоката; наконецъ, принявъ крещеніе, вмѣстѣ съ званіемъ чтеца, онъ отправился путешествовать въ Сирію, Палестину и Египетъ и тѣмъ восполнилъ свое умственное и нравственное образованіе [1]). Насколько обширны и многосторонни были его познанія—можно судить уже по одному его сочиненію, озаглавленному такъ: «Πρὸς τοὺς νέους, ὅπως ἂν ἐξ' Ελληνικῶν ὠφελοῖντο λόγων».

---

[1]) Филаретъ, Арх. Черн., Истор. уч. объ о. о. цер., Т. II, стр. 127 и д.

(Къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями). „Быть можетъ, никакое другое сочиненіе не только самого св. Василія, но и прочихъ отцовъ и учителей церкви первыхъ вѣковъ, не отличается въ такой степени обиліемъ выдержекъ изъ древнихъ языческихъ авторовъ, какъ указанное разсужденіе [1]), между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ отеческихъ произведеніяхъ, какъ мы увидимъ ниже, упоминаются до 200 различныхъ писателей.

Это же разсужденіе знакомитъ насъ вполнѣ и со взглядомъ Василія Великаго на изученіе древне-греческой литературы и философіи (и въ этомъ отношеніи „занимаетъ чрезвычайно важное мѣсто въ ряду тѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, которыя имѣютъ значеніе, когда дѣло коснется вопроса о классическомъ образованіи. Его нельзя совершенно обойти или умолчать о немъ, когда требуются этого рода свидѣтельства и въ особенности когда оказывается необходимымъ ограничить надлежащею мѣрою слишкомъ строгія сужденія о классической древности и ея изученіи). Вопросъ о взаимномъ отношеніи христіанскаго и классикогумманистическаго образованія, о томъ, соединимы ли они между собою, и, если соединимы, то какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ, очевидно, очень сильно занималъ уже св. Василія Великаго и нашелъ у него болѣе полное и болѣе ясное рѣшеніе, чѣмъ у кого либо другого изъ древнихъ отцовъ и учителей церкви“ [2]).

Представимъ нѣсколько извлеченій изъ этого сочиненія. Въ „Бесѣдѣ къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями“, св. Василій говоритъ: „мы, полагаемъ, дѣти, что настоящая жизнь человѣческая вовсе ничего не значитъ; совершенно не считаемъ и не называемъ благомъ того, что доставляетъ намъ совершенство въ этой только жизни. Ни знаменитости предковъ, ни крѣпости, красоты и величія тѣла, ни почести отъ всѣхъ людей, ни самаго царства, ни всего прочаго, что ни наименуютъ изъ человѣческаго, не признаемъ великимъ, даже достойнымъ желанія, и не обращаемъ взора на тѣхъ, кто имѣетъ сіе, но простираемъ надежды далѣе и все дѣлаемъ для приготовленія себѣ другой жизни. Поэтому, что̀ къ оной споспѣшествуетъ намъ, о томъ говоримъ, что должно любить сіе и домогаться сего всѣми силами, а что не переходитъ въ оную, то—презирать, какъ ничего не стоющее; ибо сколько душа во всемъ досточестнѣе тѣла, столько же и раз-

---

[1]) Вл. Плотниковъ, Ibidem, вып. II, стр. 152.
[2]) Вл. Плотниковъ, Ibidem, періодъ 2, стр. 157—158.

ности между тою и другою жизнію. Въ эту жизнь вводятъ насъ священныя Писанія, образующія насъ посредствомъ ученій таинственныхъ; но пока, по возрасту, не можемъ изучать глубины смысла ихъ, мы и въ другихъ писаніяхъ, не вовсе отъ нихъ далекихъ, упражняемъ на время духовное око, какъ въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зерцалахъ, подражая упражняющимся въ дѣлѣ ратномъ, которые, пріобрѣтя опытность въ ловкомъ движеніи рукъ и ногъ, выгодами этой игры пользуются въ самихъ битвахъ. И мы, конечно, должны держаться той мысли, что намъ предлежитъ подвигъ, важнѣйшій всѣхъ подвиговъ, — подвигъ, для котораго все должны сдѣлать, для приготовленія къ которому надобно трудиться по мѣрѣ силъ, бесѣдовать и съ стихотворцами, и съ историками, и съ ораторами и со всякимъ человѣкомъ, отъ кого только можетъ быть какая-либо польза къ попеченію о душѣ. Красильщики назначенное къ окраскѣ приготовляютъ сперва особыми способами и потомъ наводятъ цвѣтъ, —пурпуровый или другой какой: подобнымъ образомъ и мы, чтобы добрая слава наша навсегда оставалась неизгладимою, посвятивъ себя предварительному изученію сихъ внѣшнихъ писателей, потомъ уже начнемъ слушать священные и таинственные уроки и какъ бы привыкнувъ смотрѣть на солнце въ водѣ, обратимъ наконецъ, взоръ къ самому свѣту. Поэтому, если между ученіями существуетъ взаимное сродство, то познаніе ихъ будетъ намъ кстати. Если же нѣтъ сего сродства, то изучать разность ученій, сличая ихъ между собою, не мало служитъ къ подтвержденію лучшаго ученія. Но чему уподобивъ каждое изъ сихъ ученій, можемъ составить себѣ ихъ образъ? Конечно, собственное превосходство дерева—изобиловать зрѣлыми плодами, но оно носитъ на себѣ и нѣкоторое украшеніе—листья, колеблющіеся на вѣтвяхъ: такъ и въ душѣ истина есть преимущественный плодъ, но не лишено пріятности и то, если душа облечена внѣшнею мудростью, какъ листьями, которые служатъ покровомъ плоду и производятъ не неприличный видъ. Почему говорится, что и тотъ славный Моисей, котораго имя за мудрость у всѣхъ людей было весьма велико, сперва упражнялъ умъ египетскими науками, а потомъ приступилъ къ созерцанію Сущаго. А подобно ему, и въ позднѣйшія времена о премудромъ Даніилѣ повѣствуется, что онъ въ Вавилонѣ изучилъ халдейскую мудрость и—тогда уже коснулся божественныхъ уроковъ. Но достаточно говорено о томъ, что сіи внѣшнія науки не безполезны для душъ: теперь слѣдуетъ сказать, въ какой мѣрѣ должно вамъ изу-

чать ихъ. Во-первыхъ у стихотворцевъ (начну съ нихъ), поелику они въ сочиненіяхъ своихъ не одинаковы, не на всемъ, по порядку, надобно останавливаться умомъ, но, когда пересказываютъ вамъ дѣянія или изрѣченія мужей добрыхъ, надобно ихъ любить, соревновать имъ и какъ можно стараться быть такими же. А когда доходитъ у нихъ рѣчь до людей злонравныхъ, должно избѣгать подражанія сему такъ же затыкая уши, какъ Одиссей, по словамъ ихъ, заградилъ слухъ отъ пѣсней сиренъ. Ибо привычка къ словамъ негоднымъ служитъ нѣкоторымъ путемъ и къ дѣламъ. Посему со всякимъ охраненіемъ надобно оберегать душу, чтобы, находя удовольствіе въ словахъ, незамѣтно не принять чего нибудь худаго, какъ иные съ медомъ глотаютъ ядовитыя вещества. Поэтому не будемъ хвалить стихотворцевъ, когда злословятъ, насмѣхаются, представляютъ влюбленныхъ и упивающихся, или когда ограничиваютъ блаженство раздольнымъ столомъ и разгульными пѣснями. Всего же менѣе будемъ внимать имъ, когда говорятъ что нибудь о многихъ богахъ и притомъ разномыслящихъ. То же самое могу сказать и объ историкахъ, особенно когда пишутъ они исторію для развлеченія слушателей. И ораторамъ не будемъ подражать въ искусствѣ лгать. Ибо не въ судахъ, ни другихъ дѣлахъ не прилична ложь намъ, избравшимъ прямой и истинный путь жизни, — намъ, которымъ предписано закономъ даже и не судиться. Напротивъ того, займемъ лучше у нихъ тѣ мѣста, гдѣ они восхваляли добродѣтель и порицали порокъ. Ибо какъ для другихъ наслажденіе цвѣтами ограничивается благовоніемъ и пестротою красокъ, а пчелы собираютъ съ нихъ и медъ, такъ и здѣсь кто гоняется не за одною сладостью и пріятностію сочиненій, тотъ можетъ изъ нихъ запастись въ душѣ нѣкоторою пользою. Поэтому, во всемъ уподобляясь пчеламъ, должны вы изучать сіи сочиненія. Ибо и пчелы не на всѣ цвѣты равно садятся и съ тѣхъ, на какіе нападутъ, не все стараются унести; но взявъ, что пригодно на ихъ дѣло, прочее оставляютъ нетронутымъ. И мы, если цѣломудренны, собравъ изъ сихъ произведеній, что намъ свойственно и сродно съ истиною, остальное будемъ проходить мимо. И какъ срывая цвѣты съ розоваго куста, избѣгаемъ шиповъ, такъ и въ сихъ сочиненіяхъ, воспользовавшись полезнымъ, будемъ остерегаться вреднаго. Ибо стыдно вредное въ пищѣ отвергать, а въ наукахъ, которыя питаютъ нашу душу, не дѣлать никакого разбора, но, подобно весеннему ручью, увлекая за собою все встрѣчающееся, нагружать тѣмъ душу. Поэтому въ самомъ на-

чалѣ нужно разсмотрѣть каждую изъ наукъ и приспособить ее къ цѣли, по дорической пословицѣ: „водя мѣломъ по снурку“. И поелику до нашей жизни надобно достигать съ помощью добродѣтели, а въ похвалу ей многое сказано стихотворцами, многое историками еще гораздо болѣе мужами любомудрыми, то на такія особенно сочиненія должно обращать вниманіе. Ибо не малая польза, если души юношей освоиваются и свыкаются съ добродѣтелью, потому что наставленіе такого рода, по нѣжности душъ, напечатлѣваясь глубоко, остаются въ нихъ неизгладимыми... Напримѣръ, нѣкто въ народномъ собраніи злословилъ Перикла, но онъ не обращалъ на то вниманія, и цѣлый день продолжалось, что одинъ осыпалъ другого ругательствами, а другой ни мало о томъ не заботился. Потомъ вечеромъ уже и когда смерклось, этого человѣка, едва прекратившаго брань, Периклъ проводилъ со свѣтильникомъ, чтобы не даромъ пропало у него упражненіе въ любомудріи. Еще кто-то, разсердившись, грозилъ смертію Евклиду мегарскому и клялся въ этомъ. Но Евклидъ самъ далъ клятву, что умилостивитъ его и заставитъ прекратить свое къ нему нерасположеніе. Какъ хорошо, если приходятъ на память такіе примѣры человѣку, когда онъ одержимъ уже гнѣвомъ! Ибо не должно вѣрить трагедіи, которая безъ разсужденія говоритъ: „раздраженіе вооружаетъ руку на враговъ“ Напротивъ того, всего лучше вовсе не приходить въ раздраженіе. Если же это трудно, то, по крайней мѣрѣ, удерживая раздражительность разсудкомъ, какъ уздою, надобно не дозволять выходить ей за предѣлы. Но возвратимъ слово назадъ къ примѣрамъ доблестныхъ мужей. Нѣкто, нещадно нападая на Софронискова сына, Сократа, билъ его въ самое лицо, а онъ не противился, но дозволилъ этому пьяному человѣку насытить свой гнѣвъ, такъ что лицо у Сократа отъ ударовъ уже опухло и покрылось ранами. Когда же тотъ пересталъ бить, Сократъ, какъ сказываютъ, ничего другого не сдѣлалъ, а только, какъ на статуѣ пишутъ имя художника, написалъ на лбу: „сдѣлалъ такой-то“—и тѣмъ отомстилъ. Поелику это указываетъ на одно почти съ нашими правилами, то утверждаю, что весьма хорошо подражать такимъ мужамъ. Ибо этотъ поступокъ Сократа сходенъ съ тою заповѣдью, по которой ударяющему по ланитѣ долженъ ты подставить другую (Матѳ. V, 39),—въ такой мѣрѣ надобно мстить за себя! А поступокъ Перикла или Евклида сходенъ съ заповѣдью: терпѣть гонителей—и кротко переносить гнѣвъ ихъ—и съ заповѣдью: желать добра врагамъ, а не проклинать

ихъ. Посему предварительно обученный сему не будетъ не вѣрить заповѣдямъ, какъ чему-то невозможному. Не умолчу и о поступкѣ Александровомъ. Александръ, взявъ въ плѣнъ дочерей Дарія, о которыхъ засвидѣтельствовано, что красота ихъ была удивительна, не удостоилъ и видѣть ихъ, считая постыднымъ побѣдителю уступать побѣду надъ собою женщинамъ. Ибо это указываетъ на одно съ заповѣдью, что воззрѣвшій на женщину для услажденія, хотя и не совершитъ прелюбодѣянія самымъ дѣломъ, но за то, что допустилъ въ душу желаніе, не освобождается отъ вины (Матѳ Ѵ, 28 ст.). Вообще не должно служить тѣлу, кромѣ крайней необходимости, а душѣ надобно доставлять все лучшее, любомудріемъ, какъ отъ темницы, освобождая ее отъ общенія съ тѣлесными страстями, а вмѣстѣ и тѣло дѣлая неодолимымъ для страстей. Однимъ словомъ, все тѣлесное должно презирать тому, кто не хочетъ, какъ въ тинѣ, погрязнуть въ тѣлесныхъ удовольствіяхъ... Очищеніемъ же души (чтобы сказать однимъ разомъ и достаточно для васъ) служитъ—презирать чувственныя удовольствія, не насыщать глазъ нелѣпыми представленіями чудодѣевъ или зрѣніемъ тѣлъ, возбуждающихъ къ сластолюбію и чрезъ слухъ не вливать въ душу поврежденнаго сладкопѣнія. Ибо отъ такого рода музыки, обыкновенно, возникаютъ страсти—порожденія рабства и низости. А намъ должно учиться иной музыкѣ, которая лучше и ведетъ къ лучшему, которою пользуясь Давидъ, творецъ священныхъ пѣснопѣній, какъ говоритъ Писаніе, избавлялъ царя отъ неистовства. Сказываютъ же, что Пиѳагоръ, встрѣтивъ упившихся на пиру,—свирѣльщику, который управлялъ пиромъ, велѣлъ, перемѣнивъ напѣвъ, заиграть на дорическій ладъ, и — пирующіе такъ образумлены были этою игрою, что сбросивъ съ себя вѣнки разошлись со стыдомъ. А иные при звукахъ свирѣли, предаются неистовствамъ, какъ корибанты и вакханты. Столько разности— наполнять ли слухъ сладкопѣніемъ здравымъ или негоднымъ!.. Хотя всему этому совершеннѣе обучимся изъ нашихъ Писаній, однако же и изъ внѣшнихъ уроковъ очертаемъ на сей разъ какъ бы нѣкоторый оттѣнокъ добродѣтели. Въ тщательно собирающихъ пользу съ каждой вещи, какъ и большихъ рѣкахъ, отовсюду, обыкновенно, прибываетъ многое. Ибо изреченіе стихотворца: „прибавляй малое къ малому“ надобно считать правильнымъ не только о приращеніи серебра, но и обо всякомъ знаніи. Поэтому Віасъ, когда сынъ, отправляясь къ египтянамъ, спрашивалъ, что дѣлая особенно угодитъ онъ отцу, отвѣчалъ: „пріобрѣти напут-

ствіе къ старости“, а напутствіемъ назвалъ добродѣтель, заключивъ ее въ тѣсные предѣлы; потому что ограничилъ пользу ея продолженіемъ человѣческой жизни. А я, хотя бы кто наименовалъ мнѣ старость Тифона или Арганѳонія, или старость долговѣчнаго у насъ Маѳусаила, о которомъ сказано, что жилъ тысячу лѣтъ безъ тридцати, хотя бы отчислилъ все время съ начала, какъ стали существовать люди, посмѣюсь этому, какъ дѣтской мысли, простирая взоръ въ тотъ долгій и не старѣющійся вѣкъ, въ которомъ также нельзя примышленіемъ своимъ постигнуть предѣла, какъ назначить и предположить кончину безсмертной душѣ. Для сего-то вѣка совѣтовалъ бы я вамъ пріобрѣсти напутствіе, не оставивъ, по пословицѣ, не двинутымъ ни одного камня, если только будетъ вамъ отъ того какая польза. Если это тяжело и требуетъ труда, то не облѣнимся по сей причинѣ, но вспомня совѣтъ сказавшаго, что всякому должно избирать жизнь совершеннѣйшую и ожидать, что привычка сдѣлаетъ ее пріятною, испытаемъ то, что всего лучше. Ибо стыдно, потерявъ настоящее время, впослѣдствіи стараться возвратить прошедшее, чего не сдѣлаешь уже никакою скорбію“ [1]).

Григорій Богословъ получилъ одинаковое съ Василіемъ Великимъ школьное образованіе, одинаковы же и взгляды ихъ на изученіе древнихъ классиковъ. Вотъ что между прочимъ говоритъ св. Григорій въ надгробномъ похвальномъ словѣ своему другу св. Василію: „каждый разумный человѣкъ согласится, я полагаю, что ученость есть первое изъ благъ, какими мы можемъ владѣть. Я говорю не только о той высшей учености, которая принадлежитъ лишь намъ, (т. е. христіанамъ), учености, которая, пренебрегая украшеніями стиля и изяществомъ языка, имѣетъ въ виду только спасеніе души и красоту міра сверхчувственнаго; я говорю также о той внѣшней учености, которую *большинство* (οἱ Πολλοί) христіанъ отвергаетъ, потому что въ невѣжествѣ своемъ считаетъ ее исполненною сѣтей и опасностей и думаетъ, что она удаляетъ отъ Бога. Заблужденіе тѣхъ, которые воздаютъ твореніямъ Божіимъ почитаніе, приличное одному только Богу, не должно внушать намъ отвращеніе къ небу, землѣ, воздуху и ко всему, что они въ себѣ содержатъ. Напротивъ, мы заимствуемъ въ природѣ все, что можетъ служить къ поддержанію и украшенію нашей жизни; избѣгаемъ же лишь того, что можетъ быть намъ вреднымъ. Далекіе отъ

[1]) Творенія св. Василія В., Москва, 1858 г., т. IV.

того, чтобы подражать тѣмъ безумцамъ, которые обращаютъ тварь противъ Творца, въ созданіи познаемъ мы Создателя, по выраженію апостола „плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово“ [1]). Мы знаемъ, что огонь, пища, металлы сами по себѣ ни добро, ни зло, что все зависитъ отъ употребленія, какое изъ нихъ дѣлаютъ, и даже изъ пресмыкающихся мы извлекаемъ спасительныя лѣкарства. Подобнымъ же образомъ и въ свѣтской литературѣ и наукахъ мы заимствуемъ изслѣдованія и умозрѣнія о природѣ вещей, но отвергаемъ все то̀, что ведетъ къ демонамъ, къ заблужденію и въ глубину погибели. Мы извлекаемъ изъ нихъ полезное даже для самаго благочестія, такъ какъ, узнавая ихъ недостатки, мы доходимъ до знанія совершеннѣйшаго и слабостью ихъ пользуемся для утвержденія нашего ученія [2]). Поэтому, не должно унижать ученость, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, а напротивъ, нужно признать неразумными и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжествѣ... Люди, заботящіеся только объ улучшеніи своей нравственности, но нерадящіе о просвѣщеніи своего ума познаніями или же ищущіе только знанія, но не старающіеся о нравственномъ самоусовершенствованіи, кажутся мнѣ похожими на косоглазыхъ, которые видятъ все вкривь и никому не могутъ нравиться, смотрятъ ли сами они на что нибудь, или другіе смотрятъ на нихъ“ [3]) [4]).

Въ другомъ изъ своихъ сочиненій св. Григорій пишетъ о себѣ слѣдующее: „одна слава была для меня привлекательна — отличаться познаніями, какія собрали Востокъ и Западъ и краса Иллады—Аѳины; надъ этимъ я трудился усердно и долгое время. Но всѣ свои познанія, повергнувъ долу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ, чтобы подчинить ихъ Слову великаго Бога, которое затмѣваетъ собою всякое извитіе и многообразное слово ума человѣческаго [5]). Слово приношу я Всевышнему Богу, какъ благодарность свою, какъ лучшую жертву, даръ чище золота, превосход-

---

[1]) Коринѳ X, 5: «αἰχμαλωτίζοντες πᾶν νόημα εἰς τὴν ὑπακοὴν τοῦ Χριστοῦ».

[2]) Cf. S. Basil. Magn. De legendis libr. gentilium, cap. II., т. е. придаемъ значеніе отрицательное.

[3]) S. Greg. Nazianzenus. Oratio funebris in laudem Basilii Magni. Ed. Morel, t—I, p. 323—324.

[4]) Вл. Плотниковъ, Ibid., пер. II, стр. 159—161.

[5]) Твор. св. Григорія Богослова въ русск. пер., т. 5, 1847, стр. 256—257.

нѣе драгоцѣнныхъ камней, великолѣпнѣе блестящихъ тканей... Этотъ даръ приношу я Богу моему, этотъ даръ посвящаю Ему. Это все, что осталось у меня, чѣмъ однимъ богатъ я. Отъ всего прочаго отказался я по заповѣди Духа; все, что имѣлъ, промѣнялъ на одну драгоцѣнную жемчужину [1]). Я сдѣлался или лучше сказать желаю сдѣлаться тѣмъ купцомъ, который за малое и подлежащее совершенной гибели купилъ великое и нетлѣнное богатство. Какъ служитель слова, словомъ только владѣю я и никогда добровольно не хотѣлъ бы пренебрегать этимъ сокровищемъ. Напротивъ, я чту его, дорожу имъ, утѣшаюсь имъ болѣе, чѣмъ другіе утѣшаются всѣми остальными, вмѣстѣ взятыми. Оно спутникъ всей моей жизни, добрый совѣтникъ и собесѣдникъ, вождь на пути къ небу и усердный сподвижникъ. Такъ какъ я презираю всякую земную радость, то на него обращена вся моя любовь послѣ Бога, лучше же сказать—и на него также, потому что вмѣстѣ съ разумомъ оно ведетъ къ Богу» [2]) [3]).

Есть еще у св. Григорія два стихотворенія, въ которыхъ онъ также касается вопроса о классическомъ греческомъ образованіи. Одно изъ нихъ озаглавливается: „Παρὰ Νικοβούλον Πρὸς τὸν πατέρα“. Отъ имени внука своего Никовула св. Григорій пишетъ къ отцу его прошеніе въ стихахъ и въ этомъ прошеніи высказываетъ, съ какими науками нужно было бы познакомиться юношѣ. Именно по этому курсу, Никовулу предназначалось изучить, кромѣ ораторскаго искусства, исторію, діалектику, нравственное ученіе, ученіе о природѣ во всей обширности тогдашняго преподаванія (физику и метафизику). Но это должно быть лишь приготовленіемъ къ послѣднему и важнѣйшему предмету знанія — изслѣдованію Слова Божія и довершенію по нему своего духовнаго воспитанія. „Изучивъ сіе въ юности, говоритъ въ заключеніе Никовулъ, предамъ мысль свою Божественнѣйшему Духу, буду изыскивать слѣды сокровенныхъ красотъ, непрестанно восходить къ свѣту и божественныя внушенія приму мѣриломъ жизни, чтобы, и помощникомъ, и спутникомъ, и вождемъ имѣя Христа, съ легкими надеждами вознестись мнѣ отселѣ, сподобиться жизни чистой и не прекращающейся... и чистыми очами созерцать самую истину“. [4]) Другое стихотвореніе озаглавливается «Νικοβούλον πρὸς τὸν υἱόν».

---

[1]) Ср. Матѳ. XIII, ст. 45—46.
[2]) S. Greg. Nazianzenus. Orat. pvima de pace, ed. Mevel, t. I, p. 193.
[3]) Вл. Плотниковъ, ibid., пер. II, стр. 165—166.
[4]) Св. Григорій Бог.—Творен. ч. V, стр. 237 и д.

Здѣсь мы читаемъ слѣдующее: „сынъ мой, ты не можешь желать ничего болѣе прекраснаго, чѣмъ образованіе. Я самъ питаю любовь къ наукѣ. Христосъ далъ ее смертнымъ, чтобы она была свѣтомъ для ихъ жизни, какъ одинъ изъ высшихъ и драгоцѣннѣйшихъ своихъ даровъ. Между всѣми именами Христа Ему наиболѣе пріятно названіе „Логосъ"... По моему мнѣнію, наука есть первое изъ благъ этого міра; она содержитъ въ себѣ богатства, которыя не могутъ быть похищены. Я не прошелъ всего курса наукъ, какъ желалъ бы... Однако-же славу знанія предпочитаю всему... Съ нимъ и живущій одиноко человѣкъ довольствуется самимъ собою. Ищущіе блестящаго положенія находятъ въ научныхъ познаніяхъ прекрасный вѣнецъ, который не можетъ поблекнуть, какъ тѣ весенніе цвѣты, которые утромъ бываютъ сорваны, а вечеромъ еще до солнечнаго заката уже засыхаютъ. Въ страданіяхъ же человѣка образованіе представляетъ для него лучшее врачевство... Я не въ состояніи достойно восхвалить науку, какъ бы ни старался, чтобы слово мое было сообразно съ ея славою и величіемъ. Иди же, сынъ мой, иди, исполненный мужества, силы и прекраснѣйшихъ надеждъ туда, куда влекутъ тебя твои желанія... Приложи уста твои къ чашѣ знанія и утоли жажду свою... Я же, согласно съ твоими желаніями, принесу всѣ денежныя жертвы, какія будутъ необходимы; я готовъ на всѣ лишенія, какихъ потребуютъ отъ меня мои отцовскія обязанности. Я употреблю всѣ средства, какими пользуются люди для достиженія величайшихъ благъ. Образованный бѣднякъ лучше невѣжественнаго богача. Я не закрою для тебя источника знанія, откуда должна проистечь великая рѣка; не допущу угаснуть сіянію твоего свѣта, за недостаткомъ елея; неизсякаемые ручьи животворной влаги пусть благопріятствуютъ, юная отрасль, твоему возрастанію" [1]) [2]).

Подобно двумъ упомянутымъ нами святителямъ, св. Іоаннъ Златоустъ, какъ и самъ получилъ прекрасное и обширное „внѣшнее" образованіе [3]), такъ и другимъ настойчиво рекомендовалъ его. Правда, мы не находимъ у него спеціальнаго сочиненія объ образованіи христіанскаго юношества, подобнаго тому, какое оставилъ намъ св. Василій Великій. Но св. Іоаннъ касался этого вопроса во многихъ мѣстахъ своихъ твореній, по которымъ можно предста-

---

[1]) Carmen Nicobuli patris ad filium u. v. 1—6, 158 sqq., 178 sqq., 217 sqq., 257—263, p. 115, D. 118, c. 119, A, C, D, 120, B.

[2]) Влад. Плотниковъ, Ibid., пер. 2, 170—171.

[3]) Филаретъ Черн., тамъ же, т. 2-й, стр. 255 и др.

вить себѣ съ достаточной ясностью, каковы вообще были его воззрѣнія относительно этого важнаго предмета. Наиболѣе полными эти воззрѣнія отразились въ его словахъ о священствѣ,—почему мы и ограничимся извлеченіями изъ одного только произведенія. Здѣсь св. Златоустъ говоритъ: „священникъ обязанъ употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы пріобрѣсти силу слова... Главнѣйшая цѣль ученія (церковнаго) та, чтобы и дѣлами и словами привести поучаемыхъ къ той блаженной жизни, которую предписалъ Христосъ. Для наученія же не довольно одкихъ дѣлъ. И это не мои слова, а Самого Спасителя. „Иже, говоритъ Онъ, сотворитъ и научитъ сей велій наречется“ (Матѳ. V, 19). Такъ иное дѣла иное—слова и каждая изъ этихъ двухъ частей имѣетъ нужду въ другой, чтобы зданіе было совершенно. Развѣ не слышимъ, что говоритъ священникамъ ефесскимъ избранный Сосудъ Христовъ: „сего ради бдите, поминающе, яко три лѣта нощь и день не престаяхъ уча со слезами единаго когождо васъ“ (Дѣян. XX, 31)? Какая была бы нужда въ слезахъ или словесномъ ученіи, когда такъ ярко сіяла въ немъ жизнь апостольская? Жизнь (его) можетъ принести много пользы, побуждая насъ къ исполненію заповѣдей, но не скажу, чтобы и въ этомъ отношеніи она одна могла совершить все. Но когда возникнетъ споръ о догматахъ и всѣ будутъ сражаться однимъ и тѣмъ же оружіемъ Писанія: въ такомъ случаѣ жизнь какую можетъ оказать силу? Будетъ ли польза отъ изнурительныхъ подвиговъ, когда кто нибудь, по великой неопытности своей, впадетъ въ ересь, и отдѣлится отъ тѣла церкви? Я знаю многихъ, съ которыми точно это случилось. Какая здѣсь польза отъ терпѣнія? Никакой,—такъ же какъ нѣтъ пользы и въ здравой вѣрѣ при развращенной жизни. Поэтому тотъ, кто принялъ на себя обязанность учить другихъ, долженъ быть болѣе всѣхъ опытенъ въ такихъ спорахъ. Положимъ, что самъ онъ останется въ безопасности и не потерпитъ никакого вреда отъ противниковъ; но это множество простого народа, находящагося подъ его властію, когда увидитъ, что вождь ихъ побѣжденъ и не можетъ ничего болѣе говорить противорѣчащимъ, будетъ винить въ этомъ пораженіи не его слабость, а нетвердость самаго ученія. И такимъ образомъ изъ-за неопытности одного человѣка ввергается въ крайнюю гибель великое число людей. Хотя они и не передаются вовсе на сторону противниковъ: по крайней мѣрѣ принуждены бываютъ усомниться въ томъ, въ чемъ совершенно были увѣрены; и къ чему прежде приступали съ непоколебимою вѣрою, къ тому уже не могутъ быть привержены съ тою же твердостью. Кратко ска-

зать: пораженіе наставника подпимаетъ такую бурю въ душахъ ихъ, что бѣдствіе оканчивается кораблекрушеніемъ. Какая гибель и какой огонь собирается на несчастную голову его за каждаго изъ этихъ погибающихъ,—не нужно говорить объ этомъ. Поэтому пусть кто нибудь будетъ скуденъ въ словѣ, и составъ рѣчи его пусть будетъ простъ и неукрашенъ: но онъ не долженъ быть невѣждою въ познаніи, и въ правильномъ разумѣніи догматовъ вѣры. При этомъ кто владѣетъ силою слова, (а ее въ рѣдкихъ можно найти), даже и тотъ не свободенъ отъ непрестанной заботливости. Такъ какъ сила слова не дается природою, но пріобрѣтается образованіемъ, то, хотя бы кто довелъ ее до совершенства, и тогда онъ можетъ потерять ее, если постояннымъ и прилежнымъ занятіемъ не будетъ развивать этой силы. Слѣдовательно, образованные должны болѣе трудиться, нежели необразованные. Притомъ нерадѣніе тѣхъ и другихъ сопровождается не одинаковымъ ущербомъ, но у первыхъ онъ столько важнѣе, сколько велико различіе между образованностью и необразованностью. Никто не укоритъ этихъ послѣднихъ, если не произносятъ ничего отличнаго. А тѣ, если не всегда будутъ бесѣдовать такъ, чтобы ихъ бесѣдованіе превосходило самое мнѣніе, которое всѣ имѣютъ о нихъ: то подвергаются отъ всѣхъ сильнѣйшимъ упрекамъ. Сверхъ того, неискусные въ словѣ и за малые опыты заслуживаютъ великія похвалы, а искуснѣйшіе, если краснорѣчіе ихъ не всегда будетъ удивлять и поражать, не только не удостоиваются похвалъ, но и собираютъ противъ себя весьма многихъ порицателей. Слушатели цѣнятъ проповѣди не столько по ихъ достоинству, сколько по мнѣнію своему о славѣ проповѣдующихъ. И потому, кто превзошелъ всѣхъ другихъ краснорѣчіемъ, тому болѣе нужно трудиться и упражняться. Ему нельзя извиняться общимъ недостаткомъ природы человѣческой—тѣмъ, что невозможно во всемъ получать успѣхъ; и если бесѣды его не вполнѣ будутъ соотвѣтствовать высокому понятію о немъ, то онъ сходитъ съ каѳедры среди многихъ порицаній отъ народа.

Никто не разсуждаетъ о томъ, что приключившееся ему уныніе, безпокойство, забота, а часто и гнѣвъ, могутъ помрачить его душу и отнять ясность у ея произведеній и вообще нельзя же ему, какъ человѣку, всегда быть одинаковымъ и во всемъ успѣшнымъ, но естественно иногда и погрѣшить и показаться слабѣйшимъ самого себя. Объ этомъ вовсе не хотятъ подумать, какъ я сказалъ, но винятъ его, судя о немъ не иначе, какъ объ ангелѣ. Люди, обыкновенно, таковы, что на подвиги ближняго и

многочисленные и важные даже не обращаютъ вниманія, а если откроется гдѣ-нибудь погрѣшность, хотя-бы она была незначительная, хотя бы давно уже случившаяся, ее скоро узнаютъ, тотчасъ привязываются къ ней, она никогда не выходитъ изъ памяти ихъ. И эти то малыя и незначительныя погрѣшности часто уменьшали славу многихъ великихъ мужей. Въ то же время принявшій на себя подвигъ учительства не долженъ смотрѣть на похвалы другихъ и ослабѣвать духомъ, когда онъ не слышитъ ихъ. Если трудящійся въ словѣ въ угодность Богу (вотъ что должно служить ему единственнымъ привиломъ и единственною цѣлью ревностнаго труда, а не рукоплесканія и похвалы!) одобряется людьми, пусть и не отвергаетъ одобреній; если же не получитъ ихъ отъ слушателей, пусть не ищетъ, не печалится. Наилучшее утѣшеніе въ трудахъ и самое достаточное,—когда кто въ совѣсти своей можетъ сказать о себѣ, что онъ въ ученіи своемъ сообразуется единственно правиломъ: „чтобы угодить Богу"! А кто будетъ водиться пристрастіемъ къ безразсуднымъ похваламъ—тотъ не получитъ никакой пользы ни отъ великихъ трудовъ своихъ, ни отъ силы своего слова, тѣмъ болѣе, что душа, не умѣющая переносить безсмысленныхъ обвиненій народа, слабѣетъ и теряетъ охоту трудиться въ словѣ. Поэтому прежде всего должно научиться презирать похвалы. Кто не знаетъ этой науки, тому мало-быть свѣдущимъ въ словѣ для храненія въ себѣ способности учить.

Итакъ, если уже сильные въ словѣ, учащіе съ великою властію, имѣютъ нужду въ постоянномъ упражненіи для сохраненія этой способности, то нисколько не запасшійся словомъ и принужденный готовиться на самомъ поприщѣ своемъ—какія долженъ перенести трудности, какія безпокойства, какое смятеніе, чтобы съ великимъ трудомъ пріобрѣсть какой-нибудь малый успѣхъ, достигнуть того, чтобы отвлечь народъ отъ безразсуднаго и безполезнаго удовольствія и заставить его пріобрѣтать пользу отъ слышанія, такъ,—чтобы народъ ему слѣдовалъ и съ него бралъ образецъ, а не онъ управлялся прихотями народа" [1]).

Скажемъ въ заключеніе, что если ревнители Слова Божія, обращаясь къ слушателямъ христіанамъ, въ своихъ проповѣдяхъ часто заимствуютъ образы и сравненія изъ жизни язычниковъ и произведеній языческихъ писателей,—то, въ такомъ случаѣ, нужно предполагать, что слушатели ихъ уже достаточно были ознаком-

---

[1]) Слово «о священствѣ», IV, рус. пер., стр. 84 и д.

лены съ содержаніемъ сочиненій языческихъ авторовъ. Иначе, христіанскіе учители и проповѣдники не приводили бы примѣры, вродѣ слѣдующаго: Мартинъ Турскій (въ V в.) въ словѣ на великую пятницу [(о значеніи креста) и по поводу того, что на одномъ христіанскомъ саркофагѣ сохранился барельефъ, сюжетъ котораго былъ заимствованъ изъ разсказа объ Уллиссѣ] рѣзко провелъ и обозначилъ параллель между Христомъ и Одиссеемъ. „По свидѣтельству языческихъ басенъ, говоритъ онъ, Уллиссъ, впродолженіе десяти лѣтъ бывшій игрушкою морскихъ бурь, препятствовавшихъ ему возвратиться въ отечество, загнанъ былъ въ одно мѣсто, гдѣ сирены увлекали мореплавателей своими соблазнительными пѣснями. Уллиссъ, желая предохранить себя отъ этого гибельнаго соблазна, велѣлъ залѣпить себѣ и своимъ спутникамъ уши, а себя привязать къ корабельной мачтѣ—(имѣющей форму креста). Если, продолжаетъ проповѣдникъ, эта вымышленная повѣсть увѣряетъ, что Уллиссъ избѣгъ погибели, привязавъ себя къ дереву своего корабля, то не должны ли мы съ большимъ правомъ провозгласить ту истину, что въ настоящій день весь родъ человѣческій спасся отъ ужасовъ вѣчной смерти древомъ крестнымъ? Такъ и въ духовномъ кораблѣ—Церкви—всякій, кто будетъ привязанъ къ древу креста и заградитъ свои уста словами Писанія, будетъ безопасенъ отъ соблазнительныхъ прелестей міра. И вотъ, чтобы освободить родъ человѣческій отъ крушенія въ волнахъ міра, Христосъ благоволилъ вознести себя на крестъ".

Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много, но мы ограничимся перечисленіемъ по имени тѣхъ, кто вообще къ изученію древнихъ языческихъ писателей относился точно также съ большимъ уваженіемъ; къ числу таковыхъ относятся: Евсевій [1]), Григорій Нисскій [2]), Амфилохій Иконійскій [3]), Ѳеодоритъ Киррскій [4]). Кириллъ Александрійскій [5]), церковный историкъ Сократъ [6]) и многіе другіе.

Голоса всѣхъ этихъ отцовъ и учителей церкви, конечно было достаточно для того, чтобы изученіе древнихъ классиковъ на многіе послѣдующіе вѣка легло въ основу общаго у всѣхъ христіанскихъ народовъ образованія.

---

[1]) Вл. Плотниковъ, ibid., пер. II, стр. 319.
[2]) Epistol. ad Libanium, X.
[3]) Вл. Плотниковъ, ibid., стр. 74 и дал.
[4]) Epistola XXI, Euselio Scholastico.
[5]) Вл. Плотниковъ, ibid., пер. II, стр. 208.
[6]) Церк. Ист., кн. III, гл. 16, стр. 288—292.

„РУССКАЯ БЕСѢДА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и заграницей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки; монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій; извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Обозрѣніе газетъ и журналовъ 9) Библіографія и критика. 10) Извѣстія и разныя новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и объявленія.

Приложеніе: БЛАГОВѢСТЪ. Статьи богословскаго и церковно-историческаго содержанія.

Условія подписки на 1895 годъ:

Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи и заграницу:

На годъ **6** руб. | На полгода **3** руб.

Допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ до полной уплаты подписной цѣны.

Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежемъ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ—**одинъ рубль.**

Подписка принимается:

Въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, въ СПБ. Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго театра д. 9, а также въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ и Москвѣ, и во всѣхъ другихъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Плата за объявленія: за цѣлую страницу 20 рублей, за полстраницы—10 р., за 1/4 5 р.

Адресъ Редакціи „РУССКОЙ БЕСѢДЫ“; С.-Петербургъ, Большая Морская, домъ № 56, кв. 3.

Издатели: А. В. Васильева. Е. А. Евдокимовъ. В. С. Драгомірецкій.

Редакторъ: *В. Драгомірецкій.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 мая 1895 года.